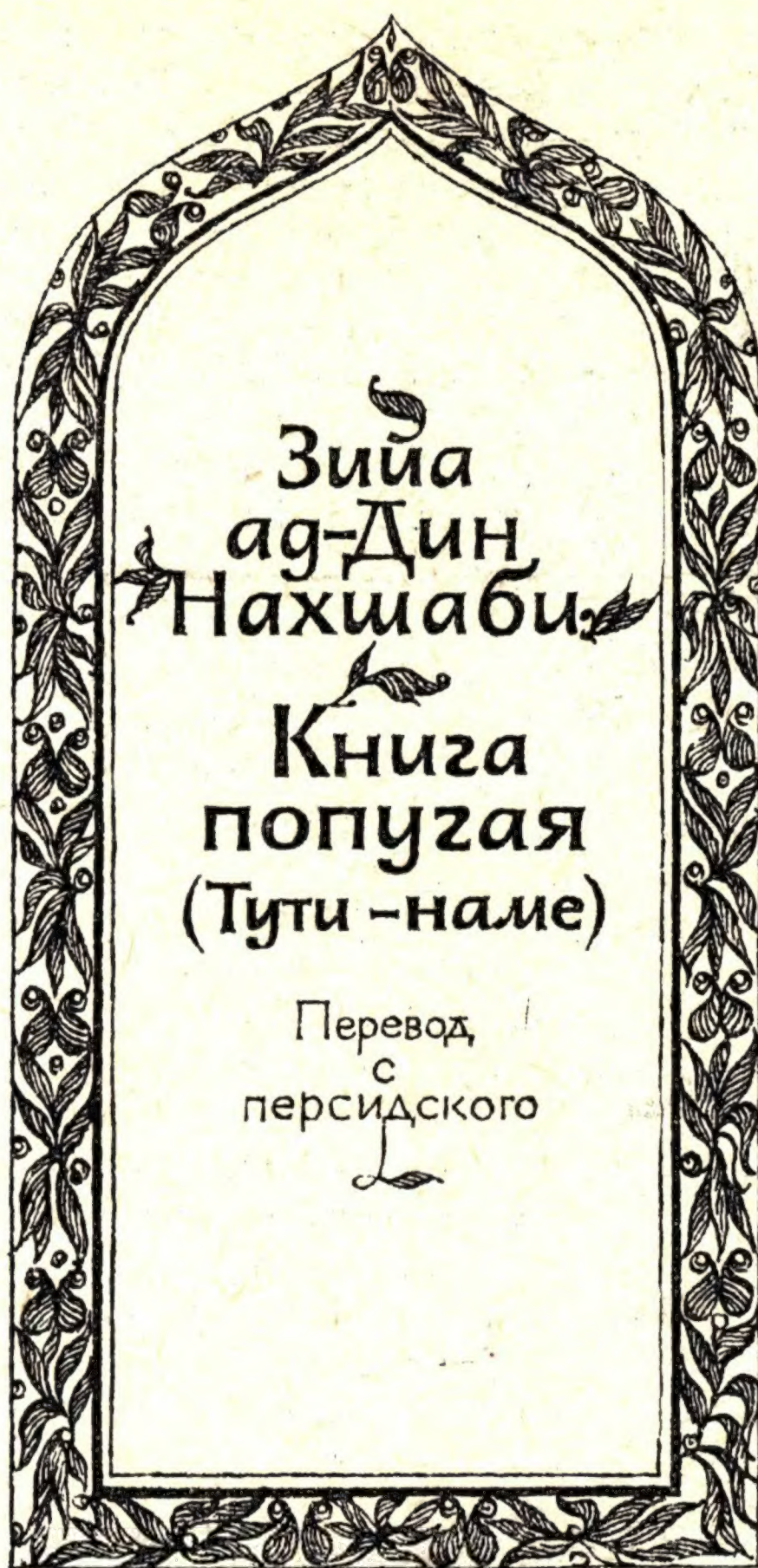


Зийа
ад-Дин
Нахшаби



Книга
попугая
(Тути-наме)



Зийа
ад-Дин
Нахшаби

Книга
попугая
(Тути - наме)

Перевод
с
персидского



Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва
1979

И(Перс)

ИЗ4

Перевод с персидского
Е. Э. БЕРТЕЛЬСА

Подготовка к изданию,
предисловие и примечания
Д. Е. БЕРТЕЛЬСА

Ответственный редактор
А. Н. БОЛДЫРЕВ

И $\frac{70304-019}{013(02)-79}$ 182-78. 4703000000

И(Перс)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно, пожалуй, найти человека, который не зачитывался бы сказками Востока. Восточные сказки вводят нас в неведомый мир, знакомят с обычаями и нравами народа, развлекая, а порой поучая и наставляя. Они, по словам М. Горького, «с изумительным совершенством выражают... буйную силу цветистой фантазии народов Востока». Эти слова с полным правом можно отнести и к предлагаемой вниманию читателей «Книге попугая».

* * *

В конце X в. на территории нынешнего Афганистана, Ирана и Средней Азии утвердилось государство Газневидов. Его основатель, Махмуд из Газны (998—1030)¹, в 1000 г. захватил ряд северных земель Индии. Год за годом на Индию обрушилось еще шестнадцать его походов, и с каждым все больше областей подпадало под власть империи Газневидов. Эти походы проходили под знаменем ислама и положили начало исламизации Индии, которая продолжалась более семи веков. Ко времени смерти султана Махмуда его империя простиралась на запад до Рея и Исфагана, на север — до Бухары, на восток и юг — до Дели и устья Инда.

Деловым языком в империи был арабский, литературным же — персидско-таджикский, который пришел в Индию вместе с завоевателями и хлынувшими вслед за ними переселенцами, привлеченными сказочными богатствами страны.

После смерти султана Махмуда империя Газневидов стала распадаться, особенно под все нарастающими ударами Сель-

¹ Основателем государства был Алптегин, но при Махмуде оно достигло высшего расцвета. Газна (Газни) — город на северо-востоке Афганистана. В давние времена назывался Забул (Завул) и был резиденцией правителей Сеистана (Забулистана).

джукидов, и в конце концов ограничилась землями на севере и северо-западе Индии со столицей в Лахоре. Правители этих областей временами пытались расширить свою территорию захватом соседних индийских княжеств. В конце 70-х годов XII в. государство Газневидов прекратило свое существование и на смену ему пришли его бывшие вассалы — Гуриды. В 1206 г. государство Гуридов пало под ударами хорезмшахов, и в том же году наместник Гуридов в Индии Кутб ад-Дин Айбек объявил себя султаном Северной Индии и сделал столицей Дели. Это новое государство вошло в историю под названием Делийский султанат и своего расцвета достигло при Ала ад-Дине Хильджи (1296—1316).

Столица султаната стала центром литературной жизни, и при дворе появились поэты — выходцы из Средней Азии. Наряду с ними в Индии были уже поэты и литераторы, родившиеся в семьях переселенцев из Ирана и Средней Азии. Среди них можно назвать Шихаб ад-Дина Бадауни — учителя Нахшаби, Амира Хосрова Дехлеви.

Персоязычная литература начинает проявлять интерес к жизни народов Индии, к сюжетам индийской литературы. По мнению ряда ученых, на этом этапе персоязычная литература отражает реальную жизнь народов Индии той эпохи². Вместе с тем эта литература была тесно связана с литературой персоязычных народов Ирана и Средней Азии.

В середине XII в. персоязычная литература Индии уже окончательно сформировалась. Будучи связана крепкими узами со своей матерью, она все больше начинает интересоваться литературами и фольклором народов Индии. В XIV в. делийские султаны стали заказывать переводы на персидско-таджикский древнеиндийских памятников. Появились переводы древнеиндийских сочинений по астрономии, теории музыки, а также художественных произведений. Правда, последние представляли собой скорее вольные обработки индийских литературных сюжетов, в которые «переводчики» привносили много своего. Одним из таких «переводчиков» был прозаик и поэт шейх Зийа ад-Дин Нахшаби.

О жизни и творчестве Нахшаби писали довольно часто. Посвятил ему статью в «Энциклопедии ислама» (1936)³ и пере-

² Подробнее об этом см.: Г. Ю. Алиев. Персоязычная литература Индии. Краткий очерк. М., 1968.

³ «Энциклопедия ислама» — международное издание на английском, немецком и французском языках; в настоящее время публикуется новое издание на английском и француз-

водчик его «Книги попугая» Евгений Эдуардович Бертельс. Однако все сведения о Нахшаби крайне скупы, отрывочны, а порой и просто противоречивы⁴.

Нахшаби — это нисба (одновременно и литературный псевдоним), указывающая место его рождения. Родиной его был Нахшаб — современный г. Карши в Кашкадарьинской долине Узбекской ССР. Точно год рождения Нахшаби пока установить не удалось, но целый ряд данных в его сочинениях позволяет с большой долей вероятности полагать, что родился он в последней четверти XIII в. Детство свое Нахшаби провел на родине и по какой-то причине совсем юным и единственным из семьи переселился в Индию, о чем свидетельствуют жалобы в его сочинениях на одиночество и отдаленность от родных и близких.

В Индии Нахшаби поселился в г. Бадауне. Город Бадаун, расположенный на севере Индии, играл важную роль в жизни Делийского султаната. Основан он был, согласно преданию, неким мифическим раджей в 905 г. н. э. Согласно первым историческим сведениям, в 1196 г. он был захвачен гуридом Кутб ад-Дином, и его последний индийский правитель был убит. Затем город стал форпостом на северной границе Делийского султаната. Население его на две трети состояло из мусульман.

В этом городе Нахшаби изучал индийские языки, индийскую литературу и философию, а также мусульманское богословие, этику, медицину, теорию музыки и, конечно, арабский язык — язык науки той поры на Востоке, подобно латыни в Европе, — и арабскую литературу. Его наставником на литературном поприще был уже упоминавшийся поэт и ученый Шихаб ад-Дин Бадауни. С юных лет связавший себя с религиозными кругами, Бадауни не восхвалял власть имущих, а обращался к раздумьям о человеческом бытии, о загробной жизни и т. п. Он считал, что «добиваться благосклонности правителей — дело слабых поэтов».

ском языке; подробнее об этой энциклопедии см: «Советская историческая энциклопедия», т. 16, стб. 555—556.

⁴ Несколько лет тому назад молодой таджикский ученый А. Алимардонов, питомец Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Зияуддин Нахшаби и его „Тути-наме“» (Душанбе, 1970). Основательно изучив и сопоставив скудные сведения в разных источниках и исследованиях, а также автобиографические реплики в сочинениях самого Нахшаби, автор сумел довольно подробно описать его жизненный путь и творчество.

Находясь под несомненным влиянием учителя, Нахшаби также не искал милостей у сильных мира сего. И все же, находясь в плену условий жизни своего времени, Нахшаби на некоторых страницах «Тути-наме» восхваляет царей, без которых «на погибель весь мир обречен» (см., например, четверостишие на с. 69). Правда, эту хвалу он сочетает с поучением царям. Лишь тот царь, говорит он, кто заботится о своих подданных, «несет ношу всех тварей».

Судя по сочинениям Нахшаби, его жизнь протекала в нужде и лишениях. На склоне лет он стал отшельником. Умер Нахшаби в Бадауне в 1350 г., и его гробница стоит рядом с гробницей его учителя.

Кроме «Книги попугая», Нахшаби написал еще несколько сочинений, которые почти все дошли до нас в рукописях, но не обрели такой популярности, как его «Тути-наме».

«Гульриз» («Осыпание розами»), как и «Тути-наме» написанная в форме обрамленного повествования, представляет собой двадцать рассказов, где рифмованная проза пересыпана стихами. Это повествование о любви туркестанского царевича к принцессе Нушаба.

«Джузийат-у куллийат» («Части и целое») — своеобразное по содержанию и форме религиозно-этическое и в то же время медицинское сочинение, написанное между 1317—1320 гг. Каждая из его сорока глав посвящена одной из частей человеческого тела. Нахшаби описывает важность каждой части тела, ее красоту и переходит затем к болезням, ее поражающим, и способам их лечения. Повествование также обильно насыщено стихами и рассказами.

«Лаззат ан-ниса» («Услада от женщин») — сильно переработанный и пересыпанный стихами собственного сочинения перевод санскритского эротического трактата «Кока-шастра», сделанный Нахшаби еще в годы учебы.

Кроме того, Нахшаби написал еще два религиозных сочинения суфийской направленности.

Что же нам известно из истории создания «Тути-наме»? Очень кратко говорит об этом сам Нахшаби в своем предисловии к сочинению. Некий вельможа сказал как-то ему: «Недавно одна книга, заключающая в себе пятьдесят два рассказа, была переведена с одного языка на другой, была переложена с языка индийского на язык персидский. При этом конь речи был пущен в поле многословия и изложению была придана чрезмерная длина. Основы требований хорошего вкуса и основные правила изящества не были соблюдены совершенно... Ко всем

правилам красноречия составитель отнесся с полным пренебрежением, и посему читатель не достигает при чтении своей цели, то есть наслаждения... Если бы ты взял это произведение, относящееся к числу индийских книг, и изложил его в сокращенной редакции и связной обработке, придал бы ему достойную форму и подобающий порядок, то и читатель и слушатель этой книги должны были бы считать себя безгранично обязанными перед тобой». В заключение вельможа произнес такое четверостишие:

Поднять такого дела гордо знамя,
Такого дела семя посадить,
Другим, я полагаю, не пристало:
Тебе бы надо взяться за него.

Сам факт, что некий «вельможа» обратился к Нахшаби с лестным для него предложением переработать плохой перевод, говорит о том, что Нахшаби был в ту пору хорошо известен как писатель и стилист. Предложение это пришлось Нахшаби по вкусу, и он немедленно взялся за дело. Нахшаби сообщает читателю свое мнение о правилах красноречия и переходит к краткому изложению того, что же он сделал с переданным ему переводом. Он оставил пятьдесят два рассказа (дастана), но основательно их переработал и даже сочинил кое-что сам. Бессвязным рассказам он придал связь, а безвкусные заменил другими. Затем Нахшаби кратко излагает содержание сочинения и заканчивает свое предисловие таким обращением к читателю: «Обращаюсь с просьбой ко всем ценителям искусства и покорнейше прошу всех обладателей тонкого вкуса — не забыть сего раба, если кто-нибудь, читая эти рассказы и созерцая эти повести, проведет с приятностью время, и уделить ему частицу своего досуга».

На последних страницах книги Нахшаби сообщает, что закончил работу в 1330 г.

Было время, когда считалось, что Нахшаби был просто первым переводчиком индийских «Рассказов попугая» («Шукасап-тати») с санскрита на персидский язык, а его утверждение, что перевод был сделан кем-то до него, — всего лишь литературный прием. Последнее время в науке господствует мнение, что перевод этих рассказов был сделан неизвестным автором, вероятно, еще в начале XIV в., но рукописи этого перевода до нас не дошли. Однако совсем недавно эта точка зрения стала не столь уж неколебимой.

В 1973 г. в Тегеране вышла в свет книга, озаглавленная

«Книга попугая. Самоцветы ночных бесед» («Тути-наме. Джавахир ал-асмар»), — издание единственной известной в наши дни рукописи XIV в. Рукопись эта, к сожалению дефектная (лакуна посредине и отсутствие конца с сорок девятого дастана), хранится в библиотеке маджлиса в Тегеране. Автор этого сочинения некий Имад б. Мухаммад ан-На'ири (или ас-Сагари?), как и Нахшаби, жил в Индии и сочинение свое поднес делийскому правителю Ала ад-Дину Мухаммад-султану (1296—1316).

О. Ф. Акимушкин, любезно предоставивший автору этих строк возможность ознакомиться с подготовленной им к печати статьей «Тути-наме и предшественник Нахшаби»⁵, очень убедительно доказал, что «Джавахир ал-асмар» и есть то самое сочинение, которое «один вельможа» предложил Нахшаби обработать. Написано оно было между 1313 и 1316 гг. Это сочинение позволяет определить, какую именно работу проделал Нахшаби с трудом своего предшественника. Теперь можно с большой долей уверенности сказать, что Нахшаби не только талантливо отредактировал это произведение, но и включил в него рассказы собственного сочинения (не менее пяти). Он действительно, как писал в своем предисловии, существенно сократил рассказы в «Джавахир ал-асмар», устранив повторы и длинноты. Убрав цитаты из персидских поэтов, Нахшаби заменил их четверостишиями собственного сочинения (свыше трехсот), значительно сократил число цитат из Корана. Особо следует отметить, что Нахшаби заново сочинил зачины и концовки почти всех дастанов, не изменив при этом основ их сюжетов и фабул. Мы не будем касаться других изменений, внесенных Нахшаби в сочинение Имада б. Мухаммада, — все это подробно и убедительно изложено в статье О. Ф. Акимушкина. Скажем только, что все это позволило Нахшаби создать поистине прекрасное произведение.

Нахшаби жил и учился в Индии и несомненно был хорошо знаком с индийскими сказками, а поэтому не лишним будет сказать несколько слов о некоторых особенностях этих сказок⁶. Индийские сказки восходят к глубокой древности — еще до нашей эры индийские ученые и писатели начали записывать и создавать сборники сказок и притч. Эти сборники отличались

⁵ Статья будет опубликована в сборнике «Страны и народы Востока», вып. 19, 1978.

⁶ Более подробно об индийских сказках читатель может узнать из предисловия к книге: Индийские сказки. Перевод с языка урду М. И. Клягиной-Кондратьевой и В. Л. Крашенинникова. М., 1955; 2-е изд. М., 1958.

одной особенностью — их составители, помимо сказок, включали в них отрывки из литературных произведений и собственные рассказы. Особенность эта стойко сохранялась веками.

Сказки передавались из уст в уста на многочисленных языках народов Индии, подвергались литературной обработке вплоть до изменения сюжета, слияния нескольких сказок в одну или разделения одной на несколько. Затем наступил период переводов индийских сказок на другие языки, причем и переводчики, как правило, вольно обращались с ними, главным образом из стремления угодить вкусам читателей своего времени.

Особо следует подчеркнуть, что собиратели сказок еще в глубокой древности объединяли их основной повестью (рассказом), так называемой рамкой, в которую вставляли целый цикл сказок.

В древней индийской литературе нет сборника сказок, который можно было бы считать тем оригиналом, с которого был сделан перевод на персидский язык «Тути-наме». Существует, правда, санскритский сборник «Шукасаптати»⁷ во многих переработках — его первоначальная редакция считается утраченной. Целый ряд дастанов «Тути-наме» имеет сюжетное (и только!) сходство с рассказами «Шукасаптати». Это позволило ряду исследователей считать, что основным источником перевода-версии «Тути-наме» и была не существующая ныне редакция «Шукасаптати». Однако сопоставление этих произведений убеждает, что персидская версия «Книги попугая», как и сборники индийских сказок, составлена из нескольких индийских сказочных сочинений. В данном случае предшественник Нахшаби и он сам следовали древней традиции индийских составителей сборников сказок. Анализ рассказов «Тути-наме» позволяет предположить, что, кроме «Шукасаптати», Нахшаби и его предшественник знали и использовали такие древнеиндийские сочинения, как «Панчатантра»⁸, «Веталапанчавиншати»⁹, «Хитопадеша»¹⁰ и др.

⁷ Одна из его редакций была переведена на русский язык: Шукасаптати. Семьдесят рассказов попугая. Пер. с санскрита М. А. Ширяева. Предисл. и примеч. В. И. Кальянова. М., 1960.

⁸ Русские переводы: Панчатантра. Избранные рассказы. Пер. с древнеиндийского, предисл. и примеч. Р. О. Шор. М., 1930; Панчатантра. Пер. с санскрита. М., 1958.

⁹ Русские переводы: Двадцать пять рассказов Веталы. Пер. с санскрита, статья и примеч. Р. О. Шор. Л., 1939; Двадцать пять рассказов Веталы. Пер. с санскрита И. Серебрякова. М., 1958.

¹⁰ Русские переводы были изданы в 1908 и 1911—1913 гг. и сейчас почти недоступны.

Кроме того, в «Тути-наме» вошли предания, рожденные в персидско-таджикской и арабской фольклорной и литературной среде.

Таким образом, «Тути-наме» — это высокохудожественное литературное произведение, рожденное животворным взаимодействием двух великих культур Востока — индийской и персидско-таджикской.

Немного о языке «Книги попугая». Е. Э. Бертельс писал, что это сочинение «отличается в высшей степени блестящим языком и отважными метафорами и сравнениями» (1938 г.). Однако этот блестящий язык и отточенный стиль оказались в какой-то мере роковыми для судьбы «Тути-наме». Спустя два столетия язык этот казался слишком вычурным, чрезмерно изысканным и трудным для понимания, и по приказу великого могола Акбара литератор и историк Абу-л-Фазл б. Мубарак (1551—1602) переработал редакцию Нахшаби. Он упростил язык, сократил объем, но оставил пятьдесят два дастана. Эта редакция в оригинале не сохранилась¹¹. Но и она была вытеснена еще более упрощенной редакцией Мухаммада Худованда Кадири в XVII в. (по мнению А. Алимардонова, в XVIII в.), который сократил «Тути-наме» до тридцати пяти глав, но ввел два дастана, которых не было у Нахшаби. Эта версия стала популярна и получила широкое распространение не только на Востоке, но и в Европе. Она была переведена на хиндустани (см. примеч. 6), на бенгали, дважды на афганский язык, дважды на узбекский, на туркменский и др. Кроме того, она не раз переводилась на английский язык (первое издание в 1792 г. — вольная обработка двенадцати рассказов), немецкий (1822), французский (1927, 1934) и русский. Первый русский перевод одного рассказа был опубликован более ста пятидесяти лет назад¹², перевод всех тридцати пяти рассказов редакции Кадири появился в 1915 г.¹³

Особое место занимает турецкая редакция «Тути-наме», которая ближе к версии Нахшаби и по форме, и по времени возникновения, — спустя чуть меньше ста лет. Сделана она была для султана Баязида. Переводчик-редактор сократил повество-

¹¹ Об этой редакции известно по рукописи на дакканском языке.

¹² Золотых дел мастер и столяр. (Из Туте-Наме, или Попугаевых сказок.) Пер. с персидского Н. Коноплев. — «Вестник Европы», № 21—22, ноябрь 1826, с. 19—23.

¹³ Нехшебий Зияэддин. Тути-Намэ. Книга попугая. Пер. с персидского А. Балакина и Павла Сухотина. М., 1915. [В предисловии указано, что перевод сделан по неполной редакции.]

вание, выбрав тридцать рассказов дидактического содержания. Эта обработка стала своеобразным зеркалом для правителей и долгое время играла такую роль в воспитании турецких принцев¹⁴.

«Книга попугая» Нахшаби существовала во многих рукописях, переписанных в разное время в Индии и Средней Азии. Упомянувшийся выше А. Алимардопов проделал кропотливую работу по выявлению рукописей этого сочинения в хранилищах СССР и за рубежом. В результате он установил, что в хранилищах мира известно 85 рукописей «Книги попугая», в том числе 9 — в Ленинграде, 8 — в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и одна — в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Несмотря на большое число рукописей, свидетельствующее о популярности «Книги попугая», это сочинение Нахшаби в силу указанных выше причин до сих пор не было издано типографским способом, как и не было переведено полностью ни на восточные, ни на западные языки.

Предлагаемый вниманию читателя перевод «Тути-наме» был выполнен выдающимся советским востоковедом Е. Э. Бертельсом. Е. Э. Бертельс в 1914 г. окончил юридический факультет Петроградского университета и, работая юристом, стал самостоятельно изучать восточные языки — санскрит, персидский и турецкий. Автору этих строк он не раз говорил, что Восток завладел им с шестнадцатилетнего возраста, когда он совершил поездку в Константинополь. Но в жизни все складывалось по-иному, и лишь в 1918 г. — двадцати восьми лет — поступил он на восточное отделение факультета общественных наук Петроградского университета. Пройдя за три года пятилетний курс обучения, Е. Э. Бертельс в 1920 г. поступил на работу в Азиатский музей Академии наук (теперь Институт востоковедения АН СССР в Москве с отделением в Ленинграде), с которым не расставался до последнего дня своей жизни (1957). С рукописными сокровищами Азиатского музея он был знаком с первых дней учебы в университете. Перевод «Тути-наме» был завершен им 22 июля 1920 г., т. е. буквально через несколько дней после окончания университета. Возникает вопрос: что же заставило Е. Э. Бертельса в то время взяться за такую сложную работу?

¹⁴ Эта редакция была переведена на немецкий язык: Tuti-Nameh. Das Papagaienbuch. Eine Sammlung orientalischer Erzählungen. Nach der türkischen Bearbeitung zum ersten Male übersetzt v. G. Rosen. Th. 1—2. Lpz., 1858. [Перевод снабжен обстоятельным предисловием.]

Ответ на этот вопрос мы находим в истории литературно-издательского дела молодой Советской республики. С первых же дней установления советской власти правительство уделяло большое внимание книгоиздательскому делу: в ноябре 1917 г. учреждается Государственное издательство (ГИЗ) и Литературно-издательский отдел при Народном комиссариате по просвещению. А в 1918 г. по инициативе Максима Горького было создано издательство «Всемирная литература»¹⁵. В издательстве было две коллегии — Западная и Восточная. Восточная коллегия организовалась в 1919 г. Тогда же был издан каталог Восточной коллегии¹⁶. В помещенном в конце каталога списке сотрудников коллегии назван и Е. Э. Бертельс.

В разделе каталога «Народы Ирана» перечислены памятники персидской литературы, в том числе «Сборник рассказов „Книга попугая“ Нахшаби».

Следовательно, не будет ошибочным утверждение, что предлагаемая в наши дни вниманию читателя книга была выбрана и одобрена к переводу на русский язык еще в далеком 1919 г. при участии М. Горького. Трудно в нескольких словах описать, как много сделал этот человек для развития нашей советской литературы, для расширения читательского кругозора советского человека. Бесконечно много сделал он в те трудные годы и для русских востоковедов. Для подготовки переводчиков при издательстве в 1919 г. была открыта литературная студия. Члены коллектива Восточной коллегии испытывали большие трудности, ибо в ту пору еще не были разработаны принципы художественного перевода с восточных языков. Лучшие переводы членов Восточной коллегии печатались в журнале «Восток» (с 1922 по 1925 г. вышло пять книг журнала).

М. Горький принимал самое деятельное участие в работе Восточной коллегии. Он был не только организатором, но и выступал на обсуждениях переводов с критическими замечаниями, а порой и сам редактировал переводы. «...Все перерабатывал заново, до неузнаваемости исчеркивал каждую рукопись своими поправками»¹⁷. И не раз сотрудники коллегии поражались

¹⁵ Подробнее об этом см.: А. А. Бодрова. Деятельность восточной коллегии «Всемирной литературы» под руководством М. Горького.— М. Горький и литературы зарубежного Востока. М., 1968, с. 281—292.

¹⁶ Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Литература Востока. Пб., 1919.

¹⁷ К. И. Чуковский. Горький во «Всемирной литературе». — Сб. Горький. М., 1928, с. 342.

обширным познаниям Горького в области восточных литератур.

В конце 1921 г. Горький тяжело заболел и по требованию врачей и В. И. Ленина должен был уехать на лечение за границу. Однако связи с созданным им издательством он не порывал. В одном из писем востоковеду академику С. Ф. Ольденбургу он писал: «Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали». И действительно, была проделана поистине огромная работа, и в портфеле Восточной коллегии скопилось много переводов, часто уже готовых к печати, которые так и не увидели света: шла гражданская война, и книги было печатать нигде и не на чем.

Такая же участь постигла и рукопись перевода «Книги попугая». На многие годы она переселилась из портфеля издательства в письменный стол Е. Э. Бертельса.

В 1937 г. по инициативе А. Н. Толстого и при непосредственном участии литературоведов и востоковедов Москвы и Ленинграда была начата подготовка двух вариантов издания «Литература народов СССР». Один вариант предназначался для советской молодежи как книга для чтения. Другой — более специальный — задуман был как учебное пособие для учащихся старших классов и студентов гуманитарных вузов.

Одновременно с этими двумя книгами предполагалось издать в русском переводе ряд сочинений писателей и поэтов восточных народов СССР. Перевод «Книги попугая» был просмотрен А. Н. Толстым, он его одобрил, и машинопись, та самая, что в свое время лежала в портфеле «Всемирной литературы», была направлена в Гослитиздат. В 1940 г. перевод был принят к печати, но вскоре началась война, Е. Э. Бертельс был вместе с институтом эвакуирован из Ленинграда в Ташкент, и след машинописи затерялся.

В 1956 г. Евгений Эдуардович как-то сказал автору этих строк: «Где-то в Ленинграде, может быть, находится рукопись моего перевода „Тути-наме“. Хорошо бы ее разыскать». Начались поиски, но без результата. Шли годы, и надежда разыскать перевод постепенно таяла. И вот зимой 1974 г. мне позвонила по телефону Н. П. Корыхалова¹⁸ и сообщила, что машинопись

¹⁸ Н. П. Корыхалова — дочь П. А. Корыхалова. П. А. Корыхалов (ум. в 1958 г.) — зам. председателя Пушкинского общества и редактор издания «Литература народов СССР». Вероятно, машинопись «Тути-наме» была передана ему на редактирование.

перевода «Тути-наме» нашлась у нее в квартире. Время основательно потрудились над машинописью: бумага пожелтела и по краям стала хрупкой, как лепестки слюды, лиловые буквы текста на многих страницах так сильно выцвели, что прочитать их стоило немалого труда. Часть перевода сохранилась не только в машинописи, но и в рукописном варианте Е. Э. Бертельса и почти совсем не пострадала.

Перевод был сделан Е. Э. Бертельсом по рукописи. В Рукописном отделе Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, как упоминалось, хранится восемь рукописей «Тути-наме» Нахшаби. Путем тщательного сравнения перевода с этими рукописями удалось установить, что перевод был сделан не по одной, а по трем рукописям — С118, С120 и С121. В очень хорошем списке конца XVII — начала XVIII в. (С121), привезенном К. Г. Залеманом в 1908 г. из Бухары, отсутствует последний, пятьдесят второй, дастан (рукопись дефектна), в то время как в рукописи С120 нет начала, а в рукописи С118 отсутствует несколько листов посередине. Эта последняя рукопись из библиотеки Великих Моголов в Индии была переписана не позднее 1693 г. и поступила в Азиатский музей в 1819 г. в составе «Коллекции Руссо». Таким образом эти три рукописи дополняют друг друга и дали возможность восстановить полный текст «Книги попугая». В основу перевода была положена рукопись С121.

При подготовке к настоящему изданию перевод Е. Э. Бертельса был оставлен почти без изменений. Выборочная сверка перевода с персидским текстом показала, что перевод очень точно передает смысл оригинала. Исправлены были лишь явные описки переводчика и опечатки машинистки. Это же касается и стихотворных вставок. Их нарочитая простота может показаться современному читателю немного наивной, но таков и персидский оригинал. В данном случае Нахшаби умышленно опростил свои стихи, так как они несут в себе функцию пафоса, а следовательно, должны быть предельно доходчивы до читателя.

Д. Е. Бертельс

Книга
попугая





Вступление

Во имя Аллаха всемилостивого, милосердного!
Вознесем же молитвы к Аллаху великому — да свя-
тятся имена его, — кормильцу зверей и птиц!

Аллах! Ты сердце тайноведцев озари,
И сердце Нахшаби ты тайнам научи!
Мне глину замеси водою милосердья,
А сердце освежи мне близостью к тебе.
Любовь иную мне назначь уделом в мире
И грудь мою другим сияньем озари.
Премудростью главу мне новою наполни,
Заставь меня всегда томиться по тебе.
Ты телу силу дай сносить любую муку,
Язык мой научи хвалы тебе твердить.
Меня не облакай в беспомощности панцирь,
Шелом прощенья на главу мне возложи.
Прощение твое пусть даст очам прохладу,
Занятье в мире сем полезное мне даст.
Подай мне со стола щедрот твоих подачку,
К другим на кухню ты меня не посылай.
Конечно, Нахшаби грешил перед тобою,
Но молит он в слезах ему простить грехи!

А ты, о пророк *, да помилует его Аллах и да при-
ветствует! Ты — попугай цветника совершенства, ты —
Симург ** гор посланничества, ты — горлица красноре-
чья, соловей сада, где «не меркнет свет зрения и не ис-
сякает» *** благодать.

Я весть хочу послать, и весть послать благую,
От нас она должна моления вознести
Туда, где на лучах пророк наш восседает
И силой стережет своей небесный трон.
Мухаммада хочу прославить в целом мире,
Его святую цель стремлений всех благих.
Он миру указал путь к истинному богу,
Он мощию своей измерил все миры.
Он вестник стражей тех, стоящих у порога,
Преддверье без колонн он к залам божества.
Спасения пути он людям дал и духам
И бедности мечом он царство покорил.
Распутал все дела запутанные в мире,
Но миру самому цены не придавал.
Нелепы басни все о первых людях в мире,
Он — истый царь миров, защитник бедняка.
Ему стал Нахшаби рабом навек покорным.
Ступай же в мир, рассказ, ты с именем его!

О поводе возникновения этих рассказов и о проницательности, влагаемой в рассказы вдохновенными людьми.

Повествователь, сообщающий эти рассказы, и передатчик этих сказаний, то есть Нахшаби, да простит Аллах прегрешения родителям его и ему самому и да помилует и их и его, говорит так:

Сладостные времена и чарующие сердце дни, веселые годы и беспечальные эпохи — это величайшее счастье и лучшее из благ. Если время оказывает кому-нибудь содействие и судьба пособляет кому-нибудь, это надо считать несравненным счастьем и незаменимым государством, ибо невозможно вернуть слетевшую с лука стрелу и упорхнувшее из рук время, нет способов возвратить их назад. «Печальнейшая из историй — это история о потерянном времени», — гласит поговорка.

Временем ты, Нахшаби, дорожи,
Времени жемчуг — бесценнейший клад.
Знай, коль упустишь счастливые дни,
Их уж никто не воротит назад.

Как-то раз повествовал я о любовной истории из времен моей юности, рассказывал повесть о горе, чарующем сердце, из времен ранней молодости, и один вельможа сказал мне: «Недавно одна книга, заключающая в себе пятьдесят два рассказа, была переведена с одного языка на другой, была переложена с языка индийского на язык персидский. При этом конь речи был пущен в

поле многословия и изложению была придана чрезмерная длина. Основы требований хорошего вкуса и основные правила изящества не были соблюдены совершенно. Начала рассказов и окончания повестей были перемещены и опущены. Ко всем правилам красноречия составитель отнесся с полным пренебрежением, и посему читатель не достигает при чтении своей цели, то есть наслаждения, а у слушателя ускользает та услада, к которой он стремится. Если бы ты взял это произведение, относящееся к числу индийских книг, и изложил его в сокращенной редакции и связной обработке, придал бы ему достойную форму и подобающий порядок, то и читатель и слушатель этой книги должны были бы считать себя безгранично обязанными тебе.

Поднять такого дела гордо знамя,
Такого дела семя посадить
Другим, я полагаю, не пристало:
Тебе бы надо взяться за него».

Я немедленно повиновался приказу этого вельможи, повелевающего моим сердцем, и покорился его велению, которого слушается моя душа. И хотя по поводу красноречия и говорилось слово, что слишком длинную речь надо, мол, сокращать, а слишком краткую удлинять, но слова этого раба не столь безыскусны и длинны, чтобы их не стали читать вельможи, и не столь искусны и кратки, чтобы простой люд не пожелал выслушать их. Нет, я придерживался повеления избирать середину, ибо, сказал посланник, мир да будет с ним: «Лучшее из дел — это середина».

Нахшаби, держись середины ты в делах:
Сам пророк ведь указал на это нам.
Дело среднее ты истинным считай,
Ведь серединою идет и наш ислам!

Мною было составлено пятьдесят два рассказа в новой обработке, были сочинены новые притчи и повествования. Если рассказы были бессвязны, я придавал им связь, вступления и заключения каждого из них я украшал и разнообразил. Некоторые безвкусные рассказы заменил другими и таким образом украсил своей рукой эту райскую невесту изящества, эту матрону на троне остроумия, дабы порадовать царей искусства речи.

От несчастий, словно ночь, наш мир слепым и темным стал, Пятьдесят и два рассказа в эту ночь я рассказал.

Содержание этих пятидесяти двух рассказов сводится к следующему. У некоего купеческого сына был в доме говорящий попугай и самка. Как-то раз понадобилось их хозяину отправиться в путешествие. Отправляясь, сказал он своей хозяйке: «Во время моего отсутствия ты не должна предпринимать ни одного дела, которое может тебе представиться, не посоветовавшись с этими двумя птицами. Не приступай ни к какому делу без дозволения этих двух пернатых».

Во время отсутствия купца хозяйку охватила любовь к некоему юноше, душа ее была скована страстью к какому-то молодому красавцу. Как-то вечером пошла она к самке попугая и начала советоваться с ней: «Представилось мне такое дело, предпринять надо такое решение: хочу я ночью тайком пойти в покои к возлюбленному, чтобы утолить томящую душу жажду студеной водой свидания с ним. Что ты находишь необходимым сказать по поводу этого? Даешь ли ты мне дозволение на такое дело?»

Самка раскрыла врата увещаний и советов и из доброжелательства принялась уговаривать свою госпожу. От чрезмерной любви и пылкой страсти такой совет показался ей неприятным, схватила она несчастную птицу и такхватила ее оземь, что птица души ее вылетела из клетки тела и в то же мгновение вспорхнула в гнездо небесного трона.

Затем жена пошла к попугаю и изложила ему то же самое. Попугай молвил про себя: «Если я пойду по пути увещаний, я увижу от нее то же, что и самка. Надо мне сделать что-нибудь такое, чтобы одновременно и жизнь моя была спасена из этой пучины гибели, и в то же время душа ее была бы охранена от порока и разврата. Теперь же надо сделать вид, будто я потворствую ей, надо позабавить и обласкать ее и начать рассказывать повесть, которая соответствовала бы ее стремлениям. И такие рассказы надо излагать ей до самого утра, и тогда она уже не будет иметь возможности уйти».

Пятьдесят две ночи ходила эта женщина просить разрешения у попугая. Он рассказывал ей всякие небылицы и плел их до самого утра, так что жена не име-

ла возможности уйти из дома. После пятидесяти двух ночей купец вернулся из путешествия, и попугай изложил ему все обстоятельства дела. Купец похвалил сообразительность и стойкость попугая, а жену убил.

Злую жену, брат мой, лучше убить,
Знай, что о женах не надо тужить.

Обращаюсь с просьбой ко всем ценителям искусства и покорнейше прошу всех обладателей тонкого вкуса — не забыть сего раба, если кто-нибудь из них, читая эти рассказы и созерцая эти повести, проведет с приятностью время, и уделить ему частицу своего досуга.



**Рассказ о Маймуне и Худжасте и о том,
как попугай рассказывал сказку
о попугае купца и жене его**

Ночь первая

Рассказчики, развлекающие слушателей вечерними беседами, и люди, знающие много всяких притч, повествуют, что в давние времена и древние годы жил-был в одном из городов Индии купец по имени Мубарак. Были у него и деньги, и всякие товары, и много разного добра, но не было у него сына. Мечтая о сыне, повторял он всегда молитву: «Аллах мой, не оставь меня в одиночестве!» Страстно желая потомства, неустанно твердил он: «Аллах мой, подари мне сына из щедрот твоих!» И вот на горизонте милосердия Аллаха забрезжило утро счастья, и до слуха купца долетела радостная весть: «Радуйся, возвещаем мы тебе весть о сыне!» Родился в доме его сын; да, сын, да какой притом!

Звезда, ты сказал бы, на небе возшла
И Иосифа * нового в мир привела.

Хитрый Мубарак дал этому долгожданному сыну имя Маймун **. Когда стал пробиваться на щеках у

юноши пушок и исполнилось ему семнадцать лет, про-сватал для него отец жену по имени Худжасте.

Сближение и любовь возникли между Маймуном и Худжасте, появились дружба и пылкая страсть, какой еще не бывало между любящим и возлюбленной его, не было и между Азрой и Вамиком *. Долгое время прожили они так в тени счастья, много дней провели, постоянно покоясь в люльке беззаботности.

Однажды Маймун отправился на базар и увидел говорящего попугая. Продавали его за птицу красноречивую и умеющую читать Коран. Спросил он о цене попугая. Отвечали: «Тысяча динаров».

Маймун молвил: «Великим глупцом будет тот, кто истратит столько денег на пригоршню перьев, даст тысячу динаров, чтобы купить закуску для кошки».

Попугай возразил: «Эх, юноша! Что ты знаешь о стоимости моей, как можешь понять цену мою? Хотя я и пригоршня перьев, да полон всяких знаний. Велеречивые имамы прислушиваются к речам моим, славные мудрецы изумляются, глядя на меня. Хоть я и не архангел, но одежда у меня зеленая, хоть и не гурия **, да облечен в роскошное платье, хоть и не отшельник, да постоянно странствую, хоть и не подвижник, да господин всех птиц. Хоть я и не ангел, да стремлюсь ввысь, хоть и не Нахшаби, да сладкоречив, как многомилостив был к нему Аллах!»

Нахшаби, наука — лучшее из благ,
Кто щедротами сравняться может с ней?
Пусть твое ничтожно тело, милый друг,
С ней наверно превзойдешь ты всех людей.

«А ничтожнейшая из моих способностей — это то, что я могу предсказывать будущее за десять дней до его наступления, то есть все, что должно случиться или произойти в мире — доброе ли, худое ли, — знаю я на десять дней ранее. Вот через три дня приедет в этот город караван из Кабула и будет скупать весь нард ***, который найдет. Купи меня на том условии, что через три дня сможешь вернуть, и скупи весь нард, где только найдешь. Если на третий день прибудет караван и ты получишь от этой сделки большую прибыль, уплати мою стоимость. Если же нет — возврати меня на третий день моему хозяину. Таким образом ты не понесешь ни малейшего убытка».

По душе пришлись Маймуну эти слова. Взял он на этом условии попугая и скупил весь нард, какой только мог достать в городе. А на третий день прибыл караван, и стали разыскивать по всему городу нард. Нигде нельзя было достать и драхмы * весу. Маймун продал свой товар по такой цене, какую хотел, за такую стоимость, какую пожелал. Получив от этой сделки большую прибыль, уплатил он тысячу динаров за попугая, а остальное стал тратить на свои нужды.

На другой день увидел он самку шарака **, которую тоже продавали за говорящую. Купил он и ее и посадил бок о бок с попугаем, чтобы попугаю стало веселее в ее обществе и близость ее прогнала его скуку.

Нахшаби, все, что в мире живет,
Будь то добрая, злая ль душа,
Примиришь меж собой не всегда:
Лишь порода своя хороша.

Так и мудрецы говорят: с родичем родич, а с голубем голубь, а с соколом сокол вместе летать норовят.

Когда Маймун увидел достоверные познания и сметливость попугая, стал он во всех делах прежде всего советоваться с ним и во всех начинаниях испрашивать у него правильных указаний.

Однажды Маймун сидел возле попугая, а тот толковал обо всем понемногу. Случайно речь зашла о заморской торговле. Попугай придал заморской торговле такой блеск, что Маймун, никогда не видавший моря, принялся стаскивать с ног туфли и захотел тотчас же отправиться за море. Поэтому пошел он к Худжасте и молвил: «О возлюбленная души моей, о сокровище совершенства и юности, не всякий час бывает довольно сил у человека, не всякое время покорно выполняет волю людей. Слыхал я, что при заморской торговле прибыль вздымается волнами, при странствовании по берегам моря доход притекает столь обильно, словно океан. Есть теперь у меня и силы, и удобный случай, и хочу я предпринять путешествие за море, чтобы выудить из этой воды кусок хлеба. Ведь человек без денег все равно, что без чести, а дом без достатка — развалина. Если человек не стремится к чему-либо, его нельзя назвать человеком, а если у кого-нибудь нет ни дирхема ***, ни динара ****, следует считать его несуществующим. Что такое динар? Молодчик в желтом платье, покоряющий

мир, звонкий червонец, странствующий по вселенной, он — книга историй царей и хроника государей; диск солнца озарен золотом, и благодаря ему же вертится водоворот. Если бы не благочестие, сказал бы я: „Сколько славна мощь его!“»

Нахшаби, всегда прекрасны богачи,
Бедняков всегда лукаво большинство.
Только деньги людям цену придают,
Человек без них не стоит ничего!

Худжасте ответила: «Хотя заморская торговля и прибыльна и береговой промысел выгоден, но грозит она бедами и приносит несчастные случаи. Не следует от безденежья ввергать себя в пучину бедствий, нельзя жертвовать собою, гонясь за динаром. Что такое динар? Тюремщик алчных людей и выкалыватель глаз скупцов. Он — оковы всех сынов Адамовых, он всем трется об руки, он — сокровищница всех страстей; ранит он всех тварей, оскорбляет все существа, бьет всех людей. С обеих сторон он желт, как лица лицемеров».

Нахшаби, возвращают деньги целый мир:
Ты пред волком этим хищным словно лань.
Фальшь не дело с чистым золотом мешать:
Золотой ты? Не сиди с фальшивым, встань!

«Если же ты действительно твердо решил предпринять путешествие,— продолжала она,— то возьми и меня с собой. Говорят, что жена — это башмак для мужа, а без башмака в пути не обойтись».

«О Худжасте,— ответил Маймун,— ведь жен называют также и порогом дома, следовательно, они, как порог, всегда должны оставаться на одном месте, ибо порог никогда не должен сдвигаться с него. Если в мое отсутствие явится у тебя какое-нибудь дело, понадобится тебе что-нибудь решить, ты во всяком деле советуйся с попугаем и самкой и во всем испрашивай их указаний. Плод совета разумных всегда хорош, а последствие совещания с красноречивыми людьми — это полное счастье».

Сказал он это и распрощался с ней.

Время его отсутствия затянулось. Однажды Худжасте сидела на крыше дома и внезапно глаза ее встретились с глазами некоего царевича. Тотчас же один упал, лишившись чувств от страсти, другая же перестала владеть собой, увлеченная им. Войско страсти покорило

страну терпения, авангард любви овладел передовыми постами спокойствия, султан влечения раскинул палатку беспокойства в стране сердца, губернатор страсти казнил и изничтожил вельмож постоянства. С обеих сторон была пущена в ход сводня, к обоим влюбленным начала ходить посредница. Хотя Худжасте вначале и противилась, но вскоре согласилась и сказала: «День — завеса для любящих, а ночь пособляет хитростям влюбленных; сегодня вечером, когда день свернет свой ковер, а ночь опустит покров мрака, я приду в покой к царевичу».

Когда солнце скрылось за покровом, Худжасте сняла с лица покров и пошла к самке. Так как она существо женского пола и поэтому стоит ближе к ней, она не будет препятствовать ей в этом деле и даст совет пойти на свидание. Когда она изложила самке все обстоятельства дела, та, памятуя свои обязанности перед хозяином, не решилась дать хозяйке дозволение и начала давать ей добрые советы, как это делают рабы по отношению к своему господину. Не ведала она, что влюбленным нет дела до советов и что тому, кто отдал свое сердце, не до наставлений.

Сладостна любовь его, и люблю я даже упреки его,
Но, поистине, упрекать за нее могут только враги ее.

Охватил Худжасте любовный недуг, забушевала в ней страсть, от советов самки в груди ее вскипела ярость, не помнила она себя от гнева. Она выхватила самку из клетки и так ударила ее оземь, что птица души ее тотчас же вылетела из клетки перьев и вспорхнула в гнездо небесного престола. Полная гнева, Худжасте подошла тогда к попугаю и рассказала ему о судьбе самки и о своих собственных намерениях. Попугай был птицей хитрой, подумал он про себя и сказал: «Если я дам ей такой же совет, придется мне увидеть то же, что и самке: ведь говорят, счастлив тот, кто может поучиться на примере другого. Лучше всего будет прибегнуть к разного рода разговорам и приступить к этому делу с величайшей осторожностью».

Нахшаби, старайся ладить ты с судьбой,
Ведь судьбе никто противиться не смеет.
Хитрецы всегда совет такой дают:
Тот хитер лишь, кто поладить с ней умеет.

Затем попугай обратился к Худжасте с такого рода речью: «Какую ошибку ты совершила! Какое прегрешение содеяла твоя рука! Если самка по полу своему и стоит ближе к женщинам, то ведь несовместимо с разумом раскрывать тайну сердца женщинам и делиться своими секретами с существами неразумными. Теперь не тревожься более: я в меру способностей своих повяжусь поясом старания и, насколько это будет возможно, доставлю тебя к твоей цели. А если тайна эта раскроется, секрет этот распространится и — чего не дай Аллах — дойдет и до твоего мужа, то если бы мне даже пришлось распроститься со всем оперением моим, как попугаю того купца, я распрощусь, но примирю тебя с твоим мужем».

Худжасте спросила: «А что было с тем попугаем?»

Попугай ответил: «Говорят, что в одном городе из городов Индии жил-был купец и был у него говорящий попугай. Все дела дома были поручены этой птице, и все, что он видел праведного и порочного, все, что он наблюдал справедливого и несправедливого, он передавал хозяину своему.

Как-то раз купцу пришлось отлучиться по торговым делам. Время его отсутствия затянулось, и жена его слюбилась с одним юношей, жившим в том же квартале. Каждую ночь она приводила его к себе и делила с ним свое ложе. Попугай все это наблюдал, но не вмешивался и, опасаясь за свою жизнь, притворялся глупцом и дурачком.

Спросили аш-Шаффи *, да помилует его Аллах: „Кого надлежит считать мудрецом?“ — „Человека смышленного, — отвечал он, — который прикидывается глупцом”».

Нахшаби, дураком притворяйся всегда,
Не болтай, болтовня только беды несет.
Делай вид, будто ты ничего не видал:
От несчастий тебя это в мире спасет.

«Через некоторое время купец вернулся домой. Попугай сообщил ему обо всем, что случилось, только историю любви жены его скрыл, ибо, по его мнению, не годилось, чтобы раскрытие этой тайны и сообщение об этом обстоятельстве явилось причиной для разлуки мужа с женой, послужило поводом к их разводу. Но хо-

тя попугай и не раскрыл этой тайны, купцу все же кто-то сообщил обо всем».

Нахшаби, словно солнце сияет любовь,
Хоть и скроется, все ж оно выйдет потом.
Прячь ты мускус, завертывай в тряпки его,
Все же запах приятный заявит о нем.

«Да, поистине, любовь и мускус не скроешь! Жена купца вообразила, что эта тайна раскрылась из-за попугая, что секрет этот распространился через него. Возненавидела она попугая более, чем тысячу врагов, посеяла семя вражды к нему на поле сердца и стала выжидать удобного случая, чтобы отомстить ему. Однажды ночью улучила она время, выщипала у попугая все перья, выкинула его на улицу, как кусок мяса, и подняла крик — попугая, мол, кошка съела. Когда домашние увидели, что повсюду валяются его перья, они убедились, что его съела кошка:

Попугай, горюя по нем, надели траур и окрасили одежду в цвет индиго *. Соловьи, грустя о нем, облеклись в черные одеяния. Удод сбросил свой хохолок с головы, куропатки скинули с грудок белые рубашки, петух перестал петь, голуби перестали миловаться, павлин перестал красоваться, горлица застонала, орел перестал летать, а Симург скрылся из мира. Когда весть эта дошла до населения садов и обитателей цветников, в ветвях высохла сердцевина, тополь увяз ногой в глине, роза разорвала одежды свои, у почек сжалось сердце, зелень окрасилась в темный цвет, фиалка облеклась в мрачные одежды, у жасмина пожелтело лицо, а лик тюльпана окрасился кровью».

Нахшаби, по покойнике этом рыдай,
Как бубенчик дорожный, ты громко звени.
Знать, был знатен и славен скончавшийся муж,
Коль о нем так рыдают и плачут они.

«Но хотя все твари считали попугая мертвым, все же немного жизни в нем осталось. Да, пока воскрешающий и умерщвляющий царь не убьет кого-нибудь, где тот человек, который смог бы убить его?! Пока властелин, обладатель способности „Аллах всемогущ над всеми вещами“, не лишит кого-нибудь жизни, и человек не сможет умертвить его.

Поблизости дома купца была мечеть с гробницами святых. Попугай, хромая, добрался до нее и спрятался там в углу. По ночам он выходил и довольствовался той пищей, что ему удавалось найти. Через несколько дней перья у него снова отросли, и стал он таким же, как и прежде. Купец был огорчен поведением жены, потеря попугая еще увеличила это горе, и под предлогом утраты попугая он выгнал жену из дома. Как ни старалась жена с ним примириться, муж не соглашался изменить свое решение, и ничьи речи не могли заставить его помириться с женой».

Нахшаби, раздраженное сердце — большая беда,
Примирения с ним понапрасну ты будешь искать.
Коль кого-нибудь ты прогневишь, помни, милый мой друг,
Очень долго придется тебе мира с ним ожидать.

«Когда жена отчаялась в людском заступничестве, отправилась она в ту же мечеть, где находился попугай, и поклонилась святым в надежде на примирение.

Ночью попугай подал голос из-за гробницы: „О жена, доколе кто-нибудь не отрешится от одного, дотолé не достигнет он другого. Исполнение надежд достается, когда оседлаешь трудности. Если ты собственной рукой своей вырвешь волосы, которые есть у тебя на голове и на теле и с искренним смирением проведешь сорок дней возле нашего праха, мы заступимся за тебя и снова соединим тебя с твоим мужем”.

Услышав этот голос, жена тотчас же оципала свое тело и вырвала все волосы на голове и членах. Тогда попугай вылез из-за гробницы и молвил: „О жена, рубашка за рубашку! Что ты сказала, то и услышала; что посеяла, то и пожала! Я тот самый прежний твой попугай, которому ты безо всякой вины с его стороны вырвала перья, которого безо всякой причины ты изуродовала и опозорила. Хотя в этой гробнице и покоятся святые, но кто же может дать ей силу говорить? Кто одарил ее способностью изрекать повеления и запреты? Это я говорил те слова, которые ты услышала, а произнес я их для того, чтобы ты собственными стараниями сделала над собою то же, что я вытерпел от тебя, чтобы ты вкусила от собственной руки то же, что я вкусил от твоей руки”».

Зла, смотри, Нахшаби, никому не чини!
Для себя уз никто ведь не станет плести.
Дело в мире не может бесследно пройти:
Всяк, кто зло причинил, зло и должен найти!

«„О жена, я чист от всяких подозрений и доносительства, не повинен в клевете и сплетнях. Соблюдал я свой долг, помнил хлеб и соль твою, не открывал твоей тайны мужу и помнил, что „сеющий смуты не вступит в рай“. Теперь смотри, как пущу я вскачь коня моей верности и вновь соединю тебя с твоим мужем”.

На другой день, когда златокрылый попугай-солнце высунул голову из клетки востока, наш попугай вернулся в свой старый дом и, раскрыв уста, принялся восхвалять и прославлять хозяина.

Хозяин спросил: „Кто ты такой?”

„Я тот самый старый твой попугай,— отвечал он,— которого кошка похитила из клетки и спрятала в клетку своего желудка”.

Хозяин изумился и молвил: „Ведь не пришел еще день воскресения мертвых, не настал еще Страшный суд. Как же смог ты устремиться из страны небытия в мир сущего, как сумел ты вторично обрести одежды жизни?”

Попугай отвечал: „Когда ты беспричинно обидел свою супругу и изгнал из дома свою почтенную жену безо всякого греха с ее стороны, она пришла в такую-то мечеть и, моля о помощи, раскрыла свое дело святым. Святые заступились за нее, воскресили меня своими молитвами и послали к тебе, чтобы я засвидетельствовал ее чистоту и невинность и подтвердил, что все то, что говорили тебе о ее пороке и разврате,— ложь, и все то, что тебе насплетничали о ее прелюбодеянии,— неправда. Скорее поспеши разыскать свою почтенную супругу!”

Хозяин изумился: „И как это я мог допустить такую ошибку, как мог совершить подобный грех, как мог я безо всякой причины оскорбить и заподозрить в нечистоте жену, по молитве которой воскресают мертвые и приходят подтверждать ее невиновность!”

Тотчас же побежал он в ту мечеть, начал целовать ноги жены и просить у нее прощения за дела и речи свои. С величайшим почетом привел он ее в свой дом. И так достигла она того, к чему столько времени стремилась, нашла то, что искала столько месяцев».

Нахшаби, большое счастье с другом вновь сойтись!
Пусть никто б разлуки в мире горестной не знал!
Знаешь ты, что с Новым годом празднует весь мир?
То, что вновь свою подругу милый отыскал!

Дойдя до этих слов, попугай повел такую речь:
«О хозяйка, если сердце твое тоже занято любовью к
возлюбленному и если душа твоя увлечена страстью
к другу, не страшись, устраивайся с ним, как желаешь,
и играй с ним в игру свиданий! Если же, чего не дай
бог, эта тайна раскроется и секрет этот дойдет до твое-
го мужа, то я в случае необходимости расстанусь, как
попугай того купца, с ногами и головой, перьями и
крыльями, но посредством вычислений и талисманов в
конце концов примирю тебя с мужем, как и ту жену!
Сейчас сладостное время и чарующий сердце час — вста-
вай, иди к другу и не нарушай своего первого обеща-
ния!»

Худжасте хотела последовать его совету, но утро, по-
добно возлюбленному, притаилось в ожидании: в то же
мгновение поднялся дневной шум, утро показало свой
блестящий лик, и идти было уже невозможно.

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о царе Табаристана и телохранителе и о том, как телохранитель пожертвовал своего сына призраку жизни царя

Ночь вторая

Когда солнце, этот странствующий по миру Алек-
сандр *, ушло во мрак запада, а месяц — царь войска
звезд — вышел из восточной страны, Худжасте из-за по-

крова кокетства и занавески церемоний пришла просить у попугая разрешения отправиться и сказала: «О сокровище счастья всех радостных, о царь и повелитель порхающих птиц! Пламя горести вспыхнуло в моей груди, запели в ней соловьи разлуки, взвились из горна сердца моего языки страстной боли. Правитель страны предусмотрительности отказался от знакомства со мной, а терпение, этот царственный всадник, скачущий на коне повелений, восклицает: „Увы, разлучены мы с тобой!“ Если в такой беде не пригодишься ты мне, то когда же ты вообще сможешь пригодиться? Если в таком деле не поможешь, то когда же вообще сможешь помочь? Дай мне разрешение сегодня вечером пойти, чтобы свиданием с другом я смогла превратить в день ночь разлуки; посмотрев на милого, смогла бы сделать день печали своей весельем, как праздничный день Нового года».

Нахшаби, свиданье с другом благом ты считай!
День разлуки с милым другом смертью нам был.
Можешь царство в этом мире вечное сыскать?
Тот нашел его, кто друга милого добыл!

Попугай ответил: «О сокровище скромности, о благодетельница моя! Сердце мое горит от твоей грусти! Душа моя трепещет от твоей печали! Пока ты не достигнешь своей цели, жизнь будет для меня пыткой. Пока не осуществишь своих желаний, существование будет для меня карой.

Но для того, чтобы влюбленный мог соединиться с возлюбленной и ищущий мог найти искомую, существует много правил и условий. Ничтожнейшее из них то, что друг должен оказывать собаке, живущей на улице друга, такое уважение, какого никогда не оказывал даже и человеку, но живущему на другой улице. Ты, наверно, слыхала, что как-то раз собака выбежала из дома Лайлы, и всюду, куда ставила ногу эта собака, Маджнун* припадал к земле челом. Его спросили: „Маджнун, это что еще за безумие?“ — „О невежды, — отвечал он, — не знаете вы, из чьего дома выбежала эта собака!“»

В степи бродя, Маджнун собаку раз увидел,
Как другу своему, ей руку протянул.
Его за это все тотчас же упрекнули,
Сказали: «Отчего с собакой ласков ты?»
Ответил он: «Забывать упреки все должны вы,
Ее я раз видал у Лайлы на дому!»

«О хозяйка,— продолжал попугай,— когда ты достигнешь сближения с возлюбленным, добьешься встречи и соединения с желанным, в отсутствие его ты должна оберегать основы искренности еще больше, чем в присутствии его. Ведь искренность в намерениях — причина умножения любви и повод к возрастанию близости, подобно тому как искренность намерений того телохранителя явилась причиной усиления любви и поводом его сближения с царем Табаристана».

Худжасте спросила: «А как это было?»

Попугай рассказал: «Говорят, что однажды царь Табаристана устроил пиршество, напоминавшее рай и дававшее представление о садах его. На том собрании радость вдела в ухо серьгу повиновения, а веселье возложило на плечо чепрак покорности. Застывшее вино давало место в сердце растворенному пламени. Застывший хрусталь наполнял грудь растворенными яхонтами. Да, если вино, с точки зрения закона, и является предисловием всех грехов и заглавным листом всех преступлений, то ученые знают, что в нем содержится много вечных выгод и бесчисленное количество услад телесных. Оно — лекарство, делающее янтарное лицо подобным бадахшанскому лалу*; оно — целебное зелье, придающее шафранной окраске пурпурный цвет. Оно счищает ржавчину скорби с зеркала сердца. Оно развязывает узел заикания на языках. Оно придает блеск пламени любви, уравнивает неуравновешенный темперамент, мутной крови оно дает чистое одеяние, испортившемуся цвету лица дарит халат свежести, отмывает вены от всего, что в них испорчено, устраняет смешавшуюся с кровью желчь; здорового человека веселит, застывшую флегму растворяет, тощего делает жирным, отнимает собачью похоть и воловью алчность и заставляет разойтись газовую и флегматичную колику».

Нахшаби, чудотворное зелье — вино
И груди причинять не способно вреда!
С точки зренья закона запретно оно,
Но и грешник полезен тебе иногда!

«Внезапно в это место веселья и беспечальный дворец вошел человек. Его спросили: „Кто ты?“ — „Я телохранитель ходжендского эмира“, — отвечал он. „Что же ты умеешь?“ — „Муж я, — сказал он, — играющий своей головой; лев, разрывающий волков; небо, страшась моих

стрел, прикрылось щитом солнца, а копьеносец Марс, испугавшись моего копья, выпустил из рук свое копье. Кроме того, много во мне и других искусств, несметное множество других способностей. Но эмир ходжендский не знал моей цены и не заботился обо мне. Если царь даст мне место среди своих телохранителей, он увидит, как я буду исполнять свои обязанности и какой блеск придам занятию караульного“.

Царь приказал, чтобы выполнили его желание и поместили его среди телохранителей. Но так как телохранитель этот был уж слишком велеречив, то слова его показались царю пустой болтовней, и он не стал особенно заботиться о своем новом слуге.

Счастлив тот, кому дали способности, но не дали самообольщения, одарили совершенством, но не подарили пустословия!»

Нахшаби, воздай от сердца своему творцу хвалу,
Если можешь, на коленях перед ним ты вечно стой:
Ведь создатель всемогущий из обилия щедрот
Подарил тебе искусство, похвальбы ж не дал пустой.

«Прошло много времени, пролетело много лет, и случилось как-то ночью царю прогуливаться по своему замку и осматривать все его части. Глянул он случайно вниз и увидел внизу какого-то человека в полном вооружении, устремившего взгляд на замок и стоявшего на одной ноге.

Он спросил: „Кто ты такой?“ — „Я старый слуга твой, — отвечал тот, — телохранитель я. Вот уже четыре года, как стою я на одной ноге, устремив взгляд на этот дворец, и стерегу этот замок. Слава Аллаху, что сегодня ночью упал на меня царский взгляд, увидело меня око царя царей“.

В то время, как царь и телохранитель вели такие беседы, из пустыни донесся странный крик и удивительный вопль: „Я ухожу, неужели никто не вернет меня назад?!“ Два раза долетел звук этого голоса до уха царя, и, услышав этот крик и выслушав этот стон, царь едва не лишился чувств, чуть не потерял сознание. „Телохранитель, — спросил он, — ты слышишь что-нибудь?“ — „Которую ночь, — отвечал он, — я слышу этот голос, но так как я несу мою службу, я не могу расследовать эту тайну, не могу заняться выяснением этого обстоятельства. Если царь прикажет, я пойду туда, обследую эту

тайну и выясню, что это за голос“. — „Это было бы прекрасно“, — молвил царь.

Телохранитель отправился, а следом за ним пошел и царь. Дойдя до равнины, телохранитель увидел прекрасную женщину, красивую девушку, которая повторяла: „Я уйду, неужели никто не вернет меня?!“

„Женщина, — спросил телохранитель, — кто ты такая и что за речи ты говоришь?“ — „Я — образ жизни царя Табаристана, — отвечала она. — Срок жизни его закончился, дарованная ему отсрочка истекла; я уйду, чтобы дать власть другому и предоставить черед жизни следующему человеку“.

Телохранитель спросил: „О женщина, вот ты говоришь: кто меня вернет? А что же может вернуть тебя, кто может помешать тебе уйти и заставить подобно Хуме * бросить тень на главу его?“ — „Если ты пожертвуешь своим сыном, — отвечал призрак, — и отдашь его жизнь этому царю, это помешает мне уйти и царь будет жить еще некоторое время“. — „Если так, — воскликнул телохранитель, — пусть моя жизнь и жизнь моего сына будут принесены в жертву царю! Подожди здесь немного, а я пока схожу домой, принесу в жертву этому дворцу моего сына, отдам его жизнь ради этого трона“».

Нахшаби, собою жертвуй для друзей,
Ведь красавцы губят тысячи людей.
Самого себя убил тот человек,
Что стремится не для милых жить друзей.

«Телохранитель пришел домой, рассказал обо всем этом сыну и молвил: „И вот я убью тебя!“ — „Делай то, что тебе приказали, — отвечал сын. — Жалко было бы, если бы царский трон лишился такого царя, трон царя царей утратил бы такого властелина. Если смерть моя может стать причиной его жизни, я даю согласие на смерть и рад буду умереть. О отец, не теряй же времени и скорее приступай к делу! Поистине, если захочет Аллах, ты увидишь меня терпеливым“».

Иго любви на себя возложи, Нахшаби, ты,
Долго ли будешь страшиться за жизнь ты свою?
Знаешь ли ты, что такое любовные игры?
Это — терпеть, коль пилюю терзают тебя!

«Отец, подобно Аврааму **, приставил нож к горлу Исмаила своего и хотел принести его в жертву этой Каабе *** совершенства и величия, но тот же призрак

подал с улицы голос: „О телохранитель, оставь сына своего, ибо благодаря благословенной преданности твоей, царь спасен из когтей смерти и грамота жизни его возобновлена. Я уже не могу уйти, наступив ногой на подол устойчивости“.

Телохранитель сотворил благодарственный поклон и отправился снова выполнять свои обязанности. Царь все это наблюдал издали и возвратился в замок раньше, чем телохранитель успел вернуться на свое место. Когда телохранитель пришел, царь спросил: „Что случилось?“

Телохранитель подумал и молвил про себя: „Если я расскажу ему все, что произошло, я замараю свою преданность примесью похвальбы“. Поэтому он ответил: „О царь, это одна женщина прогневалась на своего мужа и ушла от него, я отвел ее назад и примирил их“.

Устыдившись от такой доблести, царь похвалил его сметливость и понятливость и сказал: „О телохранитель, когда ты ушел отсюда, я пошел за тобой следом, ты возвращался, я тоже шел за тобой. Я наблюдал и созерцал все, что произошло на улице и в доме, и стыжусь твоего благородства. Если в прежние дни я не пекся о тебе так, как это было нужно, то в будущем, если захочет того Аллах, я попрошу у тебя извинения и сделаю тебя великим человеком. Ты достоин восседать в царских покоях, а не стоять и караулить“.

На другое утро, когда караульный-месяц сошел со своего поста, а страж-солнце занял свое место, царь повелел кликнуть клич по городу и созвать всех вельмож царства и сановников государства, важнейших из придворных и почтеннейших из приближенных и в присутствии этого собрания назначил телохранителя своим заместителем, провозгласил его своим наследником и таким образом вознаградил его за преданность».

Нахшаби, ничьи труды не пропадут,
Ведь змею под грудой роз скрывает клад.
Ветка службы сочный плод всегда несет,
Труд всегда приносит множество услад.

Рассказав это, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, преданность рождает такие дела, искренность несет такие плоды. То дело, благодаря которому телохранитель добился наместничества и караульный получил царство, во сколько же раз больше щедрот принесет близкому другу и приятелю, посвященному

в тайны? Теперь исполнись искренностью, встань и ступай к тому, кто поджидает тебя, свято блюдя данный мною тебе завет!»

Худжасте собралась было выполнить его указание и пойти к своему верному другу, но солнце оказалось более верным другом... В то же мгновение раздался дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно.

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о золотых дел мастере и столяре,
о том, как они унесли золотых идолов,
как золотых дел мастер украл их
и какую хитрость придумал столяр**

Ночь третья

Когда ювелир — небесный свод положил червонное золото-солнце в тигель запада и достал чистое серебро месяца из рудника востока, Худжасте разукрасилась как золотой идол, убралась разными драгоценными камнями, пошла к попугаю и молвила: «О умелый врач! О многоопытный мудрец! Желтуха любви сделала желтыми очи мои, страстный недуг поверг в страдания грудь мою. Если ты не сумеешь распутать этот узел, какая от тебя польза? Если не сможешь исцелить эти раны, какой от тебя толк? Если друг не может помочь друзьям в дни печали, лучше, чтобы и он сам печалился! Если приятель не подхватит под руки приятеля в минуту горя, лучше, чтобы и он сам горевал!»

Нахшаби, нужны друзья нам в горестные дни,
В мире всякий может помощь у друзей найти.
Только тот, кто не желает в горе пособить,
Никогда вообще не сможет пользы принести!

«О попугай, дай мне дозволение сегодня ночью озарить ночь разлуки утренним светом свидания с милым, осветить вечер отчужденности блеском утра слияния с тем, кто мне дорог».

Попугай ответил: «Я уже в первую ночь дал тебе дозволение. Зачем же ты терзаешься наружно, зачем ввергаешь в пламя все свои внутренности? Зачем заставляешь ждать несчастного влюбленного? Я существо, любящее собеседников, человек предусмотрительный. Разве мало я знаю рассказов и повестей? Разве истощится мой запас притч и историй? Если ты каждую ночь будешь увлекаться моими баснями и рассказами и постоянно будешь упускать ночь, когда же сможешь ты дожидаться дня свидания с другом? Когда день начнет склоняться к вечеру, ты подзакуси и ступай скорее в покои возлюбленного! Вот только нехорошо, что ты разукрасилась лалами и самоцветами, золотом и серебром. Боюсь я, что этот человек может польститься на твоё золото и отложит в сторону все притязания на любовь, как тот золотых дел мастер польстился на золото столяра и отбросил долголетнюю любовь!»

«А как же это случилось?» — спросила Худжасте.

«Говорят, что в одном городе, — ответил попугай, — дружили между собой золотых дел мастер и столяр. Дружили они так, что о разлуке их, как о разлуке двух звезд в одном созвездии, нельзя было и помыслить. Все дни проводили они вместе, все ночи почивали в одном месте. И всякий, кто глядел на них, считал их за двух братьев. Всякий, кто присматривался к их любви, полагал, что это два родственника».

Поистине, близость по любви лучше, чем близость по родству!

Нахшаби, ни с чем сравниться добрый друг не может,
Из всех сил всегда старайся добрым другом быть ты!
И ученые об этом тоже говорили:
Добрый друг всегда приятней, чем родня плохая!

«Как-то раз золотых дел мастеру случилось отправиться в путешествие, столяр тоже присоединился к нему. Перенеся множество лишений и выстрадав много бедствий, попали они в один город. Но в этом городе умение и искусство не имели сбыта и никто даже внимания не обращал на их мастерство и ремесло. От безработицы попали они в бедственное положение, от нуж-

ды дошли до крайнего отчаяния. Но Аллах всевышний всех оберегает от нужды и страданий на чужбине».

Нахшаби, беда большая — бедность и нужда,
У несчастных кровь реками льется из очей,
Но хотя нужда ужасна, в том сомненья нет,
На чужбине, друг мой милый, во сто крат страшней!

«Золотых дел мастер и столяр были людьми хитроумными и проицательными. И вот молвили они: „Надо нам придумать хитрость, которая могла бы дать нам пропитание и средства к существованию. А хитрость эта такова: есть здесь капище, а в нем золотые идолы*, изукрашенные драгоценными камнями и яхонтами. Надо нам под видом монахов забраться в это капище, с величайшим рвением погрузиться в молитвы и выждать удобный случай. Если удастся, мы похитим оттуда идола и снимем с него такое количество драгоценных камней, какого нам хватит, чтобы до самого конца дней наших прожить в покое и довольстве“.

Так они и сделали: вошли в это капище и с таким рвением погрузились в молитвы, что монахи и набожные люди того города устыдились и начали говорить: „Если благочестие возможно, то вот оно перед нами. Мы же сами за всю жизнь ничего не сделали“.

Каждый день благочестивые люди по одному или по два уходили из этого капища под разными предлогами, а когда их спрашивали, почему они покидают капище, они говорили: „Если благочестие именно то самое, чем отличаются эти два человека, то в нас самих благочестия нет; если же благочестие то, что проявляем мы, то лучше бы ему и не быть вовсе“.

Разве ты не слыхал, что с шейхом Баязидом Бистами**, да помилует его Аллах, жил по соседству один еврей. Как-то раз кто-то спросил его: „О еврей, ты живешь рядом с этим святым человеком, так почему же ты, видя его святость, все по-прежнему остаешься евреем?“ Еврей отвечал „Ах, ходжа, если то, чем он обладает, является мусульманством, то и мы, и тысячи таких, как мы, не склонны к такому мусульманству; если же мусульманство то самое, чем обладаете все вы, то немусульманство лучше такого мусульманства“».

Бороться за дело святое всегда, Нахшаби, ты старайся,
Несчастливым того назову я, кто этих не ведал трудов!

Словами одними ты дело святое подвинуть не сможешь,
Тот — муж, кто за дело святое страдать и бороться готов!

«Через несколько дней все монахи покинули капище и не осталось в нем никого, кроме золотых дел мастера и столяра. Народ питал к ним такую склонность и такое доверие, что им передали и ключ и замок от капища, поручили им и утварь, и крест, и саму церковь. Великий Аллах! Если человек притворно молится в капище перед идолами, то люди уже начинают питать к нему такую склонность и такое доверие! Какие же щедроты может оказать Аллах тому, кто искренне молится в мечети перед лицом творца всех тварей, велик и славен да будет он!»

Нахшаби, оставь притворство навсегда,
От души ступай служить ты в сей дворец.
Ведь всем тем, кто от притворства далеки,
Много благ подаст создатель и творец!

«Когда капище было совершенно покинуто монахами, золотых дел мастер и столяр отправились однажды к правителям того города и сказали: „Сегодня ночью мы видели во сне, что идолы обратились к нам с такими речами: Так как люди этого города перестали поклоняться нам, мы пойдем в другой город, где, нам будут поклоняться!“

Жители города перепугались: не дай, мол, бог, чтобы они ушли из этого города и жители города были бы лишены их благодати. Они сказали: „Если вы в другой раз увидите их во сне, то передайте им, что жители города не потому перестали поклоняться им, что идолы недостойны поклонения, а потому, что не могут они поклоняться им так, как идолы того заслуживают“».

Нахшаби, остерегайся на словах лишь поклоняться,
Знай, позорно это дело и большое преступленье.
Если молишься ты богу, погрузись в свою молитву,
Если лишь слова бормочут — бесполезны все моленья.

«Так прошло несколько дней. Однажды ночью золотых дел мастер и столяр вынесли из капища всех золотых идолов и зарыли их в землю в одном укромном месте. Затем они отправились к правителям города и сказали: „Сегодня ночью идолы покинули капище. Уходили они на наших глазах, открыто, и, очевидно, пошли в другое место. Теперь мы еще несколько дней будем молиться в пустом капище, будем умолять их, стенать и взывать к

ним — быть может, они сжалятся над нашей скорбью и снова вернутся в капище. Мы устремим наши усилия на их возвращение. Если же они не вернутся, то нам нельзя оставаться в месте, где некому поклоняться, и придется поневоле пойти туда, где есть идолы“.

Те глупые люди от чрезмерной глупости своей поклонялись неодушевленным предметам. Слова эти они сочли за правду и не уразумели того, что неодушевленные предметы не могут передвигаться. Великий Аллах, сколь слепо сердце идолопоклонников! Сотворенных ими самими идолов они считают своим творцом, полагают, что сделанные их же руками истуканы достойны поклонения! Неужели не найдется человека, который сказал бы им: „Тьфу, сколь презренны вы сами и то, чему вы поклоняетесь!“»

Идолам, знай, Нахшаби, поклоняться позорно,
Телу молиться бездушному — грех величайший:
Всяк, кто пред идолом жалким главу преклоняет,
Более жалок и низок, чем идол ничтожный!

«Через несколько дней золотых дел мастер и столяр, покинули город, вырыли идолов, которых они закопали в землю, и направились в свой город. Добравшись до окрестностей своего города, они зарыли золото под деревом. По мере необходимости они доставали его оттуда, тратили каждый на свои нужды и проводили время в довольстве и обилии. Как-то раз золотых дел мастер позарился на долю столяра, ибо низость — это свойство ювелиров, и без покражи они обойтись не могут. Захотел он похитить тайно золото, лишить столяра его части и порушить старую дружбу. Так он и сделал! Однажды ночью он выкопал этих идолов, отнес их к себе домой, а наутро, когда ювелир дня извлек чистое золото-солнце из тигля востока, ухватил он столяра за полу и поднял крик: „Нечистый вор! Коварный друг! Не помнишь ты нашей дружбы! Ты порушил нашу любовь и лишил меня моей доли! Сколько же дней будешь ты проедать это золото? На сколько времени хватит тебе его?“

Вот такой крик поднял золотых дел мастер, а столяр изумился и подумал: „Что же это он такое говорит и как он может приписывать мне свое преступление?“»

Нахшаби, в поступках низких ты других не обвиняй,
Обвинять тогда лишь можно, коль проступок налицо.

Ведь всегда стремятся люди, если сами согрешат,
Обвинять других в проступках и поклепы возводить.

«Столяр молвил: „О золотых дел мастер, я тебя не трогаю, оставь же и ты меня и не подозревай в таком преступлении. Это — величайшая ложь“.

Золотых дел мастер увидел, что столяр не склонен заводить распрю и раздор, и оставил его в покое. Но столяр не оставил его, наружно соблюдал он прежнюю дружбу, а в душе поджидал удобного случая, чтобы ему отомстить.

Прошло несколько дней. Столяр выточил фигуру, похожую на золотых дел мастера, облек ее в одежду золотых дел мастера, раздобыл двух медвежат и стал класть пищу для них под полы и в рукава фигуры. Всякий раз, как медвежатам хотелось есть, они засовывали головы под полы и в рукава фигуры и ели свою пищу.

Когда медвежата совсем привыкли к этому изображению, столяр устроил у себя пиршество и пригласил жен всех родных и знакомых. По старому обыкновению, пришла в дом столяра также и жена золотых дел мастера вместе с двумя сыновьями. А столяр вырыл у себя в доме глубокую яму. Он тотчас же схватил двух детишек, спрятал их, вытащил тех двух медвежат и поднял крик: „Сыновья золотых дел мастера заколдованы! Они превратились в медведей!“

Прибежал золотых дел мастер, вцепился столяру в бороду: „Ты погубил моих детей и теперь хочешь дать взамен их медвежат! Разве может человек стать медведем? Возможно ли, чтобы человек принял облик зверя?“

Дело дошло до правителя и судьи. Судья спросил: „Эй, столяр, как же было это дело?“ — „Эти два ребенка, — отвечал тот, — играли вместе, вдруг упали и приняли такой облик“. — „Могу ли я положиться на твои слова?“ — спросил судья. „Доказательство моих слов в том, — отвечал столяр, — что, когда целое племя было обращено в зверей, облик их изменился, но разум остался прежним. Поэтому, когда к ним пришли ученики Иисуса, мир да будет с ним, всякий, кого они называли по имени, мотал головой и проливал слезы. Сегодня эти дети были превращены предо мной, но отец их сохранил свой прежний облик. Пусть медвежат выпустят, и если они среди всех присутствующих узнают отца и

проявят к нему склонность, то это действительно его дети“.

Судье эти слова чрезвычайно понравились. Медвежат спустили с цепи, и они, приняв золотых дел мастера за его деревянное изображение, тотчас подбежали к нему и начали тереться о его полы и рукава. Как золотых дел мастер ни старался отогнать их, они с мольбой хватались за него, принимая его за своего благодетеля».

Нахшаби, благодетелей помни своих,
Кто забудет о них, с тем стрясется беда.
Ведь заботы всех щедрых и добрых людей
На защиту направлены слабых всегда.

«„Золотых дел мастер,— молвил судья,— стало вполне очевидно, что это твои дети. Бери их, покорись своей доле и попроси извинения за свои дела и речи. Быть может, они и примут свой прежний облик, превратятся в свою прежнюю форму“.

Отчаялся золотых дел мастер добиться правосудия, пошел, поклонился в ноги столяру и сказал: „Если ты совершил это дело, чтобы получить свое золото, то оно в целости и сохранности. Тебе из него причитается только половина, возьми же две трети и верни мне моих детей“.— „Ты поступил коварно,— ответил столяр,— а коварство — великий грех. Но если ты раскаиваешься и готов возвратить мне то, на что я имею право, не будет удивительно, если дети твои снова примут свой прежний вид“.

Золотых дел мастер отправился, принес две трети всего золота и положил его перед столяром. Тот унес медвежат, принес детей и поставил их перед отцом.

Да, давно уже сказано:

Если друг тебя обманет, обмани и ты его,
Если меч кривой, кривы и ножны у него».
Нахшаби, старайся в мире опыт обрести.
Если меч кривой, и ножны кривы у него.
И того, кто беспричинно зло чинить готов,
Несомненно, милый друг мой, поразит беда.

Дойдя до этих слов, попугай повел такую речь: «О хозяйка, золотых дел мастер и столяр дружили много лет, и все же золотых дел мастер позарился на золото столяра и ради мирского добра забыл многолетнюю дружбу. Не ходи же с этим золотом и такими украшениями к возлюбленному, которого ты знаешь только два

дня. Смотри, как бы не позарился он на твое золото, не отложил в сторону все притязания на дружбу и любовь и не заставил бы говорить о тебе и друзей и врагов».

Худжасте хотела последовать его совету, снять золото и все излишние украшения и пойти к другу в простом наряде безо всяких прикрас, как вдруг ювелир небесного свода украсил солнце украшениями из светлых лучей, поднялся дневной шум, утро показало свой блестящий лик, и идти было уже невозможно.

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о воине, добродетельной жене,
о том, как она дала мужу букет,
как букет остался свежим,
а сын эмира был посрамлен

Ночь четвертая

Когда желтый жасмин-солнце сокрылся на западе, а столистная роза-месяц распустилась на ветвях розового куста востока, Худжасте, подобная смеющейся розе, пришла к попугаю просить разрешения и сказала:

«О соловей времен и горлица дней! Разве ты ничего не знаешь о моей тоске? Мощная страсть уничтожила мое терпение, а нападение любви разрушило дом спокойствия. Ночь разлуки не сменяется утром, после вечера страстного томления не начинает брезжить рассвет».

Темен мрачный день разлуки, Нахшаби!
Это знают люди в мире всем давно.
В день разлуки нам не светит солнца свет,
Ночь и день для всех покинутых — одно.

«Дай мне сегодня вечером дозволение, чтобы я могла полные крови очи мои осветить свиданием с другом, могла опечаленную грудь мою слиянием с возлюбленным сделать радостной, как цветник».

«О Худжасте,— ответил попугай,— разве могу я препятствовать тебе в таком деле! Разве могу мешать тебе при таких обстоятельствах! У меня самого от твоего горя истерзана грудь и очи льют слезы. Но ты каждую ночь пленяешься моим изяществом и остроумием, увлекаешься моими рассказами и повестями, а несчастного влюбленного заставляешь ждать понапрасну. Боюсь я, как бы в скором времени не приехал твой муж и не пришлось бы тебе так же устыдиться перед своим возлюбленным, как сын эмира устыдился жены воина».

«А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят,— отвечал попугай,— что в одном городе жил некий воин, у которого была жена — красивая и праведная. Муж непрестанно стремился оберегать жену, желал, чтобы противный ветер не мог коснуться ее, а того не знал, что, кроме божественной охраны, никто не может уберечь женщины. В конце концов дошли они до величайшей нужды, истомила их бедность. Однажды жена сказала ему: „Ты совершенно перестал зарабатывать и забросил свою службу. Если ты и перестал любить меня, то хлеб-то все же мне нужен. Ведь мудрецы говорят: „Тот, кто перестает работать, делает это либо из лени, либо из стыда, либо полагаясь на Аллаха. Кто перестает работать из лени, неизбежно будет завидовать; кто не работает из стыда, будет мучиться, а кто не работает, уповая на Аллаха, протянет руку за подаянием“».

Нахшаби, всегда работа плод обильный принесет,
А безделье жалом острым всю тебе изранит грудь.
Ведь тому, кто труд забросил и безделью предался,
Неизбежно, друг, придется вскоре руку протянуть.

„О жена,— ответил муж,— я страдаю чрезмерной ревностью и не хочу оставлять тебя одну без присмотра. Ведь благородные мужи и доблестные герои говорят, что того, у кого нет ревности, называют сводником. Творец всех тварей — велик и славен да будет он — все, что творил, творил словами „Да будет!“, кроме пера, человека и рая. Эти же три создания сотворил он мощ-

ной рукой своей. Когда же творение рая было закончено, обратился он к нему со славными и великими словами: „Пусть же не долетят ароматы твои до сводника!“

В ночь мираджа *, бывшую для Мухаммада, да сохранит его Аллах и да помилует, базарным днем его, великий посланник обозревал дома всех друзей своих. Дойдя до дверей Омара **, он не вошел к нему в дом. Его спросили, почему он не входит. „Омар — человек ревнивый, — отвечал он, — и без разрешения нельзя входить к нему в дом“. Кроме того, люди благочестивые говорят: ревность — качество, особенно присущее праведникам“».

Нахшаби, считай за честь ревнивым быть,
Честь и ревность невозможно разделять.
Ведь героев всех и доблестных мужей —
Всех приходится ревнивыми считать.

«„Что за нелепая мысль зародилась у тебя в голове! — сказала жена. — Что за неправильное представление овладело твоими помыслами! Праведную жену ни один мужчина не сможет вовлечь в порок и разврат, а порочную жену не сможет уберечь ни один муж. Чем больше будет муж оберегать и охранять ее, тем больше будет развратничать и прелюбодействовать плохая жена. Разве не слышал ты рассказ о той жене йога, которую он стерег, посадив себе на спину, оберегал в пустыне, где совершенно не было людей, и которая все же, несмотря на это, согрешила с сотней мужчин?“

„Как же это было?“ — спросил воин.

„Рассказывают, — начала жена, — что жил некий человек, чрезвычайно смелый и храбрый, у которого была исключительно красивая и прелестная жена. Но человек этот никогда не ревновал своей жены и не знал даже, что такое ревность. Однажды ночью, желая подшутить над ним и испытать его, названная сестра этой жены переоделась в мужское платье и улеглась на одно ложе с ней. Когда доблестный муж пришел и увидел, что кто-то спит рядом с его женой, он не причинил ему никакого зла и не разгневался, а только сказал: „Эй юноша, вставай-ка, теперь наша очередь!“

Обе женщины со смехом вскочили, изумились такому отсутствию ревности, поразились такому небрежному отношению к чести и спросили: „В тебе столько до-

блести и смелости, так отчего же в тебе совершенно нет ревности?”

„Случилось мне однажды видеть чудо в пустыне, — отвечал он, — и с того дня я совершенно отказался от ревности, забросил лишнее содержания понятие о чести, возложил все надежды на божественную защиту, стал уповать исключительно на небесную охрану“.

„Что же это было за чудо?“ — спросили женщины.

„Однажды увидел я в лесу слона, — начал рассказывать муж, — подобного горе и похожего на тучу; на спине у него был царственный павильон. Молвил я про себя: „Слон не диво в лесу, но что на спине у него паланкин — это странно“. От страха я забрался на дерево, а слон подошел, опустил паланкин под этим самым деревом и отправился пастись. Из паланкина вышла женщина столь прекрасная, что никогда глаза мои не видывали подобного месяца, во всю жизнь не слыхивали мои уши о такой желанной сердцу красоте. Овладела мною страсть, я слез с дерева и начал развлекать ее. Она отнеслась к этому благосклонно, и от чрезвычайного душевного возбуждения предались мы с ней и плотскому наслаждению. Когда мы покончили дело, женщина вытащила из кармана бечевку, покрытую узлами, и навязала на ней еще один узел. Я спросил: „О женщина, что это за веревка и что за узлы? Надо, чтобы ты раскрыла мне всю истину и развязала предо мной узел этого затруднения“. Та ответила: „Мой муж — йог и прекрасно знает науку колдовства и искусство магии. Но от чрезмерной ревности он избегает населенных мест и не заходит в города. Посадив меня на спину, он бродит по пустыне, а сам принял облик слона, чтобы от страха перед ним ко мне не осмеливалось приблизиться ни одно живое существо и ни одно животное, опасаясь его, не подходило бы ко мне. Но с той поры, как он старается охранить и уберечь меня, я даже и в пустыне, ему наперекор, сыграла в нарды страсти с девятью девятью мужчинами и достигла осуществления моих стремлений — сотым человеком был ты. После каждого мужчины я завязывала узелок на этой бечевке — сегодня на ней уже сто узлов, а свободная от узлов часть еще длинна, и я не знаю, сколько еще узлов на ней может поместиться и кто сможет развязать запутанные узлы моего дела“.

Когда я увидел дело этой женщины, начал я избегать смотреть на чужих жен, а охрану своей жены вверил божественным стражам“».

Для всех есть хранитель один, Нахшаби,
И все, что случится,— решение его,
Ведь люди не в силах ничто уберечь,
Защиты у бога проси одного.

«Когда жена воина закончила этот рассказ, воин сказал: „Что же ты скажешь мне теперь и какое дело мне присоветуешь?“— „Лучше всего будет,— отвечала жена,— если ты перестанешь печься обо мне, стряхнешь с себя все печали и поищешь себе службу. Я дам тебе букет цветов, и этот букет будет доказательством моей невинности. До тех пор, пока эти цветы будут свежими и влажными, ты знай, что душа моя чиста, как эти цветы. Если же цветы увянут, можешь быть уверен, что тело мое загрязнено прикосновением чужого“.

Она дала мужу букет, и тот со спокойным сердцем отправился в путь и поступил на службу к сыну одного эмира.

Через некоторое время настала зима и мир сковала зимняя стужа. Сады утратили листву, в цветниках уже не распускались розы, от сильной стужи небо, подобно языку скучных рассказчиков, исторгало лед, от страшного холода мир, как хладнокровные люди, подернулся инеем, от чрезмерной стужи огонь укрылся в четырех стенах очага, от лютого мороза саламандра заползла в пламя.

Однажды сын эмира сказал своим слугам: „В это студеное время и в эти холодные дни ни в одном саду не осталось цветов и нет зелени на лугах. Откуда же этот чужестранец может постоянно доставать свежие цветы?“— „Мы тоже удивляемся этому,— отвечали они,— надо выпытать это у него, надо добиться от него раскрытия этой тайны“.

Когда сын эмира спросил воина, откуда достает он каждый день свежие цветы, тот ответил: „Эти цветы из цветника добродетели моей жены, этот букет с лугов праведности ее. Когда она отправляла меня, она дала мне их в виде эмблемы своей невинности и сказала, что пока эти цветы останутся свежими, я бы знал, что и роза ее невинности тоже свежа. Если же цветы эти увянут, ведал бы, что роза добродетели тоже увяла“.

„Это женщина, наверное, колдунья, — сказал сын эмира, — тот кто заклинаниями и талисманами в течение месяцев может поддерживать свежесть цветка, несомненно может хитростью и коварством своим совершать и другие дела. Обманула она несчастного мужа этим пучком цветов, а сама, как букет, услаждает других“.

Но как сын эмира ни насмехался, сколько ни говорил подобных слов, муж не отказывался от своих убеждений и его доверие к жене не уменьшалось».

Нахшаби, всегда устойчив будь в своем доверье,
Яд растертый тортом нам назвать нельзя!
Коль в доверии упорства нет, то знай, мой друг, ты,
Что доверьем то доверье нам считать нельзя!

«Долгое время эти розы оставались свежими, много дней воин гордился праведностью жены...

А у сына эмира было два повара, красивых и прекрасных, изящных и прелестных. Дал он одному из них много денег, послал его в город, где жила та жена, и сказал: „Соблазнить женщину и сбить с толку неразумное существо — дело нетрудное. Отправляйся туда, соблазни ее, как знаешь, и постарайся разделить с ней ложе. Посмотрим, останутся ли цветы влажными и свежими или нет“.

Повар, добравшись до города, где жила та женщина, раздобыл сводню и подослал ее к ней. Женщина не разгневалась и сказала: „Приведи его ко мне, я посмотрю, достоин он того или нет. Если можно иметь с ним дело, я согласна, если же нет, то большого удовольствия от этого быть не может“.

Когда повар пришел в дом к этой женщине, она сказала: Если ты желаешь сблизиться со мной, не посвящай в это дело сводню, ибо эти люди разглашают такие тайны, распространяют такие секреты. Ты сейчас возвратись и скажи сводне: „Эта женщина не достойна моей любви и, хотя она и прекрасна, не заслуживает уважения с моей стороны. Поищи для меня другую возлюбленную, выищи другую красавицу“. Когда сводня утратит надежду чего-нибудь от меня добиться, ты выберись из того дома, где остановился, и все пожитки и поклажу перевези сюда, дабы мы могли быть в безопасности от чужого глаза и поиграть в игру страсти“.

Повару эти слова понравились и показались разумными. Вышел он из дома, чтобы уладить это дело, и путем щедрот своих в скором времени избавился от сводни.

А в доме этой женщины была глубокая яма, бездонная дыра, поверх которой была положена циновка, сплетенная из сырых бечевок, и наброшено покрывало. Когда повар вернулся, женщина указала ему на эту циновку. Не успел он ступить на нее, как тотчас же провалился и поднял жалобный крик и стон. „Не кричи,— сказала жена,— а лучше скажи мне правду: кто ты и откуда, зачем приехал сюда и почему тебе пришлось в голову влюбиться в меня“.

Повар увидел, что спасти его может только правда, и начал рассказывать всю свою историю, повествовать о том, как цветы оставались свежими и как его отправил сын эмира. „Ты хотел,— сказала женщина,— ввергнуть мою добродетельную душу в колодец порока и разврата, а вместо того сам упал в колодец“.

Поистине, верно говорит арабская пословица: „Кто роет колодец для брата своего, тот наверняка сам упадет туда“».

Нахшаби, другому козни строить не старайся,
Если хочешь в этом мире ты спокойно жить.
Для другого кто колодец вырыть пожелает,
Сам туда, мой друг, наверно, вскоре упадет.

«Время отсутствия первого повара затянулось. Сын эмира послал второго, и тот упал в тот же колодец и был пленен бедствием. „Отправил я двух человек,— молвил сын эмира,— а ни один не возвращается. Очевидно, случилась какая-то беда, произошло какое-то несчастье. Придется ехать мне самому и расследовать это дело“.

Выехал он под предлогом охоты вместе с воином. Когда они добрались до того города, воин пошел домой и поставил букет перед женой таким же свежим, каким и увез от нее. Жена показала ему другие цветы, распустившиеся в его отсутствие, и рассказала все, что случилось.

На другой день воин пригласил сына эмира в свой дом, а тот и сам стремился хитростью забраться к нему, чтобы поглядеть на честность его жены и испытать

устой ее порядочности, и поэтому тотчас отправился. Когда настало время накрывать стол, жена вытащила поваров из ямы и сказала: „Ко мне приехал дорогой гость, оденьте платья рабынь и снесите ему угощение. Когда он встанет из-за стола, я отпущу вас на свободу“.

От плохих условий жизни в колодце и скверной пищи у обоих выпали волосы на голове и исчезла борода, от муки заключения в яме пропала свежесть их лиц. Облачились они в женские платья и, поставив на головы подносы, понесли их гостю.

„Что за проступки совершили эти девушки,— спросил сын эмира,— что им обрили волосы на голове?“— „Они совершили великое преступление,— ответили ему,— спроси их самих, что они сделали“.

Сын эмира хорошенько посмотрел на них и признал, кто они такие, а они упали к его ногам и засвидетельствовали непорочность этой почтенной жены. Тогда жена подала голос из-за занавески: „О сын эмира, я та самая женщина, которую ты называл колдуньей, к которой подослал для испытания людей, над цветами которой смеялся и издевался. Я хочу, чтобы самум вздохов налетел на тебя, чтобы роза молодости твоей была развеяна ветрами бедствий, чтобы сам ты превратился в кучу углей и пепла, дабы другой раз ты не подозревал почтенных женщин в разврате и не издевался над рабами Аллаха, велик и славен да будет он“.

Когда сын эмира услышал эти слова, его охватила дрожь, раскаялся он в словах и делах своих и устыдился этой праведной жены.

Истину говорит арабская пословица: „Кто праведен, тот не страшится завистников“».

Нахшаби, кто может добрых злыми называть?
Хоть ничто от сплетни в мире мужа не спасет,
Все же тот, кто добродетель взял за образец,
Всем врагам заткнул свирепым доброй жизнью рот.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, устраивай свое дело, не упускай случая и иди к своему несчастному возлюбленному! Нехорошо будет, если в скором времени вернется твой муж и ты устыдишься своего возлюбленного, как тот сын эмира устыдился этой жены».

Худжасте хотела последовать его совету, выполнить указания попугая и тотчас же пойти в покои друга, но день, эта завеса дверей любящих, высунул голову из-за занавеса небосклона, поднялся дневной шум, утро показало свой блестящий лик, и идти уже было невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о царе Камру,
о том, как попугай лечил его
и как лечение не было доведено до конца**

Ночь пятая

Когда златокрылый попугай-солнце ушел в клетку запада, а серебристый сокол-месяц вылетел из темницы востока, Худжасте с волнением в сердце и слезами на глазах пошла просить у попугая разрешения и увидела, что он сидит, повесив голову и погружившись в размышления.

«О сокровище радости! О ученая птица! — спросила она. — По какой такой причине ты задумался, о чем размышляешь?» — «Думаю я о твоих делах, — ответил попугай, — задумался, печалюсь о тебе, потому что верность ищущего должна быть беспредельна, как и воздаяние за поиск, а любовь любящего безгранична, как красота любимого. Не знаю я, что любовь того, кто утверждает, что любит тебя и похвально своей страстью, будет длительна, как тень от навеса над колодцем, или же кратковременна, как тень облака; будет ли его любовь к тебе продолжительна, как любовь взрослых, или пролетит в одну ночь, как любовь детей. Боюсь я,

что любви вашей не удастся дойти до совершенства и что останется она незаконченной, как осталось незаконченным лечение царя Камру *».

«А как это было?» — спросила Худжасте.

«Рассказывают, — ответил попугай, — что в окрестностях Камру один попугай вывел на дереве птенцов. А под этим самым деревом вскармливала детенышей лиса. От времени до времени птенцы попугая спускались и играли с лисенятами. Попугай был птицей знающей и мудрой, видел он облик будущего в зеркале обстоятельств, предвидел будущие события ранее их осуществления и часто давал своим птенцам совет: „Как могут птицы водиться со зверями? Как могут звери дружить с птицами? В любви и дружбе с существами другой породы не может быть блага, и не может в такой привязанности заключаться добро... Какая польза от дружбы с горлицей, какая выгода слону от близости комара?“»

Нахшаби, тех сторонись ты, кто тебе не пара:
Пользу вряд ли ты увидишь от толпы презренной.
Много раз тебе твердили истину такую:
Бесполезно с тем водиться, кто тебе не пара.

«„Тот, кто не слушает добрых советов и водится с существами другой породы, увидит то же, что и та обезьяна“».

„Какая обезьяна?“ — спросили птенцы.

Попугай ответил: „Говорят, что была одна обезьяна, которая умела играть в шахматы. Жила она возле одного замка и дружила с сыном управителя этого замка, с которым играла в эту игру. Старшие давали ей совет: „Как ты можешь водиться с сыном Адамовым, зачем дружишь с человеком? От этой дружбы без сомнения стрясется с тобой беда, неизбежно увидишь ты несчастье“».

Но обезьяна не слушала. Однажды сын правителя пригласил в гости именитейших горожан и знаменитейших современников, людей могучих и великих, а сам уселся играть с обезьяной в шахматы. Вдруг обезьяна сделала такой ход, что сын управителя попал в затруднительное положение. Устыдился он всех присутствующих и так ударил обезьяну по голове доской, что все поле доски от крови ее приняло один цвет — рубино-

вый. Обезьяна тоже вскочила и, нещадно исцарапав все его тело, ушла на крышу замка“».

Нахшаби, природа злая злою остается,
Никогда неверный верным в мире стать не сможет.
Всяк пойти стремится в мире по пути благому,
Но от зла природа злая уж отстать не сможет.

«„Раны сына управителя со дня на день становились все хуже, последствия дела рук обезьяны с часу на час делались плачевнее, никакие снадобья не приносили пользы, все пластыри оказывались непригодными. Несколько времени спустя прибыл к нему опытный врач и искусный лекарь, который мудреными лекарствами и сложным лечением исцелял огонь от жара, вылечивал воду от трясовицы, освобождал ветер от трепетания и удалял у земли болезненную сухость. „Нет от этой болезни лекарства,— молвил он,— и нет пластыря для этих ран, кроме крови той самой обезьяны, которая их нанесла. Убейте ее и смажьте ее кровью эти раны. Тогда царапины эти заживут и раны зарубцуются. Ведь похмелье после вина удаляется тем же вином, яд гадюки изгоняется жженой гадюкой. „Железо открывают железом“,— гласит арабская пословица“».

Лик Лайлы от Лайлы самой исцеляет,
Похмелье же только вино отгоняет.

Сын управителя по дружбе своей с обезьяной несколько дней противился этому и не соглашался на убийство обезьяны. Однако, когда боль достигла крайних пределов, он по пословице „В случае необходимости раскрываются мысли“ согласился. Обезьяну тотчас же привели и кровью ее сделали землю красной, словно рубин.

„Да,— продолжал попугай,— дети мои, если бы обезьяна не дружила с человеком, кровь ее никогда не была бы пролита и жизнь ее никогда не подверглась бы опасности. Поэтому и вы перестаньте водиться с этими лисенятами, которые вам не пара. Не дай-то бог, чтобы это общение явилось для вас причиной несчастья и чтобы эта дружба вызвала вашу гибель. Берегитесь опасных мест!“»

Мест подозрительных ты, Нахшаби, опасайся,
Станет ли кто себя острым мечом ударять?
Истинно мудрым того назовут, кто не склонен
В место опасное даже ногою ступить.

«„Но птенцы попугая не ведали лисьих козней судьбы, не знали, какие несчастья могут случиться в мире. Не слушались они советов попугая и не прекратили этих свиданий с лисенятами.

Однажды лисы не было в норе, пришел какой-то дикий зверь и унес ее детенышей. Лиса возвратилась, увидела, что детенышей нет, и решила: „Эта беда стряслась со мною из-за попугая. Кто-нибудь пришел за его птенцами и, не найдя их, унес моих детенышей. Если бы по соседству со мной не жило это существо другой породы, никогда не случилось бы со мной этого несчастья, не произошло бы такого бедствия“.

Пошла лиса к рыси, рассказала ей свою историю и молвила: „Хотя лиса и известна хитростями и славится ими, но по причине разлуки с детьми грудь моя в смятении, рассудок мой помрачился и не могу я припомнить никакой хитрости, не приходит мне на ум никакого замысла. Научи меня какой-нибудь хитрости, придумаю мне какой-нибудь план, чтобы я могла отделаться от этого недруга, чтобы враг этот перестал жить по соседству со мной“. „Хитрость такова,— ответила рысь.— Покажись охотнику и потихоньку иди перед ним, а когда дойдешь до гнезда попугая, прибавь ходу и скройся из глаз охотника. Когда охотник увидит попугаев, он сначала покончит с ними, а потом уж займется тобой“.

Лиса так и поступила. Прикинулась она перед охотником хромою, некоторое время шла она перед ним потихоньку, а когда охотник дошел до гнезда попугая, сменила свою хромоту на быстрый ход и скрылась от него. Охотник увидел дичь, которая представляла для него желательную замену, забросил на гнездо силок и поймал всех попугаев в узы.

Попугай молвил своим птенцам: „О детки, это бедствие вызвано вами: если бы вы послушались моих слов и не водились с лисенятами, никогда бы вы не были пленены этим несчастьем, никогда бы не были скованы этими узами. Теперь лучше всего будет, если вы прикинетесь мертвыми. Когда охотник увидит, что вы мертвы, он вас выкинет, а если он унесет меня, то в этом большой беды нет. Если я только останусь в живых, я смогу вернуться к вам и вновь свидеться со своей семьей“».

Пахшаби, твой друг наверно скоро возвратится,
(Жизнь готов отдать свою я другу дорогому!)
Мертвый вновь прийти не может, но всегда возможно
К дорогим друзьям вернуться всякому живому.

«„Птенцы последовали его совету. Охотник подумал, что они мертвы, и выкинул всех из сети. Они тотчас же вспорхнули и уселись на ветке. Охотник изумился, хотел выместить свою злобу на самом попугае и ударить его оземь, но попугай заговорил с ним: „Охотник, успокойся и не гневайся! За этих птенцов ты выручил бы немного, я же смогу дать тебе столько, что ты уже во всю жизнь ни в чем не будешь нуждаться. Я птица, обладающая знаниями врача и сведениями лекаря, осведомлен я во врачебной науке и в греческой премудрости. Знаю я, как исправить неровный пульс, прекрасно ведаю вступление к познанию всех болезней, нарушенное соотношение темпераментов я вновь привожу в равновесие, испорченный желудок поправляю, горячий бред исцеляю напитком из числа известных мне зелий. Из четырех элементов, пяти чувств и шестнадцати составных частей я удаляю недуги одним своим взглядом. В телах и организмах животных я знаю действие единичных свойств и парных основ, четверичных качеств и десятичных особенностей, а в величавом облике человека видал свет силы притягательной и силы отталкивающей, природные свойства и акциденции. Я обладаю познанием о силе питающей, возвращающей, силе поднимающей и придающей форму; осведомлен о силе собирающей и схватывающей, закрепляющей и ослабляющей. Знаю я хорошо особенности темпераментов горячего и холодного, влажного и сухого и прекрасно ведаю, что именно укрепляет их сочетание. Ты скавал бы, что эта жемчужина нанизана в мою честь и эти стихи написаны обо мне:

Силою речи могучей Иисус
Жизнь возвращал отлетевшую вновь“.

Услыхав эти речи, охотник обрадовался и молвил про себя: „Это не попугай, а Гиппократ попал мне в силос, Сократ свалился мне в сети“. Затем он обратился к попугаю: „О попугай, царь Камру уже долгое время страдает проказой. Можешь ли ты исцелить его от проказы, излечить его слоновую болезнь?“ — „О охотник, —

ответил попугай, — разве большое дело хочешь ты поручить мне, разве трудную задачу хочешь возложить на меня! Я существо, благодаря совершенству науки и познаний удаляющее краснуху с лица месяца; благодаря опыту и искусству своему исцеляющее от желтухи. Одним взглядом заставляю я сотню прокаженных выпить напиток здоровья, одним глотком на тысячу страдающих слоновой болезнью надеваю халат исцеления. Снеси меня к царю и расскажи ему про мои способности, а затем продай по такой цене, какую захочешь, запроси столько, сколько знаешь“.

Охотник посадил его в клетку, снес царю и сказал: „Этот попугай обладает полнотой познаний в медицине и большим искусством во врачебной науке“. — „Таковую птицу мне и нужно“, — ответил царь, без раздумья купил его и заплатил за него тысячу динаров».

Нахшаби, ты от наук полы не отрясай,
На щеке своей науки родинку храни.
Хлеб наука принесет тебе, мой милый друг,
Даст тебе прожить спокойно долгой жизни дни.

«На другой день попугай занялся лечением царя, начал оказывать ему полезные услуги, так что в скором времени царь стал выказывать ему полное доверие, и от лекарств и напитков язвы его наполовину зажили.

Однажды попугай повел такую речь: „О царь, так как благодаря мне язвы твои наполовину зажили, ты не считай меня достойным такой страшной болезни и не держи в клетке как преступника. Извлеки из темницы клетки мои поломанные перья и крылья и держи на свободе в своем дворце. Ты увидишь, как я погоню коня стараний, как начну добывать для тебя зелья, как в скором времени дам тебе прежнее здоровье и верну тебе твой природный облик“.

Царь поверил его словам, поддался на его речи и не ведал, что под ними таилось предательство и скрывался обман. Повелел он освободить попугая. Как только его вытащили из клетки, он отряхнул крылья от привязанности к царю, и дело излечения царя осталось незаконченным».

Нахшаби, не всех ты слушай: красная щека
От доверия к коварным может бледной стать.
Прямоты не слить с коварством, лучше потому
Всем советчикам коварным, друг мой, не внимать.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, я о том размышляю и раздумываю: не дай боже, любовь ваша может не дойти до совершенства и остаться незаконченной, как не завершилось и лечение царя и осталось незаконченным. Пока муж твой еще не приехал и случай у тебя не отнят, вставай, иди в покои друга своего и исполни все его желания».

Худжасте хотела последовать его совету, но поднялся дневной шум, утро показало свой блестящий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ об отшельнике,
столяре, золотых дел мастере и портном,
о том, как они влюбились в деревянное изображение
и искали правосудия у дерева**

Ночь шестая

Когда паломник-солнце остановился на стоянке запада, а странник-месяц пустился в путь со стоянки востока, Худжасте пришла к попугаю просить разрешения. Торопясь отправиться к другу, пришла она быстро, словно месяц, и сказала: «О верный друг и искренний приятель! Разве не знаешь ты, что, по словам поговорки, страшнейшее из наказаний — разлука! Почему же ты заставляешь меня терзаться страстным томлением? Разве тебе не известно, что и кратчайшая разлука жжет как пламя? Почему же ты находишь допустимым, чтобы я сгорала в огне любви? Поистине Страшный суд — это тысячи унижений, и легчайшее из них — разлука с милым!»

Нахшаби, разлука с милым, словно смерть, страшна,
Ведь на вѣтвях жизни нашей нет листвы другой.
Правда, раз единый в жизни надо умирать,
Но вторая смерть — разлука с милым, это знай!

«Дай мне дозволение пойти сегодня ночью, чтобы я могла дать дозволение уйти горю разлуки с милым и сама со спокойным сердцем могла бы пойти в дом свидания с другом». — «О Худжасте! — ответил попугай. — Как я могу противиться в этом деле, как могу запрещать тебе это! Но только ты не делаешь того, что говоришь. Говоришь, говоришь, а делать не делаешь... Ведь между словом и делом большая разница».

Нахшаби, старайся слово с делом ты сливать,
Ведь всегда разумный дело сразу предпочтет.
Если скажет мудрый слово, по словам своим
Он и дело совершает, слов не тратит зря.

«О Худжасте, ты любима, а разве ты знаешь муки любящего? К тебе самой стремятся, а разве ты ведаешь муки того, кто стремится? Боюсь я, как бы не вернулся внезапно твой муж и тоска возлюбленного твоего не оказалась такой же напрасной, как тоска тех семи влюбленных».

«А что с ними было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что однажды отправились вместе путешествовать четыре человека: один был столяром, другой — золотых дел мастером, третий — портным, а четвертый — отшельником. Долгое время скитались они по стоянкам и переходам, подобно весеннему ветру, и однажды ночью остановились в пустыне столь ужасной, что гуль * от страха не решалась кричать там и птица не осмеливалась пролетать. „В таком месте, — молвили они, — нельзя оставаться без стража. Нас четверо, пусть каждый из нас по очереди сторожит, так мы и проведем ночь до утра“.

Первому пришлось сторожить столяру. Чтобы отогнать сон, взял он топор и вытесал из дерева фигуру женщины, столь прекрасную, что если бы ее увидел Азар **, он перестал бы изготавливать идолов, и если бы это изображение попало на глаза Мани *** он перечеркнул бы все то, что рисовал».

Нахшаби, красивой форме жизнь не посвящай,
Долго ль будешь прославлять ты эту красоту?

Ведь красotka, даже если статуя она,
Все ж тебя заставить может полюбить себя.

«Когда настал черед сторожить золотых дел мастере-
ру, увидел он фигуру чрезвычайно красивую, замеча-
тельно изящное изображение, но золота и украшений
на ней не было. „Столяр показал свое искусство, — мол-
вил он, — проявил свое мастерство, теперь надо и мне
показать, что я умею“.

Тотчас вытащил он из сумы золото, изготовил подо-
бающие невесте украшения, надел ей на шею ожерелье,
вдел в уши серьги и умножил ее красоту в десять раз».

Нахшаби, украшенья красоток прелестных —
Это пытка и мука для наших сердец.
Если золотом образ прекрасный украшен,
Он от муки стенать заставляет ребаб*.

«Третьим пришлось сторожить портному. Встал он
и увидел женщину, чрезвычайно прекрасную и изящ-
ную, украшенную множеством золотых украшений, но
нагую. „Хотя эта женщина и украшена золотом и се-
ребром, — молвил он, — но нет на ней одежды“.

Извлек он свои принадлежности и материалы, тотчас
же сшил брачный наряд, одел ее, и красота ее увеличи-
лась во сто раз».

Нахшаби, краса — красавца истая основа,
На плечах одежду всякий в этом мире носит.
Иногда одежда только тело украшает,
Но красавец наш одежде сам красу приносит.

«Четвертым пришлось сторожить отшельнику. А это
было как раз время читать ночную молитву. Встал он и
увидел изображение изумительно красивое, нашел образ
чрезвычайно привлекательный. Когда он закончил свои
молитвы, пришло ему в голову: „А ведь было бы очень
хорошо, если бы этому изображению дали еще и душу,
было бы великолепно, если бы в этот образ вдохнули
еще и дух“.

Благодаря благословенью мыслей его разума и чисто-
ты его мудрости в то же мгновение фигура ожила, заго-
ворила, как и все люди, и начала рассказывать повести».

Нахшаби, всегда на бога своего надейся,
Щедр господь, всегда готов он нам явить щедроты.
Если будешь выполнять ты господа веленья,
И господь всегда исполнит все твои желанья.

«Когда рассеялся ночной мрак и настал ясный день, увидели друзья солнце в образе человеческом, нашли человека, подобного полной луне. Все четверо влюбились в красоту и прелесть ее, сошли с ума от изящества локонов и родинки ее. Каждый начал предъявлять свои права на нее.

Столяр сказал: „Эта женщина должна принадлежать мне, так как я ее выточил“. — „Нет, она принадлежит мне, — возразил золотых дел мастер, — потому что я украсил ее своими дарами“. — „Нет я имею право на нее — я выполнил основную работу и одел ее в женское платье“, — заявил портной. — „Нет я должен взять ее, — молвил отшельник, — ведь благодаря мне ее одарили душой, по моим молитвам в нее вдохнули жизнь“.

Поистине, удивительно, если у одного любящего четыре возлюбленных, но что у одной красавицы четыре влюбленных — это не диво!.. Тысячи бабочек светоч один убивает!»

Нахшаби, к тебе много стремится людей,
И стремление их не позорно, мой друг.
Ты видал ли когда-нибудь сладкий ручей,
Где толпятся томимые жаждой вокруг?

«Разгорелся их спор, затянулись их пререкания, и сказали они: „Мы все четверо имеем права на эту женщину — надо нам бросить жребий на эту прекрасную подругу. На чье имя он выпадет, тот ее и возьмет. Или же изберем в судьи кого-нибудь постороннего: на кого он укажет, тот ее и получит“.

Все согласились на предложение избрать судью, стали на краю дороги и сказали: „Первый, кто подойдет с этой стороны, будет судьей между нами“.

Подошел какой-то странник. Все четверо рассказали ему про свое дело — рассуди, мол, между нами по справедливости.

Когда же странник увидел красоту и совершенство женщины, он разделил их притязания, начал спорить с ними и сказал: „Это — моя законная жена!.. Вы несколько дней тому назад обманом похитили ее у меня, хитростями и уловками разлучили ее со мной. Я пойду к правителю этого города, чтобы он наказал вас и вернул ее мне как принадлежащую мне по праву“.

Странник повел их к правителю и изложил перед ним свое дело. А правитель был человек страстный и влюб-

чивый. Едва увидел он эту женщину, как тотчас же влюбился в нее, был околдован чарами локонов ее и поднял крик: „Это жена моего брата! Брат мой странствовал из деревни в деревню, на него напали разбойники и убили его, а ее вместе со всем его имуществом похитили. Поистине вы и есть эти самые разбойники! Жена брата вернулась ко мне в добром здравии, а за кровь его вы ответите!”

Правитель повел их к городскому судье. А судья был человеком веселым, живого нрава. Тотчас же пленился он этой женщиной и завопил: „Кто вы такие? Что за люди? Это моя рабыня! Вот уже долгое время я ищу вас, эта женщина уже давно мать моих детей. Поссорилась она со старшей женой, бежала из дома и унесла с собой много золота и драгоценных камней... Рабыня моя вернулась, а за золото вы мне ответите!”»

Нахшаби, все люди в мире этом с плотниками схожи,
На кого ты ни посмотришь, будь он добрым или злым,
Он из личных побуждений острый держит нож рукой
И стругает все, что видит, так, как то ему удобно.

«Из-за этого препирательства поднялось в городе смятение, и народ начал стекаться к ним толпами: „Что это за странный спор, за дивная распря? О чем это таком они толкуют? Если в народе возникает спор или препирательство, то люд идет к судьям и правителям, если же они сами становятся истцами, то что же делать простому люду? Кто же тогда может разрешить их споры?»

Случайно при этом присутствовал некий опытный старец. „Разрешить этот спор сыны Адамовы не могут, — молвил он, — потому что все люди преследуют собственные интересы и каждый тянет в свою сторону. Но в нескольких милях от этого города есть дерево, которое называют „Древом судей”. Ветви его достигают неба и сплетаются с рогами Овна *, а корни его доходят до самой земной коровы **. Если правитель не может решить дела, судья не может довести его до конца — идут к этому дереву. Из дерева раздается голос, кто прав, а кто неправ. Если они пойдут к этому дереву и изложат свое дело, в то же мгновение станет известно, на чьей стороне право, а кто права не имеет”.

Поистине, дерево, которое возвещает, где право, луч-

ше животного или человека, который приписывает себе ложные права!»

Нахшаби, все то прекрасно, что тебе полезно,
Все, что вредно, от себя ты отгони подальше.
Знай, что лучше камень жалкий, если он полезен,
Чем те люди, что не могут пользы приносить нам.

«Все семь человек отправились к тому дереву и прихватили с собой и женщину. Изложили они обстоятельства дела и попросили решения. Тотчас же дерево раскололось, невеста эта вошла в дупло и исчезла в нем. Из листьев же дерева слышался голос, который возвестил: „Всякая вещь возвращается к первоисточнику своему...“

Все семь влюбленных повернули назад, обманутые и разочарованные, ушли они с сердцами, полными скорби, и глазами, полными слез, и раскаивались до конца дней своих».

Когда попугай дошел до этих слов, он повел такую речь: «О хозяйка, я опасаюсь, как бы не вернулся твой муж и не похитил тебя, как это дерево, и как бы скорбь твоя не оказалась такой же напрасной и бесполезной, как скорбь этих семи влюбленных».

Худжасте, выслушав эти речи, хотела послушаться совета и пойти в покои к другу. Но в то мгновение красавица-луна вошла в дупло запада, поднялся дневной шум, утро показало свой блестящий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о царе царей, о влюбленном старце
и о том, как царь хотел пожертвовать
своей жизнью ради дервиша *,
влюбленного в дочь царя джиннов

Ночь седьмая

Когда Иосиф-солнце спустился в колодезь запада, а Иона-месяц показался из чрева кита-востока, Худжасте, подобно Зулайхе, пришла просить разрешения у попугая и сказала: «О сокровищница мягкости, о истое благородство и целебное зелье для моего недуга! Я стыжусь твоей доброты. Каждую ночь прихожу я к тебе, прерываю твой сон и безгранично докучаю тебе. Но что поделать? Дело вырвалось из моих рук, залила меня вода, а ты тоже не проявляешь небрежности в моем деле, не относишься к нему небрежно. Не знаю, какими словами отблагодарить тебя сегодня ночью за твое великодушие и твою услужливость...»

«Я слугитель этого дворца и раб этого трона,— отвечал попугай,— но только не могу я оказать тебе той услуги, которую ожидают от избранных рабов и достойных похвалы слуг, и не могу доставить тебя к твоей цели так скоро, как мне хотелось бы».

Поистине, прекрасно сказал поэт:

Нахшаби, насколько можешь,
Людам радость доставляй.
Всем служи, но тех, кто щедр был,
Вдвое больше почитай!

«Ты, наверное, слыхала, как старался царь царей, который был главою царей Индии, о соединении и сближении любящего и возлюбленной; как ради юноши он отказался от своей собственной жизни, как ради старца утратил привязанность к существованию».

«А как же это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят,— ответил попугай,— что некогда у царя Бихильзана была дочь, столь прекрасная, что художник божественной мощи в мастерской времен никогда не изготовлял более красивого изображения, а живописец судьбы в картинной галерее веков не видывал более прекрасной картины. Как-то раз дервиш влюбился в лик ее, нищий был охвачен страстью к кудрям ее. Склонил он голову в безумии любви к ней и, хотя ранее не печалился

и о кусочке хлеба, начал теперь заботиться о душе своей. Хотя дальновидный архитектор разума и старался воспрепятствовать тому, говоря: «О дервиш, что это за дурная страсть овладела твоей головой? Что это за пустая мечта охватила твои представления? Какие отношения могут быть между дервишем и царем? Как может сблизиться нищий и царь царей?», но любовь нашептывала ему: „В деле любви родство и равенство не являются необходимым условием. Нищий и царь — одно и то же. Когда то животное, о котором упоминается в словах: „А четвертым был с ними пес их”, последовало за святыми отроками и те хотели воспрепятствовать ему и изгнать его из своего общества, животное сказало: „Почему вы препятствуете мне следовать за вами, почему гоните меня от себя?” — „Потому, что ты не нашего рода”, — отвечали они. „В любви равенство не является необходимым условием, — возразила собака, — если же вы гоните меня, возвращайтесь назад и вы! Ибо тот возлюбленный, ради которого вы пустились в путь, тоже не ровня вам”».

Нахшаби, любовь — прекраснейшая вещь!
Сотни прелестей сокрыты дивных в ней.
Лишь одну из них тебе я назову:
То, что равны царь и нищий перед ней.

«Дервиш послал весть царю Бихильзана: „Я влюбился в твою дочь. Дай мне ее в жены. Не смотри на то, что я нищий, а ты царь, потому что по законам любви родство и равенство не являются необходимым условием”.

Царь удивился этому посланию, разгневался и хотел предать дервиша казни, но один визирь молвил: „Он дервиш, а цари не марают меча кровью дервишей. Я придумаю средство лучше этого, чтобы устранить его”. А дервишу он сказал: „Невесте полагается принести подарок, а подарком, достойным царской дочери, может быть только такое количество золота, какое можно погрузить на слона. Если ты доставишь его нам, мы отдадим за тебя дочь”.

Дервиш, у которого не было власти и над комаром, начал теперь раздумывать о целом слоне. Кто-то сказал ему: „Раскачали они эту цепь из-за твоего безумия, катят этот тяжкий камень, чтобы убить тебя. Если же ты хочешь достичь своей цели и добиться осуществления

своих желаний, пойдя к царю царей, изложи ему свою историю и попроси у него то, что они от тебя требуют”.

Дервиш пошел к царю царей, изложил ему свою историю, и тот сейчас же подарил ему слона, нагруженного золотом. Дервиш привел его к царю Бихильзана. „О визирь,— сказал тот,— придуманное тобой средство не помогло — он привел слона с золотом. Несомненно это дело рук царя царей, ибо кроме него никто в наши дни не способен на такую щедрость. Придумай другое средство, получше первого, чтобы могли мы наконец отделаться от этого дервиша”.— „О дервиш,— сказал визирь,— царскую дочь нельзя получить за животное да за пригоршню золота. Залог и условие для того, чтобы получить ее,— голова царя царей. Если ты принесешь его голову, мы увенчаем тебя короной супружества, почтим тебя честью родства с нами”.

Дервиш вторично пошел к царю царей и в чрезвычайном смятении и величайшей тревоге поведал ему о своих делах. „Успокойся,— сказал царь царей,— и не теряй головы из-за моей головы. Много лет таскаю я эту голову на плечах, но пока еще никто не говорил мне, что она ему может пригодиться. Если благодаря моей голове могут уладиться твои дела, то с моей стороны препятствий не будет. Но только как бы они, увидев кровь отрубленной головы моей, не надумали другого средства. Ведь тогда дело твое не удастся... Накинь мне петлю на шею, сведи меня к ним и скажи: „Голову, которую вы хотели, я принес вместе с телом”. Если они удовлетворятся этим, ты тотчас же снеси мне голову с плеч и положи ее перед ними. Если же они по-прежнему будут скованы узами нежелания и несогласия, скажи мне, мы надумаем другое средство, изобретем иной план”.

Дервиш так и поступил. Накинул царю царей на шею петлю и повел его к царю Бихильзана. Тот, увидев благородство и доблесть царя царей, пал к ногам его и воскликнул: „Во всем мире никто, кроме тебя, не совершал такого благородного поступка и не может совершить! Никто не жертвовал своей головой, чтобы порадовать дервиша!” Затем он привел свою дочь, поверг ее к ногам царя царей и сказал: „Пусть будет она последней рабыней и ничтожнейшей служанкой твоей. Кому хочешь, тому и дай ее, подари, кому желаешь!”»

Нахшаби, времен минувших славные цари
Были ласковы и щедры к подданным своим.
Чтобы мощию своею счастье принести,
Даже с жизнью расставались милою они...

Когда попугай дошел до этих слов, Худжасте сказала: «О попугай, теперь мне известно, как царь царей помог беспомощному дервишу. Теперь расскажи мне о той помощи, которую он оказал бессильному старцу».

«Говорят,— отвечал попугай,— что у царя царей был один брахман*, любивший играть в кости. Постоянно занимался он игрой и никогда ничего не выигрывал, а то, что у него еще оставалось, он выпрашивал у царя царей. Таким путем впал он наконец в величайшую бедность. Хотя у страстного игрока кости всегда в руках, но этот человек порою расставался и с костями. Устыдился он царя, побоялся упреков своей родни, покинул город и пустился в путь. Отойдя на несколько миль от города, увидел он нескольких человек, игравших в кости. Он подошел к ним и присоединился к их игре. В скором времени он проиграл целый лак** диркемов, а когда игроки потребовали у него денег, отдал в залог свою жену на том условии, что на другой день к восходу солнца он принесет деньги — жена свободна, если же нет — будет принадлежать им. Затем он повернул назад и хотел пойти к царю царей и попросить у него денег.

Посреди пути попался ему колодец. Глянул он вниз и увидел чрезвычайно прекрасную женщину, сидевшую на ложе. Перед ней стоял на треножнике железный котел, полный масла, под котлом пылал жаркий огонь, а рядом с треножником сидел дряхлый старец.

Брахман пожелал ей добра, и женщина бросила ему один из своих браслетов, столь красивый, что рука времени никогда не видывала подобных браслетов, запыстье дней и ночей никогда не слыхивало о подобных пряжках. Брахман поднял его и начал разглядывать. Женщина подумала, что он погружен в раздумье из-за ничтожности подарка, и бросила ему и второй браслет. Брахман снес один из них к ювелиру, а тот, увидев блестящие драгоценные камни, жемчуга и сверкающие самоцветы, схватил брахмана и принялся кричать: „Ты — нищий! Откуда же у тебя такие драгоценности? Говори, чей сундук ты взломал, чье казнохранилище ты ограбил?“

Повел он брахмана к царю. Тот, увидев драгоценный браслет, тоже изумился и спросил: „О брахман, откуда у тебя эта вещь?“

Тогда брахман отдал царю второй браслет и молвил: „Сначала повели, чтобы мне выдали лак дирхемов, дабы я мог выкупить жену, отданную мною в залог игрокам в кости, а тогда я расскажу тебе, откуда получил этот браслет“.

Царь дал ему лак дирхемов, брахман пошел и выкупил жену, возвратился и рассказал историю про колодезь, кипящий котел и того старца.

На следующую ночь царь пошел к колодезю и увидел все, о чем рассказывал брахман. Спустился он в колодезь, подошел к женщине, сидящей на ложе, и спросил: „О женщина, кто ты такая, зачем установила на дне колодезя это ложе, зачем тебе этот котел и кем приходится тебе этот старец?“

„Я дочь царя джиннов, — начала рассказывать женщина, — Скоро будет восемьдесят лет, как этот человек отдал свое сердце любви ко мне, всю свою молодость растратил на меня. Но за все это время он и на одно мгновение не видел лица близости ко мне, ни одной минуты не вкушал напитка соединения со мной, потому что его природа создана из мрака, а мое существо — из элементов света. Как может тонкое соединиться с грубым, как может чистое слиться с мутным? У народа джиннов существует обычай, что, если смертный захочет сблизиться и соединиться с ними, захочет сочетаться узами любви и брака, он должен войти в жаркое пламя. Если выйдет он из него целым и невредимым, мы от всего сердца покоримся ему, от всей души будем служить ему. Хотя у влюбленного в душе все время горит сокрытое пламя, но он должен войти и в настоящий огонь, чтобы бремя его существа сгорело и он покинул чувственную страсть. Тогда он станет существом одухотворенным, станет вполне заслуживать близости к нам, удостоится слияния с нами. Вот уже много лет, как кипит этот котел, а у несчастного влюбленного не хватает сил броситься в этот тигель и выйти из него блестящим, как переплавленное золото, не хватает сил покинуть дело и позабыть пустую мечту. Он, согласно поговорке, „колеблется перед этим, не решается на то, не решается и на другое“. А из-за него и я, подобно Иосифу, сижу

в этом колодце и забросила все свои дела. Сердце не дает мне позволения последовать обычаю своих предков, благородство и доблесть не разрешают покинуть его и счесть ничтожной эту любовь, длившуюся восемьдесят лет”».

Нахшаби, людей напрасно ты страдать не заставляй,
Ведь не любит сердце наше бесполезных мук тоску.
Если мучает напрасно кто-нибудь других людей,
Несомненно сам терзаться будет он всю жизнь свою.

«Когда царь выслушал этот рассказ, вынул он склян-ку живой воды, бывшую у него с собой, смочил этой водой голову и тело и бросился в кипящий котел. Пламя охватило его с головы до пят, но все же вышел он из него целым и невредимым. Джинни, увидев это, сошла со своего ложа, бросилась к ногам царя и воскликнула: „Хотя долгие годы этот старец варил халву страсти, но так как этот розовый шербет был предназначен тебе, в его горло не влили и единой капли этого напитка и всю сладость его целиком вручили тебе. Теперь, что бы ты ни повелел, я все исполню, что бы ни приказал, я все совершу”.

„О женщина, — ответил царь, — не скитайся в пустыне этих мыслей и не говори подобных слов. Ты будешь моей дочерью, а мужем твоим будет этот старец. Из-за его покоя я бросился в эту опасность, для его успокоения забыл я о царстве и богатстве. Если же ты полагаешь, что он старец, а со старцами не годится гонять коня брака и играть в нарды привязанности, то и эту мысль я прогоню из твоего сердца”.

Затем он смочил голову и лицо старца живой водой, старец также бросился в кипящий котел и вышел из него подобным восемнадцатилетнему юноше. Затем царь снова соединил узами любви влюбленного и возлюбленную, ищущего и искомую и распростился с ними».

Поистине, лишь тот царь, кто несет ношу всех тварей, печется о подданных, беспомощному помогает, ослабевшего поддерживает. Фузайл ибн Ййаз * некогда молвил: «Если бы Аллах обещал исполнить одну из моих просьб, я помолился бы за царей». — «Почему же ты не помолился бы за себя?» — спросили его. «Если бы я молился за себя, пользу от этого получил бы только я сам, если же я помолился бы за царей, выгоды эти распространились бы по всему миру», — ответил он.

Нахшаби, за царей постоянно молись!
Ведь без них на погибель весь мир обречен.
Жизнь царя, милый друг, ты высоко цени:
Жизнь народа всего охраняет ведь он.

Когда попугай дошел до этих слов, обратился он к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, влюбленным, покорным своему сердцу, цари оказывали подобные услуги. Я же, раб этого дома и слуга этого порога, не могу оказать тебе должной услуги и доставить тебя как можно скорее к твоей цели. Сегодня дневной шум еще далек. Теперь собирайся, спокойно вставай и иди к своему другу».

Худжасте хотела последовать его совету, но поднялся дневной шум, утро показало свой блестящий лик, и идти уже было невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о царевиче, семи визирях и несчастье, постигшем царевича из-за девушки

Ночь восьмая

Когда одноглазый надзиратель-солнце сокрылся в диване * запада, а быстроходный гонец-месяц выехал из канцелярии востока, Худжасте с ослабевшим телом и помутневшим взором пришла к попугаю и сказала: «О попугай, на тебя смотрят все добрые люди, тебя созерцают все добродетельные существа! Знай, я хочу засунуть палец в глаз и вырвать его, как вырывают кишки у животных, потому что я попала в такую беду из-за глаза, такой горестный день настал для меня из-за взгляда. Не знаю, какая кровавая звезда взглянула на меня и заставила встретиться мой взгляд со взглядом

моего друга. Теперь сердце мое не видит избавления от мук, очи не находят освобождения от горьких слез».

«О Худжасте,— ответил попугай,— всякое несчастье, которое случается с влюбленным, происходит из-за глаз, настает из-за взгляда. Ведь и ученые говорят, что всякий, кто оберегает свой глаз от того, на что не следует смотреть, никогда не совершит того, что не следует делать.

Как-то раз халиф Мамун*, да будет покой праху его, увидел, что лицо его сына исцарапано самым непристойным образом. Спросил он: „Почему это расцарапано твое лицо?“— „Вчера я ездил на гнедом коне,— ответил сын,— свалился и исцарапал лицо“. А под „гнедым конем“ подразумевал он вино. Мамун ответил: „Если бы ты ездил на светлом коне, ты бы никогда не падал и лицо твое никогда не было бы исцарапано“. А под „светлым конем“ он имел в виду воду.

О Худжасте, если бы ты оберегала свой взгляд и не смотрела по сторонам, приключившаяся с тобой беда не могла бы приключиться, несчастье это никогда бы не постигло тебя».

Нахшаби, берегись, милый друг мой, очей!
Я от сердца даю этот добрый совет.
Ведь коварней и злее врага, чем глаза,
В целом мире для смертных, поверь ты мне, нет!

Худжасте сказала: «О Сократ своих дней и Гиппократ своей эпохи! Теперь, когда я пойду в покои друга, куда же мне устремлять взор?»

«Некогда спросили одного учителя,— ответил попугай,— куда следует обращать взор, когда совершаешь в ручье омовение? „Смотри на свое платье,— дал он ответ,— чтобы его не унес вор“. Если кто-нибудь идет к своему другу, он не должен отвращать взора от друга, и тебе в присутствии друга нужно устремлять взор только на него, чтобы в сердце твое не запало **иных** мыслей, чтобы не появилось в твоём уме других представлений. Если бы у него был красивый брат или вызывающий желания сын, не следует глядеть на них похотливым взором. Если же ты все же взглянешь на него, то увидишь от этого взгляда то же самое, что увидела царская рабыня».

«Что это за история и кто такая эта рабыня?» — спросила Худжасте.

«В одном из городов Индии,— начал попугай,— был царь, владевший покорным царством и послушным государством. Когда закончились дни его молодости и пришло к концу время молодости, родился у него сын. Звездочеты, составив его гороскоп, сказали: „Когда ему исполнится шестнадцать лет, стрясется с ним большая беда, постигнет его горестное событие. Но только он скоро спасется от этой опасности, выберется в скором времени из этой пучины”.

Отец пожелал, чтобы сын изучил различные науки и был осведомлен во всех отраслях знания, но он был чрезвычайно глуп и отличался неповоротливым умом. Двенадцать лет ученые и наставники, мудрецы и учителя прилагали высшие старания, но в нем не появлялось ни малейшей рассудительности, не постиг он ни одной науки».

Поистине, лишь всемилосердный Аллах может научить Корану!

Нахшаби, мой друг, наука нам от господана дана,
Счастлив тот, кому дарован этот сладостный удел.
Коль и ты в науках хочешь преуспеть, не забывай:
Лишь Аллах тебе науку может с неба ниспослать.

«Однажды царь созвал мудрецов и учителей и начал толковать о тупости и незрелости сына. Один из мудрецов молвил: „Взгляд высших отцов * оказывает действие на низших матерей **. До сего дня злая планета смотрела на эту звезду небосклона царства, и потому сын твой был обречен на глупость, оставался незрелым. Ныне эта планета ушла из его гороскопа. Доверь мне его на шесть месяцев, и то, чего он не мог изучить за двенадцать лет, он постигнет в эти шесть месяцев, станет ученым и образованным человеком”.

Царь приказал передать ему сына, ученый отвел его к себе и тотчас же приступил к урокам. Вычистил он крышу и двери, пол и стены своего дома и повсюду изобразил в этом помещении разные науки. С одной стороны он изобразил небесный свод, знаки зодиака, звезды и планеты; с другой стороны — пост, предписания закона и положения при молитве; в одном месте написал различные виды болезней и основы лечения как частного, так и общего, пульс и его признаки; в другом описал аскетизм, свойства третичные и четвертичные, отраженные и природные, так что во всех науках

царевич приобрел познания и сведения и не осталось ни одной отрасли знания, которой мудрец не научил бы его. Когда врата зрелости были отверсты для него и тайны премудрости были раскрыты, он в несколько дней постиг все эти науки, воспринял все правила и основы. Прошло шесть месяцев, и ученый сказал: „О царевич, завтра я сведу тебя к его величеству и предложу испытать твои познания. О чем бы тебя ни спросили, ты должен дать разумный ответ, в чем бы тебя ни стали испытывать, ты должен хорошенько выполнить свою задачу, чтобы и ты удостоился похвалы, и я заслужил одобрение. А теперь пойдем, я погляжу в твой гороскоп, чтобы в удачное время свести тебя к царю, в счастливое время поцеловать царскую руку”.

Не успел мудрец взять астрорябию и устремить взор на его гороскоп, как тотчас же разорвал на себе одежды и поднял крик: „О царевич, если сотнями хитростей я избавил тебя от одной беды, то вижу я, что тебе угрожает сотня других бед. Эти семь дней будут для тебя столь опасны, что в течение этого времени можно даже опасаться за твою жизнь, страшиться твоей гибели. Спасение же для тебя возможно только в одном, а именно: ты не должен давать ответов, не должен раскрывать рта, всю неделю не должен произносить ни единого слова. Если же ты вымолвишь хоть одно слово, ты вверишь жизнь свою своему языку!”»

Знай, Нахшаби, что судьба нам лишь беды припосит,
Много должны претерпеть мы напастей лихих.
Только одну лишь беду от себя отворишь ты,
Смотришь — судьба угрожает уж сотней других.

«На другой день, когда восседающий на слоне царь-солнце взял трон мира под свое управление, царевича свели к царю. Сколько его ни упрашивали, чтобы он молвил хоть слово, он ничего не отвечал. Царь сказал: „У нас укрепилось представление, что он учился у мудреца науке читать по звездам, а вместо того, чтобы научиться чему-нибудь, забыл он и все те слова, которые знал ранее”.

Визири и сотрапезники заметили: „Быть может, он стыдится собравшихся людей? Надо свести его в гарем, тогда он наверное заговорит”.

А в гареме была одна рабыня, которая уже много лет была пленена красою лица царевича. Сказала она царю:

„Я много пиячилась с ним, и он питает ко мне большую привязанность. Если царь прикажет, я возьму его в свою комнату и попытаюсь узнать, в чем дело”. — „Прекрасно”, — ответил царь.

По приказу царя рабыня отвела царевича в свою комнату и начала рассказывать ему о своей любви. „Вот уже долгое время, — говорила она, — сердце мое пленено красою твоего лица и душа моя опутана узами твоих локонов. Но не могла я уловить удобного случая, чтобы поведать тебе историю любви моей, рассказать, как я терзаюсь страстью. Нынче судьба оказала мне поддержку, время помогло. Утоли же томимую жаждой душу мою свиданием с тобой!”

Когда царевич услышал эти речи, он взглянул на нее, как лев смотрит на газель или сокол на куропатку, и в страшном гневе вышел из ее покоев.

Рабыню охватила дрожь: „Что за ошибку я сотворила, какой грех совершила!.. Ведь я, совершенно ничего не зная о его настроении, поведала ему о своих томлениях, раскрыла тайну, от которой исходит запах крови. Если он заговорит и расскажет все это царю, каково же будет мое положение... К чему приведет мое дело... Раньше, чем он успеет заговорить и разорвать покров моей чести, надо мне придумать какое-нибудь средство и взвалить на него свой грех”.

Она тотчас же изорвала свои одежды, исцарапала голову и лицо, взывая о помощи, предстала перед царем и сказала: „Хорош же у тебя сын! Прекрасное у тебя порождение!.. Он хотел заняться со мной любовной игрой, разделить ложе со своей кормилицей! Я по приказу царя отвела его в свои покои, заговорила с ним как родная мать: „О драгоценный камень царственной россыпи! О жемчужина раковины царя царей! Что же ты молчишь, почему не говоришь ни слова?” Он же повел такую речь: „Я Маджнун твой, будь моей Лайлой! * Стал я Фархадом ** твоим, будь же моей Ширип! *** Овладевшая мною любовь к тебе навесила замок на мои уста, страстные мечты о тебе наложили на мои губы печать молчания”. Сказал он несколько слов в таком роде и посягнул на меня, и, если бы я не подняла отчаянный крик и не начала бранить и поносить его, несомненно подол моей чести был бы замаран грязью разврата, он запачкал бы одежды моей невинности нечистотой поро-

ка. Царь — это сама справедливость. Восстанови же права этой обиженной и потребуй ответа от этого безумца!”

Выслушав эти слова, царь некоторое время колебался и раздумывал, а затем молвил: „Хоть он и сын нам, но для царей нет ничего дороже справедливости. Сегодня мы должны пожертвовать всем ради справедливости и потребовать ответа от этого развратника...”

Затем он повелел, чтобы царевича тотчас же казнили и окрасили плаху его кровью. А у того царя было семь визирей. Первый из них сказал палачу: „Помедли немного с этим делом, а я пока схожу к царю и потрясу цепь советов. Быть может, он смягчится благодаря этим моим речам и ребенок этот спасется из пучины гибели”.

Визирь предстал пред троном, бросающим тень подобно трону небесному, пред опирающимся на небеса креслом царя и сказал: „Его величеству хорошо известно, что последствия торопливости пагубны и завершение поспешности достойно порицания. Нельзя совершать дела, не обдумав их, нельзя убивать сына на основании речей невежды. У женщин в каждом слове скрывается хитрость, под каждым указанием таится предательство. Разве до слуха его величества не доходил рассказ об одной жене и красильщике?” — „Как же это было?” — спросил царь.

Рассказ первого визиря

„Как-то раз,— начал свой рассказ визирь,— некая женщина любила красильщика. То она ходила к нему, то красильщик к ней. А у этого красильщика был в учениках один красивый юноша, чрезвычайно прелестный и крайне изящный. Как-то довелось красильщику послать этого ученика за женщиной. Женщина почувствовала к юноше страсть и предалась с ним любовным утехам. Красильщик увидел, что ученик долго не возвращается, взял меч и пошел в дом той женщины. Та, заметив приближение красильщика, спрятала ученика в углу, а сама пошла к дверям. Красильщик повел такую речь:

„Я ранним утром послал за тобой, а ты даже еще и туфель не надела. Разве тебе не хотелось прийти ко мне?”

„За женщиной надо посылать женщину, а не мужчину, — отвечала та, — твой посланец подошел к дверям и передал твой привет. Как я его ни зазывала, он так и не вошел и сейчас же удалился. Разве можно прийти по приглашению такого человека?”

Пока жена и красильщик вели такие речи, подошел хозяин дома. У красильщика сжалось сердце, навернулись слезы на глаза, и он воскликнул: „О женщина, что же теперь со мною будет?!”

„Не тревожься, — ответила она, — обнажи твой меч и выбеги из дома с яростными криками и ругательствами”.

Красильщик так и сделал и благополучно добрался домой.

Хозяин дома изумился. „Это что еще такое? — спросил он жену. — Кто это такой?”

„Я должна стать твоей милостыней и твоей искупительной жертвой, муж мой, — ответила жена, — потому что ты избавился от такой беды и спасся от такого безумца. Я только что сидела здесь, как вдруг в дом со слезами вбежал мальчик и сказал: „Матушка, спрячь меня куда-нибудь — за мной гонится пьяный!” Я спрятала мальчика в угол, и в то же мгновение ворвался этот пьяница с мечом в руке. Начал он искать мальчика, но так как не мог найти, а я утверждала, что его здесь и не было, с ругательствами выбежал из дома”.

„Где же этот мальчик?” — спросил хозяин. „Он спрятан там-то”, — ответила жена.

Хозяин отправился к нему, принялся покрывать поцелуями его лицо, его кудри, приговаривая: „Ты избавился от большой беды. Теперь не выходи на улицу, побудь здесь еще немного. Не дай бог, чтобы ты еще раз попал к нему в лапы. А с этих пор считай нас своей родней, а дом этот считай своим родным домом. Когда захочешь — приходи к нам без спросу и радуй нас свиданием с тобой”.

Ученик в этом деле оказался мастером и не раз повторил урок любви.

Хозяин дома поцеловал его, и он тоже в целости и сохранности отправился домой.

„О царь, — продолжал визирь, — я рассказал эту повесть, чтобы царю стало ясно, что у женщины под каждым словом скрывается хитрость, под каждым указани-

ем таится предательство. О царь, не следует слушать их речи и нельзя поступать сообразно их словам”.

Когда царь выслушал эти речи и вник в этот рассказ, гнев его улегся, пламя раздражения и ярости угасло и он повелел, чтобы сына отвели в темницу».

Как стар наш век, мой милый Нахшаби!
Как много разных он чудес видал!
Лиса ведь этот старый хитрый волк:
Людей он много славных разорвал.

«На второй день, когда рабыня-солнце разогрела медь востока, рабыня царя в страшном волнении пришла в зал суда и стала взывать к справедливости. Царь повелел, чтобы сына свели на лобное место.

Тогда второй визирь предстал пред осеняющим небо и покоящимся на звездах троном и молвил: „Его величеству прекрасно известно, что поспешность, кто бы ее ни проявлял, всегда позорна, а для царей — вдвойне позорна. Лучше не совершать дела, последствия которого постыдны, лучше не идти по пути, конец коего унижителен. У женщин во всяком деле опасная игра, на каждом шагу ловушка, в каждом поступке какая-нибудь скрытая цель. О царь, не следует слушаться их, нельзя доверять их словам! Разве до слуха царя не доходил рассказ о купце и его жене?” — „Что же с ним было?” — спросил царь.

Рассказ второго визиря

„Жил некий купец, — ответил визирь, — обладавший большим богатством, и была у него жена, порочная и развратная. Раз уехал купец по торговым делам. Жена сочла его отсутствие удобным случаем и начала посещать веселые пирушки, словно букет цветов появлялась на попойках и переходила из рук в руки. Купец вернулся из путешествия, остановился на краю города, призвал сводню и, дав ей денег, сказал: „Я человек проезжий и пробуду в этом городе несколько дней. Раздобудь для меня женщину, с которой я мог бы коротать время и разгонять печаль”.

Старуха пошла к жене того самого купца и сказала: „Попалась нам жирная дичь. Приехал богатый купец, пробудет здесь несколько дней и ищет себе подругу. Вставай, иди к нему и, как умеешь и можешь, обольсти его”.

Жена отправилась на ту пирушку и увидела, что на почетном месте сидит ее муж. Сначала она смутилась, не зная, что сказать, но затем сбросила с лица покров, вцепилась мужу в волосы и бороду и подняла крик: „О мусульмане! Этот человек оскорбляет меня! Вот уже шесть месяцев, как он якобы путешествует по торговым делам, а на самом деле уже давно вернулся из поездки и бражничает здесь, забыв про свою семью. Если мы ему не нужны — и он нам не нужен!.. Я прямо отсюда пойду к кади * и потребую развода!..”

Вмешались люди, начали уговаривать ее и просить помедлить два-три дня, и таким образом она благодаря своей хитрости и длинному языку выбралась оттуда и благополучно вернулась домой”».

Нахшаби, мой друг, все жены злобны и коварны,
Ты смотри, не доверяй их лживым языкам.
Часто сердце из-за женщины терпит много мук;
Да, когда жена лукава, бедам нет конца.

«Когда визирь закончил этот рассказ, волнение царя улеглось и пламя гнева его угасло. Повелел он, чтобы сына свели в темницу.

На третий день, когда зеркало-солнце появилось из футляра востока, рабыня царя с лицом, блиставшим, как зеркало, пришла в судную залу и начала взывать к справедливости. Царь повелел, чтобы сына из тюрьмы отвели на лобное место. Тогда третий визирь появился во дворце царя царей и молвил: „Пусть для царя явится установленной истиной, что спокойствие — лучшая из всех вещей, а торопливость — самое нежелательное во всех делах. Не следует идти по столь пагубной дороге и нельзя обманываться речами женщин, ибо мед их не бывает без жала, сладость их неотделима от слез. Разве до высочайшего слуха не доходил рассказ о крестьянине и его жене?” — „А что с ним было?” — спросил царь.

Рассказ третьего визиря

„Жил некогда один крестьянин, — ответил визирь, — и была у него хитрая жена. Как-то раз приготовила она кушанье из сырого теста, положила его в корзинку и понесла мужу в поле. Посреди пути встретила она с юношей. Тот дал ей денег, увлек ее в укромный уголок

и предался с ней разврату. Тем временем мальчик, сопровождавший юношу, достал это тесто, вылепил из него фигурку слона и положил обратно в корзинку. Женщина, покончив с делом, поставила корзинку с тестом на голову и пошла к мужу. Тот раскрыл корзинку, увидел этого слона и страшно разгневался. „Это что за издевательство? — воскликнул он. — Что ты такое принесла? Что за дурацким делом ты занималась!”

Жена, увидев, в чем дело, сейчас же начала оправдываться и сказала: „Я вчера видела во сне, будто за тобой гонится разъяренный слон. Сегодня я рассказала этот сон умному человеку, и он присоветовал: „Сделай слона из теста и дай съесть его твоему мужу, чтобы отвести дурное предзнаменование. Сон о слоне сбудется, но муж твой спасется от бед”. Для этого и принесла я такого слона. Съешь его, чтобы отвести несчастье и уладить дело”.

Муж поддался на ее обман, съел слона, расцеловал жену и послал ее домой, осыпая благодарностями”.

Нахшаби, искусны жены в выдумках коварных,
Вырывайся из оков их поскорее, брат!
С головы и до хвоста полны все змеи яда:
Жены все полны обмана с головы до пят.

«Когда визирь изложил этот рассказ, сердце царя смягчилось и он повелел, чтобы сына снова отвели в темницу.

На четвертый день, когда красноликая госпожа-солнце высунула голову из окошка востока, рабыня царя пришла, встала в зале суда и начала взывать к справедливости. Царь повелел, чтобы сына отвели на лобное место.

Тогда четвертый визирь предстал перед царем и молвил: „Пусть царю станет известно, что слушать женские речи — величайшая ошибка, внимать их словам — чрезвычайно неразумно. Если о хитростях женщин напишут сотню книг, то этим не будет сказано и единого слова. Если тысячу тетрадей заполнят перечислением их обманов, можно было бы сказать, что перо еще не прикасалось к бумаге. Разве до высочайшего слуха не доходил рассказ о том юноше, который записывал женские хитрости, и о хитроумной жене?” — „А что с ним было?” — спросил царь.

Рассказ четвертого визиря

„Говорят, — ответил визирь, — что как-то раз пришло одному юноше в голову начать записывать хитрости женщин и собирать их предательские уловки, чтобы все женские хитрости стали известны. Полагал он, что благодаря помощи этой книги ни одна женщина не сможет перехитрить его, ни одной жене не удастся его предать. Некоторое время он трудился и собрал много тетрадей записей по этому поводу. Как-то раз приехал он в один город и кто-то пригласил его в гости к себе в дом. Хозяин поручил жене позаботиться о нем, а сам пошел по какому-то делу.

Жена обратилась к юноше: „О юноша, что у тебя в сундуке?“ — „Тетради“, — ответил он. „А что же написано в этих тетрадях?“ — спросила жена. „Женские хитрости“. — „Значит, в этих тетрадях можно найти всякую хитрость, какую только способны придумать женщины?“ — „Ясно и очевидно, что можно“, — ответил юноша.

Жена взяла юношу за руки, увлекла его в угол и предалась с ним любовным играм и забавам. Когда они окончили свое дело, жена вдруг подняла крик: „Соседи! Жители квартала! Помогите!“

Собрались народ, бежались все соседи, а юноша, увидев такое положение вещей, лишился чувств.

„О женщина, почему ты кричала?“ — спросили люди. „У моего мужа привычка, — отвечала женщина, — каждый день приводить в дом дервиша и поручать мне все заботы о нем. Сегодня он привел этого дервиша, а сам ушел по какому-то делу. Я принесла ему поесть. Он начал глотать такие куски, что кусок застрял у него в горле. Стал он вращать глазами, засовывать руки в рот, и я испугалась, как бы он не умер и мне не пришлось бы устыдиться. Поэтому я созвала вас — влейте ему в рот воды, ведь я сама не могу прикоснуться к чужому мужчине... А теперь можете идти. Заслужили вы награду за доброе дело, и он уже приходит в себя“.

Когда люди разошлись, юноша спросил. „О женщина, что за странное дело ты совершила? Ведь ты едва не ввергла меня в погибель...“ — „О юноша, — сказала жена, — а эта хитрость, которую я учинила, есть в твоей тетради или нет?“

Услышав это, юноша, тотчас же сжег все свои тетради, ушел из этого дома и во всю свою жизнь уже не предпринимал таких дел и не хвастался, что знает женщин“».

Нахшаби, против женщин уловки бессильны,
Если толку не знаешь ты в женских делах.
Если кто-нибудь женские козни опишет,
Этих книг не уместишь на ста кораблях.

«Когда визирь рассказал эту повесть, царь повелел, чтобы сына снова отвели в темницу.

На пятый день, когда с главы звезд сорвали рассыпающий розы покров ночи, рабыня царя пришла без покрыва в судную залу и начала взывать о справедливости. Царь велел, чтобы сына свели на лобное место.

Тогда пришел в царский дворец пятый визирь и молвил: „Пусть будет известно царю, что то, что в единое мгновение можно увидеть от женщин, нельзя увидеть от дивов * за целый век; то, что совершают женщины в одну секунду, того дьявол не совершает за всю жизнь. Не надо слушать женские речи, не надо погружаться в сон беззаботности, ибо женщина — хитрость с головы до пят, она сверху донизу полна хитростных расчетов и предательства. Разве до высочайшего слуха не доходил рассказ о тесте, снохе и мальчике?“ — „А как это было?“ — спросил царь.

Рассказ пятого визиря

„Говорят, — ответил визирь, — что жил некогда в одной деревне крестьянин по имени Салих. У него была сноха, чрезвычайно хитрая и коварная. Как-то раз влюбился в нее юноша, был очарован ею. А происходило это так, что женщина эта стояла на крыше, взгляд юноши упал на нее, тогда женщина спустилась и потерла ему рукой шею и ухо. Юноша был новичком в любовных делах и не понял, что значит это прикосновение к уху и шее, и обратился за разрешением этого вопроса к старухе. Та обладала должными познаниями и начала растолковывать ему: „Этим прикосновением к ушам и шее она хочет сказать — подошли, мол, ко мне женщину, чтобы через нее я могла доставить тебе весточку“.

Юноша послал какую-то посредницу к этой женщи-

не и уведомил ее о страданиях своих. Женщина поспешила навстречу посланной и втащила ее в комнату, затем лицо ее потемнело, и она выгнала ее через какой-то потайной ход.

Когда эта женщина вернулась и рассказала, что с ней произошло, юноша изумился и начал говорить: „Если она довольна и стремится к свиданию, то почему же потемнело ее лицо, почему она вывела посланную потайным ходом?“

Пошел он вместе с посланной им женщиной к той же старухе и объяснил, в чем дело. „То, что лицо ее потемнело, указание на ночь,— пояснила старуха,— то есть, когда настанет ночь и мир станет черным и темным, ты приди тем самым путем, по которому она вывела посланную“.

Когда настала ночь, юноша забрался в дом тем самым путем, которым выгнали посланную. Женщина пришла и разделила с ним в углу ложе. А крестьянин проснулся среди ночи и собрался идти на поле. Увидел он, каким делом занимается спиха, и снял у нее с ноги туфлю, чтобы поутру она могла бы явиться доказательством ее проступка и она не смогла бы отпереться. Тогда жена встала, извинилась перед возлюбленным и, придя к мужу, сказала: „Сегодня воздух страшно теплый, зачем нам спать под крышей? Пойдем на двор и ляжем там в уголке“.

Она привела мужа и уложила его на то самое место, где она лежала с возлюбленным. Когда муж погрузился в сон, она разбудила его и сказала: „Сейчас приходил твой отец, снял у меня с ноги туфлю и унес ее. Он человек старый и заменяет мне отца... но, если я среди ночи покоюсь с моим мужем, какое он имеет право снимать у меня с ноги туфлю... неужели не боится он греха?“

Муж разгневался на отца и решил, что он унес туфлю совсем по другой причине. Наутро отец вернулся и начал рассказывать про ночь и чужого мужчину и про то, как он сам унес туфлю. Сын вспыхнул и сказал: „Нечего сказать, хороший ты отец! Когда я среди ночи отдыхаю в уголке с моей женой, ты приходишь и уносишь ее туфлю! Бедняжка в то же мгновение сказала мне об этом, но тебя уже не было дома и мне некому было сказать“.

Отец весьма устыдился своего поступка, и такой хитростью эта женщина спасла себя“».

Нахшаби, коварство жены излучают каждый миг. Словно месяц, дымкой козней все они окружены. Да, коварна их природа; право, можно бы сказать, Что они в своем коварстве из коварства созданы.

«Когда визирь закончил свою речь, царь повелел, чтобы сына снова отвели в темницу.

На шестой день, когда пламя солища показалось на востоке, рабыня царя с пылающим сердцем пришла в залу суда и начала взывать о справедливости. Царь повелел, чтобы сына свели на лобное место. Тогда шестой визирь предстал перед троном царства и короной мирового государства и молвил: „Да будет известно царю, что нет существ более неверных, чем женщины; нет никого в мире, кто был бы более нечист, чем они. Не следует слушать их речей, нельзя поступать согласно их словам. Разве до слуха царя не доходил рассказ о жене и торговце сахаром?“ — „А что с ними было?“ — спросил царь.

Рассказ шестого визиря

„Как-то раз, — ответил визирь, — дал один муж своей жене денег и послал ее купить сахара. Вошла она в лавку бакалейщика, а он был человеком страстным. Завязал он ей в уголок чадры некоторое количество сахара, а затем увлек ее внутрь лавки. Ученик бакалейщика положил на место сахара кусок грязи, а сахар взял. Женщина, удовлетворив свою потребность, поспешно надела чадру на голову и пошла домой. Муж развязал уголок чадры, увидел там грязь и спросил, что это значит. У жены ответ всегда был наготове, и она тотчас же начала рассказывать: „Когда я вышла из дома, откуда-то выскочил испуганный бык. Тотчас люди начали прятаться друг за друга, и в этой толкотне деньги выпали из чадры, мне было совестно присесть и начать искать деньги, и я подобрала немного земли с тем, что там, быть может, окажутся мои деньги“.

Муж расцеловал жену и начал извиняться: деньги, мол, пустое дело — пропали, так пропали. А вот ты-то как не побоялась присесть среди этой толпы и подобрать земли!

Так и эта женщина раскрыла уста для коварства и ложных рассказней и этим спасла себя“».

Нахшаби, все жены в мире из коварства созданы,
Все хитрить они готовы неустанно целый век.
Коль жена захочет злая, то удастся ей, поверь,
Обмануть уловкой смелой даже злобную судьбу.

«Когда визирь закончил рассказ, царь повелел, чтобы сына снова отвели в темницу.

На седьмой день, когда хрусталь-солнце появился из посудного шкафа небосклона, рабыня взяла бутылку нефти, предстала в судной зале и сказала: „Если сегодня я не добьюсь осуществления своих прав, если не увижу справедливости, я сожгу себя этой нефтью“.

Царь повелел выполнить ее требование и свести сына на лобное место. Тогда седьмой визирь склонился перед осеняющим звезды царем и сказал: „Сегодня нужно потребовать, чтобы царевич пришел сюда сам — нужно расследовать это дело лично“.

Царь повелел привести сына. Царевич пришел к царю, а в это время дни отчаяния уже прошли, несчастливое время удалилось и взошла счастливая звезда. Царевич раскрыл уста для восхваления и прославления и рассказал о всех поступках рабыни.

Царь спросил: „Почему же в самый первый день ты не сказал этого? Почему семь дней терпел горесть заключения?“ — „Мне запретил мудрец, — ответил он. — Он говорил, что целую неделю я не должен произносить ни единого слова“.

Царь призвал мудреца и начал расспрашивать его и разузнавать у него о причинах такого молчания и безмолвия.

„Когда прошло шесть месяцев, — отвечал мудрец, — и сын твой достиг совершенства во всех науках, я сказал ему: „Завтра тебе надо пойти на собрание к царю и показать, чему ты научился. Но сначала пойдем и посмотрим в твой гороскоп, чтобы можно было свести тебя завтра к его величеству в счастливое время“. Взглянув в гороскоп царевича, я увидал, что семь дней будут для него столь тяжкими, что жизни его будет грозить опасность и упадет он в водоворот гибели. Спасение же его было возможно лишь через молчание, и избавление осуществимо только при условии безмолвия, ина-

че злая звезда оказала бы свое действие и погубила бы его. Все же благодарение Аллаху, что все эти беды сменились счастьем и скоро кончились“.

Когда царь увидел, что сын его украшен различными родами наук, он возложил ему на голову венец царства, повязал ему грудь платом государства, а сам обрил голову и одел власяницу. Преступную же рабыню эту он казнил».

Нахшаби, меча достойны жены все — ты это знай!
Лишь того считай ты мужем, кто жену свою убил.
Коль умрет жена плохая, не великая беда!
Лучше, чтоб жену такую беспощадный меч казнил!

Дойдя до этих слов, попугай повел такую речь: «О хозяйка, когда ты пойдешь к другу, нужно, чтобы сердце твое целиком принадлежало ему и взгляды твои были устремлены только на него. Рабыня царя претерпела столько бед и несчастий и упала в пучину гибели только потому, что не умела сдержать сердце и не устремляла взора только на себя. Конечно, пришлось ей поэтому увидеть то, что она увидела, и снести то, что она снесла. Теперь наступило счастливое время и удачный час. Вставай, иди в покои к своему другу и помни тот завет, который я дал тебе!»

Худжасте хотела последовать его совету, но поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о сыне завульского эмира,
о том, как он купил доброе предзнаменование,
как спас лягушку от змеи и как лягушка
и змея доказали свою преданность**

Ночь девятая

Когда облаченный в пурпурную тиару царь-солнце скрылся за дворцовой завесой запада, а одетый в серебряный кафтан повелитель-месяц воссел на престоле востока, Худжасте пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О Гишнократ наших дней и Сократ наших времен! Ученые говорят, что любовь подобна ветру, а разум — светочу. Всякому понятно, может ли светоч сопротивляться ветру. Но ведь у женщины и этого разума нет!.. И вот тот половинчатый разум, которым я обладала, отнял у меня могучий царь любви, безжалостно похитил правитель страсти. Не знаю я, до чего дойду в этом беспредельном горе, не знаю, что со мной случится от безграничной печали. Хотя в этом мире все опасно, а безопасности нет, тогда как в мире будущем все будет безопасно, а опасности не будет, но все же судьба неоднократно избавляла меня от подобных опасностей. Не знаю, добыюсь ли я снова этого или нет».

Нахшаби мой, безопасность — сладостное дело,
Только то, что безопасно, то для нас приятно.
Страх нам душу угнетает, старит он нам тело,
Без забот существование в мире — благодатно!

«О Худжасте, — ответил попугай, — близится то время, когда твой страх сменится на безопасность, горе превратится в веселье, а солнце стремлений, сокрывшееся на западе безуспешности, взойдет на горизонте успеха. Но когда ты достигнешь цели, соединишься с желанным, ты должна соблюдать все правила и обычаи, установленные в этом отношении, не должна пренебрегать ни единой мелочью из предписаний благородства, должна оказывать содействие и в сближении, и в отдалении, и в непокорности, и в повиновении и должна также опоясаться поясом служения другу, как Ник-Фаль, Халис и Мухлис служили царевичу». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в Завуле * был царь, славный, как райский лотос, могучий, как небес-

ный трон, величавый, как Юпитер, и мстительный, как Марс. Было у него двое сыновей. Когда царь этот сменил царский трон на гробовые доски, царский сан и достоинство царя царей достались старшему сыну. Тот пожелал устранить от себя младшего брата, а младший царевич и сам решил покинуть брата и под видом странника ушел из этого царства.

Однажды пришел он в какую-то пустыню и увидел дервиша, который шел беззаботно, приплясывал и танцевал без музыки и пенья. Царевич молвил: „О дервиш, в этой пустыне вместо звуков ченга* слышен только стук когтей львов и тигров, вместо сладких напевов раздается только вой лисиц да шакалов... Какую же сладость ты нашел в этой пустыне, что ты приплясываешь, по какой причине так веселишься?“ — „Я только что видел доброе предзнаменование, — ответил тот, — на которое можно положиться. Достанется мне целая гора драгоценных камней. Это так радует меня, что я приплясываю, так веселит, что я хлопаю в ладоши“. Царевич дал ему перстень с драгоценным камнем и сказал: „Продай мне за эту цену твое доброе предзнаменование“.

Дервиш согласился, взял перстень и продал царевичу доброе предзнаменование. Царевич прошел несколько миль и увидел женщину, чрезвычайно прекрасную и привлекательную. Заговорила она с ним: „Я — раба твоя. Имя мое Ник-Фаль**. Я постоянно несу службу рабов: если ты прикажешь, я помогу тебе в твоём деле и буду странствовать вместе с тобой“. — „Прекрасно“, — ответил царевич.

Пошли они дальше и пришли на берег реки. Там они увидели лягушку, которую схватила змея. Лягушка взывала о помощи. Царевич молвил: „Эта лягушка просит помочь ей“, — прикрикнул на змею, и та отпустила лягушку.

Царевич подумал: „Хотя внешне и хорошо спасти притесняемого от притеснителя, но на самом деле я поступил нехорошо, ибо лягушка — это пища и пропитание змеи, а лишать кого-нибудь пищи и отнимать ее у него не так уж и хорошо“. Оторвал царевич от себя кусок мяса и бросил змее. Та схватила этот кусок и снесла своей самке. Самка, проглотив этот кусок, сказала: „Ты никогда не приносил такой вкусной дичи, ни-

когда не добывал такого прекрасного мяса. Откуда это у тебя?"

Змея рассказала, как она поймала лягушку, как спас ее царевич и как отрезал у себя кусок мяса. Самка изумилась и молвила: „Люди — это такие существа, которые за один день терзают сотни сердец и ранят тысячи грудей. Откуда в нем эта чистота и эта верность?" — „О жена, — ответила змея, — в мире есть и добро и зло, и люди не все на один покрой"».

Нахшаби, не все на свете одного покроя,
Я в твою природу, друг мой, не могу проникнуть.
И скупых на свете много, много есть и щедрых,
Ты и зло на этом свете и добро отыщешь.

Когда раздался глас: «Назначаю я на земле себе наместника» и весть эта распространилась на все четыре страны света, ангелы раскрыли уста для упрека и сказали: «Разве может быть назначен наместником твоим порочный человек, проливающий кровь?»

В ответ им было сказано: «О ангелы, поглядите хорошенько: некоторые люди проливают рукой своей кровь и считают это похвальным, но другие проливают кровь из очей своих».

Сказал Аллах всевышний: «Поистине, знаю я то, что вы не знаете».

В ночь мираджа, бывшую базарным днем Мухаммада, несколько ангелов предстали пред этим лучшим из всех существ и молвили: «О посланник Аллаха, дай нам совет!»

Господин посланничества, да приветствует его Аллах и да помилует, ответил им: «Вот вам совет мой: в другой раз не произносите заносчивых речей».

Ангелы эти от стыда так поникли головой, что до самого Судного дня уже не поднимут ее, ибо разве мы можем сказать о том народе, из которого вышел и этот великий царь: «Разве ты назначишь порочного человека, проливающего кровь?»

Нахшаби, в этот гнусный и низменный век
Невозможно правдивое слово сказать.
Если ты говоришь, то ты так говори,
Чтоб от этих речей не пришлось пострадать.

«О самка, этот юноша, который сегодня явил благородство и угостил нас своим мясом, не первый в мире.

И до него люди так поступали. Разве ты не слыхала рассказ о том, как однажды, подбитый орлом, перепуганный голубь прилетел к Моисею *, мир да будет с ним, и сказал: „О Моисей, гонится за мной притеснитель, спаси меня от него и укрой под полой твоей одежды“.

Моисей, мир да будет с ним, пустил его укрыться под полой своей рубахи. Вслед за ним прилетел и тот орел и молвил: „О Моисей, я сегодня чрезвычайно голоден, охотился я за дичью, и после долгого времени она наконец попалась мне. Она вырвалась из когтей моих и укрылась под твоей полрой. Отдай ее мне, не считай дозволенным лишать меня пищи!“

Моисей, мир да будет с ним, спросил: „О орел, тебе нужна пища или же непременно этот самый голубь?“ — „Нет, мне нужна пища“, — ответил орел.

Тогда Моисей повелел, чтобы принесли весы и взвесили голубя — он хотел отрезать у себя именно такое количество мяса и дать его орлу. Орел схватил Моисея за руку и сказал: „О Моисей, я — архангел Михаил, а тот голубь — Гавриил. Мы пришли к тебе в этом облике, чтобы посмотреть, до каких пределов доходит твое благородство и великодушие, насколько велико твое мужество и твоя доблесть“».

Нахшаби, великодушье доблестью считай,
С ним смотри не разлучайся, друг мой, целый век.
Кто завистников презренных будет поминать?
Лишь одним великодушьем славен человек.

«Самка сказала: „О змей, кто это проявил такое благородство и угостил тебя своим мясом? Ты обязан отплатить ему за любезность и щедрость, должен показать свою искренность в ответ на его ласку и внимание“.

Змей тотчас же принял образ человека, пришел к царевичу и сказал ему: „О радость времени, о несравненный султан! Мое имя — Халис **. Хочу я некоторое время служить тебе и быть зачисленным в ряды твоих служителей“. — „Прекрасно“, — ответил царевич.

Лягушка, когда вырвалась из пасти змеи и покрытая кровью пришла к своей самке, тоже рассказала ей о благородстве царевича. Самка изумилась и послала ее с теми же указаниями, что и самка змеи своего самца. Лягушка тоже приняла образ и подобие человека, пришла к царевичу и сказала: „О благородный человек, о

утвердитель великодушия! Меня прозывают Мухлисом*. Хочу я сопровождать тебя во время твоего странствия в качестве слуги, хочу как верный раб быть твоим спутником в путешествии". — „Прекрасно“, — ответил царевич.

Все четверо пустились в путь и пришли в город, где правил царь, чрезвычайно мудрый, разумный и справедливый. Царевич предстал перед ним и сказал: „Я храбрый человек, я один готов сражаться против целого войска. Любое дело, какое придется, готов выполнить один верхом на коне. Если ты дашь мне по тысяче динаров в день, я некоторое время буду служить и постараюсь выполнить всякое дело, какое ты мне поручишь“.

Царь согласился и взял царевича к себе на службу. Каждый день он получал тысячу динаров и семьсот из них тратил на себя, а триста раздавал дервишам как подаяние».

Счастливы те, кто и в нужде и в довольстве печется о чужестранцах, и в беде и в счастье помогает нищим!

Нахшаби, о других ты печалиться должен,
Пошу тяжкую должен нести помогать!
Пусть тому, кто другому всегда помогает,
Никогда не придется терпеть и страдать!

«Царь этот любил ловить рыбу — подгонял он деревянного коня плетью ветра и вытаскивал рыб из пучины вод. Как-то раз его перстень упал в воду, и, как его ни разыскивали, найти не могли. Царь сказал царевичу: „Ты уже давно служишь нам. В свое время ты давал громкие обещания. Теперь ты должен сдержать эти обещания и вытащить перстень из воды". — „Дай мне сроку“, — ответил царевич, пошел оттуда в свои покои и начал рассказывать своим спутникам: „Что за дело поручил мне царь! Вытащи, мол, из текучей воды перстень! Разве я могу это сделать?" — „Не тревожься, — сказал Мухлис, — я избавлю тебя от этого дела и сам совершу эту службу вместо тебя“.

Мухлис принял образ лягушки, нырнул в воду и тотчас же принес царевичу перстень. Царевич снес его царю, и тот осыпал его почестями и прославил.

Некоторое время спустя дочь царя ужалила змея. Как ни старались, никакие заклинания не помогали, никакие зелья не приносили пользы. Царь молвил царевичу: „Ты должен вылечить эту девушку“.

Царевич снова пригорюнился и призадумался: „Что, мол, за дело поручил он мне! Что за приказ дал!..“ С величайшей печалью пришел он в свои покои и рассказал друзьям, что случилось. „Не тревожься, царевич, — сказал Халис, — это дело будет совершенно и выполнено мною. Возьми меня с собой к этой девушке и посмотри, что появится из-за завесы тайн“.

Царевич так и поступил и взял с собой Халиса. Тот приложил уста к устам девушки, начал сосать и высосал весь яд, вызывавший страдания. Девушка в то же мгновение поправилась. Царь отдал эту самую дочь в жены царевичу и сделал его полноправным своим заместителем. Хотя солнце успеха и неоднократно скрывалось на западе безуспешности, но теперь оно взошло на горизонте осуществления, а росток счастья, увядавший от холодного ветра бедствий, снова стал свежим.

Все три спутника царевича пришли к нему, попросили разрешения покинуть его и сказали: „Теперь дай нам приказ, чтобы каждый мог вернуться в свой дом“. — „Вы делили со мной все беды и несчастья, — сказал царевич. — Теперь, когда росток счастья моего стал свежим, а солнце удачи взошло на горизонте успеха, не время покидать меня“. — „Я — то самое доброе предзнаменование, — сказала Ник-Фаль, — которое ты купил у дервиша. Я уже долгое время забочусь о твоих делах и стараюсь о твоём успехе. Теперь мне пора расстаться с тобой, время возвратиться назад. Ты достиг своей цели, осуществил свои стремления и во мне уже больше не нуждаешься. Теперь мне пора возвращаться“. — „Я — та самая лягушка, — сказал Мухлис, — которая благодаря тебе спаслась от притеснителя. Каждый из нас по мере сил прилагал старания и усердия, чтобы отплатить тебе. Ты достиг счастья, и теперь нам пора возвратиться“.

Сказали они это, все трое распрощались и скрылись с глаз его».

Нахшаби, будь всегда благодарен, смотри,
Иль постигнет тебя в мире злая беда.
Кто своих благодетелей помнит, мой друг,
Будет счастливо жить в этом мире всегда.

Дойдя до этих слов, понугай повел такую речь: «О хозяйка, этот рассказ я привел для того, эту повесть

рассказал затем, чтобы ты сейчас встала и спокойно пошла к другу, подобно всем этим трем спутникам, утвердила бы основы искренности и преданности и не забыла бы ни единой мелочи из тонкостей похвальных дел и добронравия».

Худжасте хотела последовать его совету, но поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро поменало это сделать:
Всем елюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о сыне визиря, купце, монахе
и женах их и о том, как говорил
деревянный попугай

Ночь десятая

Когда кипящее вино-солнце влили в кувшины запада и вынесли отражающую мир чашу лунного света из зады востока, Худжасте, опьяненная пламенем любви и обезумевшая от огня страсти, пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О пользующийся доверием визирь! О премудрый советник! Несущий беды северо-восточный ветер любви поломал ветви терпения и спокойствия моего, свирепый ураган страсти вырвал корни разума и рассудительности. Дай мне сегодня дозволение, чтобы я могла пойти в дом свидания с другом и осветлить светом его помутневшие очи мои».

«О Азра * наших дней и Зулайха нашей эпохи! — воскликнул попугай. — Если бы Зулайха жила теперь, она, стыдясь твоего волнения, ни слова не говорила бы про Иосифа **! С моей стороны препятствий нет! Вставай и ступай в дом свидания с другом, а когда придешь

туда, честно служи ему, тайны же своей не доверяй никому, секретов своих не открывай, ибо со всяким, кто открывает свою тайну, случится то же, что было с купцом и сыном визиря». — «А что с ними было?» — спросила Худжасте.

«Рассказывают, — ответил попугай, — что в давно прошедшие времена и прошлые века, жил в одном городе некий купец, который дружил с сыном визиря. Как-то раз купец поехал по торговым делам. Когда настало время возвращаться назад, он спросил: „Есть ли в этой стране что-нибудь достойное внимания, что можно было бы отвезти в качестве подарка сыну визиря?“ — „В этом городе есть один столяр, который владеет топором, как второй Ной*. В один из дней года он изготавливает деревянное изображение попугая, и оно говорит, как люди“, — ответили ему. „Если говорит настоящий попугай, — сказал купец, — это не диво. Говорящий деревянный попугай много интереснее. Подарка лучше этого мне не найти“.

Купец пробыл в этом городе целый год и достал такого попугая. Когда он возвратился домой, сын визиря пригласил его на следующий день к себе в гости. Когда вино обошло несколько кругов и у испивших сладостного напитка гостей в груди появилось полное веселье, сын визиря спросил: „Какой же подарок ты привез мне из путешествия?“ — „Такой, — ответил купец, — какого никто не привозил и не привезет“. „Что же это такое?“ — „Привез я деревянного попугая, который может говорить“. — „Прикажи, чтобы его принесли“. — „Завтра я сам принесу его“, — сказал купец.

Случайно жена купца была влюблена в сына визиря. Юноша вышел из-за стола и послал к ней сказать: „Слыхал я, что твой муж привез говорящего попугая из дерева. Муж твой теперь веселится и забавляется на пирушке. Надо, чтобы ты на некоторое время прислала мне эту птицу. Я посмотрю на нее и сейчас же отошлю назад“. Жена купца послала попугая сыну визиря. Тот увидел, что попугай действительно обладает тем свойством, о котором говорил купец, тотчас же призвал ловкого столяра и сказал: „Надо, чтобы ты сделал для меня точь-в-точь такого же попугая“.

Столяр изготовил такую птицу, и сын визиря этого попугая отослал жене купца, а говорящего попугая ос-

тавил у себя. Тайну эту он раскрыл своей жене, потом вернулся к столу и повел такую речь: „Не могу я верить твоим словам“. — „Если не веришь, — сказал купец, — побьемся об заклад“.

А в те времена был обычай, что закладом являлось все имущество спорщика: жена, и деньги, и дети, и лошади, и верблюды, и рабы, и рабыни, и казна, и сокровищницы — все это делалось закладом. Побились они о такой крупный заклад и подкрепили сделку клятвенными обещаниями. „Завтра утром, — сказал купец, — когда златокрылый попугай-солнце высунет голову из клетки востока, я возьму клетку с попугаем и приду к тебе. Если он заговорит, все твое имущество перейдет в мое обладание, если же нет, тебе достанется все то, чем я обладаю“. Купец пришел домой и сказал: „О попугай, я из-за твоих способностей побился о такой великий заклад. Надо, чтобы завтра ты в изящных речах и красивым изложением давал ответы на все, о чем тебя спросят, и не считал бы возможным молчать. Красноречием называется, если ты в речах говоришь то, что надо сказать, а не рассчитываешь, что я, мол, скажу это другой раз, ибо может случиться, что у тебя и не будет более возможности“».

Спросили одного царя: «Как ты достиг таких успехов?» — «Я не откладывал сегодняшнего дела на завтра», — ответил он.

Нахшаби, минутой пользуйся, смотри,
Дел своих, мой друг, рабам не поручай!
Если случай представляется тебе,
Неотложного отложным не считай!

«Но сколько купец ни говорил подобных слов, попугай — так это был вовсе не его попугай — ничего не отвечал. Беспокойство закралось в сердце купца, поднял он крик, разорвал на себе одежды, посыпал голову прахом и начал причитать: „Я положился на кусок дерева и побился о такой заклад! Завтра я лишусь всего моего имущества и хозяином этого дома станет другой! Какую страшную ошибку я совершил!.. Как можно было так легкомысленно биться о такой заклад и ввергнуть в погибель все свое имущество! Может быть, продавец был кудесником, взял у меня большие деньги и заставил меня счесть говорящим кусок дерева? Не испытал я попугая и не обдумал своих поступков!“»

Нахшаби, знай, что опыт — прекрасная вещь,
Мир весь — внешность, лишь в опыте самая суть.
Испытай хорошенько ты каждую вещь,
Легковерным, мой друг, и наивным не будь!

«А в городе этом был один монах, которому верил весь народ; непорочности его все доверяли и в трудных случаях прибегали к нему за помощью. Когда купец отчаялся придумать хитрость, потерял надежду изобрести уловку, взял он этого попугая, пошел с ним к монаху, изложил ему свое дело и сказал: „Потрудись над этим попугаем; быть может, он сразу придет в себя и, услышав твои речи, снова начнет говорить“.

А монах был дивом, скрытым под власяницей, дьяволом, затаившимся под рясой, был он весьма жуликоватой птицей, очень дальновидным вороном. Выслушав историю попугая и сына визиря, он сразу проник в эту тайну и понял, в чем дело. Он сказал купцу: „Оставь этого попугая у меня на ночь; быть может, он, услышав мои речи, снова заговорит, под моим влиянием сразу придет в себя. Но если он заговорит и ты выиграешь заклад, что ты мне дашь из своего выигрыша?“ — „Я отдам тебе все, что получу,“ — ответил купец. „Всего мне не надо, — сказал монах, — но если ты получишь его жену, дай ее мне“. — „Я отдам тебе ее. Я теперь сокрушаюсь о своей собственной жене; если я избавлюсь и от чужой жены, мне больше ничего и не надо“.

Затем купец оставил попугая у монаха и ушел. Случайно жена сына визиря была влюблена в этого монаха. Послал монах кого-то к ней сказать: „Муж твой сегодня добыл попугая. Надо, чтобы ты прислала его мне. Я погляжу на него мгновение и сейчас же отошлю назад“.

Жена визиря послала попугая монаху, тот говорящего попугая оставил у себя, а принадлежащего сыну визиря попугая отослал его жене».

Поистине, всякий человек видит возмездие за свое дело! Если кто-нибудь поутру совершит дело, к вечеру он уже будет наказан за него, а если кто-нибудь по вечеру совершит проступок, поутру уже увидит возмездие.

Нахшаби, за злое дело будет всяк наказан,
Только добрыми делами можешь стать ты мужем.
Если ты людей сегодня чем-нибудь обидишь,
За дела такие сразу будешь ты наказан.

«Когда на другое утро пламенноликий монах-солнце показал свое лицо из кельи востока, купец с сотней мук в сердце пришел в обитель к монаху, облобызал его молитвенный коврик и молвил: „Как дела?“ — „Попугай твой, — ответил монах, — благодаря свойственной монахам благодати услышал наши речи и сам заговорил“.

Купец подошел к попугаю и приветствовал его, тот сказал ему ответное приветствие и добавил еще с сотню всяких любезностей. Купец сунул его в рукав и пошел к дому сына визиря, повторяя про себя: „Если я снесу его домой, он, быть может, снова положит печать молчания на свиток уст своих и ввергнет меня во вчерашнюю беду“.

Когда купец пришел в дом к сыну визиря, оказалось, что тот созвал всех вельмож города и всех именитых людей того места. Полагаясь на попугая, он снова повторил все свои обеты и обещания. Купец извлек попугая из рукава и сказал: „Спрашивайте его, о чем хотите, расспрашивайте, о чем пожелаете“.

Попугай начал красивыми словами и изящными речами прославлять сына визиря и на каждый вопрос, который ему задавали, давал десять ответов. Сын визиря молвил про себя: „Ведь это же тот самый попугай, которого я послал к нему в дом! Неужели же его дом обладает таким свойством, что все, что попадает туда, начинает говорить?“

Пошел он во внутренние покои и подошел к своему попугаю, но, сколько он ни упраскивал птицу сказать что-нибудь, та ничего не отвечала. Сын визиря так и не мог постигнуть этой тайны, не мог разгадать этой загадки и в соответствии с поговоркой „Кто роет брату своему колодец, сам упадет туда“ смятенным и разочарованным вышел к гостям. Все его имущество вслед за тем перешло к купцу, и тот немедленно отправился в обитель к монаху, передал ему жену сына визиря вместе со всеми ее пожитками и сказал: „Постине все эти события подтверждают такие слова:

Нахшаби, об заклад ты побиться рискнул,
И удачно твои завершились дела“»

Великий Аллах, полагал я, что притворные дервиши появились только в наши дни, но, приглядевшись хорошенько, я увидел, что и прежде бывали притворщики, облаченные в рясу и власяницу.

Нахшаби, нельзя, мой милый, по наружности судить,
Шерсть и камень драгоценный ведь по весу не одно.
Кто наружностью прелестен, грешным может быть в душе,
Тяжкий грех под власяницей люди прячут уж давно.

«Купец, придя домой, спросил попугая: „Что же все это значит? Почему ты вчера наложил печать молчания на ларчик уст твоих? Ведь из-за этого драгоценный камень души едва не покинул ларчик груди...“

Попугай рассказал купцу всю историю: „О ходжа, жена твоя послала меня сыну визиря, а у того был попугай, выточенный из дерева. Он того попугая отослал назад, а меня оставил у себя. Его попугая ты вчера и расспрашивал. Когда ты снес монаху того попугая, монах послал кого-то к жене сына визиря и попросил меня у нее. Она прислала меня ему, а монах отослал им изготовленного ими же самими попугая, а меня оставил у себя. Я и есть твой старый попугай. Спрашивай меня о чем хочешь, я на все дам ответ“.

Когда купец выяснил всю тайну, он прикусил зубами палец изумления, пошел к сыну визиря, разъяснил ему все дело и сказал: „О нечестный человек, что ты сказал, то и услышал, что посеял, то и пожал! Предательство, которое ты готовил для меня, другие приготовили для тебя. Хитрость, которую ты измыслил против меня, другие измыслили против тебя“.

Когда сын визиря узнал обо всем, его охватило величайшее смятение: „Что за ужасная беда случилась! Что за позорный случай приключился!“

Пошли они оба к монаху, а тот и сам устыдился своей несправедности. Оба они побили своих порочных жен на базаре камнями и после этого уже не водились с женщинами, а старались придерживаться мужчин».

Аллах, велик и славен да будет он, каждому дает силу оторвать сердце от этих неверных существ, каждому дарит способность изгнать из души помыслы об этих вероломных.

Нахшаби, с женой водиться — горе и гибель,
От беды такой мужчины стонут и страдают.
Только тот, кто жен покинул, верь мне, друг мой милый,
Ни забот, ни огорчений до конца не знает.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, купец и сын визиря увидели и испытали такое горе потому, что они открыли свою

тайну женщинам. Конечно, они должны были увидеть то, что увидели. А поэтому и ты не открывай замкнутых уст и не сообщай никому про свою тайну, дабы тебе не пришлось пережить того, что они пережили. Теперь вставай, ступай к своему другу и соблюдай данный мною тебе завет».

Худжасте хотела последовать его совету, но забрезжила заря, раскрывающая тайны влюбленных, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о метельщике,
добывавшем из котла масло и из пыли золото,
о том, как он нашел ценную жемчужину,
как ее украли его спутники
и вернула дочь Бходжа-раджи**

Ночь одиннадцатая

Когда сверкающую жемчужину-солнце положили в ларчик запада и достали из рудника востока драгоценный камень лунного света, Худжасте, сверкая ярче, чем блеск солнца, и блестя прекраснее, чем сверкание месяца, пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О соловей луга чистоты! О горлица полей праведности! С тех пор, как я вижу, что чистота твоя безгранична, как моя страсть, а праведность твоя беспредельна, как моя любовь, и от чрезвычайной чистоты и крайней верности каждую ночь прихожу к тебе и рассказываю о горести дней разлуки, я все надеюсь, что настанет день, когда вечер разлуки превратится в утро и в темной ночи одиночества забрезжит рассвет... Ведь

ожидающий тоскует, ожидая меня.. Если ты дашь мне разрешение, я сегодня ночью пойду к нему, сейчас отправлюсь на его улицу».

«О Зулайха, верная, как Иосиф! — воскликнул попугай. — О Азра, чистая, как Вамик *! Для всех красавцев законная подать — заботиться о делах влюбленных. Для всех благоухающих мускусом законное подаяние — страдать о тех, кто стремится к ним. Влюбленный постоянно скорбит о своей возлюбленной, если же денек возлюбленная поскорбит о нем — это не беда! Вамик постоянно мечтает об Азре, если же денек Азра помечтает о Вамике — невелика важность!.. Но только не вижу я в тебе волнения, которое видел раньше, не замечаю той пламенной страсти, которую замечал прежде.

Клянусь я жизнью, человек успеха не добьется,
Когда неярко в нем горит любви горячей пламя.

Неужели твое сердце охладело к нему, оттого что ты не выяснила, каковы его занятия, промысел его, и не узнала, какого он рода и племени?»

«О попугай, — ответила Худжасте, — я раньше не знала, что ты так умен, а теперь я вижу, что ты рассудителен и великодушен. Дела обстоят так, как ты прочел в зеркале разума, в груди моей таятся именно такие мысли, которые заставили тебя призадуматься. Время от времени вспоминаю я о чести, о доброй славе и говорю себе: „Тот юноша, который утверждает, что любит меня, относится ли он к зениту вельмож или надиру ** простолюдинов? Приходится ли он сродни великим и славным или презренным и гнусным?“»

«О Худжасте, — сказал попугай, — какое дело истинным влюбленным до чести и доброй славы? Какое отношение у того, кто охвачен желанием, к церемониям и условностям? Разум учит разрешать дела, а любовь сжигает царства. Если чья-нибудь шея окована цепью любви к красавцу, подобному месяцу, какое ей дело до могущества или испорченности? Если в чьем-нибудь сердце упрочится страстное влечение к благоухающему мускусом юноше, какое ему дело до чести и славы?»

Любовь — позор ужасный, поверь мне, Нахшаби,
Влюбленных очи, друг мой, не ведают стыда.
От мудрецов великих слыхали мы не раз:
Любовь и честь на свете не свяжешь никогда!

«О попугай,— сказала Худжасте,— хотя то, что ты говоришь, и правда, но только пылинка позорно исчезает в солнце, капля скрывается в облаке. Я боюсь, чтобы подобная мне жемчужина не попала в руки презренного человека; такой драгоценный камень, как я, не подчинился бы жалкому существу. Какое дело архангелу до дива? Может ли ифрит * соединиться с человеком?»

Нахшаби, твоей цены не знают люди в мире,
Кто, скажи, луну и солнце мог бы уничтожить?

Так немому горлу флейта будет бесполезна:

Хоть и слышит звук он ухом, сам же петь не может.

«О попугай,— продолжила Худжасте,— ведь есть же какая-нибудь хитрость, чтобы узнать его происхождение и выяснить его род, в точности установить его светлые и темные стороны?» — «Есть несколько способов узнать это,— ответил попугай.— Сейчас же вставай, иди в покои к твоему другу, а когда придешь туда, брось золото времени его о камень испытания, изучи его различными способами, разнообразными уловками разузнай его тайну, как дочь Бходжа-раджи различными уловками узнала тайну четырех человек». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят,— ответил попугай,— что в одном городе жил некий метельщик, который из котла добывал масло, из мусора доставал золото. Другие просят хлеб свой насущный у неба — по словам Корана: „На небесах хлеб вам и то, что вам предназначено“, а он просил хлеб свой у земли по словам: „Ищите хлеб ваш на земле, ибо ищущий находит“. Каждый день он находил такое количество, которого ему хватало на пропитание, было достаточно для прожитья. Как-то раз он нашел в пыли, которая помнит о стольких драгоценных камнях, превратившихся в прах, самоцветный яхонт, блеском своим состязавшийся с самоцветом-солнцем, сиянием равнявшийся жемчужине-месяцу. Ни один ювелир, которым метельщик показывал этот яхонт, не знал цены его, ни один оценщик не мог сказать его стоимости. Ювелиры сказали метельщику: „Проницательность наша не может оценить его, взгляд нашей опытности не постигает истинной его цены, но если ты снесешь его Бходжа-радже **, он даст тебе взамен столько золота, что нить бедности твоей порвется и капат нищеты будет перерезан“.

Метельщик так и поступил. Положил он яхонт в кису * и отправился в сторону столицы Бходжа-раджи. Посреди пути присоединились к нему четыре человека. В полдень сделали они привал под деревом, и не успел сон сковать глаза метельщика, как они тотчас же похитили у него из кисы камень».

Поистине, тот, кто спит, заслуживает такой беды, и всякий, кто спит, упустит из рук драгоценный камень!

Передают, что Авраам, да помилует его Аллах и да приветствует, сказал Исмаилу: «Было мне во сне видение, что я должен принести тебя в жертву». — «Тот, кто спит, и достоин такой беды, отец, — ответил Исмаил. — Если бы ты не спал, то я не лишился бы отца, а ты не утратил бы сына».

Нахшаби, скажи, ты долго ль будешь спать?
Берегись ты нападения воров!
Только тот взломают дом, где люди спят,
А от чуткого мошенники бегут.

«Метельщик не знал, кто украл его камень, какой жулик схитрил с его драгоценностью. Про себя он сказал: „Если я подниму крик, это не поможет — они разбегутся“. А поэтому он навязал узелок молчания на четки души, положил печать безмолвия на ларчик рта.

Когда они пришли в город Бходжа-раджи, метельщик пошел к царю и рассказал ему всю свою историю. Тот призвал к себе его спутников, но, как их ни уговаривал и ни стращал, как ни грозил им, ничто не помогало и камень не появлялся. А у царя была дочь, которая проницательностью и сообразительностью покрывала вуалью стыда головы хитрецов, хитроумием и рассудительностью набрасывала покров смятения на чело мудрецов. Она сказала: „Пусть пришлют ко мне этих четырех человек, дабы я могла приподнять завесу над их делом и добыть этот камень“.

Ее приказание выполнили. Девушка осыпала их щедротами, велела одарить их почетными одеждами и стала держать их в тени своего сочувствия и под сенью своей милости, так что страх и испуг их совершенно прошли, ужас и трепет вполне исчезли. Однажды девушка сказала им: „Я вижу, что вы люди, на челе у которых светятся приметы знания и рассудительности, разума и сообразительности, заметны признаки кротости и мудрости. У меня уже давно есть три запутанных

вопроса, и я хочу, чтобы вы их разъяснили и истолковали". — „Что же это за вопросы?" — спросили они.

„Говорят, — ответила девушка, — что в Мазендаране * жила дочь одного купца, доброго нрава и прекрасной наружности. Однажды, когда распускались сады и зацвели луга, она с несколькими девушками отправилась в сад. Посреди прогулки и развлечений взгляд ее упал на розу — увидела она розу, как роза лица ее, лишенная шипов, нашла вино, подобное вину ее нрава, не влекущему за собой похмелья. Девушка сказала садовнику: „Достань эту розу и дай мне ее". — „У этой розы есть цена, — ответил садовник, — ее можно получить только за известную цену, этот бутон обладает стоимостью и достанется только тому, кто ее уплатит". — „Сколько же она стоит?" — спросила девушка. „Цена ее такова, — сказал садовник, — что в брачную ночь ты должна прежде прийти в этот сад, а затем уже пойти в покои к мужу. В эту ночь ты должна дать мне в удел розовой воды слияния с тобой и жатвы близости к тебе, должна подарить долю из цветника объятий твоих".

Распустилась новая роза для девушки, и она дала соответственную клятву и обещание, завладела розой и пошла домой. Через некоторое время эту жемчужину нанизали на нить брачного союза с царем, навязали на ожерелье супружества с государем. В первую же ночь девушка обратилась к мужу с такими словами: „О юноша, сегодня ты должен выпустить из рук поводья владения мною, не должен прикасаться ко мне перстом обладания, потому что я дала клятву и обет юному садовнику, а сдерживать клятвы — это дело благородных людей, выполнять обеты — обычай всех великодушных"»

Нахшаби, все обещанья строго соблюдай,
Помни, друг мой, что нечестных поразит беда.
Если честный обещанье даст кому-нибудь,
Он сдержать сумеет клятву данную всегда.

«„Если ты не прогневаешься, я ненадолго схожу в этот сад и сдержу свое обещанье..."»

Муж разрешил, и невеста с несколькими девушками направилась в этот сад. Когда они прошли несколько шагов, увидели они волка, притаившегося в засаде. Хотел он последовать за ними и напасть на эту красавицу, обладавшую глазами газели, но она сказала: „О волк, я вышла из дома, чтобы сдержать данную мною клятву, и

мой муж дал мне дозволение. Если ты погубишь меня на пути, я не смогу выполнить обещание, а это будет великий грех, и обещание будет тяготеть надо мной“.

Волк оставил ее в покое. Прошла она немного дальше и встретила с разбойником, который хотел пронзить ее мечом и похитить ее платье и драгоценности. Девушка поведала ему о своей клятве, рассказала о благородстве и великодушии волка, и разбойник тоже оставил ее в покое. Когда девушка пришла в сад, садовник вышел ей навстречу, она рассказала ему про любезность мужа, сострадание разбойника и сочувствие волка, напомнила о прежнем обещании и старой клятве и сказала: „Вот я и пришла, чтобы сдержать клятву и выполнить обещание. Теперь, как желаешь, нюхай розу свидания и близости. Как умеешь, броди по саду веселья. Вот я пред тобою — делай со мной, что хочешь“.

А садовник еще в ранней молодости, в первые дни юности смирял непокорную плоть, прибегал к старцам монашеских орденов и совершенно отказался от дурных дел и дурных речей. Обратился он к девушке с такими словами: „О девушка, ты заслужила награду за то, что сдержала обет и выполнила клятву, но я уже не таков, каким ты меня когда-то видела. Я ухватился за прочный канат будущего мира и совершенно устранился мира этого. Я — садовник, а садовник должен отличаться верностью и преданностью, а не коварством и лицемерием. Если я сорву один листок с чьей-нибудь ветви, то люди переломают все ветви на моих деревьях, и если я сорву розу в чужом саду, то у других появится желание опустошить мои цветники и луга“».

Нахшаби, плод таков, каково его семя!
Счастлив тот, кто снимает его в добрый час,
Никогда беды добрых людей не постигнут,
Кто посеет добро, тот его и пожнет.

«О женщина, — продолжал он, — ступай отсюда с миром, покайся в словах и делах своих и впредь не проси у мужа дозволения на такие поступки, ибо за каждым делом следует возмездие, после каждого „сегодня“ настанет „завтра“».

Знай, Нахшаби, ты, что смерть человека
Зеркалом служит для всех его дел.
То, что он нынче свершает, в день Судный
Бог ему то же назначит в удел.

«Закончив этот рассказ, девушка обратилась к четверем чужестранцам — что, мол, вы на это скажете? Из этих четырех существ, то есть мужа, волка, разбойника и садовника, кто достоин одобрения, а кто — порицания?

Первый ответил: „Я ясно вижу на доске разума следующее начертание: муж ее был человеком недостойным, ибо ревность и чувство чести — признаки мужей, а отсутствие чести и ревности — приметы людей, лишенных благородства“.

„Меня чрезвычайно изумляет мягкость этого волка, — заметил второй, — наверное, это был волк без когтей и зубов, потому что ни один хищник не откажется от столь сладкого мяса“.

Третий начал хулить глупость и неразумие разбойника и сказал: „Поистине, этот вор был лишен одежды разума и халата познания, в противном случае клятва и обет женщины не могли бы остановить его“.

Четвертый начал порицать садовника и воскликнул: „Что это за нелепое воздержание и безвкусное целомудрие! Почему не напоил он жаждавшую душу такой живой водой!..“»

Нахшаби, лицо красотки — гибель для души,
Ноги мне сковали узы этой красоты!
Губит всех краса на свете, для святых людей
В красоте погибель скрыта, это помни ты.

«Затем девушка пошла к царю, рассказала об ответах четырех чужестранцев и добавила: „Поистине, драгоценный камень метельщика у того, который бранил вора и порицал его за то, что он не взял драгоценностей, потому что это по пословице: „Из всякого сосуда просачивается то, что в нем находится“».

Нахшаби, в тебе причина всех твоих волнений,
Соловьев, томимых страстью, ведь луга волнуют,
Проявить ты то лишь можешь, что в тебе сокрыто,
Носит всяк в себе причину всех своих стремлений.

«Тому, кто порицал волка, царь дал много денег и сказал: „Это — обжора и чревоугодник, ему надо дать столько, чтобы он мог проводить дни в довольстве и не погиб от голода“.

Тому, который говорил о чести и ревности, дал должность в гареме, ибо это подходящее место для такого человека, а того, который порицал разбойника, угрозами и запугиваньем заставил выдать драгоценный камень».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, если ты хочешь выяснить, какого рода и племени твой возлюбленный, желаешь узнать, каково ремесло и занятие твоего любовника, ступай сейчас же к нему в покой, ударь камень его характера о сосуд испытания и, как царская дочь, хитрыми уловками выведай его тайну!»

Худжасте хотела последовать его совету, но поднялся дневной шум, утро показало свой блестящий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о купце
и жене по имени Шахр-арай
и о том, как она из страха перед мужем
заговорила в присутствии своего возлюбленного**

Ночь двенадцатая

Когда обладающий ясным разумом надсмотрщик-солнце скрылся в караульном помещении запада, а облаченный в аббасидское* одеяние хатиб**-месяц взошел на кафедру востока, Худжасте пришла с сердцем, исполненным горя, и глазами, полными слез, к попугаю.

«О хозяйка! — воскликнул попугай. — Вижу я, что сегодня ты еще больше огорчена, чем обычно; сегодня вечером, вижу я, ты еще печальнее, чем раньше. Что тому причиной?» — «О мудрец наших дней и ученый нашей эпохи! — ответила Худжасте. — Однажды перед Муавией***, который был одним из ученейших людей своего времени, советники совещались о каком-то деле. Один из них, по имени Ахнаф****, мудрейший человек

своей эпохи, навесил замок молчания на ларчик своих уст и не желал подарить ушам собравшихся драгоценные камни своих слов. Муавия спросил: „Почему ты не принимаешь участия в этом совещании и не говоришь ни одного слова по этому делу?“ — „Что бы я ни сказал, — ответил Ахнаф, — я скажу либо правду, либо ложь. Боюсь я, что, если скажу правду, ты будешь оскорблен, а если скажу ложь, то будет оскорблен Аллах всевышний“. О попугай, я тоже боюсь, что, если я буду повиноваться мужу, я утрачу возлюбленного, а если буду слушаться друга, оскорблю мужа».

Зараз двум друзьям невозможно служить,
Хотя бы ты слезы, как облако, лил.
Коль скоро ты в сердце две страсти таишь,
Ты в ножны одни два меча уложил.

«О Худжасте, — сказал попугай, — старайся заслужить расположение друга. А если, чего не дай бог, твой муж обидится и увидит тебя с ним вместе, я хитрыми уловками сумею отвратить эту беду и устроить так, что доверие его к тебе будет еще полнее, чем ранее, как то было с женой купца, муж которой находился под кроватью, в то время как она с любовником лежала на кровати, и которая сумела так извиниться перед мужем, что он устыдился и стал доверять ей еще больше, чем раньше» — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Рассказчики повестей и передатчики рассказов говорят, — ответил попугай, — что некогда жил в Нишапуре* купец, обладавший большим богатством и несметными сокровищами. При всем том был он чрезвычайно глуп и крайне неразумен. Так как глупец в силу чрезмерной глупости все свое время тратит на то, чтобы накопить богатство, и дурак от крайнего неразумия только и занимается тем, что умножает деньги, они неизбежно соберут больше, чем всякий другой, накопят больше, чем остальные люди».

Да! Спросили как-то раз ученого: «Что мир, умен или глуп?» — «Глуп», — ответил он. «А почему так полагаешь?» — «Потому что он питает склонность только к дуракам, а родич всегда склонен к родичу».

Нахшаби, всегда к родичу родича тянет,
Был судьбою в удел этот жребий нам дан.
И назвать этот мир не могу я разумным,
Ибо склонность всегда он питает к глупцам.

«У этого глупого купца была жена по имени Шахр-арай, чрезвычайно красивая и крайне прекрасная. Ее шутки были столь же безграничны, как и деньги ее мужа, ее остроумие — столь же беспредельно, как и глупость ее супруга. Хотя муж прекрасно ладил с ней, она никогда не питала к нему склонности, и, хотя муж всегда питал к ней величайшую склонность, она никогда с ним не ладила и всегда ненавидела его общество.

Поистине, кому же не будет неприятно общество глупца, кто не побежит от общества дурака! Лучше быть в пасти у льва, чем близ глупца, лучше испытать удар клыка слона, чем томиться возле дурака!

Шахр-арай полюбила одного умного юношу,мышленого молодца. Против воли мужа она постоянно играла с ним в нарды страсти и гоняла коня любовных игр. Муж что-то разузнал о ее разврате, кое-что услышал о ее порочности, и, для того чтобы проверить это дело и выяснить, правдивы ли эти слухи, вознамерился он уехать в путешествие, собрал на несколько дней припасов и провизии, распрощался с семьей и покинул свой дом.

Но в ту же самую ночь он тайно вернулся и заполз под кровать жены. Когда настало время ложиться спать, наступил момент отдохнуть, возлюбленный ее пришел в дом, и Шахр-арай уселась вместе с ним на кровать. При этом взгляд Шахр-арай случайно упал на полу одежды мужа, и она поняла, что муж ее спрятался под кроватью».

Поистине, глупец всегда остается глупцом, дурак всегда будет дураком! Разве сумеет он расследовать такое дело, разве сможет выяснить такие обстоятельства!.. Осел уходит далеко, потому что ступает ногами, верблюдов удаляется, потому что долго идет...

Нахшаби, удел глупцов всех мучиться напрасно,
Кто ж себя по доброй воле сам способен мучить?
Знай, что все глупцов поступки им несут погибель,
Что бы глупый ни предпринял, все труды напрасны.

«Шахр-арай, увидев, что муж под кроватью, подумала про себя: „Хотя и несомненно, что он глупец, но все же он мне муж, хоть он и дурак, по все же он мой супруг. Не годится, чтобы он вылез оттуда и по глупости своей причинил мне беду. Надо изобрести какую-нибудь уловку и надумать хитрость. Он человек просто-

душный — что бы я ни сказала, он всему поверит, что бы он ни услышал, все будет считать правдой“.

Затем она сделала возлюбленному знак, что под кроватью кто-то, мол, есть, и громким голосом заговорила: „О отец мой и брат мой, сидящий на кровати! Не гляди на меня страстным взором и не смотри коварным оком! Я позвала тебя, чужого человека, в свой дом и усадила на место мужа, потому что под этим кроется большое дело, сокрыта великая тайна. А заключается она в следующем. Я сегодня в полдень отдыхала и увидела во сне, будто бы почтенный старец, лучезарный старик, говорит мне: „Знаешь ли, зачем я пришел к тебе?“ — „Нет, не знаю“, — отвечала я. „Я пришел сообщить тебе, — сказал он, — что жизнь мужа твоего подошла к концу и жить ему остается всего несколько дней“.

Услышав эти терзающие сердце слова и выслушав эти опаляющие душу речи, я — тоже во сне — лишилась чувств и потеряла сознание. Некоторое время спустя я снова пришла в себя и увидела, что он все еще стоит передо мной. „О славный старец и почтенный шейх, — воскликнула я, — есть ли какая-нибудь хитрость, чтобы подарить ему еще несколько лет жизни, есть ли какое-нибудь средство, чтобы мог он пожить еще некоторое время?!“ — „Такая хитрость есть, — ответил он, — а заключается она в том, что ты должна позвать в дом чужого человека, сесть с ним на одну кровать и проявить свое благочестие и свою неиспорченность. Ты не должна глядеть на него страстным взором и смотреть коварным оком и тогда благодаря благословению твоего благочестия мужу твоему дадут жизнь вдвое более длинную, во имя твоей праведности подарят дальнейшее существование“.

Проснувшись я и развеселилась, желая продлить жизнь мужа; обрадовалась, стремясь сохранить существование прекрасному супругу. Позвала я служанку и сказала ей: „Приведи ко мне мужчину, позови сюда юношу. Быть может, стремление мое осуществится, цель моя завершится успехом. О ходжа, по этой причине и позвала я тебя и потому и села с тобой на одну кровать. Потому что где же может считаться дозволенным, чтобы чужая жена глядела на чужого мужа или чужой муж смотрел бы на чужую жену? Ты для меня брат в обоих мирах. Прими же теперь и меня в свои сестры. Хотя

тебе и пришлось потрудиться — прийти и уйти отсюда, но когда муж вернется из путешествия и тайна жизни его раскроется, я сообщу ему эту историю, чтобы он тоже принял тебя в братья, извинился пред твоими чистыми стопами. Несомненно он простит мне мое сегодняшнее поведение и разрешит тебе бывать в доме у нас, ибо ты будешь и моим названным братом и названным братом моего мужа. Теперь, о брат мой, ты утрудил и обеспокоил себя, но заслужил награду, нашел то, что искало твое сердце. Вставай, ступай домой и до конца жизни считай нас своей родней!“

Мужчина встал, поцеловал подол и рукава жены и в целости и сохранности выбрался из дома, а Шахр-арай на той же самой кровати улеглась спать».

Все женщины, знай, Нахшаби, ты, лукавых проделок полны, Минуты без козней лукавых прожить не умеет жена. Тех козней и хитрых уловок, которыми жены сильны, Придумать, поверь мне, друг милый, не смог бы и сам сатана.

«Глупый купец, сидя под кроватью, все это выслушал и, радуясь, что жизнь его продлена, а жена его столь непорочна, молвил про себя: „Бедная Шахр-арай! Ради продления моей жизни она с радостью пускается на такие уловки. А я-то подозревал ее во всяких нехороших делах! Если только останусь в живых, я попрошу у нее извинения, поцелую с величайшим почтением подол и рукава ее и как следует буду служить ей“.

Затем он вылез из-под кровати и начал покрывать поцелуями лицо и ноги жены. Она же делала вид, что не чувствует и не замечает, и притворялась спящей, так что доверие этого осла возросло еще в десять раз. Это продолжалось долгое время. Наконец она поднялась и спросила: „О ходжа, как ты приехал и когда возвратился? Ведь тебе надо было уехать на несколько дней. Как же смог ты возвратиться так скоро?“

Муж начал извиняться и сказал: „Я подозревал тебя в дурных делах, и уехал я только для того, чтобы испытать тебя. Я возвратился во время вечерней молитвы *, заполз под кровать и знаю все о твоём названном брате и о твоём сновидении. Кто был этот мужчина? Скажи, пусть его позовут... Ведь он ушел отсюда безо всякого внимания с нашей стороны, а я хочу пригласить его в гости, назвать братом названного брата моего и до конца дней прожить с ним в одном месте“.

Тогда этого брата позвали и сделали его в доме своим человеком. После того они постоянно жили вместе, и этот глупый и бестолковый купец так и не узнал истинного положения вещей».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, ты тоже соберись с духом, не помышляй о муже, а спокойно ступай к другу. Если бы даже муж твой увидел, что ты лежишь с ним на одном ложе, я все же сумею придумать такую хитрость, что доверие к тебе никогда не уменьшится, а напротив — увеличится еще более».

Худжасте одела чадру бесстыдства на голову, натянула туфли неосторожности на ноги и хотела пойти, но слышался дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о павлине царя,
о том, как на жену брахмана донесла
ее названная сестра и какую хитрость
придумала жена брахмана**

Ночь тринадцатая

Когда распускающийся хвост павлин-солнце скрылся в горах запада, а плавно выступающая утка-месяц показала голову из реки востока, изящная, как павлин, Худжасте пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О поверенный моих тайн! О верный друг мой! Каждую ночь я прихожу к тебе и мешаю тебе спать. Но что делаешь... Не могу я поведать эту тайну первому встречному, не хочу рисковать жизнью. Ведь говорят, что грудь праведных людей — сокровищница тайн, а торго-

вые люди утверждают, что советоваться можно только с тем, у кого сердце совершенно не привязано к миру. Если же у кого-нибудь сердце вполне привязано и приковано к миру и сегодня он печется о завтрашнем дне, он плохой советник и советоваться с ним нельзя, ибо что бы он ни сказал, он будет преследовать личные выгоды, и нельзя будет ожидать от него блага и благословения».

Нахшаби, мой друг, совет — благая вещь!
Этот перл полезен уху твоему.
Все ж не всем возможно тайну доверять,
Ведь не все ее сумеют сохранить.

«О Худжасте, — ответил попугай, — если судьба ввергла тебя в любовные муки и дни повергли тебя в терзания страсти, то следует помнить, что человеческая любовь существует не первый день. Напротив, когда Адама, мир да будет с ним, привели в город бытия, его провели через ворота любви. И это не позор для Адама, ибо для святых муки подобны испытанию огнем для золота. Хума любви вылетела из гнезда мира тайн, взлетела к небесному трону и увидела, что там все полно величия; взлетела к престолу и увидела все могущество; взлетела в рай и увидела все блаженство; влетела в ад и увидела все муки; прилетела к ангелам и увидела их покорность; прилетела к Адаму, увидела его страдания и осталась у него. Адам спросил: „Почему ты осталась там, где горе и страдание?“ — „У нас с тобой, — отвечала она, — похожая форма и духовная близость, а существа одной породы дружат друг с другом“.

О дорогая моя, все существа в обоих мирах любят и любимы. Когда с четырех концов мира раздался возглас: „И вот поставлю на земле наместника!“ — ангелы спросили: „Разве ты поставишь на ней существо порочное?“ И последовал ответ: „Не место в любви советам. Я ведаю то, что не знаете вы!“»

Присуща всем людям любовь, Нахшаби,
Не могут быть люди ее лишены.
Все те, кто любовных не ведает мук,
Скотам бессловесным и жалким равны.

«О Худжасте, я дам тебе два совета. Во-первых, не раскрывай в этом деле никому своей тайны и никому не сообщай своего секрета, ибо нельзя доверять свои тайны даже испытанным друзьям, а неиспытанным врагам и

подавно. Ведь поговорка гласит: „Не раскрывай ни единой из своих тайн“».

Нахшаби, своей ты тайны никому не доверяй:
Ведь небесные светила тайн не станут разглашать.
Если б смертью грозили мужу мудрому, всегда
Предпочтет расстаться с жизнью он, чем тайну открывать.

«А второй мой завет таков: когда ты сблизишься и соединишься с другом своим, то, если какой-нибудь враг применит к тебе насилие и соперник подстроит ловушку, должна спасти себя от этой беды, как спасла себя та жена брахмана».

Худжасте, подобно опьяненному соловью в цветнике, начала расспрашивать: «А как это было?»

«Говорят, — ответил попугай, — что в одном городе жил некий брахман. Не было у него сына, и, что он ни изобретал, каких только хитростей ни придумывал, ничто не помогало».

Поистине, иметь сына — это великое счастье, а счастья хитростью не добьешься. Ученые говорят, что трех вещей нельзя добиться — дружбы силой, юности краской для волос и счастья хитростью.

Нахшаби, уловкой хитрой счастья кто добился?
Лучше выдумок коварных нам остерегаться.
Счастье всем в удел дается, это помни, друг мой,
А от выдумок коварных счастья не дождаться.

«Однажды жена брахмана в отчаянии сказала одному монаху: „Повсюду я вижу тысячи тысяч детей. Как хорошо было бы, если бы хоть один из них был дан мне в удел!“ — „Разве ты не слыхала, — ответил монах, — что однажды некий дервиш страдал в пустыне от жажды. Начал он говорить: „Ах, как хорошо было бы, если бы по этой пустыне протекала река, чтобы я мог вынуть глоток воды из нее!“ И услышал он голос: „О дервиш, Аллах — одно, а человек — другое. Аллах творит, что хочет, и решает, как пожелает!“»

Нахшаби, даяний щедрых ты проси у бога:
В небесах щедрот господних, друг мой, кладовые!
Сам свои дела уладить человек не может,
Всех людей дела решает божья мастерская!

«Через некоторое время прибыл в тот город врач, искусное лечение которого исцеляло воздух от болезненных ветров, надежное врачевание которого дарило земле избавление от водяного недуга. Жена брахмана отпра-

вилась к нему и поведала ему историю своей бездетности. Врач дал ей зелье и сказал: „Прими это зелье, смешав его с желчью павлина. Совершенно очевидно, что в самом непродолжительном времени у тебя родится ребенок“.

А в этом городе был только один павлин, и принадлежал он царю. Жена брахмана стала поджидать удобного случая, чтобы хитростью поймать эту птицу, стала изобретать способы, чтобы залучить этого павлина в силки. В конце концов ей удалось это сделать, и она приняла зелье врача вместе с желчью павлина. Тайну же эту она открыла своей названной сестре».

Поистине, нет ноши более тяжелой для человеческого сердца, чем тайна; нет более трудного дела для людской души, чем охранение секрета. Тяжесть же эта зависит от того, что, если раскрыть из тайны хоть слово, от этого пострадает тело, а если строго хранить ее, от этого будет терзаться душа. И нет более мучительного страдания, чем не иметь возможность скрыть что-нибудь и не быть в силах сообщить об этом кому-нибудь.

Дело трудное — тайна, мой друг Нахшаби!
Приходилось ли это тебе испытать?
Слово — странное дело: и скрыть не суметь,
И нельзя в то же время другим рассказать.

«На другой день, когда золотой павлин-солнце выпустил свой хвост, царь повелел кликнуть клич, что пола всякого, кто сможет дать какие-нибудь указания относительно царского павлина, будет наполнена динарами, как павлиний хвост, что дано будет в награду за это десять тысяч динаров.

Когда названная сестра услышала про награду, от жадности и алчности порвался покров ее благородства. В то же мгновение накинула она на голову чадру предательства, натянула на ноги туфли неверности, и пошла ко вратам царского дворца, и изложила все обстоятельства дела.

Царь был человеком справедливым. „Будет несправедливо, — молвил он, — если мы прольем кровь, положившись на слово одной женщины. Несовместимо с правосудием казнить кого-нибудь на основании утверждения одной жены. Ведь сказано: „Не всему тому верь, что слышишь“. О женщина, — сказал он ей, — если ты говоришь правду, возьми отсюда двух человек, начни с

той женой разговор о павлине и постарайся хитростью вырвать эту тайну из ее груди. Если свидетели услышат от нее признание, мы расследуем это дело и примем пужные меры“.

Женщина спрятала этих двух человек в сундук, доставила их к жене брахмана и сказала: „Я собираюсь отправиться в путешествие, но сердце мое разрывается от беспокойства об этом сундуке. Прошу тебя, возьми его на хранение и поддержи у себя дома, пока я не вернусь назад. Кроме того, расскажи-ка мне историю об умерщвлении павлина, которую ты рассказывала вчера. Я тогда была очень рассеянна, и рассказ твой не закрепился в моем сердце“.

Жена брахмана пожалела, что в первый раз рассказала об этом сестре, а от этой просьбы ее и этого сундука опасения ее еще возросли, и она повела такую речь: „Приснилось мне, что я убила павлина и приняла его желчь, смешанную с зельем врача“. „Это было на самом деле или ты рассказываешь про сон?“ — спросила названная сестра. „Нет, это мне снился такой сон, — ответила та. — Да и как могло быть иначе: ведь я не в силах убить мухи, так как же я смогла бы убить павлина и как могла бы съесть его мясо, когда оно строго запрещено касте брахманов!“

Названная сестра смутилась и призадумалась: что же это, мол, такое случилось, что такое произошло? Затем ее свели к царю, и тот повелел, чтобы ее наказали, более не впускали в город и подвергли каре за ложный донос, так как она хотела навлечь кару на невинную женщину, хотела без причины погубить слабое существо».

Говорят, что донос вреднее меча и смертоносной стрелы!

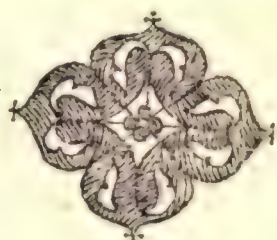
Всякое дело возмездье влечет за собою,
Долго ли будешь ты злу угождать, Нахшаби?
Всякий, кто зло причинит, это помни ты твердо,
В этом же мире и кару за то понесет.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «Ты видела, как спасла себя жена брахмана из этой погибельной пучины и как названная сестра ее была унижена за постыдное разглашение тайны. Настал сладостный час, пришло чарующее сердце время. Вставай, ступай к своему другу и по мере сил и возможности никому не открывай своей тайны... Если же при-

ключится с тобой что-нибудь опасное или представится тебе какое-нибудь затруднение, то хитрой уловкой сама так спаси свою жизнь, так отрази беду, как жена брахмана».

Худжасте хотела последовать его совету и с влажными от страсти глазами пойти в покои к своему возлюбленному, но засиял дневной свет, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о дочери отшельника и трех мужьях ее,
о том, как она была зарыта в могилу,
как мужья извлекли ее и она снова ожила

Ночь четырнадцатая

Когда чистый разумом отшельник-солнце скрылся в келье запада и месяц-монах с истерзанным сердцем вышел из церкви востока, Худжасте пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О ты, не знающий горестей любви и не ведающий страстного томления!

Не знаешь ты наших томлений, не ведаешь наших ночей,
Про эту ночную истому влюбленный лишь может узнать.

О попугай, один из мудрецов говорит: „Видел я в Индии человека, у которого один глаз был открыт, а другой закрыт. Спросил я: „Как его называют?“ — „Терпеливым“, — отвечали мне. „В чем же выражается его терпение?“ — „В том, что не открывает глаза“. — „Почему же это?“ — „Однажды уходила от него возлюбленная и желанная его, и при этом на одном глазу у него навернулась слеза, а на другом нет. Тот глаз, на

котором не навернулась слеза, он закрыл, не открывает его уже шестьдесят лет и говорит: „О глаз, ты не помог мне, когда я прощался с возлюбленной и желанной, и не плакал вместе со мной. Теперь зато я никогда уже не открою тебя и не покажу тебе сверкающего мира“. О попугай, если ты тоже не поможешь мне в этом деле, не пособишь в этой задаче, я тоже перестану видеться с тобой и никогда уже не буду смотреть на тебя».

Нахшаби, смотри со всеми ласков будь всегда ты,
Только ласковый считаться ценным может в мире.
Если сам всегда полезен будешь ты другому,
И другой тебе услугу оказать захочет.

«О хозяйка, — ответил попугай, — ты говоришь мне такие слова как раз тогда, когда меня волнует твоё смятение; поешь подобные напевы, когда меня терзает твоё мучение. Но кажется мне, что любовь твоя у тебя только на языке, а не в глубине сердца, все твои притязания всего лишь притворны, а не искренни. Если же это не так, то ведь которую ночь даю я тебе советы и посылаю тебя, учу тебя всем правилам и обычаям, как приходить и как уходить, чего же ты медлишь, почему же ты так спокойна? Может быть, твоя невинность препятствует тебе, твоя природная праведность не позволяет тебе решиться на это дело? Кажется, что из любви и привязанности к мужу хочешь отвернуться от возлюбленного и заняться тем делом, которым тебе и полагается заниматься, как дочь отшельника, отвернувшаяся от любви и близости к мужу и обратившая лик к Аллаху».

«А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в давние времена и давно минувшие века жил некий отшельник, похожий на Шибли и напоминавший Джунайда *. Отдавал он тело свое молитвенным упражнениям и подвигу и на главу времени возлагал венец отречения. У отшельника этого был один сын и одна дочь. Как-то раз захотелось отшельнику совершить хадж ** и выолнить все обряды паломничества. Прощаясь с женой и сыном, он сказал: „Дорога, по которой я собираюсь пуститься, полна бесчисленных бедствий и несметных опасностей. Дочь уже близка к совершеннолетию; если после моего отъезда появится жених, кто-нибудь станет домогаться ее руки, надо, чтобы вы без промедления соединили подол ее дней с браком, открыли замок судьбы ее клю-

чом замужества, ибо для девушки лучше всего попасть в дом мужа или в жилище могилы. Ведь мудрец, мир да будет с ним, сказал: „Лучший зять — это могила“».

Дочки — большое несчастье, ты это знай, Нахшаби.

Это во всех переулках можно всегда услышать.

В наше тяжелое время девушке лучше всего

В тесном гробу, а не рядом с мужем на ложе лежать.

«Пройдя много стран и выполнив все необходимые условия паломничества, отшельник на обратном пути увидел юношу, чрезвычайно праведного и крайне невинного, и, пользуясь отеческими правами, просватал за него дочку, еще не доехав до дома.

Сын отшельника тоже отправился в странствие и путешествие, повстречал какого-то врача, юного лекаря, и по отцовским указаниям просватал за него сестру.

Жена отшельника тоже нашла хорошего мужа и подходящего юношу и, памятуя о разрешении и совете мужа, отдала ему дочь.

Когда отшельник вернулся домой с зятем, он увидел, что там уже есть зять, и смутился от такого совпадения, призадумался над такой неприятностью. Следом за отцом вернулся сын и тоже привел мужа для сестры.

Между тремя женихами началась распря и ссора, пошли раздоры и пререкаательства, каждый указывал на свои преимущества, приводил убедительные доказательства в свою пользу, и вскоре история об этом замужестве распространилась по городу, весть об этом браке и супружестве разлетелась по всей стране.

Девушке это было крайне неприятно, ибо могут ли быть три мужа у одной жены? И в скором времени она заболела смертельной болезнью и недугом безмолвия, положила печать молчания на ларчик своих уст. Присутствующие решили, что птица души ее вылетела из гнезда тела, что разрушитель услад заставил ее увянуть, и занялись ее погребением и похоронами и похоронили ее на кладбище. Отшельник, хотя внешне и проявлял приличествующую случаю скорбь, но внутренне радовался, что распря наконец прекратилась и он отделался от упреков и попреков».

Нахшаби, всегда позора ты остерегайся,

У врагов примет немало, это надо помнить.

Если враг для человека — бедствие большое,

То позор еще ужасней, чем все вражьи козни.

«Когда царь темной ночи подчинил и покорил себе мир и земля стала черной и темной, как могила злодея, все три жениха пошли на могилу своей невесты и начали скорбеть о ней и оплакивать ее. Первый жених сказал: „Я питаю страстное желание еще раз увидеть красоту невесты, меня терзает стремление посмотреть на похороненную. Я извлеку ее из могилы и хоть единый взгляд да брошу на нее“.

Он раскрыл тесную каморку-могилу и вытащил из-под земли эту захороненную жемчужину.

Второй жених занимался врачеванием. Увидев лицо нежного друга своего, он молвил: „В этой женщине видны все признаки и приметы жизни, налицо совершенно очевидные доказательства того, что она еще жива. Душа не вырвалась из нее, безмолвной сделала ее летаргия. От неподходящей пищи и вредной еды свежесть ее тела была уничтожена и холод сковал его. Желудок ее испортился, и жилки не могли более биться. Но если человека, в теле которого появился холод, все суставы которого окоченели и природная теплота была подавлена и устранена, начать лечить, то можно надеяться, что росток жизни его вновь станет свежим, а недуг и болезнь сменятся на здоровье. Лечить же такую болезнь нужно следующим образом: больного нужно бить крепким ремнем или тонкой палкой, пока в теле не появится вновь тепло и оковы суставов не будут разорваны. Ведь говорится, что добро кроется порою в зле, а выгода часто скрывается в пагубе. Но только сердце мое не позволяет мне бить ее ремнем насилия и ударять палкой притеснения.

Твоя душа с моею тесно слита,
Твои мученья мучат и меня“.

Тогда третий жених сказал: „Я видел ее уже мертвой. Я сделаю это. Быть может, благодаря моим стараниям ее напоят напитком жизни, благодаря моим усилиям облекут в одежды существования“.

Затем он приступил к лечению. Через некоторое время недвижная девушка зашевелилась — мертвая воскресла. На другое утро собрались вокруг нее и свои и чужие и все поражались и изумлялись ее воскресению. А старый шум опять поднялся, снова началась прежняя

смута. Все три жениха опять начали спорить, и каждый из них стал указывать на свои заслуги.

Первый жених говорил: „Этот Иосиф принадлежит мне *, потому что это я извлек ее из колодца могилы“, — „Нет, — возражал второй, — эта покойница моя, потому что это я сказал, как оживить ее“. — „Я заслужил ее, — восклицал третий, — потому что она воскресла благодаря моим стараниям!“

Кто вещи прекрасной купить не захочет?
От камня ведь перстня зависит цена.
Где только жемчужину люди разыщут,
Причиной раздора послужит она.

Споры и пререкания их затянулись, распря и раздор никак не могли прийти к концу, и девушка сказала: „Великий Аллах, что это за люди! Нет мне от них покоя ни живой, ни мертвой. Самое лучшее будет не помышлять о замужестве, а сделать своей парой купол михраба ***“.

Затем она покинула этот дом распри и пошла в обитель к отшельникам, обрила волосы на голове, одела власяницу и предалась спасению души и молитве».

Счастливы те, кто в мире избирает религию и меняет покой в этой жизни на покой в жизни будущей!

Нахшабш, стремись блаженство в Судный день пайти:
Не стремись ты в этом мире счастье отыскать!
Счастлив тот лишь, кто стремится счастье на земле
На небесное блаженство, друг мой, променять.

«Женихи, увидав, что случилось, отчаявшись и потеряв надежду сблизиться и соединиться с ней, выпустили из рук подол ее и разошлись каждый в другую сторону».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, разве и у тебя то же намерение и стремление покинуть дом веселья и гнездо услады, направиться в обитель и келью неуспеха и заставить бедную душу отказаться от услад этого мира? Если же ты желаешь еще несколько раз сыграть в нарды радости и погонять коня беспечалия, то сейчас как раз настал избранный час, пришло удобное время. Вставай! Иди к своему другу, дай сердцу насладиться чувственным весельем, подари душе удел из услад этого мира!

Коль дует ветер, пользуйтесь мгновеньем!
Ведь каждый ветер должен прекратиться...»

Худжасте хотела последовать его совету и пойти в покой к своему другу, но день словно сидел в засаде — тотчас утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро поменало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный...



**Рассказ о подложном муже,
непорочности жены купца Мансура
и о позоре, постигшем подложного мужа**

Ночь пятнадцатая

Когда золотой меч-солнце вложили в ножны запада и принесли из оружейной палаты востока серебряный щит-месяц, Худжасте, лицо которой напоминало щит, а нос — меч, пришла к попугаю просить дозволения и сказала: «О несравненный возлюбленный, о друг мой! Скоро печаль разлуки истребит всю мою выгоду, страстное томление положит конец моему бытию. Зачем ты сравниваешь мою скорбь со скорбью прочих влюбленных! Зачем равняешь мою тоску с тоскою других плененных! Хотя любовь по сути и одно дело, но возлюбленные различны: у каждого страсть своих размеров, у каждого томление по своей мерке...»

Поистине, солнце влюблено в море, а пенюфар*, и гелиотроп**, и пылинка влюблены в солнце, но пылин-ка в любви своей к солнцу превзошла и гелиотроп и пенюфар, ибо растерянность ее больше и страдание и томление ужаснее. Ее существование связано с существованием солнца, небытие с небытием его, то есть пока светит солнце, видны и пылинки, нет солнца — нету и их. Точно так же говорят, что рыба любит воду, а ба-

бочка — огонь, но вода для рыбы — причина ее жизни, а близость бабочки к огню — причина гибели.

Нахшаби, любовь обители подобна,
Словно инок обитаешь сам ты в ней.
Всяк дела свои по-своему проводит,
И любовь всегда различна у людей.

«О Худжасте, — ответил попугай, — если твое мученье и твое волнение, твои сомнения и твои томленья больше, чем у других, то это не дивно и не удивительно, ибо ученые говорят: любовь женщин сильнее любви мужчин, то есть если женщина полюбит кого-нибудь, то ее смятение и сокрушение больше, чем у мужчины, ее смирение и влечение сильнее, чем у мужей, ибо у любви такой обычай, что она, овладев сердцами людей, повергает их в волнение и смятение, даже если люди эти отличаются совершенством разума и богобоязненностью. Если она захватит грудь существ, которые известны скудоумием и неверием, каково же должно быть их состояние, до чего могут дойти их дела?»

Нахшаби, опасным делом ты не занимайся,
Знай: в удел дается счастье людям осторожным.
Если слон могучий в этом деле пострадает,
Как же в нем страдать придется комарам ничтожным?

«О Худжасте, из-за твоей горести все дни мои до самой ночи проходят в раздумье и смятении, ночи мои из-за твоей печали до самого утра полны терзаний и сомнений. При этом я боюсь, чтобы твоему почтенному разуму не показалось, что я отношусь к этому делу недоброжелательно, твоей уважаемой душе не почудилось, что я недобр к тебе, хитрыми уловками стараюсь помешать осуществлению твоего желания, вычислениями и чарами удерживаю тебя от твоего возлюбленного. Но весь мой разум устремлен только на то, чтобы ты достигла своей цели, все мои старания направлены на то, чтобы ты добилась осуществления своего желания».

«Хотя мне известна степень любви и преданности твоей, — молвила Худжасте, — хотя для меня очевидна твоя верность, твоя помощь и поддержка, но все же, если все это будет подкреплено клятвой, будет лучше, если твое утверждение будет скреплено клятвенным подтверждением, это будет вернее».

Хитрый попугай, лукавая птица, начал клясться: «Клянусь я хвостом голубя, поступью куропатки, смело-

стью сокола, щедростью петуха, танцами павлина, пением соловья, бодрствованием совы, одичалостью летучей мыши, белым одеянием лебедя, черной рясой ворона и величию невидимого Симурга, клянусь страданием влюбленных соловьев, сладостными трелями соловушек и чарующими сердце речами горлиц, что мои желания те же, что и у тебя, мои стремления слиты с твоими. Если же к этому делу примешается обратное или же будет допущена ложь, то пусть я разделю судьбу подложного мужа!..»

«А что это за история о подложном муже?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в некоем городе жил богатый и именитый купец по имени Мансур, обладавший обширным богатством. Но несмотря на это, ему все время приходилось путешествовать, совершать по торговым делам опасные морские путешествия. И была у него жена, чрезвычайно красивая и изящная, самая нравственная женщина своего времени, самая набожная жена своей эпохи. Рабиа * училась у нее, как надо повиноваться Аллаху, Зубайда ** приобретала у нее сведения, как должно поклоняться ему».

Поистине, нет для мужа большего счастья, чем праведная жена, нет для человека большего блага, чем смиренная супруга. Молим мы защиты у Аллаха от обратного!

Нахшаби, должна жена смиренной быть:
Нам покой приносит в жизни чистота.
В этом мире все, что хочешь, ты найдешь,
Но не знаю я, жена найдется ль та...

«Рассказы о ее красоте и праведности ходили повсюду, слава совершенства и непорочности ее распространялась по городу. А в этом городе жил некий юноша — от праведности был он далек и предпочитал ей разврат и порок. Долетело до его слуха описание красоты и похвала желанности этой жены, и не успел он услышать про нее, как желание сблизиться с этой праведницей овладело его помыслами, стремление соединиться с этой святой запало ему в сердце. Позвал он старую сводню, старуху-посредницу, послал ее к жене Мансура и поручил сказать ей: „О Лайла наших дней! О Ширин *** нашей эпохи! Желтуха любви к тебе сделала желтыми глаза дней моих, трепетание страсти заставляет стра-

дать грудь судьбы моей! Как я ни стараюсь подкопом терпения разрушить крепость нетерпения, проломать брешь в замке беспокойства тараном покоя, повергнуть стенобитной машиной бесстрастия вышку страсти и чарами и заклинаниями завладеть своим городом, все это не удастся, ибо наместник разлуки, поставленный в замке груди моей царем любви, из зажигательной машины томленья льет пылающую нефть волнения, из колчана смятения пускает стрелы смущения. Не хочешь ли ты проломить брешь в стене праведности, прийти ко мне через ворота любви и страсти, лишённые света очи мои осветить своим появлением, лишённой радости груди моей подарить радость своим приходом?!“

Жена Мансура дала сводне такой ответ: „Матушка, что это за дурные речи ты говоришь? Что за дурным путем ты пошла? Какое отношение у головы, которой овладела любовь к Аллаху, к плотским расчетам? Что может быть общего у сердца, в котором мощно царит стремление к набожности, с сатанинскими нашептываниями?“»

Нахшаби, не ходи в переулок разврата,
Ведь на воздух горе не подняться вовек!
Не сравнишь ты Коран с богомерзкою книгой,
Не пойдет ведь к христианам святой человек.

«Что это за ложные представления овладели грудью того юноши? Что за пустая мечта запала в сердце этого молодого человека? Ни один мудрец не ходил из мечети в трущобный трактир, ни один разумный муж не таскался из обители в церковь. Поговорка гласит, что страсть — товарищ слепоты! Этот безумный юноша никогда не добьется слияния со мной, этот сумасшедший молодой человек никогда не увидит моих объятий. Кто может закинуть аркан на вышку небесного трона? Кто может приставить лестницу к крыше свода небес?»

Нахшаби, свиданья с другом вряд ли ты добьешься,
Лучше брось свои попытки счастья дожидаться.
Разве тот добьется цели, кто, как ты, мой милый,
Безнадежные желанья весь свой век питает?

«Когда посредница вернулась к юноше и рассказала ему о праведности этой жены, юноша отчаялся добиться свидания и сближения с ней и, потеряв надежду, начал говорить:

„Или странствие, иль деньги, иль терпенье помогают
Нам любовные страдания равнодушно перенести.
У тебя не сыщешь денег, а терпеть ты не способен,
Значит, должен ты пуститься в путь далекий, милый друг.

Нет для меня ничего лучше путешествия“.

И юноша пустился в путь и через некоторое время прибыл в какую-то обитель и увидел там монаха, отказавшегося от мирских привязанностей и избравшего пост и воздержание. Некоторое время юноша жил вместе с этим монахом и оказал ему несколько услуг, так что монах даже устыдился его любезности.

Однажды он обратился к юноше с такими словами: „О юноша, я нищий, нет у меня ничего из мирских благ, чем я мог бы отблагодарить тебя. Но зато знаю я одно имя из величайших имен, ему-то я научу тебя, и, если в каком-нибудь деле ты прибегнешь к его помощи, дело это в самом непродолжительном времени придет к благополучному разрешению“.

Затем он научил юношу этому имени. Юноша с помощью этого имени возвратился в свой город и молвил про себя: „Ходжа Мансур поехал по торговым делам. Я прибегну к помощи этого имени, чтобы облик мой стал подобен облику Мансура, лицо уподобилось его лицу, безжалостно заберусь в его дом, разрушу основание праведности и невинности его жены и без забот и хлопот овладею ею“.

Юноша так и поступил и пошел в дом Мансура. Все домашние, увидев, что облик этого лже-Мансура во всем подобен облику их настоящего хозяина, решили, что это он и есть. А управитель дома спросил: „О ходжа, где же все твоё имущество, куда девались кони и свита? Вижу я, что ты стал бедным и нищим“.— „Несколько дней тому назад,— ответил лже-Мансур,— напали на меня разбойники и отняли все мои пожитки и весь товар, свиту же и прислугу взяли в плен. Лишь хитростью и обманом удалось мне спастись от них“.— „Не печалься об утраченном богатстве,— сказала жена,— не скорби об утраченном товаре. Самое важное — это жизнь, а денег ты успеешь нажить сколько угодно“».

Нахшаби мой, ты о деньгах не печалься,
Пусть из сердца твоего печаль уйдет.
Человеку жизнь важнее, чем богатство,
Ведь оно, коль и уйдет, так вновь придет.

«Когда настала ночь и весь дом погрузился в сон, лже-Мансур призвал чистую жену на свое нечистое ложе и хотел запачкать грязью подол ее непорочности, запылить его пылью чувственности. Но жена заметила, что все его повадки обратны повадкам ее мужа, все его ухватки противоположны ухваткам ее супруга. Она тотчас отстранилась от юноши, начала извиняться женскими недомоганиями и сказала про себя: „Посмотрю я несколько дней. Если это действительно мой муж, то что же стало с его любовью и нежностью? Если же это кто-то другой, откуда же у него взялось это полное сходство? Все же несколько дней мне надо будет притворяться больной, чтобы посмотреть, какая тайна появится из-за покровы неизвестности“.

Так прошло несколько дней, и внезапно приехал сам купец Мансур. Увидел он, что жена лежит на одре болезни, а кто-то похожий на него самого сидит у ее изголовья. Тот вцепился этому в волосы и бороду, этот — тому.

„Что ты делаешь в моем доме?“ — говорит один. „А ты зачем врываешься ко мне и моей жене?“ — восклицал другой.

С такими речами пошли они к судье, но тот тоже не мог разрешить их тяжбы. Наконец он велел, чтобы жену спросили об обстоятельствах первой ночи и подробностях ее и мужчин также расспросили бы об этом же. Чьи слова совпадут со словами жены, тому жена и принадлежит.

Так и поступили, и рассказ жены совпал с рассказом Мансура. Лже-Мансура присудили к наказанию и выставлению на позор и с сотней унижений изгнали из города, а настоящий Мансур вернулся домой со своей праведной супругой и до конца дней своих жил с ней вместе».

Поистине, праведность и чистота никому не причинят вреда!

Нахшаби, старайся чистым жизнь прожить,
Всем печистым, друг, приходится тужить.
Жизнь прекрасная должна и чистой быть,
Счастлив тот, кто чистым жизнь сумел прожить.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, если я от души и сердца не помогаю и не являюсь внешне и внутренне твоим верным другом, пусть как следствие произнесенной мною клятвы и данного мною обета меня постигнет такое же унижение и такой же позор, как и ложного мужа».

Худжасте, услышав, что попугай произнес клятву и дал обет, хотела со спокойным сердцем пойти в покои своего друга, но поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о царе Сирии,
о том, как он выпустил на волю попугая
и как тот принес ему от источника мрака плод жизни**

Ночь шестнадцатая

Когда царь южных стран — солнце — скрылся на западе и правитель ночи — месяц — появился на горизонте, Худжасте, терзаясь в душе и громко стеная, пришла просить у попугая разрешения и сказала: «О врач влюбленных! О лекарь палимых страстью! Недуг страсти поверг меня в жар, болезнь страстного томления заставляет стенать. Хума терпения улетела с вышки дел моих, белый сокол покоя выпорхнул из руки судьбы моей, и дни мои проходят в терзании разлуки. Ведь разлука с любимым — палящее пламя, удаление от дорогих сердцу — острый меч, отлучение от верных друзей — смерть без смерти, расставание с поверенными тайны — кончина без ангела смерти.

Нет дела Азраилу * до горестных влюбленных,
Разлука с милым другом страшнее Азраила.

О попугай, дай мне дозволение, чтобы я могла успокоить истерзанное сердце в объятиях друга, освежить истекающие слезами очи близ возлюбленного!..»

«О хозяйка, — ответил попугай, — да будет погублено то сердце, которое не гибнет от разлуки с верными друзьями, пусть наполнится слезой тот глаз, который не исторгает слезы при виде рыданий дорогих друзей. Все мои старания направлены на то, чтобы ты достигла своей цели, все мои стремления ограничиваются желанием, чтобы ты соединилась с другом. Но только разве ты можешь знать сегодня, сколь велика моя преданность, разве можешь оценить мою верность?.. Когда ты соединишься с далеким другом и сблизись с твоим покинутым возлюбленным, ты узнаешь, как я гонял копия преданности и как доставил тебя к твоей цели, подобно тому, как царь Сирии не знал преданности и верности попугая и относился подозрительно к принесенному им плоду, пока дело не было обдумано и не стало ясно, что верность попугая безгранична, как неверность судьбы, чистота его беспредельна, как несправедливость сменяющихся дней и ночей». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в Сирийской стране расставил некий охотник силки и сидел, выжидая дичи. Случайно дичью оказался попугай. Охотник взял его и пошел с ним в город. Попугай вступил с ним в разговор и сказал: „О охотник, ямышленное пернатое и хитрая птица. Если ты собираешься продавать меня, то продай в щедрые руки, а не в скупые, помести меня в общество людей благородных, а не низких“».

Нахшаби, держись подальше ты от злых людей:
Добрый друг несет с собою вечные блага.
Хоть и много зла на свете, все же помни ты,
Что приятель злой страшнее злейшего врага.

«Охотник снес его царю Сирии и так расхвалил его перед ним, что царь, поверив словам охотника, купил попугая и перерезал канат нищеты продавца. На другой день царь пожелал испытать попугая и нашел, что это второй Гиппократ, второй Сократ, узнал, что он украшен различными науками и разнообразнейшими превосходствами. Стало ему стыдно держать его в клетке, точно узника, он выпустил его и сказал: „Я выпу-

скаю тебя на волю, если тебе здесь хорошо, — оставайся здесь, а если нет — лети к своей родне“.

Попугай сослужил ему несколько служб, а затем улетел к своей родне. Рассказал он царю попугаев, как милостиво обошелся с ним царь Сирии. Тот молвил: „Я сомневался, что среди людей может быть человек, которого считают великодушным, не думал, что в среде людской есть кто-нибудь, кого называют человеческим. Поистине, человек неблагодарен к господу своему“».

Нахшаби, к насилью склонен человек,
И ему подобных нет среди зверей!
Вникнув в это, возвести ты тварям всем:
Никого на свете нет страшней людей!

«„О попугай, — продолжал он, — если сын Адамов оказал тебе милость, окажи и ты ему услугу. Спустись в пучину мрака — всякое из растущих там деревьев обладает свойством вечной жизни. Добудь плод с этих деревьев, снеси его своему благодетелю и отплати ему таким образом за его милость“.

Попугай так и поступил. После бесконечных трудов и бесчисленных усилий добыл он плод тех деревьев, снес его царю Сирии и сказал: „Я считаю себя обязанным перед царской щедростью, в долгу перед царем царей... Что может слабая птица дать взамен царских щедрот? Чем может бессильное пернатое оплатить милость государя?.. Несмотря на это, я оказал тебе услугу и принес тебе плод, плодом которого является вечная жизнь, свойство коего — дарить нескончаемое существование. Съешь его и до Судного дня бей в барабан жизни, до воскресения из мертвых звони в колокольчик существования“».

Жизнь — прекрасная вещь, это знай, Нахшаби!
Людам всем, мне поверь, смерть, мой милый, страшна.
Кто в сем мире, скажи мне, пожить не хотел?
Жизнь прекрасна, и людям желанна она!

«Царь взял этот плод, но не решался съесть его. „Почему ты медлишь? В чем причина твоей нерешительности? — спросил попугай. — Никто не остерегался вечной жизни, никто не боялся вечного существования“.

„Разве ты не слыхал, — ответил царь, — что однажды Соломону, мир да будет с ним, послали бокал живой воды и сказали: „Если ты выпьешь этот бокал, то будешь жить до самого Судного дня, а если не выпьешь,

мы тоже не сочтем это за грех“. Соломон посоветовался с кем-то относительно этой воды, тот воскликнул: „Надо тотчас же выпить и не упускать случая!“ Соломон, мир да будет с ним, посоветовался со всеми, кроме животного, которого зовут ежиком. Послал он за ежом лошадь. Тот на приглашение лошади не явился. Тогда Соломон послал собаку, и на зов собаки еж тотчас же явился. Соломон, мир да будет с ним, молвил: «О ежик, мне надо посоветоваться с тобой по трудному делу... Но советуются только с существами разумными, а ты, мне кажется, чрезвычайно неразумен... Как же я буду советоваться с тобой?..» — „Почем ты знаешь, что я неразумен?“ — спросил ежик. „Я посылал за тобой лошадь, — ответил Соломон, мир да будет с ним, — а после человека образ лошади самый благородный, но ты не пришел на ее приглашение. Собака — самое грязное из всех существ, и на ее зов ты пришел. Вот поэтому-то я и знаю, что ты неразумен и что от тебя нельзя ждать ничего путного“. — „На зов лошади я не пришел, — сказал еж, — потому что между мною и ею нет вражды, она — существо благородное и не будет оскорблена и скована узами мести, если я не исполню ее приказа. Но между мною и собакой всегда была вражда. Она — существо презренное, и, если я не исполню ее приказа, она обидится и будет скована узами мести“».

Нахшаби, остерегайся ты врагов,
Коль не хочешь — неразумен ты тогда.
Враг, пока лишь есть возможность у него,
Будет месть готовить тебе всегда.

«„О Соломон, — продолжал еж, — люди, как и ты, судят по наружности. Жалко, что и ты судишь лишь по внешнему виду, мы же, благодарение Аллаху, устремляем взор только на сокрытые качества. Чего ты смотришь на внешнюю красоту ее?.. Загляни в ее сущность — ведь более неверного животного, чем она, нет... Постоянно она обдумывает, как бы ей сбросить своего господина да как бы вырваться из его конюшни. Собака же, если она получит от кого-нибудь корку хлеба или кусок кости, хоть тысячу раз увидит своего благодетеля, но всегда будет вилять хвостом и покорно склонять голову. За это-то и сделалась она спутником отроков в пещере — по словам, „...а четвертой была с ними собака их“ *».

Поистине, красивая наружность становится некрасивой в зеркале груди, а некрасивая наружность дает в нем красивое отражение!

Нахшаби, всякий верный прекрасен всегда,
Верность — благо, стремись постоянно ты к пей!
Коль о верности дело зайдет, то тогда
Каждый пес будет лучше, чем сотня коней.

— «„Соломон, мир да будет с ним, чрезвычайно устыдился своих слов и поведал историю о бокале. „О Соломон, — спросил ежик, — предоставлен ли тебе выбор пить одному или же напоить и всех близких и родных?“ — „Нет, мне повелели пить одному“, — ответил Соломон. „Если ты выпьешь ее один и будешь жить до самого Судного дня, — сказал ежик, — а все близкие твои умрут раньше тебя и ты сможешь перенести разлуку с ними, то пей, если не сможешь — не пей“. Соломон, да будет мир с ним, из страха перед разлукой с близкими и родными предпочел не пить и отослал бокал обратно.

О попугай, у меня те же колебания при мысли об этом плоде, что были у Соломона, мир да будет с ним“».

Нахшаби, где можно друга отыскать?
Это древо редко плод нам свой дает.
Жизнь прекрасна, нету слов, но без друзей
Жизнь земная, это знай ты, в счет нейдет.

«„О царь, — сказал попугай, — Соломон, мир да будет с ним, не имел возможности разделить эту чашу со всеми близкими и родными, а у тебя эта возможность есть. Скажи, чтобы этот плод посадили. Так как он вспоен живой водой, из него сразу же вырастет дерево, на другой день на нем появятся плоды, а на третий — созреют. Ешь с кем хочешь, кушай с кем пожелаешь“.

Царь приказал посадить плод и приставил стража, чтобы каждый плод, который упадет с дерева, он приносил ему. Когда первый плод упал, была ночь и страж спал. Черная змея взяла этот плод в пасть, так что весь он выпачкался ядом. Наутро страж снес этот плод царю. Тот хотел съесть его, но подумал: „Все, что не съедено, всегда можно съесть. Я не знаю качеств этого плода, неведомы мне его свойства. Лучше я сделаю сначала опыт“.

Дал он этот плод какому-то старцу, и тот, не успев проглотить его, тотчас же расстался с жизнью. Царь разгневался и молвил: „Как разумно было, что я не

съел этого плода! Если бы я обманулся словами этой птицы, меня постигло бы то же, что и старца. Какими словами воздать мне благодарность за это божественное внушение? Какой речью описать это счастье, которое было мне присоветовано?“»

Поистине, то количество мудрости, которое содержится во всех подданных, заключено в одной особе царя! Если же в нем ее нет, все же он не может равняться со всеми людьми и поступать так, как все.

Нахшаби, мудрецов озаряет прозрение,
Счастлив тот, кто сего не бывает лишен!
Ошибиться, поверь мне, язык их не может,
Кто прозрел, ошибиться не может уж он.

«Затем он повелел изрезать попугая на куски: оп, мол, предатель и хитрец, а предатель всегда замышляет предательство, хитрец постоянно строит коварные козни. Бедный попугай изумился и опечалился. Думал он: „Что же это значит? Что случилось? Как могла меня постигнуть такая беда? Каким противоядием устранить этот яд?“ Молвил он: „О великий государь, повели заключить меня в темницу и не торопись убивать меня. Сделай второй опыт — встань завтра на рассвете, подойди к этому дереву, сорви плод своей рукой и дай его съесть кому-нибудь. Если он тоже умрет, казни меня такой казнью, какой хочешь, пытай меня такой пыткой, какой можешь, а если он не умрет, это значит, что я заслужил награду“.

Царь повелел, чтобы так и сделали, и посадил попугая в темницу, а сам наутро, когда плод-солнце положили на блюдо-небо, пошел под это дерево, сорвал своей рукой плод и дал съесть его старушке, которая из-за медлительности никак не могла добраться до кладбища. Как только старуха съела плод, на лице ее появились свежие краски и по виду она стала походить на восемнадцатилетнюю женщину.

Так попугай избавился от этого ложного подозрения и удостоился милостей и щедрот».

Поистине, хороший человек не гибнет понапрасну, хороший человек не пропадет.

Нахшаби, пока возможно, ты добро твори,
Что добро такое в мире, кто бы мог сказать?
Зло никто творить не станет за добро твое:
За добро добром и будут, друг мой, воздавать

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, сначала царь Сирии не доверял попугаю и хотел сменить утро жизни его на вечер смерти, но когда преданность попугая обнаружилась, зло сменилось на добро, вражда превратилась в любовь. Если бы и мне удалось оказать тебе услугу и доказать степень преданности моей! Тогда ты тоже будешь знать, кто я и что могу сделать, что я и чем могу помочь. А одно из доказательств моей преданности таково: сегодня ночью я буду сторожить твой дом и хранить все твое имущество, а ты пока со спокойным сердцем ступай к своему другу, посети того, кто тебя ожидает!»

Худжасте хотела последовать его совету, но день словно сидел в засаде — тотчас же поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный,



**Рассказ о пиршестве царя,
о том, как в гости пришло само море и принесло дары,
а царь отдал их брахману**

Ночь семнадцатая

Когда любовник моря — солнце — вошел в комнату запада, а возлюбленная звезд — луна — воссела на парадном сиденье востока, Худжасте, очи которой напоминали моря, а слезы — Плеяды *, пришла просить у попугая разрешения и сказала: «О поверенный моих тайн! О основа моих молений! Сегодня мощь любви препятствовала мне заниматься чем-либо другим, плен

страсти препятствовал выполнять какие-нибудь другие дела. Твои безграничные заботы не дают мне окончательно свалиться с ног, твоя бесконечная милость не позволяет совершенно потеряться. Все советы этой растерявшейся проистекают от твоей беспорочной мудрости, все поучения этой смятенной связаны с твоей лишней недостатков сметливостью. Сегодня вечером я пришла к тебе, и, если ты сочтешь это возможным, дай мне дозволение ухватить за ворот желание, если же не согласишься с этим, укажи, как мне спрятать ногу под подол терпения, хотя любовь и терпение вредят взаимно друг другу».

Нахшаби, любовь — сплошное нетерпенье,
Хоть она наружно мягкости полна.
Невозможно слить с любовью терпенье:
Терпеливая любовь была б странна!

«О Худжасте, — ответил попугай, — то, что ты иногда приходишь ко мне за наставлением, по временам советуешься со мной, тебе не повредит. Ибо тот, кто ищет поучения, увидит то же, что и тот старец, тот, кто советуется в делах, найдет то же, что нашел тот брахман!» — «А что они нашли?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что некогда жил царь, мудрый и разумный, ученый и рассудительный. Случилось ему как-то раз устроить празднество в честь своего сына. Хотел он довести угощение до такой степени, до какой не доводил его никто до него. Поэтому он приготовил все необходимое для угощения и раскрыл врата гостеприимства. Он хотел, чтобы земля и вода пришли на его пир, обитатели суши и влаги были его гостями. Начал он держать совет с визирями дворца и сказал: „Я хочу, чтобы пир этот достиг крайних пределов пышности и хочу позвать в гости на пир само море, ибо море по сану своему похоже на царя, и поэтому, если кто-нибудь увидит во сне море, толкователи говорят, что этот сон имеет отношение к царю“. — „Прекрасно, — ответили все, — ты ныне такой властитель, что из стыда перед твоей щедростью растеклось могущество моря и из страха перед всадниками твоими его всадничков* охватила дрожь. Разве море так мощно, что может пренебрежительно отнестись к твоей чести и не прикатит стремительно на приглашение твое сюда свои волны?“»

Вещь ужасная — царская мощь, Нахшаби,
Даже львиное сердце пред нею дрожит.
Мощь царей — это страшное пламя: ты знай,
Что и море воды это пламя лишит.

«Затем царь позвал мудрого старца, хитрого брахмана, который славился в его царстве основами мудрости и пользовался всеобщим уважением за глубокое знание правил мудрости, и сказал: „Пойди к морю, доставь ему мою весть и скажи: „Случилось нам устроить пир в честь нашего сына: если ты согласишься пожаловать к нам и придашь нашему пиру полноту великолепием твоим, ты заставишь блистать устои дружбы и освежишь основы единения. Просим мы тебя, вместе с вельможами, столпами державы, всеми постельничими и всеми правителями, как-то: морскими змеями, китами, крабами, черепахами, лягушками, крокодилами и обитателями раковин, подарить веселье здешней стороне и всех нас озарить своим появлением...“ Но только, брахман, необходимо, чтобы ты вернулся на третий день и привел с собою море, иначе прольется твоя кровь и ты будешь лишен жизни“.

Когда брахман услышал эти речи и выслушал эту весть, его охватила дрожь. Пошел он домой и сказал своей жене: „Царь поручил мне пригласить море!.. Что это за нелепая мысль овладела его разумом?! Что за безнадежная мечта укрепилась в его сердце?! Чьим гостем бывало когда-нибудь волнующееся море?! Может ли оно прийти к нему в гости?! В чей дом приходил когда-либо бурный океан?! Может ли он прийти к нему в дом?! Какими весами и какой чашкой можно взвесить тяжесть неба?! В какое помещение вместить все пожитки моря?!“»

Нахшаби, твои желанья до чего дойдут; скажи?
И твое терзает сердце невозможная мечта...
Нет, руке твоей, мой милый, с талисманом не дружить,
Ведь в дворце небес высоком не поселится никто!

«„Это хитрость, — продолжал он, — придуманная, чтобы убить меня, предлог, изобретенный, чтобы погубить меня. Отсюда до моря путь в целый месяц, как можно попасть туда за три дня? Как можно привести столь огромное море? Я не могу решиться на такое дело и не в состоянии привести море. Если царь убьет меня, он убьет невинного, прикончит невинного, а кровь не-

винного никогда не проливается понапрасну, страдания притесненного несет неминуемые последствия...»

Нахшаби, притеснение — великий позор.
Вместо сахара можно ли пробовать яд?
Притеснители то испытывают всегда,
Что терпел притесненный, так все говорят...

«Когда брахман в отчаянии вымолвил эти слова и в мыслях своих уже видел, как льется его кровь под рукой палача, западный ветер, гонец моря, подхватил эту весть и передал ее рыбе, рыба же оповестила об этом море. Море дрогнуло в своих глубинах, поднесло руку к устам и молвило: „Не годится, чтобы неповинный был казнен из-за меня и на меня пала бы из-за этого вина“».

Великий Аллах! Были некогда времена, когда таким образом охраняли одного брахмана, теперь же настало время, когда ученых уже более не берегут!

Нахшаби, что за время настало теперь!
Мы — Иосифы все, мир колодцем нам стал.
Если час должен страшный для мира настать,
Не придет день страшнее, чем ныне настал.

«Море создало семьсот различных образов, находившихся под его властью, и обратилось к главе их — морскому змею с такой речью: „Царь поручил брахману пригласить меня, он же не решается на такое дело и не может прийти к нам. Не годится, чтобы его постигла беда и грех убийства брахмана лежал на мне. Ступай и скажи брахману: „Не тревожься, я принимаю твое приглашение, услышал твой зов. Со спокойным сердцем иди сюда, и мы вместе отправимся к царю, забрав с собой драгоценные дары“».

„Я пойду и готов выполнить приказ, — ответил морской змей, — но только я — зверь великого роста и причудливого облика, большой длины и внушительной ширины. Всякий, кто увидит меня, растеряется, более того, упадет и потеряет сознание. Как же я снесу послание, если у людей нет силы смотреть на меня и они даже говорят, что в мире нет существа больше морского змея, все обитатели моря страшатся его, а сам он никого не страшится?! В день он съедает столько-то тысяч морских животных. Говорят, что в зимнее время, в студеные дни он в одно место упирается головой, в другое хвостом, приподымает туловище на воздух и греется у огня солнца. Кто смотрит на него издали, думает, что

это радуга. Когда он снова опускается в море, там не остается ни единой капли воды, которая не содрогнулась бы от этого толчка. Когда он умирает, жителям моря достается обильная пища и рыбы проводят много месяцев, питаясь его мясом“».

Нахшаби, много дивного есть в этом мире:
В разных странах и день ты увидишь, и ночь.
В мир пусться, обойди его сам, милый друг мой,
Рассказать про его чудеса мне невмочь.

„О змей, ты говоришь правду,— сказало море,— скажи же, кто годится для этого дела?“ — „Годится для этого дела кит,— ответил морской змей,— потому что о нем говорится: он наибольший из них ростом, наикрасивейший обликом, наилучшего нрава, наиболее скорый в движении, наилучший странник, наиболее гладкий телом и чаще всего встречающийся“.— „О кит,— сказало море,— что это говорит морской змей?“ — „Он говорит правду,— молвил кит,— а только я не знаю, как я пойду туда и как заговорю с ними. Нет у меня ног для ходьбы на них, нет языка, чтобы говорить им, не могу я вытерпеть без воды и единого часа. Но вот черепаха подходит для этого дела, потому что она обходится без воды, пасется на суше и вместе с тем сильна телом, крепка спиной, кротка, честна, терпелива и благодарна“.— „О черепаха,— сказало море,— что это говорит кит?“ — „Он говорит красно,— ответила черепаха,— и все же не гожусь я на это дело и поручение. Ведь я тяжела на подъем, малоречива, а путь далек и разговор придется вести оживленный. Но вот краб годился бы для этого — у него много ног, он бодро шагает, быстро двигается и спина у него пустая“.— „О краб,— сказало море,— что это говорит черепаха?“ — „Прекрасно она сказала,— ответил краб,— но только я боюсь, как бы меня там не засмеяли. Ведь я животное без головы, глаза у меня на плечах, а рот на груди. У меня девять искривленных ног, которые постоянно устремляются в одну сторону. Вот крокодил, тот годится для этого, потому что у него удивительный облик, много ног, он быстро ступает и скоро движется, пасть у него широкая, а язык длинный“.— „О крокодил, что это говорит краб?“ — сказало море.

— „Он очень хорошо сказал,— ответил крокодил,— а только я не гожусь на это дело, потому что права я

гневною, раздражителен, горяч, пуглив и склонен к предательству. А тамошнее дело силой и резкостью уладить нельзя. Это дело, где требуется кротость и умеренность, чего у меня нет. Но вот лягушка более достойна такого поручения, потому что она умеренна, красноречива и велеречива и относится к числу животных, способных жить и в воде и на суше, может существовать и на земле и в море. У нее круглая голова, глаза чарующие, руки вытянутые, и она может садиться на корточки. Вхожа она и в дома сынов Адамовых и не боится их, и они ее не боятся". — „О лягушка, — сказала море, — что это говорит крокодил?" — „Он говорит прекрасно, — ответила лягушка, — что ты прикажешь? Я соберу свои пожитки и отправлюсь в любое время".

Море, увидев, что вельможи и сановники не хотят идти, а лягушка согласна приступить к этому делу, начало опасаться: „Может быть, брахман не поверит словам лягушки и не признает ее за моего гонца, а потому будет медлить и понесет тяжкую кару. Это дело имеет связь с религией, а в делах религии небрежность недопустима. Если пройдет три дня и его постигнет беда, мне придется устыдиться. Надо мне сделать это дело самому и пойти лично. Нельзя измерять пути религии чужими стопами, нельзя пройти их ногой кого-нибудь другого"».

Нахшаби, свое дело ты сам выполняй,
Если ты из разряда разумных людей.
О других я не буду делах говорить,
Дело божие сам выполняй поскорей!

«В то же мгновение море приняло облик человека, отправилось в дом брахмана и сказало: — „О брахман, я тот самый, кого тебе сегодня поручил пригласить царь".

Брахман, узнав, что это море, упал к его ногам и начал говорить: — „О, какое участие ты проявило! Солнце само идет к пылинке, месяц посещает мелкую звездочку! Но от такой чистой воды, как ты, и следовало этого ожидать".

Затем оба они отправились поклониться царю. Царь, увидев брахмана, спросил: „Разве ты не тот самый человек, которого я сегодня послал к морю?" — „Тот самый, — ответил брахман, — но хотя ты и дал мне три дня сроку, я постарался выполнить твое поручение до исте-

чения срока и привел с собою море". — „Где же оно?" — спросил царь. „Стоит за дверями".

Царь вышел из палаты, обнял море и начал извиняться: „Ты чрезвычайно пристыдило меня и весьма поторопилось. Не надо было так торопиться, можно было и помедлить". — „Ты пригрозил брахману казнию, — возразило море, — напугал его и дал ему три дня сроку, когда до моря путь в целый месяц. Ветер принес мне эту весть, и я побоялось, что ему не справиться с этим делом, что ты сурово обойдешься с ним и я из-за него стану грешником". — „Я потому дал ему столь краткий срок, — молвил царь, — чтобы он с большим старанием отнесся к поручению и чтобы он убедил и уговорил тебя прийти. Поистине, от такой чистой стихии, как ты, и следовало ждать такого великодушия"».

Чистый нрав — величайшее дело, мой друг,
Благородные жилы нам славу несут.
Счастье тем, кто из чистой воды созданы,
У стихий благородных прекрасен и труд!

«„Хотя я и поторопилось прийти, — молвило море, — но я чрезвычайно стыжусь, что пришло с пустыми руками и не принесло никакого подарка".

Но через несколько дней подарки моря прибыли, и в таком обилии, что лицо земли не могло их вместить, страны света не могли снести их тяжести. Там были все прибрежные товары и все материи моря — красный философский камень, эликсир жизни, зеленые смарагды, блестящие жемчуга, морские кони, заморские слоны, расшитые и простые одежды, южные кораллы, оникс телесного цвета и цвета печени, яхонты гранатового и пурпурного цвета, изумруды травяного, мыльного и темно-зеленого цвета, рубины цвета крови и цвета скорпиона, жемчуга мелкие, продолговатые и круглые и, помимо всего этого, еще много береговых редкостей и морских драгоценностей, как алоэ, амбра, чистый мускус, говорящие птицы и благовонный сандал, так что счетчик разума не мог сосчитать всего этого, а механик рассудка не был в состоянии охватить такое обилие.

Но царь все это вернул и сказал: „Для меня нет ничего дороже свидания с тобой, нет подарка ценнее встречи с тобой".

Море обиделось, и царь, чтобы успокоить его, принял четыре вещи: во-первых, золото, во-вторых, драгоцен-

ные камни, в-третьих, коней и, в-четвертых, одежды. Затем он обратился к брахману и сказал: „Из этих четырех вещей возьми себе то, что пожелаешь“. — „Дай мне подумать сегодняшнюю ночь, — ответил брахман, — я порассужу, а завтра решусь“.

А у брахмана было четыре сына, и начал он советовать с ними: „Выберите что-нибудь из этих четырех вещей, чтобы завтра я мог на чем-нибудь остановить мой выбор“.

Старший сын сказал: „Надо взять золото, ибо все мирские дела зависят от золота“. — „Надо взять драгоценные камни, — возразил второй сын, — ибо если у тебя будут драгоценные камни, то и золота будет сколько угодно“. — „Надо взять одежды, — заметил третий сын, — ибо честь людей зависит от одежд“. — „Нет, надо взять коней, — воскликнул четвертый, — ибо с конями можно приобрести и все остальное“.

На следующее утро брахман предстал перед царем и сказал: „Вчера мне был предоставлен выбор одного сорта вещей из четырех родов их. У меня четыре сына, я посоветовался с ними и спросил: „Что вы выбираете из этих четырех вещей, чтобы я мог остановить на чем-нибудь мой выбор?“ Один из них выбрал золото, другой — драгоценные камни, третий — одежды, а четвертый — коней. Я так и не знаю, что мне брать“.

Царь рассмеялся, похвалил тонкость и остроумие брахмана и отдал ему все четыре подарка».

Нахшаби, хвалы достойны мудрецы!
Неудачным не бывает дело их.
Все, что разум мудреца изобретет,
Будет складным и изящным, как твой стих.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, брахман добился такого счастья благодаря благословению совета — советуйся и ты в твоих делах, ибо вполне ясно и очевидно, что от этого совета вреда не будет и в скором времени он принесет тебе добрый плод. Сейчас наступило время действия счастливой планеты, настало счастливое мгновение: вставай, со спокойной душой и беззаботным сердцем иди на свидание с твоим возлюбленным и очисти помутневшие очи светом встречи с твоим другом».

Худжасте хотела последовать его совету, но утро словно сидело в засаде, тотчас же поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о собрании семидесяти ученых
и о том, как они изучали природные свойства
царевича посредством музыки**

Ночь восемнадцатая

Когда золотой барбитон *-солнце убрали в футляр запада и достали из чехла востока серебряную лютню-месяц, Худжасте, быстро двигаясь подобно Венере и напевая любовные мелодии, пришла просить у попугая разрешения и сказала: «О сладкоречивый соловей! О нежно воркующая горлица!

Словно струны все жилы мои напряглись,
Каждый волос мой жалобный стон издает!

Уже давно я задыхаюсь, как отверстие флейты, и тяжесть любви заставляет стан мой изгибаться подобно арфе. Долго ли будут наказывать меня, словно ребаб **?»

«О Худжасте,— ответил попугай.— Хотя любовное горе и терзает душу, но все же оно не велит жаловаться на любовь. Почему ты издаешь вопли, словно бубен, и жалуешься на любовь? Разве драгоценный камень любви достался тебе так легко, что ты не умеешь ценить

его? Друга надо любить ради друга, если же любить его ради самого себя, то это эгоизм».

Нахшаби, несовместна любовь с эгоизмом,
И похмелья вино ее нам не несет.
Грязной примеси в ней не должно быть, ты помни,
Что нельзя совместить с эгоизмом любовь.

«О попугай,— сказала Худжасте,— дело обстоит так, как ты говоришь. Я все время стремлюсь стать в начале, как буква „айн“, оказаться в середине ее, как ее „шин“, быть под ногами ее, подобно ее „кафу“ *. Однако разум мой погружен в раздумье из-за неизвестности рода и племени моего друга, в груди моей сомнения относительно того, ученый он или неуч. Если ты поможешь мне, так что через твое посредничество мне удастся узнать род и происхождение его, удастся выяснить степень его знаний и невежества, это будет с твоей стороны любезностью, превосходящей все границы, милостью, выходящей из всех пределов».

«Существует много примет познания человека,— ответил попугай,— признаков познания его бесчисленное множество. Один же из этих способов — это испытать его музыкальной наукой: звуками органа, игрой на барбитоне и пеннем, ибо сердце, которое способно воспринять эту науку, способно ко всем наукам, а грудь, которая не откликается на эту отрасль знания, не откликнется ни на какую из отраслей знания вообще».

Наука — прекрасная музыка, мой Нахшаби,
Заставит нас флейты стенание горько рыдать.
В оковы кто ветер, скажи мне, сумел заключить?
Его только флейта одна и умеет сковать!

«Человек должен знать,— продолжал попугай,— сколько основных ладов и сколько производных, из скольких индийских ладов складывается один персидский и сколько индийских ладов можно произвести из одного персидского. Нужно знать, какой из этих ладов мужской и сколько женских от него производится, ибо, если один лад будет смешан и соединен с другим, слушатель не испытает удовольствия от такой музыки и поющему не будет улады от такого пения. Затем следует знать, кто является изобретателем и основателем этой науки, какие мелодии заимствованы у арабских ученых, какие созданы в Персии. Следует знать, какие мелодии влажны и какие сухи, какие горячи и какие

холодны. Все же люди, которые не ведают этой науки и которым не досталось в удел таких познаний, ничего не ощущают, слушая музыку, внимая напевам, не волнуются. Два различных напева они считают одним и тем же, вой волка и вой шакала не отличают. Общества таких людей следует избегать, таких людей следует сторониться, ибо эти люди лишены признаков человечности и не принадлежат к роду людскому. Говорят, что у всякого, на кого музыка не действует, расстроено здоровье и что он нуждается в лечении».

Благо великое — музыка, мой Нахшаби!
Качеств ее жемчуга не сумеешь просверлить.
Знай, что все те, на кого не влияет она,
Мертвы, и их невозможно ничем оживить.

«О Худжасте, ступай сегодня в покои к твоему другу и скажи, чтобы заиграли волнующие сердце напевы. Если от этих звуков он развеселится, от этих мелодий придет в волнение, знай, что он — ценная жемчужина и блистающий драгоценный камень. Утверждение это подтверждает и подкрепляет и история исфаганского царевича». — «А что с ним было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в Исфагане * был когда-то могучий царь. Переселился он из мира людского в мир божественный, с царского трона перешел на гробовую доску, и остался после него сын. Придворные, постельничие, дворцовые управители — вся свита, вся челядь, очи державы и столпы государства — собрались и молвили: „Как хорошо было бы, если бы мы могли узнать, благородного нрава этот ребенок или скверного? Если бы мы знали, что он благороден, будет вскармливать народ в тени мощи своей, мы бы, несмотря на его юность, посадили бы его на царский трон и престол государства, повиновались и покорились бы ему; если же мы узнали бы, что он нрава гнусного и не будет, как должно, печься о всех своих подданных, мы бы тотчас же устранили его и ухватились бы за полу счастья кого-нибудь другого, ибо нельзя ведь оставлять страну без правителя“».

Без царя царства быть не должно, Нахшаби,
Мудрецы так вещали и в древние дни.
Если только держава лишалась царя,
Тотчас новую власть избирала она.

«Собралось семьдесят мудрых ученых, и все они единогласно и единодушно решили: „Испытать этого ребенка можно следующим образом: надо принести разные игрушки и собрать разнообразные забавы, а возле колыбельки его начать играть на музыкальных инструментах. Если он от этого придет в волнение — он несомненно благороден, если же он от этого не заволнуется — он права низкого“.

Так и поступили. Около его колыбельки поставили еще несколько колыбелек с другими детьми и заиграли на разные лады. Были пущены в ход и арфа и орган, применены и танбур*, и чеган**, и лютня, играли на барбитоне, ребабе и китайских цимбалах. Когда солнце бубна нагрелось и засиял месяц лютни, первым из всех детей зашевелился и заволновался царевич. После него развеселилось еще несколько детей, а некоторые совсем не пошевелились, и музыка не оказала на них никакого действия.

Мудрецы, основываясь на проницательности и сметливости, в соответствии с познаниями и разумением, заявили: „Царевич — ребенок благородный, ценная жемчужина; он будет великим царем, и народ под его правлением будет в тени покоя и радости; эти же дети, которые совершенно не пошевелились и не проявили веселья, — животные в образе человека, скотоподобные люди. Всю свою жизнь они, как скоты, будут только есть и спать, жизнь их, как и жизнь животных, пройдет без чести и почета“».

Без разума нам ничего, Нахшаби, не удастся,
Разумных же время всегда беспечно проходит.
Есть обликов много у мира, мой милый, и все же
Разумный при всяких условиях удачу находит.

Худжасте сказала: «О старец в зеленой ризе, рассказ закончен, и о морали его не стоит и говорить. Теперь скажи мне, откуда же возникает то движение во время музыки, которое называют танцем, чем вызывается такое состояние? Тело создано из тяжких камней, почему же при звуках музыки оно двигается с места; оно — плавно выступающий конь науки, отчего же при нежном рокоте оно теряет над собой власть?»

«О Худжасте, — ответил попугай, — ты задала вопрос не по разумению своему, спрашиваешь о том, чего ты

не можешь постигнуть. Облаченные во власяницу иноки, обителю небесных сфер не ведают этой тайны, привратники этого бренного мира терзаются, стремясь постигнуть этот закон».

О пенье и плясе ты долго ли будешь болтать, Нахшаби?
На нашей земле этой розе, поверь, не цвести.
Оставь эти речи, не трать понапрасну ты слов:
Едва ли для тайны такой выраженья ты сможешь найти...

«Знай же теперь, — продолжал попугай, — что дух — птица, которая питается звуками голоса, пропитание которой — томные напевы. Чарующая мелодия, проникающая в ухо, принадлежит душе, каждый пленяющий сердце напев — удел духа. Пение — пища для духа, как еда — пища для тела. Следовательно, по этому изречению, которое передают мудрецы и сообщают ученые, птица духа, во время звучания музыки напившись своей пищей, опьяняется вином страсти, упивается напитком влечения и стремится вырваться из чувственной души, разломать эту глиняную клетку и взлететь в горнее гнездо. Этим она приводит в движение телесные силы, заставляет проявиться сокрытое беспокойство. Всякое душевное движение в это время непроизвольно, всякое изменение, появляющееся в теле, не зависит от воли души. Танец влюбленных не есть произвольное движение, экстаз страстно томящихся наступает не по их воле. Рассказывают, что некогда в одном собрании, на котором присутствовал ходжа Джунай, да освятит Аллах славную могилу его, некий палимый тоской дервиш во время пения издал вопль. Ходжа Джунай гневно глянул на него, и дервиш накрыл голову своей власяницей и заключил в себе пылавшее в нем пламя. Когда по окончании пения подняли власяницу, оказалось, что под ней — лишь кучка пепла».

Страшное пламя — любовь, Нахшаби,
Все она может на свете спалить.
Впрочем, и нет в этом, друг мой, беды,
Стоит о мусоре жалком тужить!

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, ты тоже памятуй об этом завете и скорее ступай на свидание с другом!»

Худжасте встала и хотела, пританцовывая и приплясывая, пойти к своему возлюбленному и желанному, но ветер качнул барабан удаления, ударил в литавры раз-

луки, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о происхождении музыки,
свойствах музыкальных инструментов
и о том, как они были изобретены**

Ночь девятнадцатая

Когда величественная Хума-солнце улетела в гнездо запада и на востоке показалась счастливая птица-месяц, Худжасте пришла к попугаю просить разрешения, влача за собой подол подобно павлину, и сказала: «О ты, пользующийся всеобщим доверием, о царь птиц! Ученые говорят, что две вещи возбуждают любовь: во-первых, вино и, во-вторых, пение. Вчера ты столько говорил о пении, что я, даже не попробовав вина, была все время в опьянении; даже не слыхав музыки, все время была возбуждена.

Во вчерашнем вине были чары сокрыты,
С головой я расстался — и все ж во хмелю я.

Теперь опиши мне красноречивыми словами, в прекрасном изложении, кто был первым изобретателем музыкальной науки, до каких пределов доходит это искусство и каких границ оно достигает».

«О Худжасте, — ответил попугай, — наука о музыке — это волнующееся море, дна которого достичь невозможно. Происхождение напевов — это бурный океан, берегов которого увидеть нельзя. Однако, несмотря на это, кое-что достигло моего уха от учителей птиц и пернатых, и я сообщу тебе то, что слыхал».

«Что значат эти слова? — спросила Худжасте. — Разве, кроме попугая и шарака, есть и другие говорящие птицы, есть еще животные, показывающие свое искусство на ристалище искания истины?»

«„Разве вы полагаете, что мы сотворили вас для забавы и что вы к нам не вернетесь?“ — говорит Коран, — ответил попугай. — О Худжасте, если бы тебе был знаком шепот муравьев, ты бы увидела, что все они заняты прославлением Аллаха; если бы тебе было известно пение птиц, ты бы нашла, что все они молятся господу своему. Нет вещи, которая бы не славословила во хвалу его! Разве до тебя не доходил рассказ о беседе Соломона, мир да будет с ним, с муравьем *, не случилось слышать про беседу сынов Израиля с волком? ** Разговор собаки с „отроками в пещере“ достаточно известен, история о том, как Зу-н-Нун *** услышал славословие китов, всем знакома. Всякий, кому дан язык, только и делает, что прославляет имя творца своего, преславно да будет совершенство его; всякий, кому даны уста, только тем и занят, что славословит создателя, щедроты коего достаются всему миру. Речью обладают и деревья и скалы. Разве ты не слыхала о говорящей колонне, не доходила до тебя повесть о том, как Давид ****, мир да будет с ним, услышал славословие гор. Говорят, что нет животного, которое не знало бы следующих вещей: во-первых, не ведало бы творца своего, да прославится и да святится он; во-вторых, не знало бы своей самки, в-третьих, не узнавало бы своей пищи и, в-четвертых, не признавало бы своего врага».

Нахшаби, никто познания в этом мире не лишен,

Это истина, поверь мне, не напрасные слова.

Если взором посвященных взглянешь ты на этот мир,

Ты увидишь, что на знание все имеют в нем права.

«О попугай, — спросила Худжасте, — ты знаешь только язык попугаев или также и языки других птиц?»

«Что за расспросы?! — воскликнул попугай. — Разве ты не слыхала, что птицы знают птичий язык!.. Знай же теперь, что музыкальная наука — высшей чистоты. Не каждая природа может охватить ее, не всякое сердце способно ее постичь, ибо приобретение познаний в музыке доступно только здоровой природе, уравновешенному организму. Говорят, что истинные свойства музыкальных звуков и тонкости этих сокровенных тайн мо-

жет постигнуть только величаяя душа, очищенная от нечистоты, не ведающая ложных страстей».

С зеркалом схожа душа, Нахшаби,
Долго ль мне это тебе объяснять?!
Тот, кто от пыли очистит его,
Сможет в нем много вещей увидеть.

«Некоторые утверждают, что изобретателями музыкальной науки, открывшими основы ладов, были индийские ученые и что происходило это следующим образом. Однажды некий ученый гулял по дороге и в полдень расположился под деревом. Он увидел обезьяну, прыгавшую с ветки на ветку. Вдруг она зацепилась за острую ветку, живот ее разорвался, и кишки натянулись между двумя ветками. Через некоторое время кишки эти высохли, налетел ветер, и раздался чарующий сердце звук. Ученый достал эти кишки, изготовил кривую деревяшку, натянул на нее кишки и начал издавать звуки еще красивее. Затем он приделал еще несколько струн, прикрепил на конце деревяшки тыкву, и получился музыкальный инструмент. После этого всякий прилагал свой разум и свою сообразительность и придумывал разные усовершенствования, пока не были изготовлены арфа и ребаб. Однако все же большая часть инструментов музыкальных изобретена сатаной, и он еще и доныне занимается этим делом. Говорят, что, изготовив мандаль *, сатана рассмеялся. Его спросили, почему он смеется. „Над теми людьми, которые будут наслаждаться звуками этого инструмента“, — ответил он».

Нахшаби, лукав нечистый и хитер!
И царей сумеет он поработить...
Сатанинским делом был тот инструмент,
Коль и дьявола сумел он рассмешить.

«Некоторые люди говорят, что в индийской стране есть птица, называемая кикнус. Она похожа на утку, у нее широкий клюв, и в нем семь отверстий. Раз в году, во время цветения роз и в сезон ви́па, птицу эту обуревают веселье, и из каждого отверстия в клюве раздается семьдесят различных звуков. Большая часть ученых говорит, что музыка ведет свое происхождение от этих звуков. Другие утверждают, что ее позаимствовали от

движения небесных сфер и что в беге звезд тоже есть прекрасные мелодии и веселящие сердце звуки.

Говорят, что Пифагор*, глава всех мудрецов, из-за своей душевной чистоты и пронзительности слышал мелодии и звучание движения небесных сфер и бега звезд. Силою своего мышления он открыл затем музыкальную систему и установил различные виды ладов и мелодий. А так как познание ладов дается не легко, то лад поэтому и называли „парде“**. Пифагор первый заговорил об этой науке и поведал о ее ладах. Ученые музыканты утверждают, что для каждого лада есть подходящее время, когда его следует играть, и что другие лады в это время удовольствия не доставляют. Знай же, что рассвет — время „рахата“, восход солнца — время „чини“, полдень — время „раста“, обед — время „науслика“, середина дня — время „нахавенда“, когда солнце склоняется к западу — время „ушшака“, между двумя молитвами — время „хиджаза“, с наступлением вечера — время „ирака“, вечер — время „мухалифа“, с наступлением ночи — время „бахриза“, середина ночи — время „зир-и бузурга“, а конец ночи — время „зир-и хурда“***. Эти двенадцать ладов называют ладами основными, те же, которые производят от них, называются производными.

Ну вот, Худжасте, я дал тебе правильный ответ на твой вопрос, теперь вставай, ступай к своему другу и испытай его в этой науке, чтобы выяснить достоинство его происхождения и установить, каково же его занятие».

«А если у него не будет музыкальных инструментов, как же мне добиться своей цели, как устранить сомнение?» — спросила Худжасте.

«Если музыкальных инструментов у него не будет, — ответил попугай, — то существует десять свойств, при наличии коих человека можно считать совершенным. Спроси его, что это за свойства, и, если он сумеет объяснить, знай, что он поистине благородный человек».

«Что же это за качества?» — спросила Худжасте.

«Это следующие свойства, — молвил попугай. — Во-первых, муж должен обладать совершенством нрава и казаться величественным в глазах своей возлюбленной, во-вторых, он должен обладать красотой характера, чтобы не раздражать своей возлюбленной, в-третьих,

должен быть молодым и не скрывать своих тайн от возлюбленной, в-четвертых, должен владеть оружием, чтобы соперники, если бы им удалось овладеть возлюбленной, не могли убить его; в-пятых, должен быть высоким, чтобы в том случае, если его будет отделять от возлюбленной бурная вода, он мог бы добраться до нее без помощи ладьи; в-шестых, должен быть смелым, чтобы во время посещений возлюбленной им не овладел страх; в-седьмых, должен быть щедрым и, если возлюбленная потребует у него голову, должен тотчас же отрезать ее от тела и снести ей; в-восьмых, должен уметь говорить почти на всех языках, чтобы иметь возможность дать ответ на любом языке, на каком бы ни заговорила с ним возлюбленная; в девятых, не должен быть слишком падким и жадным до вина и до чаши, чтобы не совершать каких-либо неприличных поступков в присутствии возлюбленной, и, в-десятых, должен знать музыку, чтобы возлюбленная могла получить удовольствие от его присутствия».

Нахшаби, быть ученым — хорошее дело,
Сумасшедшим подобны, мой милый, глупцы.
Человек благородный добьется успеха,
Будут счастливы в мире всегда мудрецы.

«Но только, Худжасте, если он спросит и тебя, какими семью свойствами должны обладать женщины, что ты скажешь?»

«Будь любезен, скажи мне и это», — попросила Худжасте.

«Во-первых, — сказал попугай, — жена не должна постоянно смеяться, во-вторых, никогда не должна быть мрачной и кислой, в-третьих, не должна быть расточительной, в-четвертых, не должна быть и скупой, в-пятых, не должна слишком заботиться о своих нарядах, в-шестых, не должна быть перяхой и растрепой, и в-седьмых, должна быть чистой и нравственной».

Нахшаби, чистым будь ты всегда, милый друг,
И тогда на судьбу ты не станешь пенять.
Много благ нам дают наши судьбы, но все ж
Чистоту нужно лучшим даяньем считать.

Когда попугай дошел до этих слов, Худжасте чрезвычайно обрадовалась и развеселилась и хотела тотчас же пойти к другу и испытать его познания в науках, но ей предстояло еще несколько дней горя: тотчас же под-

нялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о льве и кошке,
о том, как котенок убил мышей
и потом сожалел об этом**

Ночь двадцатая

Когда золотистая газель-солнце ушла в пещеру запада и быстроногая козочка-месяц вышла из рощи востока, Худжасте, совершенством своим заставлявшая убавляться месяц, пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О попугай, огонь разлуки и пламя терзающей меня страсти отняли у меня все силы. Давно пора, чтобы в этой темной ночи забрезжило утро, чтобы отыскался ключ для этого замкнутого замка. Ученые говорят, что люди распадаются на две разповидности: одна — это те, кому улады земной жизни мешают подумать о жизни райской, их нужно считать погибающими; и вторая — те, кто так много думает о жизни райской, что не имеет времени подумать о жизни земной, их надлежит считать спасенными. Не знаю я, откуда же взялось у меня это третье занятие, которое заставило меня забыть все мысли о рае и мешает мне помнить о земной жизни!»

Нахшаби, любовь — прекрасное занятие!
Только разум им заняться не способен.
Если занят ты служением красоте,
Ты, поверь, о всем другом тотчас забудешь.

Попугай перед этим притворился больным, сделал вид, что он погружен в раздумье и размышления, и склонил голову на ложе болезни, затем, после долгого времени, поднял он голову притворства с изголовья обмана, выполнил все условия и правила смирения и унижения, сделал вид, что он, подобно страждущим и больным, слаб и бессилен, и заговорил слабым голосом.

«О попугай,— спросила Худжасте,— отчего ты заболел и по какой причине так слаб?» — «Нет во мне телесного недуга и физического недомогания, по твое горе повергло и меня в горе, твое смятение заставило и меня прийти в смятение. Ты занимаешься моими баснями и побасенками, увлекаешься моей болтовней и моими рассказами, а время-то уходит. Долго ли ты будешь заставлять ждать несчастного влюбленного?! Не годится, чтобы муж твой внезапно вернулся и ты так же пожалела бы о его возвращении, как кошка жалела, что убили мышей».

Услышав такие слова, Худжасте смутилась и сказала: «Эти странные слова, о попугай, более странны, чем философский камень, эта удивительная история удивительнее эликсира жизни! Как может кошка сожалеть об убийстве мышей, если мышь является ее обычной пищей? Как может она раскаиваться, что убила мышь? Хотя я и сознаю, что слишком часто надоедаю тебе, но все же не мог ли бы ты рассказать эту историю?»

«Говорят,— ответил попугай,— что в крайних пределах Китая был луг, свежий и прелестный. Страшный и ужасный лев, царь всех зверей, сделал этот луг своей столицей и подчинил и покорил себе всех зверей, живших в его окрестностях. Прошло долгое время, и ночь юности льва сменилась на утро старости, весна молодости заменилась осенью дряхлости, и лев от слабости и беспомощности начал казаться кошкой».

Да, хотя старость и несет почет, но юность — великое благо!

Схож с младенцем старик, это знай, Нахшаби!
Старец словно младенец бессильный дрожит.
Старый лев даже мышку не может загрызть,
Хоть по-прежнему он величаво рычит...

«От старческих недомоганий и дряхлости зубы льва попортились, и во рту у него появились дыры. Когда он

ел мясо, большая часть кусков застревала у него между зубами. А на этом лугу было много мышей. Когда лев спал, они приходили, вытаскивали это мясо у него из зубов и отравляли ему сон. При всей своей мощи лев был бессилен предпринять что-нибудь против мышей, при всей своей смелости не мог справиться с ними».

Да ведь и много разумных людей не могут справиться с жалкими существами, проводят время в заботах и хлопотах и все же не могут устранить от себя врага. Поистине, река при всем своем величии является местом для прогулки лягушек, а гору при всей ее величавости попирает ногами барс. Говорят, что, когда у львицы рождается львенок, на него нападают иногда муравьи и по большей части являются причиной смерти львенка; лев все это видит и все же не может спасти львенка от их нападения. Все это происходит для того, чтобы силы знали свою слабость и не слишком полагались бы на свою силу.

Знай, что имам Шафии*, да помилует его Аллах, находился однажды близ какого-то халифа. Халифа одолевали мухи, и он воскликнул: «Не знаю я, какая цель была у вечного творца, велик и славен да будет он, когда он творил мух!» — «Эта скрытая цель заключается в том, — ответил имам Шафии, — чтобы могущественные видели бессилие своего могущества».

Нахшаби, бессильны твари в мире все,
Кто такую речью будет изумлен?
Величайшей обладает силой лев,
Но болезнями страдает все ж и он...

«Короче говоря, царь зверей не мог совладать с мышами. Однажды он начал советоваться по этому поводу с волком. Тот был зверем старым и обладавшим большим опытом в таких делах и поэтому сказал: „Против всякой болезни есть лекарство, против всякого яда — противоядие. Если дело можно выполнить только хитростью, нельзя применять силу, если дело можно привести к благополучному исходу только благодаря хитроумному замыслу, могущество не поможет. Солому и мусор выметают из дома метлой, а не палкой; щепки выметают из комнаты щеткой, а не мечом. Одним из подданных этого дворца и подчиненных этому трону является кошка. Ей следует поручить управление столицей, ей надо предложить изгнать мышей“.

Поправились эти слова льву и пришлись по сердцу; и он повелел призвать кошку. Когда та перед ним предстала и, по обычаю, поцеловала землю перед троном, лев сообщил ей о мышинном засилье и крысином притеснении.

Кошка молвила: „Хотя царь зверей и отворачивается от жалкого слуги своего и не дает ему назначения в ряду прочих слуг своей державы, но шкурка судьбы кошки тесно связана с шубой величия льва. До слуха царя, вероятно, доходило, что, когда в ковчеге Ноя, мир да будет с ним, умножилось мышинное засилье и мыши начали перегрызать связки ковчеге, Ной взмолился к господу и получил приказ возложить руку на лоб льву. Ной, мир да будет с ним, так и поступил. Лев чихнул, тотчас же две кошки вылетели из его поздрей и прекраснейшим образом справились с мышами. Если царь зверей поручит мне управление этим дворцом и передаст мне охрану трона, то я, подобно тому как предки оказали услугу предкам царя, выполню для царя эту работу“.

Лев поручил кошке управлять столицей, и та со спокойным сердцем украсилась его приказом. Мыши, как только увидели кошку, тотчас же рассеялись и разбежались, и лев отделался от их приставаний. Он осыпал кошку милостями и почестями и взял ее под свою защиту и охрану, покровительство и попечительство».

Нахшаби, понапрасну трудов ты не трать,
Сам себе, милый друг, не чини ты беды!
Если низшие будут усердно служить,
То и высшие будут ценить их труды!

«Но хотя кошка и раскрыла перед мышами врата страха и ужаса, все же она действовала осторожно и осмотрительно, проявляла мягкость и терпение, не стремилась к их полному истреблению и говорила про себя: „Если они будут совершенно уничтожены, лев уже не будет более их опасаться и милости и щедроты его прекратятся“».

Поистине, каждый — мудрец в своем собственном деле!

В этом мире мы все к своей цели стремимся,
Это сделать лишь ты, Нахшаби, не сумел.
На кого ты ни взглянешь, и низкий и славный —
Всякий в деле своем и разумен и смел.

«Так прошло некоторое время. Однажды кошка привела своего котенка ко льву и сказала: „Это мой сын. Среди всех своих сверстников и братьев он известен и знаменит своей набожностью и верностью, ученостью и кротостью. Он прекрасно знает, как надо вести себя перед царями, и, если впоследствии высочайший приказ, я иногда буду оставлять его на моем посту вместо себя, а сама буду уходить повидаться с остальными детьми“. — „Прекрасно“, — ответил лев.

Кошка в ту же ночь поставила котенка на свой пост, а сама отправилась в свое помещение. Но котенок не знал кошачьей хитрости и не ведал, что она обходится с мышами ласково. Как только мышь показывалась из норы, он тотчас же загрызал ее, и таким образом в ту ночь все мыши были истреблены и из их рода не осталось ни одного представителя.

На другой день, когда были введены другие правила и обычаи и утро открыло благовоние весеннего ветерка, кошка вышла из своего дома и увидела, что случилось с мышами. Она была чрезвычайно огорчена, начала упрекать своего котенка и говорила: „Я страшилась грядущего бедствия, и вот оно стряслось надо мной! Произошло то самое, чего я опасалась. Не будет удивительно, если милость царя к нам теперь иссякнет и он не будет смотреть на нас ласковым взором, так как милость всех существ обычно замарана примесью личной выгоды, ласка всех тварей испачкана соблюдением своих собственных интересов; когда выгода бывает достигнута и стремление осуществляется, уходит и милость, исчезает и ласка“».

Нет ничего, что бы к цели своей не стремилось,
Будь производное, будь основное оно.
Все, на кого ты ни взглянешь, богатый и бедный,
К выгоде только и знают стремленье одно.

«Прошло некоторое время, мыши совершенно не тревожили льва, и однажды то самое войско мыслей, которое нападало на сердце кошки, устремилось и на простор груди льва. Молвил он про себя: „Я держал кошку в таком почете для того, чтобы избавиться от мышей, теперь мышиное засилье совершенно устранено и кошке нечего делать. Кроме того, она — животное хищное и может питаться своим собственным уловом.

Чего ради я буду из-за нее обагрять себя кровью других?“ И он отставил кошку от ее должности.

Тогда она обратилась к котенку и сказала: „Пламя этого бедствия зажжено тобою, ты сшил одежду этой беды. Если бы ты не убил тогда всех мышей, лев не избавился бы совершенно от забот и никогда не отстал бы нас от этой должности“.

Котенок пожалел, что убил мышей».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«Вижу я, что ты медлительна в делах любви, нахожу, что ты не торопишься пойти к другу. Смотри, как бы не приехал твой муж и ты не пожалела бы об этой ошибке так же, как котенок жалел, что убил мышей».

Худжасте была весьма озабочена этими словами и хотела тотчас же пойти к своему другу и немедленно достать туфли, но в то же мгновение закипел горячий ключ солнца, взошло дневное светило, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ
о безобразии царевича Бенареса
и о красоте его жены и о том,
как она влюбилась в юношу

Ночь двадцать первая

Когда золотой щит-солнце снесли в оружейную палату запада и достали из арсенала востока серебряный меч-месяц, Худжасте, лицо которой папоминало щит солнца, а нос — меч месяца, пришла просить у попугая разрешение и сказала: «О ты, почтенный доступом в за-

поведную ограду чистоты и постоянно пребывающий в обители верности! Меня так терзают передовые посты разлуки, что щит терпения выпал у меня из рук, так мучает авангард страсти, что я выронила меч спокойствия. Я была уверена, что разум твой распутает мои заботы, рассудительность твоя прогонит мои печали, но твоя бесполезная хитрость только стала причиной увеличения забот, твоя пресная сметливость только является поводом для возрастания моих печалей.

Меня терзает горе,
Покой сокрылся мой.

О попугай, если ты в таком затруднении не можешь помочь другу, когда же сможешь ты помочь ему? Если в такой беде не протянешь руки знакомому, то когда же вообще протянешь ее? В покойные дни я найду сколько угодно друзей, в счастливое время увижу сколько угодно помощников. У кого обилен стол, у того много и братьев!»

Где тот, Нахшаби, кто нам в горе поможет?
Коль скоро ты счастлив, друзьям ты не верь.
Для горестных дней надо друга найти нам,
В веселые дни ты их с сотни найдешь.

«О Худжасте, — ответил попугай. — Тебя стрела этой беды поразила в душу, а меня — в грудь; тебе шип этой заботы впился в ногу, а мне — в глаз. Пока сердце твое не избавится от этой работы, и мое сердце не может от нее избавиться. Пока твоя грудь не перестанет терзаться этими мыслями, и моя грудь не перестанет терзаться ими. Я теперь говорю в сотый раз — ступай к своему другу, добейся скорее своей цели, а если, чего не дай бог, эта тайна твоя откроется, это дело выйдет наружу, то я уже надумал, как отвратить такую напасть, нашел, чем помочь в таком деле, и ты благодаря наставлениям и поучениям моим так же спасешься от позора и несчастья, как благодаря поучениям и наставлениям шакала спаслась жена царевича». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что некогда у царя Бенареса * был сын, безобразный лицом, скверного образа жизни, отличавшийся грязными привычками и неповоротливым умом, чрезвычайно глупый и испорченный. От чрезмерной глупости он считал за одно и сла-

дось меда, и горечь колоквинта *, от крайнего неразумия не отличал грохота молота, ударяющего по наковальне, от звуков арфы».

Поистине, неразумие — это такая болезнь, которую не сумеет излечить наилучший врач; неразумие — такой педуг, которого не исцелит и наипытнейший лекарь. Иисус, мир да будет с ним, который излечивал даже заболевших смертью, говорит: «Я по воле божьей воскрешаю мертвых, умерших сто лет тому назад; по господнему соизволению делаю зрячими слепорожденных, но и одного глупца я не могу сделать разумным».

Нахшаби, величайшее бедствие — глупость,
Моря этого кто мог бы дно увидеть?
В этом мире для всех, кто рожден от Адама,
Ты не сможешь страшнее беды отыскать.

«И просватали для этого сына некую царевну, исполнили все свадебные обычаи и соединили дива с пери **, связали ифрита *** с человеком, с тем что, быть может, от близости и соседства этой супруги в нем появится дух зрелости, от общения и связи с этой жещиной он приобретет рассудительность.

Женщина эта по красоте и изяществу была достопримечательностью своего времени, по рассудительности и сообразительности была редкостью своей эпохи, и хотя и принадлежала к числу обитателей гарема, но хорошо знала музыку и музыкальную науку и прекрасно разбиралась в основах ладов и мелодий».

Музыку ты изучай, Нахшаби,
Лечит она все живые сердца.
Все же не все постигают ее,
Тешит она лишь живые сердца!

«Однажды ночью под стеной айвана **** какой-то юноша наигрывал мелодии и наигрыши, распевал песни и напевы. Всякий, кто слышал эти напевы, лишался чувств, как курильщик опиума; всякий, кто внимал этим мелодиям, терял рассудок».

Поистине, прекрасный напев притягивает товар разума, чарующая сердце мелодия привлекает весь скарб рассудка!

Дивная в музыке сила сокрыта,
Ноги она заставляет плясать.
Разум уносят прекрасные звуки,
Может ли ум против них устоять?!

«Услышав этот голос, жена царевича всем телом влюбилась в звук его, всем существом своим привязалась к нему и начала говорить про себя: „Если нужно расстаться с терпением и покоем, то не иначе, как для обладателя этого голоса; если нужно бросить разум и рассудок, то ни для кого другого, кроме этого певца“.

Гонимая любовью и сокрытой в душе страстью, сошла она вниз и увидела человека некрасивого и немногоречивого, грязного и неученого. Сказала она: „О юноша, хотя ты мне и не пара и я для тебя не подхожу, но я томлюсь в цепях глупого мужа, пленена неразумным супругом. Нельзя ли устроить так, чтобы ты освободил меня от этого позора, избавил от его общества и некоторое время держал бы у себя, ибо дружба с собакой лучше, чем дружба с дураком, дружба с обезьяной лучше, чем дружба с глупцом“.— „Прекрасно“,— ответил юноша.

Кто не желал бы, чтоб ты его стала душой!

Пошли они вместе и, пройдя несколько миль, дошли до глубокой реки. Юноша сказал: „Я искусный пловец и в плавании не имею себе равных. Если прикажешь, я сначала переправлю на ту сторону все, что у тебя есть тяжелого, а потом переправлю и тебя саму“.— „Прекрасно“,— ответила девушка.

Когда юноша переправился на ту сторону с ее платьем и украшениями, ему пришло в голову: „Я — человек нищий, а она дочь царя. Какое дело нищему до царя, что общего между месяцем и рыбой*? Кроме того, она жена другого, законная супруга. Разве можно мне заниматься таким делом? Разве допустимо пускаться на такое? Но унести ее пожитки как раз прекрасный случай — я сейчас нахожусь в величайшей нужде, а поговорка гласит: „В нужде все допустимо“.

Поднял он знамя побега, а ее оставил на той стороне. Предательство, которое она совершила по отношению к мужу, другой совершил по отношению к ней.

Поистине, что скажешь, то и услышишь, что посеешь, то и пожнешь!

Когда настал день, женщина увидела, что от одного отстала, а к другому не пристала. Задумалась она, что же это, мол, такое случилось, поразились, что, мол, такое произошло».

Нахшаби, о предательстве не помышляй,
Грудь твоя пусть вовеки не знает его!
Если кто-нибудь нынче другого предаст,
Завтра, верь, предадут и его самого.

«Посреди этих размышлений она увидела шакала, несшего в зубах кость. Дойдя до реки, шакал увидел в воде рыбу; выпустил он изо рта кость и хотел поймать рыбу. Та погрузилась в воду, шакал вернулся за костью, но ее унесло какое-то другое животное. Несчастный изумился: „Что же это такое?! Я раскрыл пасть, чтобы схватить добычу, добыча не попала мне в рот, а то, что было у меня во рту, — унес другой!“.

Увидав все это, женщина раскрыла уста попрека и заговорила: „О шакал, разве можно быть таким глупцом? Ты выпустил из рук наличные деньги и погнался за долговым обязательством; и долга ты не получил, и наличные, которыми обладал, утратил!“»

Нахшаби, разум — славная вещь, это знай!
Постарайся ты с ним договор заключить,
Если что-нибудь умный предпримет, никто,
Мне поверь, не посмеет его разбранить.

«„О женщина, — спросил шакал, — кто ты, откуда и что делаешь одна на берегу этой реки?“ — „Я женщина, — ответила она, — которую печальный рок заставил вкусить напиток несчастий, злая судьба довела до такого положения. Есть у меня муж, чрезвычайно глупый и гадкий, я стыдилась его и хотела заняться разумным другом. Мужа я потеряла, но и друг ушел, унес все мои украшения и одежды и покинул меня на этом берегу“.

„Вы учите людей добру, а самих себя губите, — сказал шакал. — О женщина, то, что ты увидела от меня, я услышал про тебя. Разве эта история про меня, кость и рыбу не та же история, что случилось с тобой, твоим мужем и другом? Если бы ты довольствовалась и удовлетворялась своим мужем и не привязалась бы сердцем к обществу и близости этого мошенника, никогда бы не постигло тебя такое несчастье, никогда не поразила бы такая беда. Но меня изумляет и поражает, что наши истории с тобой одинаковы, и с тобой и со мной случилось одно и то же, а ты, несмотря на это, порицаешь меня и дерзаешь меня попрекнуть. Это похоже на тот случай, что произошел с одним шейхом. Он встал необыкновенно рано, повстречался с каким-то челове-

ком, и тот начал говорить ему: „Разве кто-нибудь поступает так, как ты, и встает так рано?“ — „О ходжа, — ответил тот, — оба мы встали в одно время, так отчего же ты удивляешься?“»

Кто попрека достоин, не должен других попрекать,
Разве нищий добудет когда-нибудь царственный клад?
Неуместно слепому другого слепого бранить
И его слепотой попрекать, это помни, мой брат!

«Выслушав эти слова и вникнув в такие наставления, женщина сказала: „О шакал, вижу я, что ты животное хитрое, нахожу, что зверь ты смывленный. Дай же теперь совет и научи меня хитрости, чтобы я могла вернуться домой и никто не стал бы подозревать меня в дурных делах, и друзья и враги мои не начали бы злословить про меня“. — „Хитрость эта такова, — заявил шакал. — Притворись безумной, разорви одежды, обнажи голову и ноги и подобно безумным ступай домой. Каждый, кто увидит тебя в таком состоянии, простит тебя и скажет: „Бедняжка, она помешалась“. Когда представление о твоём помешательстве укрепитя в умах, ты понемногу приди в себя, постепенно вернись к здоровому рассудку“.

Женщина так и поступила, пошла домой и благодаря наставлениям и поучениям шакала избежала злословия и позора».

Нахшаби, ты советам разумным внимай,
Чтоб тебя не постигло великое зло.
Всем, кто добрым советам охотно внимал,
Постоянно во всех начинаньях везло.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О опьяненная страстью! О терзаемая душевным волнением! Настало прекрасное время, пришел чарующий сердце час... Вставай, ступай к своему другу, а если с тобой тоже приключится какая-нибудь беда, случится какая-нибудь неприятность, я глубоко-мысленным рассуждением и проицательным размышлением сумею надумать план, смогу изобрести хитрость и спасу тебя от молвы, как совет того шакала».

Худжасте собиралась последовать его указанию, но на беличьей шубе неба появился волчий хвост рассвета, шакал-ночь скрылся, поднялся дневной грохот, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным.
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о льве, четырех визирях и брахмане,
которого два визиря расхвалили,
а два других разбранили**

Ночь двадцать вторая

Когда ярый лев-солнце сокрылся в лесу запада и мускусная газель-месяц появилась на поляне востока, Худжасте пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О ты, не ведающий прибоя волн разлуки, о не знающий натиска потоков потопа! Страсть повергла меня в такие колебания и сомнения, о каких ты и не ведаешь! О таких страданиях, какие я испытываю, ты никогда и ничего не слышал. Знай, что однажды коршун сказал верблюдице: „Что за странная покорность владеет твоим сердцем? Зачем ты так послушно позволяешь распоряжаться твоим телом? Каждого из твоих детей гонят куда желают, каждому из твоих верблюжат вдевают в нос палку и тащат его куда хотят, а ты идешь позади“. — „О коршун, — отвечала верблюдица, — тебе простительно говорить такие слова, ибо тебе приходится иметь дело с мертвыми, а я имею дело только с живыми людьми“.

О попугай! Я знаю, что ты тоже не ведаешь моего горя и не знаешь моих страданий, ибо ты имеешь дело со здоровьем, а я — с болезнью.

Любить — это значит здоровье утратить,
Попреки врагов на себя навлекать!»

Нахшаби, твое горе кто может понять?
Пред другими ты долго ли будешь рыдать?
Тот, кто сам не страдает, не может понять,
Что другие способны скорбеть и страдать.

«О хозяйка, — ответил попугай, — зачем ты делаешь меня целью для меча упрека, зачем ставишь меня мишенью для стрел укора? Разве ты можешь знать, как терзается мое сердце твоей печалью? Разве можешь ведать, как наполняются слезами глаза мои из-за твоих рыданий? Если ты намерена пойти к другу, то сейчас наступило счастливое время, настал блаженный час, ступай и повидайся с ним! Но только возвращайся оттуда поскорее, долго там не медли и не проявляй слишком большой жадности. Жадность, по всем учениям, — качество позорное, алчность у всех философов считается делом низким, и если ты сделаешь своим обычаем жадность, сделаешь своей привычкой алчность, то увидишь и испытаешь ты то, что увидел и испытал брахман». — «А что с ним было?» — спросила Худжасте.

«Рассказчики повестей и передатчики рассказов говорят, — ответил попугай, — что в стране Гуджаратской * жил некий брахман, обладавший великим богатством, роскошью и казною. Внезапно коварное время, предательница-судьба бросила кость его желаний в чашу неуспеха, отняла у него все то, что прежде сама ему подарила, и сделала его нищим и неимущим».

Не вечна казна, это знай, Нахшаби,
Любой тебе может о том рассказать.
Все то, что нам дарит злодейка-судьба,
Она же потом норовит и отнять.

«Увидев враждебность времени и чинимое днями и ночами притеснение, брахман начал говорить: „Не надо бросать щита оттого, что судьба подняла на меня меч, нельзя валиться с ног оттого, что рок занес надо мною свою руку. Гущу пьет тот, кто выпил чистое вино, рваную одежду носит тот, кто сначала носил одежду новую. Нет розы, которая не колола бы своими шипами, нет вина, которое не заставляло бы страдать от похмелья. Где только есть радость, за нею следом идет горе, где только появится богатство, за ним по пятам тащится и бедность».

Нахшаби, не бывает веселья без горя!
Впрок наука без плетки не может пойти.
Сладких вин без похмелья нигде ты не сыщешь,
Стран, где солнце не меркнет, нигде не найти!

«Дни шли за днями, а отдушина его кухни не видела дыма, чрево матери-печки не носило в себе похлебки.

Бремя стесненных обстоятельств затянулось, нищета его не желала прекращаться, и брахман молвил про себя: „По поговорке, движение приносит благословение. Надо отправляться в путешествие“.

Прошел он много городов и сел и однажды пришел к прекрасному лесу, прелестной роще. Увидел он величественного и свирепого льва, валявшегося на берегу ручья и проявлявшего стремление к воде. Ему прислуживали газель и дикая коза — они выполняли обязанности его визирей и ждали от него приказаний и запретов.

Брахман подумал: „Если я поверну назад, лев обязательно последует за мной, а если я пойду вперед, то собственными ногами спущусь в могилу и ввергну себя в пасть крокодила гибели“. Внезапно взгляды газели и дикой козы упали на него, и они начали говорить друг другу: „Куда пришел этот человек? Неужели он пресытился жизнью? Куда забрел он? Неужели он не жалеет самого себя? Увы, как раз в наш черед прольется кровь невинного, будет загублен человек. Все же надо нам сделать свое дело, и если сегодня мы будем небрежны в защите и охране его, то завтра мы будем наказаны и пожалеем об этом“.

Затем они обе раньше, чем успела разгореться кровожадность льва, раскрыли уста для пожеланий и прославлений и сказали: „Слух о щедротах и милостях царя зверей распространился по всем четырем странам света и дошел до людей. Один из них, некий брахман, пришел, стоит в приемной и из-за величия этого дворца и пышности сего трона не решается подойти ближе. Если последует приказ о помиловании и покровительстве, он дерзнет осчастливить себя и облобызает высочайшие когти“. — „Прекрасно“, — ответил лев.

Визирь прошел вперед и приказал брахману пасть к ногам льва.

„Скажите ему, — молвил лев, — чтобы он взял из того людского добра, которое у нас имеется, золота и драгоценных камней, сколько хочет, унес столько, сколько сможет унести“.

Брахман так и поступил, и благодаря прекрасным стараниям визирей его благоденствие было восстановлено, а канат нищеты был перерезан».

Поистине, величайший царь, велик и славен да будет он, в руках которого мощь всех царей и царство которого

не знает конца, даст много благ царям и государям, но нет для них блага выше, чем мудрый визирь и разумный советник. Даже пророки, отличающиеся совершенством разума, не могут обходиться без визирей, по словам: „...и назначу я возле себя визиря из народа моего!“ — Лучший из всех творений, да сохранит его Аллах и да помилует, он — царь небесного трона, говорил: „У меня четыре визиря — два из них земные существа и два из существ небесных. Из земных существ — это Абу Бакр и Омар *, а из небесных — архангелы Гавриил и Михаил“».

Нахшаби, знай, визирь — украшение страны!
Ночь советник благой может в день превратить.
Все, кто тронem владеет на этой земле,
Те визиря должны выше царства ценить.

«Короче говоря, когда прошло несколько дней, брахман, несмотря на свое богатство и мощь, начал стремиться к большему, жадность толкала его еще раз пойти в тот лес и забрать остаток золота и драгоценных камней. Он не знал, что жадность приводит к позорному концу и алчность вызывает плачевные результаты».

Нахшаби, будь немногим доволен всегда,
Лишь позор может алчность тебе принести.
Ты утратишь и то, чем владеешь теперь,
Если больше ты будешь стремиться найти.

«Когда брахман дошел до того места, где жил лев, оказалось, что в этот день была очередь служить волку и шакалу. Они подошли ко льву и начали потрясать цепью низости: „Что это за наглость позволил себе этот человек? Он заносчиво ступает на ковер веселья и не дрожит перед мощной лапой царя зверей. Не следует разрушать основ своего величия и не надо позволять человеку такие предерзости, ибо от человеческого засилья проистекает много бед“.

Лев зарычал и бросился на брахмана. Брахман, увидев, что лев гневается, а газели и дикой козы нет, влез на дерево. Лев, возбужденный наговорами и подстреканиями злых визирей, пошел под дерево и собрался разорвать брахмана».

Поистине, визирь, дающий дурные советы, — враг царя, перазумный советник — противник государства. Говорится, что праведный царь, если визирь его плох, похож на чистую воду, где водятся крокодилы. В эту воду

человек не войдет, если он даже умеет плавать или страдает от жажды.

Нахшаби, лишь визирями царство сильно,
Много правил визири должны соблюдать.
Должен царь себе добрых визирей искать,
Злой vizирь беспорядок лишь может создать.

«В это время подошли газель и дикая коза и увидели, в каком положении брахман. Молвили они: „Великий Аллах, до чего же жаден человек, до чего же алчен он! Один раз мы уже хитростью спасли его от мощной лапы льва, ловким приемом избавили его от страшных когтей. Не знаем мы, как нам теперь быть!..

Если сам человек унижает себя,
То и божий почет не возвысит его“.

Затем обе они подошли ко льву и сказали: „Этот брахман — человек честный и признательный, он доставил всем обитателям земли весть о щедротах царя зверей и милостях его и теперь пришел возвестить о них летающим по воздуху птицам и жителям обителей деревьев. Он поднялся на изумрудный минбар * ветвей и провозглашает хутбу ** о добродетелях льва!“

Когда лев выслушал воду этих речей, пылавший и бушевавший в нем огонь гнева улегся, он вернулся из-под дерева в свой лес, а брахман спустился с дерева и тоже пустился домой. Так благодаря хитрости он спасся из этого водоворота гибели. Придя домой, он дал обет, что впредь будет довольствоваться малым и не будет подвергать себя неприятностям из-за чрезмерной требовательности.

О дорогая моя, все, что людям предназначено, им в конце концов достанется, но люди терзаются стремлением заполучить побольше, этого они никогда не получают и лишь погубят свою собственную жизнь».

Нахшаби, ты о жадности гнусной забудь,
Чтобы жертвой ее не пришлось тебе стать.
Тот, кто вечно стремится побольше добыть,
Неизбежно всю жизнь свою будет страдать.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, брахмана охватил ужас и страх, потому что он жадничал и не довольствовался своим малым до-

статком. Нужно, чтобы и ты, когда овладеешь сокровищницей свидания с возлюбленным и дождешься лица близости желанного, не жадничала, довольствовалась бы тем малым, что ты имеешь, и как можно скорее возвращалась бы домой».

Худжасте, выслушав эти речи, подобно скупцу соскочила и хотела пойти в покои к своему другу, но рассвет, казалось, был еще жаднее ее, тотчас же поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти уже было невозможно...

Нахшаби сегодня почью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о жене эмира,
о том, как она увидела нарцисс,
как смеялась жареная птица
и улыбался сотрапезник**

Ночь двадцать третья

Когда покоряющий мир царь-солнце ушел в западный кишвер *, а повелитель звезд — месяц поднялся на зените востока, Худжасте, подобная розе в саду и вину, ударившему в голову, пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О чистый друг и верный собеседник! Говорят, что некий великий муж совершенно отстранился от людей и сторонился всех тварей. Однажды его спросили: „Почему ты не бываешь среди людей и не дружишь с ними?“ — „Я ранее не существовал, — ответил он, — и впоследствии тоже перестану существовать. Меня облачили в халат существования всего лишь на несколько дней, и я хочу провести это время с творцом, а не с тварью“.

О попугай, я тоже ранее была прахом и скоро снова
обращусь в прах. Жизнь мне подарили всего лишь на не-
сколько дней. Если ты позволишь, я проведу их с дру-
гом, а не с чужими людьми».

Нахшаби со своею расстался родней
И наполнил потоками слез своих море.
Счастлив тот, кто всю жизнь возле близких своих
Проживал — он не знает страшнейшего горя.

«О хозяйка, — ответил попугай, — ты говоришь прав-
ду: жизнь только тогда идет в счет, когда проходит в
кругу друзей, существование только тогда ценно, когда
живешь возле своих близких. Жизнь без общества дру-
га — это страшная смерть, существование без встречи с
милым сердцу — мучительное наказание. Но только ты
сама раскрываешь врата печали, сама снимаешь венец
покоя с головы сердца, так как ты все время теряешь по-
напрасну, терпеливо переносишь страдания. Разве ты не
знаешь, что любовь несоединима с терпением, что ртуть
на огне не бывает спокойной?»

Если скроется друг, а влюбленный покоен,
То он лгал про любовь, не был искренен он.

О хозяйка, хотя проволочка в любви недозволима, но
зато в любви есть много обязательных правил и условий.
Когда ты пойдешь на свидание с другом, ты должна
явить красоту и образованность, должна хорошенько по-
казать свою воспитанность, потрянуть цепью своих совер-
шенств и не смеяться над собой, как жена эмира». —
«А что это за история про жену эмира?» — спросила Худ-
жасте.

«Говорят, — ответил попугай, — в крайних пределах
Кирмана * был некий эмир, саном подобный небесному
своду, обладавший войском, по численности равным цар-
ской армии. Была у него жена, чрезвычайно красивая и
крайне совершенная. А у эмира был один сотрапезник.
Всякий раз, когда уста его складывались в улыбку, изо
рта его высыпался полный подол роз, и если он улыбал-
ся в день тысячу раз, то полы и рукава его тысячи раз
наполнялись розами».

Нахшаби, в мире много бывает чудес,
Ты не думай, что мало хорошего в нем.
И добро в этом мире бывает, и зло:
Мне пришлось услышать и о чуде таком.

«Как-то раз приехало несколько послов от царя к этому эмиру. Он увидел, что они отличаются познаниями в различных науках, и пригласил своего сотрапезника, потому что они обладали всеми теми же совершенствами, как и сотрапезник, кроме „розовой улыбки“, которой тот обладал в придачу.

Сотрапезник по пути увидел негра, от темноты лица которого утро казалось вечером, от черноты кожи которого день становился ночью. Верхняя губа его доходила до лба, а нижняя свисала до самой полы. С сотней веселых ужимок плясал он, не слыша музыки, безо всякого видимого повода к веселью притоптывал ногами. Сотрапезник спросил его о причине его радости. „Радость моя истекает от того, — ответил негр, — что сегодня ночью я после долгого времени свихусь с возлюбленной и желанной моей“. — „Кто же твоя возлюбленная?“ — „Некая женщина“. — „Как же ты сегодня ночью попадешь к ней?“ — „Сегодня к эмиру прибыли совершенные и разумные послы, приехали мудрые и ученые посланники. Несколько дней пробудут они у эмира, и сотрапезника тоже пригласили туда. Он тоже несколько дней не возвратится домой, и я каждый день буду гонять коня любви с его женой и играть с ней в нарды страсти“.

Сотрапезник смутился и призадумался, что же это, мол, такое. Он хотел вернуться назад и расследовать и разузнать, в чем дело, но посланец эмира не отпустил его, привел на собрание к эмиру и посадил его среди прочих сотрапезников. Беспокойство о жене и мысль о негре повергли сотрапезника в такое волнение и тревогу, что, сколько эмир ни просил его засмеяться и показать приезжим свой розовый дождь, роза уст его совершенно не смеялась и бутон губ совсем не распускался в улыбку».

Поистине, ученые говорят, что смех — причина веселья, а улыбка — примета беспечалия. Когда радость человека достигает высшей степени, проникает во все его жилы и связки и распространяется по всем членам и частям тела, веселье это стремится проявить себя, вырваться изнутри наружу и в силу необходимости избирает для этого рот человека. Если веселье невелико, дело кончается улыбкой, если оно средней величины — переходит в смех, если же оно захватывающее, оно завершается хохотом.

Нахшаби, кто печален, смеяться не станет,
Нам с тобою — увь! — не до этих утех!
Смех — веселия признак, всегда это помни,
Кто печален, забудет навеки про смех.

«Эмир, увидев, что сотрапезник волнуется и терзается, решил, что он нарочно состряпал кислую физиономию, намеренно придает себе мрачное выражение, и повелел отвести его в тюрьму.

Когда негр-ночь открыл свое черное как деготь лицо, мир стал для сотрапезника еще темнее, мысль о негре сделала его лицо чернее дегтя. Случайно жена эмира была влюблена в вожака слонов, и тот тоже любил ее. Когда прошла первая ночная стража *, вожак привел слона к стене замка эмира, жена спустилась к нему с крыши замка, и они на спине слона начали предаваться любовным утехам.

Увидев это, сотрапезник рассмеялся, и пола его наполнилась розами. Весть о его смехе доставили эмиру. Тот молвил: „Неужели птица разума вспорхнула с гнезда его мозга? Иначе как могло бы быть, что на пиру он не радуется, а в отвратительной темнице смеется”».

Нахшаби, своевременно все совершай
Или будешь похож ты на камень с горшком.
В дни печали смеяться не время, мой друг,
Кто про это забыл, будет плакать потом.

«На другой день, когда эмир сидел у своей жены, садовник принес нарцисс. Жена эмира тотчас же отвернулась от этого цветка и укрылась с головы до пят чадрой. Эмир спросил, что это значит. „Нарцисс формой своей напоминает глаз, — ответила она, — а я хочу, чтобы, кроме эмира, меня никто не видал, кроме царского ока, ни один глаз не смотрел бы на меня“.

На подносе перед ними были поставлены жареные птицы, и при этих словах они рассмеялись. Жена изумилась, схватила рукой полу эмира и сказала: „Скажи, почему смеялись эти птицы?”

Эмир начал раздумывать, но ничего не мог придумать. Он созвал богословов и ученых и начал расспрашивать их, но никто не смог дать удовлетворительного ответа.

Жена, по женскому обычаю, уперлась на своем и повторяла: „Пока мне не станет в точности известно, почему смеялись птицы, душа моя никогда не успокоится, грудь моя никогда не оправится“.

Не знала она, что раскрытие этой тайны только навлечет на нее позор, что разоблачение этого обстоятельства станет для нее причиной бесчестия».

Не дело — упорство, мой друг Нахшаби,
И злой человек самому себе враг.
Сговорчивость — лучшее свойство людей,
Себя лишь погубит упорный смельчак.

«Злонравие жены было велико, и молва о смехе жареных птиц пошла по устам.

Сотрапезник был человеком хитрым, прослышав об этом, сразу сообразил, в чем дело, и послал сказать эмиру: „Если повелитель прикажет, я скажу, почему смеялись эти птицы“.

Эмир приказал привести сотрапезника, приказал ему говорить и сказал: „Сначала скажи, почему ты смеялся в тюрьме, а затем уж перейди к смеху жареных птиц, потому что для меня твой смех в таком месте удивительнее, нежели смех жареной птицы на блюде“.

Сотрапезник снял крышку с блюда рта, поведал всю историю о негре и своей жене и добавил: „Я в таком смятении и волнении пришел к тебе на пир, а ты велел бросить меня в тюрьму и еще усугубил мое горе, усилил мою печаль. Я находился в таких муках и страданиях, когда в полночь тот самый вожатый слона, в которого влюблена твоя супруга, подвел к стене замка слона, твоя почтенная супруга спустилась со стены слону на спину и от нетерпения, тут же на спине слона, удовлетворила свою чувственную потребность. Когда я это увидел, мне стало смешно и печаль о жене вылетела у меня из памяти, ибо, если такая знатная особа посреди улицы занимается на спине у слона таким делом, не удивительно, что такая жалкая бабенка займется этим же в углу своего дома. Нынче эта же самая порочная и развратная женщина прикинулась перед эмиром праведной, лгала, отворачивалась от нарцисса и говорила, что не желает, чтобы, кроме очей эмира, ее видел чей-нибудь глаз. Жареная птица по этой причине и смеялась, потому что от этих слов рассмеялись бы и ослы, а не то что хитрая птица“».

Нахшаби, хорошенько обдумай слова!
Лишь тогда будут речи твои хороши..
Правду нужно всегда говорить, это знай!
Ибо ложная речь — это гибель души.

«Эмир сначала повелел, чтобы лицо жены сотрапезника вычернили наподобие лица негра и вместе с ее любовником ввергли в жаркий огонь, а затем приказал, чтобы его собственную жену связали вместе с вожаком слона, бросили их обоих под ноги слону и очистили бы мир от их гнусности, освободили бы вселенную от их порочности и развратности».

Нахшаби, пусть погибнут развратники все,
Пусть постигнет людей наказание таких!
Этот мир весь развратников полон, мой друг,
Пусть скорее очищен он будет от них!

Дойдя до этих слов, понугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, люди должны совершать такие дела, чтобы никто не указывал на них пальцем, должны говорить такие слова, о которых потом молва не ходила бы. Если бы жена эмира сказала слова, более соответствовавшие ее положению, похвасталась бы чем-нибудь, на что имела право, ей бы не пришлось испытать то, что она испытала, не пришлось бы перенести то, что она перенесла, и она не заслужила бы издевательства со стороны птиц и рыб. Когда ты пойдешь на пир к своему другу, то придерживай язык, не говори пустых слов и не заставляй других болтать о себе».

Худжасте хотела последовать его совету и пойти на свидание с другом, но послышался хохот дня, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о Башире,
о том, как он влюбился в Джанду,
как был избит бедуин и как достиг
своей цели с помощью сестры Джанды**

Ночь двадцать четвертая

Когда золотой гребень-солнце вложили в футляр запада и достали из ларца востока серебряное зеркало-месяц, Худжасте, лицо которой блистало подобно зеркалу, пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О дорогой и разумный друг, рассказывают, что Бахрам Гур * был одним из полководцев царя Парвиза ** и что Парвиз всегда относился к нему с почтением и уважением. Однажды начальник канцелярии донес Парвизу, что какой-то из слуг Бахрама проявил непокорность и что тот приказал наказать слугу плетью. Весть об этом чрезвычайно огорчила Парвиза, и на другой день, когда Бахрам предстал перед ним, Парвиз приказал, чтобы принесли два меча и вручили их Бахраму. Затем Парвиз сказал ему: „Вложи их в одни ножны“. — „Нельзя вложить двух мечей в одни ножны“, — ответил Бахрам. „Точно так же не может быть двух правителей в одной стране“, — молвил Парвиз.

Если в одной стране не может быть двух правителей, — продолжала Худжасте, — как же могут быть два повелителя над одним слабым телом?!» — «Что же это за повелители?» — спросил попугай. «Один из них — разум, а другой — любовь».

«О хозяйка, — молвил попугай, — приказы разума имеют силу лишь до тех пор, пока не появится совершенство султана любви. Когда придет султан любви, управитель разума уже не имеет достаточно власти, чтобы приказы его смогли оказать действие, когда судьей станет муфтий страсти, у кади рассудка уже нет более авторитета, и решения его бессильны. Разум — добрый vizir, а любовь — могучий царь».

Нахшаби, с любовью разум может ли тягаться?
Ведь любовь — Симург, а разум — лишь мураш ничтожный...
Нет, с любовью разум спорить не посмеет, друг мой,
Рядом с ней теряет силы разум осторожный.

«О Худжасте, в то время как разум говорит, что ты никогда не увидишь его лица, надежда возглашает, что

в конце концов ты ухватишься за локоп свидания с ним. Отвернись же от разума и устремь свой взор на надежду — красноречивые люди утверждают, что можно утратить надежду на что угодно, но надежды на надежду утратить нельзя. Ученые, любящие аллегории, рассказывают, что у времени была дочь и что к ней посватались три жениха: Разум, Счастье и Надежда. Время начало советоваться с дочерью, кого из этих трех женихов она хочет. Дочь отвечала: „Хотя разум — жемчужина и редкостный драгоценный камень, известный и своим и чужим, знакомый и трезвым и безумным, но только говорят, что разум сковывает человека. „Разум для человека — путы“, — говорит поговорка. А знание считали причиной горя для всех существ в мире. „Разум и горе никогда не расстаются“.

Сладость мира дапа перазумным,
Только горечь вкушает мудрец“.

„Что ты скажешь о счастье?“ — спросил отец. „Правда, — отвечала дочь, — счастье относится к числу тех вещей, с помощью которых можно достигнуть цели, благодаря которым можно добиться успеха, но все же есть в нем и большой порок. А именно: оно спускается туда, куда нужно и куда не нужно, водится с людьми порядочными и непорядочными, никогда не селится возле хороших людей, никогда не дружит с людьми честными. Клеймо неверности виднеется у него на лбу, на рукавах судьбы его заметна вышивка коварства. Мирское счастье более всего похоже на тень от облака.

К разуму питай склонность, но не дружи с ним, а о счастье только мечтай“.

„О дочь, что же ты скажешь о надежде?“ — „На надежду я согласна, — ответила дочь, — потому что надежда относится к числу тех вещей, которые всегда сопровождают людей и всю жизнь прислуживают им“».

Нахшаби, величайшее благо — надежда,
Часто скорби следы прогоняет она.
Пусть стремящийся цели достигнуть не сможет,
Все ж надежда его и сладка и нежна.

«О Худжасте, успокойся, не передавай свое сердце в руки безнадежности и не отчаивайся в достижении своей цели — таков обычай судьбы; если утром она заставит кого-нибудь вкушать яд горя, к вечеру она под-

несет ему же противоядие покоя. Так было и с тем бедуином: в начале почи он испытал безграничное горе, а к концу ее достиг беспредельного блаженства». — «А что с ним случилось?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в племени Бану Тамим * был некий юноша, чрезвычайно прекрасный и крайне изящный, по имени Башир. В том же племени была и некая женщина, чрезвычайно красивая и совершенная, которую звали Джанда. Башир и Джанда любили друг друга такой любовью, что Саад и Суада поучались у них и Вамик и Азра могли позаимствовать у них. Но как только распространился слух об их страсти и пошла молва об их любви, муж Джанды тотчас же увез ее в другое племя, и бедный Башир был лишен возможности видаться со своей милой».

Знай, Нахшаби, что судьба — это меч,
Вместе друзей не оставит она.
Что за вражду она в сердце таит?
Вечно друзей потревожит она!

Поистине, судьба — это разлучник влюбленных, помеха для друзей.

«Однажды Башир открыл эту тайну какому-то бедуину, чрезвычайно его любившему и бывшему его близким другом, сообщил ему этот секрет и сказал: „Я хочу поехать к племени Джанды и желаю, чтобы и ты сопровождал меня и ехал вместе со мной. Быть может, благодаря благословению твоей близости я увижу облик своих стремлений, увижу лик успеха“. — „Прекрасно, — ответил бедуин, — верные друзья и поверенные тайн только для того и существуют, чтобы в тяжкие дни отражать щитом стрелы бедствия, в тяжелые времена защищать друзей от стрел горести“».

Всем друзьям ты старайся помочь, Нахшаби,
Ты же душу готов был за друга отдать!
Добрый друг должен быть, словно Иаков, смятен,
Должен слезы он лить и за друга страдать.

«Затем Башир с бедуином отправились в то племя, остановились под деревом, и Башир послал бедуина к Джанде. Бедуин отправился к племени и ловко сумел доставить Джанде привет от Башира. Джанда сказала: „Оставайтесь все время под тем деревом; когда мир окраской своей будет напоминать положение влюбленных, я тоже приду туда“.

Когда настала ночь, Джанда пришла и бросилась к ногам своего возлюбленного. Желаящий и желанная встретились, любящий и любимая соединились. Через некоторое время Джанда хотела возвратиться домой. Башир сказал: „Нельзя ли было бы, чтобы ты всю эту ночь провела бы со мной и вечер мой сделала утром своей близостью?“ — „Нет, это невозможно, — ответила она, — разве только, если этот бедуин сделает одно дело...“ — „Что именно?“ — спросил тот. „Надень мои одежды, пойди ко мне в дом и сядь там, где я обычно сижу. К тебе придет мой муж, принесет чашку молока и начнет тебя уговаривать: „Довольно, оставь эту печаль, выпей это молоко и не заставляй себя голодать и страдать от жажды. Сердце мое терзает твоя печаль, душа моя томится твоей тоской“. Ты же не протягивай руки, не пробуй это молоко и не открывай свое лицо. Он же, по своему обыкновению, поступит так, как он поступает каждый вечер: некоторое время еще будет предлагать тебе молоко, а затем уйдет“.

Бедуин так и поступил. Некоторое время спустя пришел муж Джанды, принес кувшин молока и начал говорить подобные речи. Бедуин не обращал на него никакого внимания и не прикасался к молоку. Мужу Джанды надоела ее несговорчивость, овладел им гнев, схватил он плеть и начал хлестать бедуина и приговаривать: „Сколько времени прошло с тех пор, как я привез тебя к этому племени, а ты из-за чужого человека совершенно покинула меня и не хочешь иметь со мной никакого дела. Долго ли я буду еще терпеть твою непокорность?“

Хлестал он бедуина до тех пор, пока тот не лишился чувств и спина и бока его не стали синими и зелеными.

Когда муж Джанды ушел, ни в чем не повинный бедуин принялся то оплакивать свою беду, то смеяться над этим происшествием. В это время пришла мать Джанды и сказала: „О дочка, сколько раз я давала тебе добрый совет! Что это за позор и поношение?! Почему не стараешься заслужить его благоволение? Если ты печалишься о Башире, то ведь теперь невозможно ожидать, что ты сможешь свидеться с ним хоть на единое мгновение, сможешь хоть раз посидеть с ним рядом...“

Затем мать Джанды ушла и прислала к бедуину сестру Джанды: „Пойди уговори свою сестру. Ее никогда не ударяли и лепестками розы, как же сможет она перепести удары такой плети!“»

Где Нахшаби это горе снести!
Пламя несчастий терзает его.
Тот, кто от розы страдает, ужель
Сможет уколы шипа перенести?!

«Сестра Джанды пришла к бедуину. А тот сидел, закрыв голову и лицо, и стонал от перенесенных побоев. Сестра Джанды была во сто раз красивее ее самой — стан у нее был стройный, лицо приятное и движения плавные.

Увидев ее, бедуин забыл про свое горе и ста сердца-ми влюбился в нее. Он высунул голову из-под чадры и обратился к сестре Джанды с такими словами: „О женщина, сестра твоя сегодня ночью возле Башира. Из-за нее у меня так разбиты спина и бока. Твое дело сокрыть эту тайну, мое дело молчать о ней. Сегодня ночью ты должна отнестись ко мне благосклонно, а если ты подымешь крик и не слушаешь моих слов, ты навле-чешь на себя позор и бесчестие“.

Сестра Джанды рассмеялась и спросила: „Кто ты та-кой и зачем ты здесь?“

Бедуин рассказал ей всю свою историю и показал одежды Джанды. Девушка изумилась этому и всю ночь провела с бедуином. Когда начало светать, бедуин воз-вратился к своему другу. Джанда спросила: „Как про-шла ночь?“ Тот показал ей спину и бока и рассказал всю историю про кнут. Джанда устыдилась, ибо не зна-ла она, что всю ночь ее сестра залечивала своей близо-стью эти раны. Затем Башир и Джанда распрощались, и они покинули это место».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «Этим рассказом я преследовал цель до-казать, что судьба, если в начале ночи причинит кому-нибудь боль, в конце ночи вновь залечит ее. Если твоя грудь изранена кипжалом разлуки, то вскоре ты най-дешь лекарство от этих ран. Вставай, иди к другу и за-лечи свои раны».

Худжасте хотела последовать его совету, но день — эта завеса, разделяющая любящих, разорвал покров

утра, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о Камджуй и о том, как смеялись рыбы,
о проникательности мальчика, у которого не было отца,
и о человеческом черепе**

Ночь двадцать пятая

Когда выпивающий реки крокодил-солнце ушел в западный источник, а сыплющая жемчуг рыба-месяц выплыла из водоворота востока, Худжасте, волновавшаяся и страдавшая как рыба без воды, пришла просить у попугая разрешения и сказала: «О сокровище мудрости и кладовая скромности! Ученые говорят, что четыре разряда людей нельзя вознаградить по заслугам: во-первых, тех, кто оказывает тебе добро, не преследуя при этом личных выгод; во-вторых, того, кто справедливо относится к твоим речам; в-третьих, того, кто приходит к тебе без каких-либо задних мыслей, и, в-четвертых, того, кто доверяет тебе в своих делах. Нынче я тоже дала тебе в руки поводья моего блага, вручила тебе вожжи моего благополучия. Хотя за любезность, которую ты мне окажешь, тебя и нельзя вознаградить, ибо утро светит ярче лампы, но все же ты должен приложить все старания и постараться разрешить мое дело».

Нахшаби, всем старайся всегда помогать,
Аромата от щепки сухой не видать!
Должен муж лишь мужские дела выполнять,
И не всякий сумеет нам помощь подать...

«О Худжасте,— молвил попугай,— Платон*, глава всех мудрецов Индии, однажды увидел отшельника, ко-

торый говорил: „О боже мой! Огради меня от моих друзей!“ — „О отшельник, — сказал Платон, — надо остерегаться врагов, а не друзей.“ — „О Платон, — ответил отшельник, — от врагов убережешься можно, а от друзей не убережешься. Подвиг отшельничества — это разрыв всех привязанностей и бегство от всех тварей“.

О Худжасте, этот рассказ про отшельника и тварей — это как раз повесть про меня и про тебя, и тебе тоже следует не открывать своей тайны друзьям, а не только врагам; не рассказывать про свои дела безмолвным животным, не говоря уже о тех, которые обладают даром слова. Не высказывай ложных притязаний на то, чем ты не обладаешь, не гордись ложными заслугами и не уподобляйся жене Камджуй, которая тоже высказывала ложные притязания и напускала на себя притворную добродетель. Разумеется, из-за такого позорного порока тайну ее раскрыл голос рыбы, и сокрытый разврат был выявлен наружу голосом неговорящего животного». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в окрестностях Тавриза* жил некий купец, обладавший великим богатством и несметной казной. Были у него жена и маленькая дочь. Однажды купец этот гулял в поле и увидел валявшийся череп, на лбу которого было написано: „Этот череп при жизни своей был причиной смерти восьмидесяти человек и после смерти тоже будет причиной гибели восьмидесяти человек“. Купец молвил: „Возможно, что этот череп при жизни принадлежал храброму человеку; возможно, что он убил восемьдесят человек; быть может, был он палачом и по высочайшим повелениям казнил восемьдесят человек. Но что после смерти он будет причиной смерти восьмидесяти человек, это поистине изумительно. Уберу-ка я отсюда эту причину бедствий и хитростью уничтожу то, что на нем написано“.

Он отнес этот череп домой и приказал, чтобы его вымыли, вычистили песком, положили в ларчик, а ларчик спрятали в сундук, и сундук этот впредь уже не открывали, дабы то, что было написано у него на лбу, не произошло: ведь смерть восьмидесяти человек была заключена в ларчике.

Купец не ведал, что стрел судьбы не удержишь никакой хитростью, что от стрел предопределения не за-

щититься никакими замыслами. „Когда приходит судьба — слепнет зрение“, — гласит поговорка».

Смерть, Нахшаби, нам нельзя отразить,
Всех побеждает всегда этот враг.
Если б вселепная вся собралась,
Все же не сладить со смертью никак.

«Когда прошло много времени и пролетело много дней, купец поехал куда-то по торговым делам. Дочка его уловила удобный случай и раскрыла тот ларец. Увидела она в нем порошок, чрезвычайно красивый и вкусный, отведала его и в то же мгновение, подобно Марии, зачала без мужа, понесла во чреве, не имея супруга.

С каждым днем плод становился больше, ноша становилась все тяжелее. Через девять месяцев у нее родился мальчик, которого она назвала Ибн ал-Гайб * и начала воспитывать. Спустя некоторое время вернулся купец и увидел воспитанного мальчика и вежливого ребенка и спросил, кто это такой. Жена рассказала ему в точности историю ларца и сообщила, как дочь поела этого снадобья и как у нее родился сын. Купец увидел, что одежда эта сшита им, что им раздуто это пламя и про себя он молвил: „Я хотел отменить решение предопределения и изменить существующую вещь. Разве это возможно? Рассказ о Соломоне и Симурге всем известен. Однажды некто пришел к великому Соломону, мир да будет с ним, и попросил дать приказ ветру, чтобы он доставил его в такое-то место. Около Соломона сидел ангел смерти Азраил, и он молвил: „Час смерти этого юноши наступил“. Соломон повелел ветру доставить юношу в такое-то место, а там находился другой юноша, друг первого, который ел арбуз. Стал он угощать гостя, резал арбуз пожом на куски и клал ему в рот. Вдруг друг чихнул, нож воцвился юноше в горле и вышел на спине, так что он тотчас же вручил свою душу богу».

Судьбы не изменишь: то, что должно случиться, — случится, что должно погибнуть, — неизбежно погибает, что должно существовать, — несмотря ни на что, будет существовать.

То случится, мой друг, что случиться должно,
Лжец презренный, кто скажет другое тебе.
Мы не можем достигнуть того, что хотим,
Все должны покоряться могучей судьбе!

«Через некоторое время в этот город приехали купцы, путешествовавшие по побережью моря, и привезли великое множество драгоценных камней. Купец приобрел у них несколько камней, но Ибн ал-Гайб, глянув на эти камни, сказал: „Вот эти два камня поддельные и не стоят даже простого стекла“.

Когда выяснилось, что мальчик говорит истину благодаря счастливому дарованию и возвещает правду по откровению Аллаха, повел он этого ребенка вместе с камнями к ювелирам. Ибн ал-Гайб давал им правильные ответы, вынудил у них признание и доказал, что два камня были подделкой. Ювелиры удивились его сметливости и проницательности и сказали купцу: „Продай нам этого ребенка“.

Купец не соглашался, но Ибн ал-Гайб сказал: „Будет лучше всего, если ты отдашь меня этим ювелирам: в их обществе я приобрету больше познаний в драгоценных камнях, а ты отделаешься от позора и бесчестия обладать внуком, у которого нет отца“.

Купец так и поступил и отдал им мальчика; те взяли его и увезли в свою страну. А в стране этой был некий мощный царь, ведавший основными устоями страны и управлявший основами государства. Было у него сорок жеп, и главой их была женщина по имени Камджуй. Царь постоянно советовался с ней по своим делам и во всех трудных случаях обращался к ней и считал, что она чище и праведнее всех людей в мире.

Однажды некий рыбак принес царю несколько живых рыб. Камджуй сейчас же отвернула лицо и набросила на голову чадру. Царь спросил: „По какой такой причине ты отворачиваешься и почему отворачиваешь лицо?“ — „Все эти рыбы живы, — ответила Камджуй, — и у них зрячие глаза. Я боюсь, как бы среди них не оказалось самца, не увидел бы он моего лица и не сделал бы грешниками и меня и себя. Ибо как мужу не следует смотреть на лицо чужой жены, так и жене не годится глядеть на постороннего мужчину“.

Рыбы, услышав такие речи, все сразу расхохотались. Смех этот заставил призадуматься Камджуй и поразил и царя. Начали расспрашивать ученых и закоповедов о причинах этого смеха, но никто не мог дать удовлетворительного ответа. Смятение Камджуй и волнение царя все возрастало, и вельможи сказали: „В этом городе есть

хитрый мальчик, смысленный юноша; зовут его Ибн ал-Гайб. Надо позвать его, ибо он прекрасно понимает язык рыб и может расспросить их самих, почему они смеялись и отчего хохотали“.

Так и поступили. Ибн ал-Гайб начал расспрашивать рыб о причинах смеха: „О рыбы, почему вы смеялись и по какой причине хохотали?“ — „Ветер — вестник моря, — ответили рыбы, — он приносит вести обо всем, что случается на суше, и сообщает об этом рыбам, а рыбы уже передают вести морю. Уже несколько раз ветер прилетал издалека и говорил: „У царя сорок жен, и каждая из них держит в своей комнате юношу, одетого в женское платье. В те дни, когда царь не посещает их, они развлекаются с этими юношами, а Камджуй — та, что распоряжается всем во дворце, предается этим забавам нуще всех своих сестер. Теперь она высказала это ложное притязание на невинность, отвернула лицо от рыб и сказала, что боится, как бы среди них не оказалось самца, который мог бы взглянуть на нее и сделать ее и себя грешниками. Вот мы и смеялись над ее ложной непорочностью и над лишенной основания праведностью“».

Нахшаби, за добродетель ты порок свой не считай,
Этим делом заниматься неуместно, милый мой,
Если будешь ты порок свой добродетелью считать,
То и звери все, и птицы посмеются над тобой!

«Когда Ибн ал-Гайб сообщил царю, что ему рассказали рыбы, царь повелел произвести расследование относительно юношей, и из сорока комнат жен вышло сорок юношей. Царь повелел тотчас же всех этих восьмидесят человек побить камнями. Так и сделали, и так череп и после смерти своей стал причиной гибели восьмидесяти человек, и хитрость купца не помогла».

Нахшаби, не пытайся ты спорить с судьбой!
Стрел ее ведь не может никто отразить.
Если примется только за дело судьба,
То не сможет уж разум людской пособить...

Дойдя до этих слов, понугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, когда ты пойдешь к своему другу, ты должна остерегаться лжи, не должна отворачиваться от истины, не должна притязать на то, чего у тебя нет, не должна гордиться ложными заслугами и не должна следовать примеру Камджуй. Она тоже похвлялась ложной праведностью, притворялась невинной,

и, конечно, из-за такого порока тайна ее должна была быть раскрыта голосом рыбы, секрет ее должен был быть разглашен бессловесным животным, и она должна была устыдиться своего мужа и покрыть себя вечным позором».

Худжасте, выслушав эти речи, послушав такие напевы, хотела пойти к другу, но ночь пришла к концу, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о царе Джамасе и Масуме
и о разговорах попугая и шарак о достоинствах
и недостатках женщин и мужчин**

Ночь двадцать шестая

Когда обитающая в четвертом покое * невеста-солнце ушла в опочивальню запада, а царь первого кишвера — месяц взошел на престол востока, Худжасте с печалью на сердце и со слезами на глазах пришла к попугаю. Увидела она, что губы его искривились в усмешку, а в выражении лица его чувствовался смех, и спросила: «По какой это причине ты смеешься и отчего хохочешь?» — «Сегодня приходил сюда мой старый друг, — ответил попугай, — и повел рассказ о беседах попугая и шарак. Я вспомнил этот рассказ, и мне стало смешно». — «Что же это за рассказ?» — спросила Худжасте.

«Этот старый друг, постоянный в своей дружбе, говорил так: „Говорят, что в пределах Китая жил-был царь по имени Джамас, обладавший просторным царством и обширным государством. Был у него говорящий попугай, чрезвычайно рассудительный и разумный.

Однажды этот царь спросил попугая: „Ты много летал у дворцов и замков царей, много кружил вокруг палат государей. Не видал ли ты в доме какого-нибудь царя дочь, не слыхал ли о какой-нибудь дочери царя царей, которая была бы достойна вступить со мною в брак, заслуживала бы того, чтобы я на ней женился?“

Попугай ответил: „В сирийской стране есть мощный царь и славный государь.

Людей, ему подобных, Аллах не сотворял.

Есть у него дочь, достойная этого двора и подходящая для этого дворца, а у нее есть говорящая шарак, которая отличается совершенными познаниями в науке об общении с людьми и славится полнотой знаний всего того, что укрепляет содружество. Много лет тому назад жили мы с ней в одном саду, проводили время в одном цветнике. Внезапно несчастливые дни и суровые судьбы ее бросили в ту сторону, а меня бросили в этот кишвер. Если эта царевна удостоится чести поцеловать подножие высочайшего трона, будет почтена саном при этом дворе и эта шарак тоже приедет с ней, глаза этого презренного раба тоже заблестят от свидания со старинным другом и дом существования его из-за радости встречи со старой подругой превратится в цветник“.

Царя охватило желание жепиться на этой девушке и сочетаться с ней браком. Он тотчас же повелел призвать отличавшихся разумом и доблестями хаджибов* и отправил их с дарами и приношениями к царю Сирии. Когда послы Джамаса прибыли к царю Сирии, тот решил, что забрезжило утро счастья, ниспослано величайшее из благ небесной щедрости. Это счастье он счел выше всякого другого, эту удачу находил лучше всякой другой удачи. Затем он повелел, чтобы Масуме вместе с царственными уборами и нарядами и высочайшими богатствами и сокровищами снарядили в путь-дорогу и отправили с послами Джамаса. В их присутствии это солнце соединили с тем месяцем, скрепили брачный договор этой невесты с тем царем и с редкостными и драгоценными дарами повезли ее к нему. Когда пронзительный взор Джамаса упал на Масуме, он по указаниям и предсказаниям попугая начал расхваливать ее и полюбил еще больше, чем прежде.

Прошло несколько дней, и попугай обратился к Джа-

масу с такой речью: „О основа царственной мудрости, пример высочайшей рассудительности! Грудь твоя постоянно покойна, добился ты своей цели, осуществил свои стремления. Теперь надо, чтобы ты успокоил и мой разум и доставил меня к моей возлюбленной и желанной. Посади ко мне в клетку ту шарак, которая приехала вместе с царицей, дабы благодаря счастью твоему влюбленный соединился с давнишней возлюбленной, желающий добился встречи с давно желанной.

Мне выгода будет, и ты не потерпишь урона.

Джамас повелел, чтобы так и сделали, и шарак стала сожигательницей попугая. Поистине, когда судьба хочет разлучить кого-нибудь, она делает это так, что в этом не бывает заметна ничья рука; если же она захочет соединить кого-нибудь, соединяет так, что об этом даже никто и не знает».

Нахшаби, не всегда к нам жестока судьба,
Слишком часто ее мы готовы винить.
Правда, часто стремится нас рок разлучить,
Но зато иногда может соединить.

«Однажды вечером Джамас и Масуме услышали, как попугай и шарак начали беседовать и разговаривать — попугай прославлял мужчин и порицал женщин, а шарак говорила о достоинствах женщин и недостатках мужчин.

Шарак говорила: „Мое утверждение доказывает история Мумтаза и Маймуне, рассказ о том, что сделал злодей Мумтаз с несчастной Маймуне“. — „А что он с ней сделал?“ — спросил попугай.

„В одном городе, — ответила шарак, — жил купец, обладавший большим богатством. Был у него сын по имени Мумтаз, жестокий и преступный, стремившийся к притеснению и изобретавший дьявольские замыслы. Отец просватал за него дочь купца из другого города. Когда Мумтаз вез ее в свой город, по дороге его охватило желание воспользоваться богатством и золотом Маймуне, ее украшениями, деньгами, имуществом и пожитками. Бросил он ее в колодец, а все имущество ее упес. Так как Маймуне была невинна, то злая судьба и отвернувшийся рок пособили и помогли ей, высвободили ее и спасли из колодца. Несчастливая Маймуне, испив чашу горестей, отведав из бокала забот, пришла домой

к отцу и сказала: „Мой муж еще не успел доехать до своего города и места жительства, как по дороге на нас напали разбойники, меня бросили в колодец, а мужа со всеми пожитками и всей поклажей увели. Не знаю я, что случилось с бедняком!“»

Великий Аллах! Муж проявляет такую низость, а жена такую верность! Женщина, которая своей верностью похожа на мужчину, лучше мужчины, который верностью похож на женщину.

Пусть неверным не будет никто, Нахшаби,
Благородства росток посадить кто готов?
Даже в женщинах верность возможно найти,
Даже судьбы нас могут спасти из оков.

«„Преступный Мумтаз в несколько дней растратил все то, что похитил, и голым, опозоренным, голодным и бессильным пришел в город, где жил его тесть, и сел возле гробницы мученика на краю города. Случайно и Маймуне в это же время пришла поклониться праху мученика в этой гробнице и тотчас же узнала его. Мумтаз, который полагал, что она погибла, увидав ее живой, начал каяться и раскаиваться, извиняться и просить прощения. Маймуне была женщиной простодушной, она приняла его извинения, дала ему прощение, свела в дом отца и снова повторила свой прежний рассказ. Отец вторично снарядил ее и снова отправил с Мумтазом в путь-дорогу.

Когда Мумтаз и Маймуне добрались до того колодца, в который первый раз была брошена Маймуне, в Мумтазе забилась жилка злобы, его природная гнусность овладела его рассудком, и он молвил про себя: „Надо мне совершенно отделаться от этой женщины. Ее надо сначала убить, а затем уже бросить в колодец, потому что обезглавленная птица уже никогда не запоет“.

Так он и сделал. Безжалостным мечом отрубил он ей голову, а затем бросил ее в колодец. Из-за мирских побрякушек пошел он на такое преступление, наложил клеймо проклятия на чело своей судьбы, опозорил себя в этом мире и в мире будущем, не выполнил своего обета и вторично нарушил клятву и изменил своему обещанию“».

Поистине, гнусный человек чрезвычайно похож на собачий хвост — он никогда не бывает прямым; мерз-

кий человек имеет большое сходство с вороном — никогда не меняет своей окраски.

Нахшаби, негодяями мир этот полон,
Добрых даже и сотни ты в нем не найдешь!
Добрый муж — величайшая редкость на свете,
Ведь и сам ты за доброго вряд ли сойдешь.

«Когда шарак изложила этот рассказ в подтверждение порочности мужчин и низости неблагородных людей, попугай сказал: „О шарак, среди тысячи мужчин можно найти лишь одного вроде того, какого ты описала, а среди тысячи женщин девятьсот девяносто девять будут подобны той, которую опишу я“. — „А про какую женщину ты хочешь рассказать?“ — спросила шарак.

„Говорят, — ответил попугай, — что на острове Серендибе * жил-был купец по имени Бихзад. Была у него жена, которую называли Хемназ. Как-то раз Бихзаду случилось отправиться в путешествие. Хемназ была влюблена в одного юношу. Каждую ночь она ходила к нему в дом и орошала свою испорченную душу водой разврата. Через некоторое время Бихзад вернулся. Возвращение его показалось Хемназ чрезвычайно тягостным. Когда настала ночь, дала она мужу лишшающее чувств зелье, отнимающую сознание отраву, а сама пошла к юноше. Случайно некий вор забрался в их дом с целью грабежа и сидел в засаде. Увидав все это, он пошел следом за Хемназ, чтобы посмотреть, куда она направляется.

Когда Хемназ уединилась со своим другом, правитель этого города схватил их обоих, женщину отпустил, а юношу увел и вздернул на виселицу, ибо в этом городе был такой обычай: когда женщину заставляли с чужим мужчиной, мужчину вешали, а ее отпускали.

Юноша на виселице испытывал предсмертные муки и расставался с душой, как вдруг пришла Хемназ и сказала: „О юный Халладж ** наших дней, о мученик нашей эпохи! Последний раз сольем наши губы и обнимемся на прощанье!“

Когда Хемназ прижалась лицом к лицу юноши, тот скорчился и от страшной муки откусил ей нос. Нос ее так и остался у него в зубах, а его душа вылетела через его нос. Так без носа и пришла домой Хемназ.

По женскому коварству, из женского зломыслия и низости она, чтобы отвратить от себя позор, выпачкала

одежды Бихзада кровью, вложила ему в руку острый нож и подняла крик: „Бихзад отрезал мне нос!“

Когда нос негра-почи отрезали румийским мечом-солицем, родные и близкие Хемназ потащили Бихзада к судье и стали требовать возмездия за ее нос. Судья вынес приговор — нос за нос. Но вор все это дело видел от начала и до конца. Он не хотел, чтобы дело было решено по догадкам и подозрениям и чтобы невинный был опозорен. Поэтому он пошел к судье и изложил дело. Судья сказал: „Твои слова не могут быть доказательством.“ — „Если нос этой женщины найдут на ее ложе, — возразил вор, — то она права, если же его найдут во рту у покойника на виселице, то я говорю правду“.

Учинили тщательное расследование, и нос нашли во рту у того покойника. Судья был этим поражен, а родные и близкие жены смутились и устыдились“».

Когда попугай закончил со слов попугая и шарак Джамаса и Масуме рассказ о достоинствах мужчин и недостатках женщин, Худжасте устыдилась и хотела сделать с ним то же, что сделала с шарак. Попугай заиграл на тамбуре вежливости и заговорил совсем другим тоном: «О хозяйка, не все люди одного покроя, не все они на один лад. С тобой такой истории не приключится. Будем надеяться, что мы долго будем служить нашей госпоже, единственной в мире по чистоте и верности своей, и ее мужу. Но от таких речей отворачиваться не годится, по пути благородства и доблести надо следовать неотступно, а сейчас пойдя к тому, кто ожидает тебя, и нельзя заставляя его ждать еще дольше».

Худжасте волей-неволей хотела последовать его совету, но позорящий влюбленных день заставил блеснуть светлую полоску зари, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Пахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ об эмире лягушек Шапуре,
о его победе над врагами, мести змеи,
раскаянии Шапура и его разлуке с родными**

Ночь двадцать седьмая

Когда желтая лягушка-солнце скрылась в пруде запада, а небесная рыба-месяц выплыла из сетей востока, Худжасте украсилась различными украшениями и разнообразными драгоценностями, пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О единственный возлюбленный! О редкостный друг! Некий старец, который был подобен Иакову Ханаанскому * на путях духовного подвига, говорил: „Тот, чье питание зависит исключительно от пищи, всегда голоден; тот, чья сила зависит исключительно от богатства, всегда пиций; тот, кто получает поддержку исключительно от людей, всегда пуждается“. Я уже долгое время разлучена с возлюбленным и желанным моим; быть может, я страдаю только от того, что все мои надежды покоились только на тебе и вся моя поддержка зависела только от тебя».

Нахшаби, на людей не клади своей ноши,
Я давно уж страдаю от раны твоей!
Если ты от людей ожидаешь поддержки,
Знай, надежда плоха на поддержку людей.

«О Худжасте,— ответил попугай,— ученые говорят: „Если ты оказываешь услугу, то услуживай только благородным людям; если ты приказываешь кому-нибудь служить, приказывай только людям разумным“. Следовательно, если ты ждешь от меня услуги, ты должна знать, что моя служба и на тебя возлагает обязанности. Я — птица хитрая, пернатое смышленное, все мои стремления направлены только на твое благо, все мои речи преследуют только твою выгоду. Если в осуществлении твоего дела и произошло замедление, в завершении твоих планов и произошла задержка, несмотря на это, ты увидишь, как я благодаря устоям разума моего и моей предусмотрительности доставлю тебя к твоей цели и свяжу рукав твоих желаний с подолом осуществления».

Нахшаби, во всяком деле разум пригодится,
Ты людьми всех неразумных лучше не считай.
Все дела людей разумных правильно ведутся,
В их делах нет недостатков — это, друг мой, знай!

«О Худжасте, ты смотришь только на самое начало дела, а я устремляю взор и на самый конец его, а со всяким, кто смотрит только на то, чтобы начало дела было приятным, а о неприятном конце его не помышляет, случится то же, что было с Шапуром». — «А что с ним было?» — спросила Худжасте.

«В редкостных рассказах и изумительных повествованиях передается, — ответил попугай, — что в арабской земле был колодец, красивый, словно ямка на подбородке юношей, изобиловавший водой, сладостной, как вода Земзема *. Рассказывают, что в этом колодце было много лягушек и что был у них царь по имени Шапур. Был он лягушкой разумной и сообразительной, но отличался склонностью к притеснениям. Время его правления затянулось, черед царствования его стал чрезвычайно продолжительным, и все его подданные истомились от его насилия. Одни говорили: „Слишком долго правит он нами“; другие поддакивали: „В каждой перемене есть услада“. Вельможи и простой народ последовали за другой лягушкой, а Шапура изгнали из этого царства».

Поистине, последствия насилия позорны, притеснение ведет к плачевному концу. Поговорка гласит: „Нет вещи более приятной для всех, чем прямота властителя и справедливость его, и нет вещи более вредной для всех, чем несправедливость правителя и жестокость его“.

Насилье — позорная вещь, Нахшаби,
Сердца от него в лютой скорби горят.
И если ты чей-нибудь дом разоришь,
Тебе под конец тоже дом разорят!

«И налетели на Шапура бедствия, обрушились несчастья, и утратил он царство и богатство, расстался с женой и детьми и сразу стал беспомощным и несчастным. Несмотря на это, он все время жаждал мести и говорил про себя: „Не будет ничего плохого, если я брошусь под защиту мощного врага и с его помощью благополучно доведу до конца свое дело. Ученые говорят: „Змею надо убивать рукой врага, ибо таким образом можно достичь сразу две цели, можно завершить два дела: одно — это то, что будет осуществлено желание, то есть погибнет змея и цель будет достигнута; если же змея не погибнет — умрет враг, и это тоже для тебя выгодно...“»

Нахшаби, к своей цели всегда ты стремись,
Всякий в мире всегда хочет цели достичь.
О бесцельных делах не слыхал я вовек,
Цель всех дел — лишь желание цели достичь.

«Шапур увидел страшную змею, нашел могучего дракона, с языка которого все время капал яд и из пасти которого вырывались огненные языки, и сказал: „Лучше всего будет привязать свою ношу к этому канату и попросить помощи и поддержки у змеи“.

Шапур подошел к отверстию норы змеи и подал слабый-слабый голос. Змея молвила: „Это голос не нашего рода. Что же нужно существу другой породы у наших дверей?“

Она высунула голову из норы и увидела, что около нее стоит лягушка. Засмеялась змея и сказала: «О лягушка, как это ты позволяешь себе такую дерзость, как осмелилась на такой наглый поступок? Лягушка — пища змеи, зачем же она идет к змеиной норе? Какой человек по доброй воле собственными ногами пойдет в могилу?“»

Нахшаби, ты в беду не старайся попасть,
Кто разумен, всегда бережется беды.
Лишь того мудрецом можем мы называть,
Кто, пока силы есть, стережется беды.

«Лягушка ответила: „Почтенный змей говорит чистую правду. Слова эти столь хороши, что их можно было бы написать серебряными буквами на золотой доске, пером Меркурия * начертать на страницах солнца. Но что делать! Попал я в беду! Нужда привела меня к твоей двери, великое дело заставило вступить в эти заповедные места“. — „Что же у тебя за дело?“ — спросила змея. „Я эмир лягушек, — ответил Шапур, — напали на меня мои враги и вместо меня принесли присягу другому. Он завладел всем моим царством, а меня с позором изгнал. Если почтенный змей соблаговолит помочь мне и накажет моих врагов, я буду спасен от несчастий и бедствий, от горестных событий и печальных происшествий, буду избавлен от различных способов мести и разных видов мучений, от гнетущей скорби и давящей тоски“».

Нахшаби, притесненным ты всем помогай!
Коль умен ты, внимай всем советам моим.
Никогда не погибнет в беде человек,
Если в бедах согласен помочь он другим.

«Змея сказала: „О Шапур, я предполагаю и подозреваю, что ты всегда был заносчивым безумцем и всегда держал свой народ в горе и беде. Ты сделал своим обычаем притеснение, сделал своей повадкой насилие и не знал, что притеснение разрушает царство и насилие губит государство“».

Нахшаби, притеснение — всех стран злейший враг,
Эту истину знаешь прекрасно ты сам.
Сотню стран притеснение успело стубить,
Беззаконье царя — это враг всем царям.

«„Но сегодня ты сам обижен, а помогать обиженным — желательное дело, защищать угнетенных — поступок, к которому следует стремиться“».

Затем змея выползла из норы, приблизилась к лягушке, дала обет принять ее под свое покровительство, произнесла клятву дружбы и сказала: „Идем со мной, покажи мне тот колодец и посмотри, какое пламя я разведу в его воде, какое избиение там произведу“.

Затем обе — змея и лягушка — отправились к тому колодцу. Змея распустила свой канат и тотчас же спустилась на дно колодца. Лягушки подняли крик, начали взывать о помощи: „Что это за несчастье случилось?! Что за беда постигла нас?!“

За несколько дней змея пожрала всех этих лягушек и всех упрятала в свою утробу, так что в колодце остался только Шапур со своими приверженцами. Однажды она обратилась к Шапуру с такой речью: „О дорогой и разумный друг! Колодец очищен от лягушек, и для меня не осталось ни пищи, ни пропитания. Однако пламя голода вздымает языки в моем желудке, огонь аппетита бушует в моих внутренностях. Скорее позаботься о моей кухне и не заставляй голодать своего гостя!“

Шапур понял, какова цель ее речей, какое намерение сокрыто в ее словах, и сказал змее: „Ты постаралась для меня, помогла притесненному, ты заслужила наивысшую похвалу, стала достойной величайшей награды. Теперь же ступай в свое жилище и поселись со своей семьей и своими приверженцами. Это будет лучше“. — „Нет, пет! — ответила змея. — Я же заключила с тобой договор о покровительстве, дала тебе обет верности, я теперь уже никогда не покину тебя и до конца дней своих буду жить с тобой“.

Шапур пришел в смятение и начал восклицать: „Поистине, если кто-нибудь прибегнет к защите врага и будет просить помощи и поддержки у недруга, он понесет именно такую кару, заслужит как раз такое наказание!..“»

Нахшаби, ты поддержки не жди от врага!
Осторожен в делах своих будь ты всегда.
Кто у недруга помощь желает найти,
Не увидит успеха в делах никогда!

«Затем змея протянула руку насилья к остальным лягушкам, и через несколько дней колодец был совершенно от них очищен. Шапур молвил про себя: „Теперь остался я с ней наедине в этом колодце. Раньше чем эта змея начнет точить на меня свои зубы и выльет на меня весь свой яд, надо мне придумать какой-нибудь план, изобрести какую-нибудь хитрость“.

Пошел он к змее и сказал: „О помощник угнетенных и защитник оскорбленных! Не вижу я в этом колодце ни одной лягушки, которая могла бы пойти тебе в пищу, не нахожу ни одной квакши, которая могла бы пригодиться для твоей кухни. Поблизости от этого колодца есть большой пруд и великий водоем. В нем великое множество лягушек и несметное количество рыбы. Если ты согласна, пойдем, хитростями и уговорами заставим их перебраться сюда и приготовим для тебя запас пищи и продовольствия...“ — „Прекрасно“, — ответила змея.

Шапур с горестным сердцем и глазами, полными слез, вылез из колодца и бросился в большой водоем. После этого, горюя о родне и тоскуя о близких, он ни единого разу не вздохнул покойно, ни единого разу не мог перевести дух и всю свою жизнь до конца прожил в мучениях и страданиях. Змея же подождала несколько дней, увидела, что на его возвращение нет ни малейшего намека, и тоже покинула колодец и поползла своей дорогой».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, я рассказал эту притчу с такой целью, привел этот рассказ с таким намерением, чтобы ты знала, что всякий, кто не смотрит на окончание своего дела и не устремляет взора на завершение своих начинаний, увидит и переживет то же, что и Шапур. Тебе тоже следует обдумать свое дело, устре-

мить взор на окончание этих посещений — не оказалось бы оно позорным и завершение их не стало бы постыдным. Теперь вставай, ступай к своему другу и навести того, кто поджидает тебя!»

Худжасте только что приготовилась отправиться, как петух возвестил: «Ступайте на молитву!», поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всею влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о ткаче Зарире,
о том, как он отправился зарабатывать деньги,
возвратился и выслушал повесть о шакале**

Ночь двадцать восьмая

Когда ткачи небесного свода убрали в сундук запада золотую ткань-солнце и подмастерья небосклона принесли из мастерской востока белый шелк-месяц, Худжасте облеклась в одежды красоты и совершенства, выпила чашу кокетства и изящества, веселая и смеющаяся, беззаботная и радостная, пришла за разрешением к попугаю и от чрезмерного кокетства и изящества, самоослепления и самовлюбленности повела такую речь: «О двуличный друг и коварный приятель! Я увидела, что такое твоя помощь, и поняла, что такое твоя дружба! Поистине, как-то спросили одного мудреца, кто лучший из людей. „Тот, кого еще не испытали“, — ответил он. Раньше, чем начать с тобой дело, я считала тебя лучшим из друзей, предполагала, что ты прекраснейший из приятелей. Теперь пришлось мне иметь с тобой маленькое дело, произошел пустяковый случай, и я

вижу, что история получается, совершенно обратная моим представлениям о тебе».

Опыт с зеркалом схож, это знай, Нахшаби!

И не всякий достоин хвалы человек.

Изучить постарайся ты прежде людей,

Ведь иначе ты их не постигнешь вовек.

«О хозяйка! — воскликнул попугай. — Ты поражаешь меня мечом гнева, убиваешь меня страшными попреками! В отношении такого преданного друга нельзя нанизывать подобные жемчужины, нельзя называть меня двуличным и коварным! Я по мере сил моих стараюсь помочь тебе в твоём деле, по мере способностей склонил голову перед твоим приказом, но если судьба не благоприятствует тебе, какая же вина на мне? Если рок не помогает тебе, чем виновен другой?..»

Нахшаби, величайшая сила — судьба!

И никто без нее не поможет тебе.

Не вини ты других в неуспехе своем,

Неуспехом своим ты обязан судьбе...

«О хозяйка, велик ли толк от людских усилий и стараний?! Надо, чтобы помогала и пособляла судьба... Если бы благодаря людским стараниям и постоянному усердию дела удавались и успешно завершались, то ткач Зарир не разочаровался бы в своем усердии и не отчаялся бы в своих стараниях». — «А кто такой был ткач Зарир?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в Ираке был один ткач по имени Зарир. В ремесле своем отличался он изумительным искусством, в ткацком деле показывал настоящие чудеса. Ни одной минуты не сидел он без дела и работы, ни одного мгновения не отдыхал от своей беготни. Но при всех этих стараниях и усилиях, при всем усердии и прилежании ему не удавалось зарабатывать и того количества, на которое он мог бы существовать и добывать себе пропитание».

Нахшаби, ты усердье оставь навсегда!

От стараний людских не зависит успех.

Много ль толку от наших забот и хлопот?

Лишь от счастья зависит удача у всех!

«У Зарира был друг полотнящик. Однажды Зарир пошел к нему в гости и увидел дом, полный мирских благ, хоромы, наполненные всеми утехами этого мира. Столы и чаши были там в изобилии, кушаний и яств

было без счета, слуг и прислужников — без числа, рабов и рабынь — без конца.

Зарир молвил про себя: „Я все время ткал халаты для царей, и у меня нет ни хлеба, ни соли, а этот полотнящик делает одежды для простолюдинов. Откуда же у него такое богатство? Неужели вся эта роскошь проистекает оттого, что он живым лег в могилу и поступил согласно изречению: „Умрите раньше, чем вам придется умирать“?!

Зарир пошел домой и сказал жене: „В этом городе труд мой и работа моя не имеют сбыта, люди не понимают моей цены и моих достоинств. Я нуждаюсь и голодаю, а достаток так и не приходит. Надо мне отправиться в город, где труд и работу мою будут ценить, где на искусство мое и ремесло найдется покупатель. Ведь пока человек не выедет из своего города, его не научатся ценить — цены жемчужины не узнают, пока ее не достанут из раковины.

В родной стране везти не может мужу,
Ведь сокол смелый не сидит в гнезде без дела“.

„О Зарир! — воскликнула жена. — Что за нелепая мысль овладела твоим сердцем? Что за пустая фантазия покорила твое воображение? Если только вы будете истинно уповать на Аллаха, упование на него прокормит вас, как он кормит птиц. Сомневаться в хлебе своем — признак неразумия; полагать, что не получишь пропитания, — примета язычества. Говорится, что сомневаться в хлебе насущном то же, что сомневаться в единстве божьем. Сколько ни раздумывай, надел твой не увеличится, никакая проникательность и сметливость не сможет увеличить твоего надела“».

Если б разумом мир покорить было можно
И наукой, ты б высшего сана достиг...
Только хлеб нам Аллахом в удел был назначен,
Не уловишь его сетью хитрых интриг.

„О Зарир! Все, что ты видишь в мире, принадлежит либо тебе, либо другим. Все, что принадлежит тебе, тебе и достанется, хотя бы оно было быстро, как ветер, и убежало от тебя. Но то, что не принадлежит тебе, никогда тебе не достанется, хотя бы ты гнался за ним с быстротою ветра. Хлеб насущный сильнее стремится к рабу божьему, чем сам раб к хлебу своему. Ибрахим ибн

Адхам *, султан всех влюбленных в Аллаха и блуждающих босиком и с непокрытой головой, говорил: „Однажды я вкушал пищу. Налетела пчела, схватила кусок и унесла. Я пошел следом за ней, чтобы посмотреть, куда она его снесет. Пчела залетела в развалины дома, а там оказался слепой воробей. Когда он услышал жужжание пчелы, он начал раскрывать клюв, и пчела положила ему туда этот кусочек“. О Зарир! Кухня щедрот щедрейшего господина, велик и славен да будет он, не оставляет без пропитания слепого воробья в пустыне, ты же человек, достойный милости; как же может она оставить тебя без пропитания в населенном месте? Осел знает путь прокормления своего, а лицемер не ведает пути хлеба насущного“».

Нахшаби, не печалься о хлебе насущном,
Если можешь, заботы о нем отложи!
Кухня божьих щедрот со стола милосердья
Без подачи оставит ли нас, мне скажи.

«„О жена,— ответил Зарир,— ты говоришь истинные речи, но только „благословение в движении“. Пока не протянешь руки, тебе не положат в рот куска. Если лев не пойдет на охоту, он не поймает дичи“».

Короче говоря, Зарир распрощался с женой и детьми и пошел в город Нишанур **. Некоторое время пробыл он там, и в кисе его накопилось немного денег. Молвил он: „Теперь надо возвратиться в свой город и истратить эти деньги на милых моих“.

Направился он с этими деньгами домой. Когда золотой динар-солнце убрали в кошелек запада и мир подвергли насилию и вычернили, как серебряный пояс, Зарир остановился на стоянке. В полночь увидел он во сне, что два призрака спустились к нему из воздуха. Один спросил другого: „Кто ты?“ — „Я — судьба этого ткача,— ответил тот.— А ты кто?“ — „Я — образ труда этого труженика“. Судьба спросила: „На скрижали предопределения и в списке рока установлено и обозначено, что этот ткач не скопит ни кладов, ни богатств. Скажи, откуда же ты доставил ему столько денег?“ — „У меня такой обычай,— ответил труд,— что, если кто-нибудь заботится обо мне и хватается рукой за мою полу, я не покидаю его и обязательно что-нибудь ему доставлю. Но только, если твои милости и щедроты не

будут замешаны в деле, все мои старания будут для него бесполезны“.

Когда Зарир проснулся, оказалось, что вор унес его кису и что покров бедствий ограбил его. Несчастный смутился и призадумался, изумился и поразился своему сну и последствиям его.

Муж желает, чтоб счастье его одарило,
Но на деле выходит другое совсем.

Зарир снова вернулся в Нишапур и опять принялся за работу. Набрав денег, он снова пустился домой и остановился на той же самой первой стоянке. В полночь он опять увидел во сне, что те же два призрака беседуют между собой, как и в первый раз, разговаривают, как и раньше. Проснувшись, он увидел, что кошелек его еще тоньше, чем в первый раз, киса его еще более пуста, чем прежде.

„Грустно идти домой с пустой кисой, — молвил он, — но все же надо возвращаться, ибо против предопределения хитрость не поможет, против судьбы всякие уловки бесполезны“.

В смятении и отчаянии, с сердцем, полным горя, и пустым кошельком вернулся он домой. Увидев, что он в таком состоянии, и узнав, в чем дело, жена его сказала: „О Зарир! Твоя история точь-в-точь похожа на такое происшествие. Однажды опаршивела одна лошадь, и хозяин выгнал ее из дома. Она так отощала и ослабела, что, казалось, вот-вот сейчас свалится и околеет. Какой-то шакал сидел в засаде и подстерегал крысу. Увидев эту лошадь, он сейчас же бросил свою дичь и отправился следом за лошадыю. Шакалиха сказала ему: „О неразумный! Не следует выпускать из рук то, что тебе досталось, нельзя, надеясь на вексель, отдавать звонкую монету. Ты не дождешься этого мяса, а то, что было у тебя в лапах, ты тоже упустишь“.

„Быть довольным малым, — отвечал шакал, — это признак скудоумия, легко удовлетворяться — примета недомыслия. Если лев, охотясь за зайцем, увидит дикую козу, он бросит зайца и кинется на козу“.

Несколько дней ходил шакал следом за лошадыю, но она так и не упала и так и не досталась шакалу на обед. Поневоле должен он был в отчаянии и смятении возвратиться к своей самке».

Нахшаби, в стороне ты старанья оставь!
Лучше милость судьбы научись ты ценить.
Людам все их усилья не смогут помочь,
Если им не захочет судьба пособить.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка! Какой толк от людских стараний и усилий? Нужна помощь и поддержка счастья. Если бы благодаря стараниям и усилиям можно было бы добиться цели, Зарир не вернулся бы домой в отчаянии и шакал не вернулся бы в свое логовище в смятении. Но тебе счастье помогает, судьба покровительствует. Сейчас наступило счастливое время, настал благодатный час: вставай, иди на свидание с возлюбленным!»

Худжасте хотела последовать его совету, но черный атлас ночи испещрили белыми полосами дня. Небесный ткач выткал на небосклоне рисунок солнца, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о гончаре,
о том, как раскрылось его происхождение
и как царь все же не лишил его своего покровительства

Ночь двадцать девятая

Когда гончар небесного свода отнес золотой кувшин-солнце к водоему запада, а виночерпий небосклона принес серебряную чашу-месяц из подполья бани востока, Худжасте, сердце которой томилось от разлуки и душа которой изнывала вдалеке от друга, пришла просить

разрешения у попугая и сказала: «О ты, отказывающий в милости и отнимающий благодеяния! Однажды к халифу Мамуну пришел некий человек и сказал: „Я бедуйн“. — „Что тебе надо?“ — спросил Мамун. „Я хочу отправиться в хадж*“. — „Дорога пред тобой открыта“. — „Нет у меня припасов на путешествие“. — „Значит, хадж для тебя необязателен“. — „Я пришел к его величеству халифу, — воскликнул бедуйн, — попросить о милости, а не выслушивать решение богословского вопроса“.

О попугай, я каждую ночь прихожу к тебе, а ты только расточаешь слова и излагаешь увещевания и наставления. Я прихожу к тебе за разрешением пойти к другу, а не для того, чтобы слушать увещевания и рассказы. Я влюблена, а ты сыплешь наставлениями».

«О хозяйка, — ответил попугай, — не следует бранить такие речи и не годится гневаться на то, что внимаешь истинным словам. Мне уже неоднократно становилось очевидным и ясным, что хотя ты и разлучена с другом, но все же спокойна, хотя и говоришь о страстном томлении, но не волнуешься и не страдаешь. Однако ты, несмотря на это, остаешься при прежнем решении, придерживаешься того же намерения. Поистине, ты происходишь из такого славного верностью рода, что этого от тебя и следует ожидать, ведешь свой род от такой знатной семьи, что на это и следовало рассчитывать. Если даже окажется, что возлюбленный твой не принадлежит к числу знатных людей и выяснится, что нет в нем благородной сущности и славных качеств, ты все же не порвешь нити любви и будешь укреплять и поддерживать основание любви и привязанности, как тот царь не порвал сношений с гончаром, оказавшимся человеком низкого происхождения и подлой породы, и долгие годы продолжал укреплять основу милостей и щедрот». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в одном городе проживал некий гончар, прекрасно изучивший свое ремесло, чрезвычайно совершенный в своем искусстве. Колесо небесной сферы дивилось вращению его колеса, чаша небосклона терзалась завистью при виде его кувшинов, кружка неба, видя полную воды кружку его, лишалась воды, кувшин сахарного тростника, видя сладостный кувшин его, приходил в волнение.

Однажды гончар замесил глину, и показалось ему, что смесь вышла неудачной. Он выпил вина, возвратился назад и от опьянения упал на свои горшки и кувшины. Острые черепки горшков и кружек изранили и порезали ему голову и лицо, тело и члены. Через некоторое время раны его зажили, поранения затянулись, но рубцы от них остались на его лице, и можно было подумать, что это следы копий и дротиков, рубцы ран, нанесенных кинжалами и мечами.

Прошло несколько лет, и в городе гончара наступила засуха, настал ужасный неурожай: меру зерна продавали за меру камфоры, кусок хлеба было так же трудно найти, как глоток воды жизни. Гончар поневоле покинул свой город, облачился в воинский наряд и пошел к царю. Когда царь увидел его рубцы, он подумал, что это смелый и отважный человек, воин и герой, раны его он счел следами меча и стрел, последствиями ударов копий и дротиков. Он повелел назначить гончару хорошее жалованье и предоставил ему место среди своих полководцев.

Некоторое время спустя у царя появился страшный и могущественный враг, возникло перед царем трудное и опасное дело. Царь хотел назначить гончара своим главнокомандующим, ударить горшок судьбы его о камень испытаний и поручить ему отразить надвигавшуюся беду. При этом царь спросил его о его роде и происхождении и осведомился о его родословной. Гончар не нашел возможности скрыть правду и поведал о своем гончарном промысле. Царь рассмеялся, поручил это дело кому-то другому, возложил на другого воина эту трудную обязанность».

Есть для каждого дело свое, Нахшаби,
Слушать речи такие полезно тебе.
Не для каждого дела все люди годны:
Муха дело Симурга не может свершить.

«Гончар, увидев, что это поручение возложено на другого, устыдился своих речей и обратился к царю с такими словами: „Хотя раньше раб твой не обладал высоким саном и достоинством, однако, с той поры как он включен в ряды царских придворных, причислен к числу государевой свиты, в сердце его появилась такая доблесть и такое мужество, в рабе твоём обнаружилась такая смелость и храбрость, что в случае, если рабу

будет из милости и снисходительности поручено это дело, в скором времени станет ясно и очевидно, какие дела он свершит благодаря царской помощи и милости, как управится со всем этим делом“».

Помощь — великое дело, мой друг Нахшаби,
Если тебе помогают — тебе обеспечен успех.
Слабый при помощи сильного станет могуч и силен,
Даже лиса станет львом, коль поможет ей лев.

«„Ты производишь из такой семьи, — ответил царь, — ведешь свое происхождение от такого рода, что тобою это дело выполнено быть не может и рука твоя не в состоянии будет его завершить. Точно так же шакал не смог выполнить такого дела и не был в состоянии завершить такое начинание“. — „А как это было?“ — спросил гончар.

„Однажды, — ответил царь, — на одном из лугов Ма-вераннахра *, свежестью своей напоминавшем райские сады, в одном цветнике, пыльца которого ароматом и прелестью была похожа на амбру, жил лев. Как-то раз лев бродил в окрестностях этой долины, вокруг этой равнины в поисках дичи. Но как ни старался, ему не удавалось поймать никакого зверя, не удавалось заполучить никакой дичи. Возвратясь назад, он увидел молодого шакала, которому было всего несколько дней от рождения. Лев взял его живым в пасть, как кошки носят своих котят, отнес львице и сказал: „Сегодня мне в удел достался только этот кусочек мяса. Сердце мое не позволяет мне его съесть. Я могу просуществовать денек и голодным, а ты этого не можешь, съешь его сейчас, закуси чем бог послал“. — „Ты самец, — ответила львица, — отличаешься всеми свойствами самца, безжалостностью и жестокостью и все же не хочешь растерзать его; я — самка, у меня два детеныша, моя отличительная черта — жалость и сострадание. Как же я могу съесть его?! Но если ты согласен, я вскормлю этого сироту, воспитаю как мать этого звереныша, лишившегося своей матери“. — „Прекрасно“, — сказал лев“».

Нахшаби, сострадателен к слабым ты будь,
Кто бы истины этой не мог воспринять?
Лев свирепей всех прочих зверей на земле,
Все же слабых не станет и лев обижать.

«„Так прошло некоторое время. Львята полагали, что молодой шакал — их старший брат, а шакал считал,

что лъвята — его младшие братья. Поэтому они относились друг к другу с любовью и лаской и вели доблестный и благородный образ жизни. Однажды все трое повстречались со слоном. Львята, так как храбрость была их природным свойством и отвага была их рожденным отличием и качеством, захотели напасть на него и вцепиться в него когтями и клыками, но шакал удалился и спрятался в кустах. Когда лъвята увидели такой поступок со стороны старшего брата, они также убежали от слона и попрятались по углам. Вернувшись домой, они рассказали матери, что сделал их старший брат.

„Ваш старший брат, — сказала мать, — такой породы и такого происхождения, что не может принимать участие в боях и не способен сражаться“.

„О гончар, — продолжал царь, — как этот шакал не смог выполнить дело и завершить начинание, так и ты не годишься для военного дела, не сможешь успешно завершить сражения. Но так как я вначале принял тебя и назначил на службу, то и теперь я оставляю тебя на прежнем месте и не заставляю тебя нуждаться и голодать, ибо возвысить кого-нибудь, а затем вновь унижить — не соответствует понятиям о верности, противоречит обычаям людей благородных“.

Нахшаби, ты обеты свои выполняй,
Лишь презренный нарушить стремится обет.
Погляди, как всем людям обеты важны, —
Ими только и держится весь этот свет.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, если ты вначале дала обет верности своему другу и поклялась быть ему верной, то ты не должна нарушать этого обета и до конца дней своих не должна без причины отворачиваться от него и покидать его. Теперь наступил сладостный час, настало чарующее сердце время, вставай и ступай в дом к своему другу!»

Худжасте хотела последовать его совету, но ярый лев-солнце выскочил из рощи востока, бессильный шакал-месяц спрятался в угол, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о льве, рыси и обезьяне
и о том, благодаря каким хитростям и уловкам
рысь спаслась от льва**

Ночь тридцатая

Когда лев-солнце ушел в западный лес, а рысь-месяц вышла из пещеры востока, Худжасте, чело которой сияло, как солнце, а лицо сверкало, как месяц, пришла просить разрешения у попугая и сказала:

«О сокровищница веселья и гордость птиц! Неужели тебе доставляет удовольствие мое недовольство и неприятно то, что приятно мне? Тебе прекрасно известна тяжесть моих забот и хорошо знаком гнет моих горестей, почему же сердце твое не печалится о моих делах, почему не хочешь ты от души помочь мне? Настанет ли время, когда твоя сметливость высвободит меня из силка сердечной скорби и твоя проникаемость освободит меня от цепей печали?!»

Хищная птица обманщик-попугай начал клясться, давать обеты и сказал: «О хозяйка, клянусь длиной твоих кудрей и короткостью твоих локончиков, щитом твоего лица и мечом твоего носа, луками твоих бровей и стрелами твоих ресниц, чернотой твоих глаз и белизною твоих рук, чоуганом * твоих локонов и шаром твоего подбородка, тонкостью твоей талии и толщиной твоих икр, что весь мой разум направлен только на то, чтобы ты поскорее добилась своей цели, все мои помыслы устремлены только к тому, чтобы ты в скором времени соединилась со своим другом. Но только завет мой тебе таков: если случится с тобой там беда или постигнет

тебя там неприятность, ты так же спасись и избавляйся от нее, как рысь спаслась от льва». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что когда-то некий лев жил на одном прекрасном лугу и чарующей сердце поляне. Хитрая обезьяна была его привратником и выполняла все его дела.

Однажды льву пришлось отправиться куда-то в путешествие, пришлось поехать куда-то по важным делам. Рощу свою он поручил обезьяне, ибо не знал он, что сова не может занимать места Хумы, а лиса не смеет оберегать львиное логовище».

Меч, Нахшаби, на стрелу не похож,
Могут царапать и острые погги.
Тот, кто в берлогу ко льву заглянет,
Скоро почувствует львиные когти.

«В отсутствие льва пришла туда рысь. Увидела она, что место это прекрасно и лужайка эта очаровательна, и решила там поселиться. Обезьяна сказала ей: „О рысь, как это ты решаешься на такую дерзость, как смеешь проявлять такую наглость? Это — родина царя зверей, жилище султана хищников. Не таков почет у рыси, чтобы она могла поселиться в логовище льва, не такой сан у этого животного, чтобы оно решилось избрать своим местопребыванием львиную берлогу“. — „Это мой дом и мой угол, — ответила рысь, — он мне достался по наследству от отцов и дедов. У меня есть на то законные доказательства“.

Обезьяна потребовала их, а самка рыси сказала: „О рысь, остерегайся этого места, покинь это жилище! Разве можешь ты состязаться с львиной лапой, разве можешь устоять против его когтей и грозного его рычания?“ — „О самка, — отвечала рысь, — быть может, это вовсе и не жилище льва... Если же это действительно так и лев вернется, я хитрыми уловками спасусь от него“. — „Не во всяком деле хитрые уловки помогают, — сказала самка, — часто бывало и так, что хитрость оказывалась пагубной для хитреца, много раз уловка губила того, кто ее изобрел. Так все хитрости того волка послужили ему на пагубу, его лишь погубили все уловки“. — „А как это было“, — спросила рысь.

„Говорят, — ответила самка, — что как-то раз волк забрался в нору шакала и стал подстерегать ее владель-

ца. Шакал пришел к норе, увидел возле нее следы животного другой породы и сказал про себя: „Не обдумав дела, входить мне туда нельзя, надо действовать с полной осторожностью. Возможно, что в нору мою забрался охотник, враг устроил там для меня засаду“.

Шакал подошел ко входу и подал голос, но ответа из норы не слышалось. Тогда он воскликнул: „О дом, разве не было у нас с тобой обычая задавать вопросы и отвечать на них? Ведь ты из камня, камень часть горы, а у горы есть такой обычай, что она всегда дает ответ на всякий вопрос“».

Нахшаби, на вопрос ты ответ подавай!
Разве трудно тебе будет голос подать?
Ведь когда человек восклицанье издаст,
Клич ответный от гор может он услышать.

«„О дом, каждый раз, когда я приходил к тебе, я подавал голос. Если ты давал ответ, я входил, если же нет — уходил назад“.

Волк подумал про себя: „Может быть, это место обладает такой особенностью, что всегда дает ответ своему хозяину, а на этот раз, страшись меня, молчит? Не годится, чтобы шакал, не слыша его ответа, повернул назад и ушел. Тогда все мои хитрости и уловки пропадут понапрасну“.

Когда шакал вторично воскликнул: „О дом мой! О мое гнездышко!“, волк ответил: „Я пред тобой, я слушаю!“

Шакал понял, что там засел волк. А в этой местности был один пастух, который совершенно выбился из сил от нападений этого волка, измучился от его набегов. Шакал пошел к нему и рассказал про волка. Пастух счел это дело прекрасным случаем, решил использовать такую удачу. Он взял тяжелый камень и завалил им выход из норы. Волк попал в такую беду, что через несколько дней издох в этой пещере от голода и жажды, а коварная уловка его оказалась совершенно бесполезной“».

Нахшаби, лучше ты не старайся хитрить!
Иногда погибает и ловкий хитрец...
«Хитрость мужа — навек про уловки забыть», —
Так вещает, мой друг, престарелый мудрец.

«Выслушав эту историю, рысь сказала: „О самка, ведь это рассказ про волка... А между мною и им боль-

шая разница от головы до пят, от ушей до хвоста. Всякому ясно, что у волка не много ума и не много познаний! Если бы он обладал сообразительностью и проинцательностью, он не дал бы ответа за дом и сумел бы понять и рассудить, что дом не в состоянии подавать голос, что ни один неодушевленный предмет не дает ответа“.

Рысь и ее самка еще вели такие беседы, как вдруг послышался шум приближения льва, поднялась пыль из-под ног хищника. Обезьяна побежала ему навстречу и сообщила, как рысь завладела его жильем. Лев разгневался и сказал: „О обезьяна, рысь не смеет отважиться на такую дерзость. Мне кажется, что это животное страшнее меня, хищник более мощный, чем я“. — „Разве может быть животное сильнее тебя?“ — спросила обезьяна. „В мире есть и такие существа, — ответил лев, — бывают и такие животные. Если камень похвастается твердостью — он поддается под ударами железа, если железо показывает жестокосердие — оно становится мягким от огня, если огонь развивает жар — его охлаждает вода, если вода движется в своем течении — земля заставляет ее остановиться, если земля говорит об устойчивости — ветер разносит ее во все стороны, если ветер и быстро летит — ему приходится остановиться перед горой, если гора возвеличивается своим ростом — стоит ей выйти в море, она потонет, как фараон *. На каждого фараона есть свой Моисей“».

Нахшаби, своею силой ты не обольщайся:

Человек свершить ничтожный много ли сумеет?

Отбери среди людей ты мощного героя,

Все ж всегда найдется в мире существо сильнее!

«Лев осторожно пошел к своей роще, оглядываясь то вправо, то влево. Самка рыси сказала: „О самец, случилось то, чего я страшилась, произошло то, чего я опасалась“. — „Когда лев подойдет ко входу в логовище, — ответил самец, — ты заставь детенышей запищать. Я спрошу тебя, почему они плачут, а ты ответь мне, что они хотят львиного мяса. С тех пор, мол, как они попробовали львиного мяса, они не хотят есть ничего другого и все время требуют еще лъвятины“.

Когда лев подошел к берлоге, рысенята заплакали. Самец спросил: „Почему плачут дети?“ — „Благодаря мощи твоей повергающей львов лапы в нашей кухне

много различного мяса, но они совершенно не прикасаются ни к какому другому жаркому и все время требуют львиного мяса“. — „Я вчера принес столько мяса львов и тигров! — воскликнул самец. — Неужели от него ничего не осталось?“ — „Мяса на кухне много, — но они хотят свежего“. „Попробуй успокоить их ненадолго. Хозяин этого жилища уже давно отправился куда-то, и ходит слух, что сегодня он должен возвратиться. Если это верно, то я скоро приготовлю им из его мяса свежее кровавое жаркое“.

Услышав это, лев удалился оттуда и стал говорить обезьяне: „Разве я не говорил, что в моем доме поселился сильный враг, что захватил его могучий противник?“ — „Царь зверей! Надо успокоиться, — сказала обезьяна, — и не следует поддаваться страху и ужасу. В дом забралось слабое животное, маленькое существо. Слон не должен покидать своего места, страшась комаров, дервишу не следует выбрасывать свою рясу оттого, что в ней завелись вши“.

Лев немного успокоился и снова подошел к своей берлоге. Самка опять прибегла к тому же средству и заставила детенышей запищать. Самец сказал: „Попробуй еще немного успокоить детей, уйми их хоть на минутку. Прошло много времени, ждатель осталось мало. Я слышал, что хозяин этого дома уже приближается. У меня есть друг — одна обезьяна, чрезвычайно плутоватая и крайне хитрая, она говорила мне, что сегодня всевозможными хитростями и разными уловками заставит льва прийти к этому дому. А когда он придет, мяса будет сколько угодно“.

Услышав это, лев окончательно убедился, что обезьяна его предала и придумала такую хитрость, чтобы погубить его: „Если же это не так, зачем же она так старается, почему прилагает столько усилий?“

Он тотчас же разорвал обезьяну на клочки и больше уже никогда не говорил о своем жилище и не решался даже приблизиться к нему. Рысь же благодаря своей хитрой уловке спаслась от него и до конца дней своих жила в этой роще».

Нахшаби, много люди на свете хитрят,
И рассказы об этом полезны уму.
Если чья-нибудь хитрость удастся, мой друг,
То не вредно тебе поучиться тому.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, в доме этой рыси, которую называют твоим другом, тебе нужно проявить такую же осторожность и такое же благоразумие. Теперь вставай и ступай к своему другу!»

Худжасте хотела последовать его совету, но день оказался еще более хитрой рысью, тотчас же утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о женщине и детях ее,
о том, как на нее напал тигр
и как она спасла себя и детей от него**

Ночь тридцать первая

Когда яростный тигр-солнце с горы небосклона спустился в пещеру запада, а обладающий многочисленным семейством леопард-месяц вышел со всеми своими детьми из логовища востока, Худжасте с болью в сердце и горестными воплями пришла просить у попугая разрешения и сказала: «О совершеннейший из мудрецов и мудрейший из хитрецов! Хорошо известно, что четверем вещам не свойственно возвращаться: решенной судьбе, произнесенному слову, пущенной стреле и ушедшей жизни. Сладостная жизнь моя проходит в горе, существование мое уходит в заботах. Пожалей же мою прекрасную жизнь, сжапись над моим славным существованием и хоть единый раз, как захочешь и сумеешь, дай мне встретиться с другом!»

«О хозяйка, — ответил попугай, — тот никогда не страдает, кто остерегается четырех вещей: во-первых,

гнева, во-вторых, гнусных наклонностей, в-третьих, медлительности и, в-четвертых, поспешности. Хотя любовь и терпение исключают друг друга, однако все же торопиться не следует, надо относиться к происшедшему с тобой случаю с большим спокойствием и, если встретится опасность, нужно так же избавиться от нее, как та женщина спаслась от тигра». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в одном городе жил некий человек, у которого была жена чрезвычайно скверного характера, ворчливая, бранчливая и склонная к пустословию».

Нахшаби, если любит браниться жена,
То не справится с ней даже Гив*.
Все на свете стремятся от дивов бежать,
Но от скверной жены убегает и див.

«Так как эта бабенка во время спора обладала тридцатью двумя языками подобно арфе, мужу постоянно приходилось слушать музыку ругани флейты ее горла. Однажды он наказал ее, как ребаб**, исколотил, как барабан, и скверная женщина, которая в низости своей была двулична, как бубен, тотчас же покинула дом, забрав с собой двух детей, и пошла из города. Попала она в страшную пустыню, где даже не кричала гуль***, где птица от страха не решалась махнуть крылом. Внезапно попался ей навстречу тигр, страшный, как лев, и захотел похитить у нее детей. Женщина молвила про себя: «Кто не слушается мужа и без разрешения супруга покидает дом, с тем и должна случиться такая беда». Затем раскаялась она в сердце своем и произнесла покаяние: если я, мол, спасусь из этого водоворота погибели, я уже никогда не стану покидать мужа и всегда буду повиноваться ему».

Поистине, глупец делает под конец то, что мудрец делает с самого начала, но и делает-то он это лишь тогда, когда вкусит горечь беды и почувствует удар плети разъяснения.

Знай, Нахшаби, неразумье — оковы,
Ты от него отврати, друг мой, взор!
Глупый все делает то же, что мудрый,
Только сначала претерпит позор.

«Женщина, увидев, что нагрянула великая беда, сказала: „Надо удумать хитрость, придумать уловку, и

если она удастся — тем лучше, если же нет, у меня будет по крайней мере извинение“.

Затем она громко закричала: „О тигр, подойди поближе и слушай, что я тебе скажу!“ Тигр изумился и сказал: „Эй, баба, что это еще за речи такие?!“ — „Здесь поблизости есть свирепый лев, — отвечала женщина. — Одним прыжком он разрушает целый мир, одним ударом может сдвинуть с места центр земли. Каждый день ему на кухню посылают трех человек, и все люди дали на это согласие. Сегодня наша очередь, и жребий выпал на меня и на моих двух детей. Я из рода дервишей, и предки мои никогда никому ни в чем не отказывали. Если ты желаешь отнять мою жизнь, то я тоже не откажу тебе в этом. Подойди и съешь одного ребенка и половину меня самой, а другую половину и другого ребенка оставь для того льва. Так и ты будешь удовлетворен, и льву на основании обещания кое-что останется“.

Услыхав такие речи, тигр изумился и молвил: „О женщина, я никогда не видел подобной щедрости, никогда и слухом не слыхивал, чтобы кто-нибудь жертвовал своей собственной жизнью и сам оказывал внимание своему собственному убийце“. — „О тигр, — отвечала женщина, — для людей святой жизни такие поступки не удивительны. Если праведники совершают подобные вещи, это не диво. Омар ибн Абд ал-Азиз * был повелителем мира и халифом. Некий раб подсыпал ему яда, и слух об этом распространился. Омар позвал его и спросил: „Ты это сделал? Ты дал мне этот яд?“ — „Да, — отвечал раб, — яд дал тебе я“. Омар вручил ему отпускную грамоту и сказал: „Этот яд пришелся мне чрезвычайно кстати, и я на тебя не гневаюсь. Однако молва об этом уже распространилась. Раньше чем я умру, ты, пока тебя не схватили, чтобы казнить, возьми грамоту и покинь город. Я дарую тебе свободу!“»

Нахшаби, словно суфий ** старайся ты жить!

Что у друга и недруга общего есть?

Люди все только другу хотят угодить,

Хочет суфий и недругу пользу принести.

«„О тигр, раз сегодня я должна быть убита и мясо мое будет съедено, не все ли мне равно, кто будет меня есть — тигр или лев. Ты имеешь больше прав на меня, потому что ты со мной повстречался, а лев еще нет. Но когда ты съешь одного ребенка и половину меня самой,

а половину оставишь для льва, ты поберегись и покинь это место, ибо лев сегодня еще никого не ел и предназначены ему мы. Может статься, что он начнет разыскивать нас и, увидев, в чем дело, накажет тебя, найдет тебя, куда бы ты ни пошел, превратит тебя самого в прах и погубит и умертвит и жену твою, и детей твоих“.

Услышав такие речи, тигр бросил эту дичь, пошел прочь и решил более уже не возвращаться. Внезапно к нему подошла плутовка лиса. Увидела она, что тигр крайне взволнован, в смятении чрезвычайном и спросила: „О тигр, что это с тобой такое?“

Тигр рассказал ей, что он услышал от той женщины. Лиса раскрыла уста попрека и сказала: „Истину говорят, что всякий храбрец — глуп. О тигр, все вы ослеплены своей храбростью, но разум дает Аллах, ум дарует творец... Человек — это сама уловка и хитрость с головы до пят, обман и наваждение сверху донизу. Мы известны хитрыми уловками, славимся хитроумными выдумками, но люди гоняются и за нашей шкурой, губят и нас. Иногда они сдирают с нас шкуры и делают себе из них одежды, порой шьют себе шубы из нашего меха. Как может женщина отнестись равнодушно к храброму зверю? Как может баба провести тигра? О тигр, что это за рассказы об обязательстве и о льве, что за пустая болтовня: съешь, мол, меня наполовину, а половину оставь... Ступай, вернись назад, не обманывайся ее речами, разумом и выдумками, прикончи ее и не упускай из рук такого изысканного блюда. Возьми и меня с собой, чтобы благодаря твоей подачке и я могла бы освежить свою кухню и из-за твоего счастья смогла раздобыть жаркое“.

„О лисица, — сказал тигр, — возможно, что женщина говорит правду: придет лев, и ты тогда заползешь в нору, а я попаду к нему в лапы“. — „Если ты не доверяешь моей проницательности, — ответила лиса, — и не веришь моей сметливости, привяжи меня к своей ноге и возьми меня туда с собой. Если лев настигнет нас, брось ему меня в виде залога, а сам беги от него“.

Тигр так и поступил. Когда женщина увидела, что к его ноге привязана лиса, она поняла, что это уж совсем другая игра, и подняла крик: „Добро пожаловать! Честь и место! Вот что называют хлебом насущным, вот что считают уделом! Дается он человеку даже тогда, когда тот не трогается с места, даже когда стоит он не-

движимо. О тигр, я — чародейка и кудесница! Пища моя в этой пустыне — мясо крокодилов, а похлебка моя варится из мяса тигра. Я рассказала тебе историю о льве и обещании, но рассказала я ее тебе только для того, чтобы ты пошел за мной, чтобы приблизился ко мне и я смогла бы из твоего мяса приготовить жаркое для детей, а из костей твоих сварить себе похлебку. Ты же удалился, и я уже начала раскаиваться в своих словах. Но вот ты пришел все-таки и привел в качестве заложницы лису. Но только какой мне прок от этого куска мяса, что мне от нее за толк? Если уж ты и хотел привести заложника, ты бы взял с собой льва или тигра, прихватил бы человека или же волка...”

Лиса, услышав такие речи, воскликнула: „О тигр, это не женщина, а ниспосланная небесами кара! Это не баба, а живущая в пустыне гуль! Если можешь, скорее беги и спасай свою жизнь!”

Тигр пустился бежать, а привязанная к его ноге лиса ударялась о камни и скалы и была вся избита и изранена. Посреди пути лиса вдруг засмеялась, начала улыбаться и безудержно хохотать. Тигр спросил: „О лиса, что это еще за смех?! Разве это место для хохота?” — „Я смеюсь над твоей глупостью,— ответила лиса.— Разве это время — привязывать меня к своей ноге?! Разве это место — тащить такую тяжелую ношу?! Если эта кудесница погонится за тобой и проглотит тебя одним глотком, что ты будешь делать?”

Тигр отвязал лису от ноги, и та сразу заползла в пору, а сам он пустился таким ходом, что даже не смотрел назад и не оборачивался. Женщина же с детьми благодаря этой хитрости спаслась».

Нахшаби, постарайся почаще хитрить,
Иногда может хитрость от смерти спасти.
Человек, если только в беду попадет,
Должен выход всегда постараться найти.

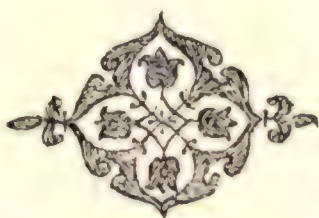
Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, если там, куда ты сейчас пойдешь, судьба подстроит тебе лисью шутку или же придется тебе встретиться с тигром беды, ты должна, как эта женщина, спасти себя хитрой уловкой, должна вызволить себя ловким обманом».

Худжасте хотела последовать его совету и отправить-

ся, но день волчьим хвостом * рассвета сыграл с ней лисью шутку, тигр-солнце выскочил из-за горы востока, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о синем шакале,
о том, как он стал царем зверей и животных
и как его постигла неудача**

Ночь тридцать вторая

Когда фараон-солнце опустился в реку Нил ** запада, а Моисей — неутомимый месяц взошел на гору Тур *** востока, снедаемая страстью Худжасте пришла к попугаю за разрешением и увидела, что он сидит подобно задумавшемуся человеку, погруженному в размышления. Она спросила: «О средство достижения познаний! О глава всяческого могущества! Какая мысль повергла тебя в размышления? Какая дума заставила призадуматься?» — «Призадуматься заставила меня вот какая мысль, — ответил попугай. — Если желанный твой, в которого ты влюблена, и возлюбленный твой, которым ты увлечена, знатного рода и славного происхождения, то это и есть то, что нам надо. Но если же, чего не дай Аллах, он окажется низкого рода и подлого происхождения, будет очень жаль, будет величайшей ошибкой, если такая ценная жемчужина, как ты, сделается его достоянием, если такая прелестная сущность будет пленена таким позором».

Нахшаби, себе пару старайся найти,
Лишь похожие вещи сливаться должны.
Рядом с горлицей нежной не место ослу,
Людам злобные дивы ни в чем не равны.

«О рудник мудрости и поверенный тайн,— спросила Худжасте,— существует ли какая-нибудь хитрость, с помощью которой я могла бы выяснить его происхождение? Есть ли какой-нибудь способ установить его род и племя?» — «О хозяйка,— отвечал попугай,— дело это узнать легко, постигнуть это нетрудно. Если какая-нибудь личность отличается чистотой и обладает благородным происхождением, то сама сущность ее раскроет это обстоятельство. Но если кто-нибудь низкого происхождения и презренного рода, то самые свойства его будут содействовать разглашению его тайны, как это было с тем синим шакалом. Был он личностью низкой и существом презренным, и если на несколько дней и выпало ему великое счастье, была подарена ему редкая удача, то все же в конце концов его же сущность разгласила его тайну, его природа выдала себя самое». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Львы ремесла рассказов и тигры цеха сказок говорят,— ответил попугай,— что у некоего шакала была привычка ходить в один город, был обычай совать свой нос в посуду людей. Как-то раз шакал, по своему старинному обычаю и по своей прежней привычке, забрел в дом красильщика и сунул голову в чан с синей краской. Лапа у него поскользнулась, и он упал в этот чан и только с великими хитростями и с величайшим трудом выбрался из него и пустился в поле.

Стал он казаться животным изумительной формы и зверем редкостного облика, ибо под синим небом никто и никогда не видал синего животного, никто не слыхивал о звере в синем облачении. Когда звери увидали его, все они перестали повиноваться льву и принесли присягу на верность шакалу, так что и лев и слон повиновались ему, и тигр и барс подчинились ему. Страшный случай! Синяя одежда, которая бывает причиной горя, стала для него поводом к радости. Синее одеяние — причина скорби для него вызвала веселье».

Небо — старая ведьма, мой друг Нахшаб,
И умеет прекрасно оно колдовать.
Иногда может зелье от яда помочь,
Иногда же и яд может зельем нам стать.

Шакал хотел, чтобы никто не знал его тайны и никому не удалось бы выведать его секрет. Он постоянно держал возле себя слабых животных, а сильных зверей

к себе не подпускал. Во время аудиенции в первом ряду стояли лисица и шакал, во втором — газель и лось, в третьем — волк и барс, в четвертом — тигр и леопард, а в пятом — лев и слон. Всякий раз, когда шакалы начинали лаять, лаял и эмир, каждый раз, когда они были, был и царь, не отставая от своих родичей. Так прошло много времени, пролетело много дней, шакал впал в самообольщение и решил, что он прочно сидит на царстве, что государство у него в полном подчинении. Начал он притеснять лисиц и шакалов, начал отдалять от себя своих родичей, перестал подпускать их к себе и приблизил свирепых хищников. Не устремлял он взора на конец дела, не думал он о том, что оно кончится, и не знал, что мудрым и разумным человеком называют того, кто смотрит в будущее и сегодня устремляет взор на завтра».

Счастлив всегда осторожный, мой друг,
Взгляд это с легкостью твой проследит...
Все на «сегодня» стремятся смотреть.
Счастлив же тот, кто на «завтра» глядит.

«Как-то ночью вдали завыл шакал, подала голос из своего угла и лисица, эмир тоже, в согласии с ними, принялся выть, начал лаять в единодушии с ними. Свирепые хищники, находившиеся возле него, услышав этот голос, поняли, кто он такой, и узнали, что он собою представляет. Устыдились они слабости своего царя, застыдились своего неразумия: „Как мы могли переносить такой позор? Как могло постигнуть нас такое унижение?“

Они хотели схватить его и наказать по заслугам, но синий шакал бежал и бросился под защиту шакалов, живших далеко от того места».

Почет не имеет цены в этом мире,
Лишь разум поистине ценен, мой друг,
Ведь знатный вельможа в расшитом тюрбане
В минуту унижен бывает судьбой.

«Шакалы сказали: „Слыхали мы, что ты стал могучим и что все звери повинуются твоим приказаниям“.

Шакал рассказал им свою историю, подробно изложил, что с ним случилось. Они раскрыли уста упрека и молвили: „Ты не был достоин того счастья, которое пришло к тебе; было поручено тебе неподходящее дело. Как жаль, что не знал ты его цены! Как печально, что не ведал ты его ценности! Ты сам опозорил и опорочил себя

и лишился царства и государства. Твоя история точь-в-точь похожа на следующее происшествие.

Жил-был некогда один купец, который от натиска превратностей судьбы и от избытка непрерывных бедствий попал в нужду, после счастья познал несчастье. Хозяин впал в отчаяние от нужды, а осел его, не получая пищи, дошел до полного истощения. Купец был человеком разумным и остроумным, добыл он львиную шкуру, стал по ночам одевать ее на осла и выпускать его в чужие поля и сады. При этом он говорил ослу: „Если покажется сторож, ты выпрямись, устремись на него и веди себя, как то подобает твоей одежде. Только голоса смотри не подавай и не кричи, дабы покров твоей тайны не разорвался и происхождение твое оставалось сокрытым“.

Осел так и поступал, оставлял других в дураках и ел зерна вволю“».

Нахшаби, очень просто людей обмануть
И нетрудно разумным до цели дойти.
Знай, мой милый, что часто пустой дуралей
Даже умных сумеет легко провести.

«„Некоторое время осел ходил по чужим полям и вскоре стал жирным и толстым. Хозяева полей и садов принимали его за льва и покидали свои поля и сады. Как-то ночью забрался он в сад. Сторожа, страшась его когтей, забрались на дерево, но в это время где-то в стороне заревел осел. Осел купца, по своему ослиному тупоумию, тоже начал реветь, издал мерзкий крик и раскрыл тайну: самый противный голос — это голос осла!“»

Впрок одежда чужая не может пойти,
Недостойный почета вовек не найдет.
Если львиную шкуру наденет осел,
За свирепого льва все же он не сойдет.

«„Сторожа по этому мерзкому крику и отвратительному реву поняли, кто он такой, догадались, что он собой представляет. Они слезли вниз, привязали его к тому же самому дереву и принялись колотить и избивать его. Так его голос открыл его происхождение и выдал его тайну“».

Нахшаби, все пороки от предков идут,
Слава ложная впрок никогда не пойдет.
Ты и сам понимаешь, что серый мужик
Речью грубою грубость свою выдает.

«О хозяйка, всякий и каждый постепенно выдаст свое происхождение, понемногу раскроет свою истинную сущность. „Из каждого сосуда просачивается то, что в нем есть“, — гласит поговорка. Если твоя цель и намерение — выяснить, благороден ли он или низок, установить, славного он происхождения или презренного, то сейчас же вставай, иди к нему в дом, взгляни на него оком изучения и взором испытания, и из его же собственных поступков станет видно, из его жестов выяснится, кто он; из всех его поз станет очевидным, что он».

Худжасте хотела последовать его совету, но день выложил свои драгоценные камни, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о Хуршид, жене Утарида, и трех юношах

Ночь тридцать третья

Когда румийская невеста-солнце ушла в Занзибар запада, а китайский царь-месяц пришел из Китая востока, Худжасте с сотней горестных морщин на лбу, поникнув головой, пришла к попугаю. Когда попугай увидел, что лоб этой китайской красавицы покрыт складками и что волосы этой гречанки одного цвета с яхонтом, он спросил: «О царица китайских красавцев! О повелительница туркестанских идолов! Как проводишь ты время, состоящее из прошедшего, настоящего и будущего?» —

«О вчера,— ответила Худжасте,— представляющем собой прошедшее, я сожалела; сегодня, представляющее собой настоящее, меня тяготит, а мысль о завтра, являющемся будущим, повергает меня в страх. О попугай! Я терзаюсь сомнениями: ведь я никогда не радовалась чужому горю, никогда не находила улады в чужом несчастье, почему же на меня обрушилось столько бед?! Почему столько несчастий устремилось на меня?!» — «О хозяйка,— отвечал попугай,— тебя заставляет страдать то, что в тебе сокрыто. Перья павлина — несчастье для павлина, а мех лисицы — беда для нее. Красота красавцев для них самих причина вечной скорби, прелесть всех прелестных для них неиссякаемый источник бед. Разве не доходила до тебя история о том, какие беды пришлось испытать Хуршид, жене Утарида, из-за ее красоты, какие несчастья довелось ей перенести из-за ее прелести?» — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят,— ответил попугай,— что в одном городе жил-был писец по имени Утарид*. Была у него жена, которую прозвали Хуршид**. Лучи лица ее называли само солнце пылинкой, свет лица ее считал месяц мелкой звездочкой. При этой безграничной красоте и бесконечной прелести она к тому же была достопримечательностью своего века по праведности, являла собой пример редкостной невинности».

Нахшаби, украшает невинность жену,
Это качество ценит всегда целый свет.
Коль жепа красотой блистает своей,
Для нее украшенья прекраснее нет.

«Как-то раз пришлось Утариду отправиться в путешествие. А был у Утарида брат по имени Кайван***. Утарид поручил Кайвану сторожить дом, возложил на него заботы по охране. Утарид и не знал, что этот самый Кайван станет причиной несчастья для Хуршид. Когда прошло несколько дней и Кайван увидел, что дом Утарида опустел, он счел это удобным случаем и послал Хуршид весточку: „О солнце неба красоты! Уже давно мое сердце полно любви к тебе и душа моя переполнена страстью к тебе. Мне мешало признаться в этом присутствию Утарида, стыд перед братом препятствовал отважиться на такой шаг. Теперь он уехал, пойдем бросим кости желаний, сыграем в нарды любви и страсти“.

Когда Хуршид услышала эти слова, разгневалась она и сказала человеку, принесшему эту весть: „Скажи Кайвану — что за бесстыдная мысль зародилась в твоей голове! Что за неразумие овладело твоим сердцем! Разве ты не знаешь, что чадра моей невинности никогда не бывала замарана грязью бесстыдства, что покрывало моей скрытности никогда не бывало запылено пылью разврата?! Кто поставил ногу на молитвенное место чистоты, тот никогда уже не вступит на циновку нечистоты. Тот, кто пил чистое вино из бокала праведности, уже никогда не станет пить гущу из чаши неправедности. Проси об этом кого-нибудь, кто стремится к чувственным усладам, умолай об этом того, кого прельщают дела страсти“».

Праведник чистый не знает разврата,
Ход потайной в его дом не ведет.
Тот, кто охотно мечеть посещает,
В капище вряд ли когда забредет.

«Когда Кайван услышал столь резкий ответ Хуршид, он перерезал нить надежды и отчаялся добиться сближения с нею. Поистине, светоч солнца никогда не умирает, лампу дневного светила не задуть никакому ветру!

Кайван молвил про себя: „Если эта тайна раскроется и слух об этом дойдет до Утарида, будет большой грех и величайший позор. Надо мне придумать хитрость, изобрести уловку, чтобы тайна эта осталась сокрытой и секрет этот не всплыл бы наружу“.

А был в этом городе эмир, отличавшийся склонностью к насилию. Кайван свел к нему Хуршид и обвинил ее перед ним в преступлении. Эмир, не обсудив и не обдумав дела, приговорил ее к побитию камнями.

Если плод на ветви есть, она страдает от камней!

Однако после казни жизнь не совсем покинула Хуршид, и она, применяя сотни хитростей, добралась до дома своего тестя. Тесть принял ее и стал заботиться о ней, как о своих собственных детях. Через несколько дней ее тело, которое было зеленым, как изумруд, снова стало сверкающим, словно хрусталь, ее члены, которые были синими, как фиалки, стали блестящими, будто тюльпан, и Хуршид снова стала такой красавицей, что солнце, видя ее, начало завидовать ей, а месяц, глядя на нее, стал убавляться. А у ее тестя был сын по имени Матиф.

Он влюбился в Хуршид и, как лотос и пылинка, стал томиться любовью к этому солнцу. Подобно Кайвану послал он Хуршид весть, но она снова дала такой же ответ, какой уже ранее дала Кайвану.

А у Латифа был маленький брат. Он очень привязался к Хуршид и по ночам спал вместе с ней. Латиф из жажды мести, по сатанинскому наущению перерезал ночью своему брату горло, выпачкал кровью одежды Хуршид и положил рядом с ней нож. Наутро, когда небесное солнце окрасило кровавым цветом чашу востока, преступный Латиф поднял крик и стал требовать мести за кровь брата. Снова попала Хуршид в унижение, снова сделалась пленницей поношений и попреков.

Хотя ее тесть и понимал, что она не способна была совершить подобное дело, но из-за укоров народа и попреков родни должен был выгнать Хуршид из дома. С тоскою в сердце и со слезами на глазах покинула Хуршид его дом, предаваясь грустным мыслям: „Почему это судьба сделала меня мишенью стрел бедствий, почему время наносит мне такие ужасные раны?!“»

Нахшаби, если беды постигнут тебя,
Если будешь страдать ты от тысячи ран,
Знай, что светлое солнце на небе, мой друг,
Унижение затмения сносит подчас.

«По дороге увидела она юношу по имени Шариф, которого из-за какого-то спора избивали, из-за какой-то распри били кнутом. Хуршид пожалела его, отдала все золото и все украшения, которые были у нее на шее и в ушах, избивавшим людям и выкупила его от этого наказания. Люди изумились ее покровительству, поразились ее доброте. Шариф был юношей красивым, прекрасной наружности. Он решил, что Хуршид отдала свои драгоценности, влюбившись в него. Захотел он выведать ее тайну и с этой порочной мыслью пошел за нею следом, с этим неправильным представлением последовал за нею. Хуршид села на корабль паломников, чтобы совершить хадж *, и Шариф тоже сел на этот корабль, но с низменными желаниями. Он открылся Хуршид, но так как желание его осуществлено ею не было и цели своей он не добился, забила в нем жилка зла, начала действовать его злоба, и он продал Хуршид какому-то купцу. Сколько Хуршид ни восклицала, что она, мол, благородная женщина и этот человек не имеет над ней никаких прав,

купец не слушал, заплатил ее цену и решил везти к себе домой.

Хуршид начала испускать холодные вздохи и жалобные стоны, и в то же мгновение поднялся противный ветер, море забушевало и судно начало тонуть. Покупатель сказал Хуршид: „Поистине, этот ветер веет, как твои вздохи, а море похоже на твои слезы. Мне стало совершенно ясно, что ты была права, а Шариф был неправ. Я принимаю тебя в названные сестры и, если ветер уляжется и корабль достигнет своей цели, буду заботиться о тебе, как брат, буду исполнять твои желания, как отец”.

В то же мгновение шум ветра утих, и судно благополучно дошло до острова».

Великий Аллах! До чего же велика людская испорченность! Как безгранично жестокосердие человека! Море при своем величии охраняет человека, а человек в своем бесстыдстве попирает права другого!

Верности ты у людей не ищи,
Все постоянно страдают от них.
Много неверных существ на земле,
Люди же злее всех злобных и злых.

«Хуршид сошла с корабля и подумала про себя: „И в его доме не будет мне покоя от людей“.

Тотчас же остригла она себе волосы, облачилась во власяницу, пошла в обитель и предалась служению Аллаху. Через несколько дней святость ее дошла до такой степени, праведность дошла до того, что достаточно было ей взглянуть на слепого, чтобы он стал зрячим, довольно было бросить взгляд на старика, чтобы он стал юпошей. Молва о ее чудесах распространилась по всем странам, слух о ее благословенном даре прошел повсюду, и больные и страждущие стали стекаться со всех сторон и благодаря благословению ее облекались в одежды здоровья и покоя.

На основании изречения „Кто творит добро, тот счастлив“ дела Хуршид возвысились до величайшей степени, а вследствие слов „Кто творит зло, тот гибнет“ всем трем юношам пришлось плохо.

Кайван, брат Утарида, ослеп на оба глаза. У Латифа, убийцы ребенка, отсохли обе руки, а Шариф, продавец Хуршид, заболел проказой».

Поистине, что сделаешь, то и испытаешь! Кто поутру

творит добро, уже к вечеру получает за это награду. Кто вечером совершает злой поступок, уже поутру бывает наказан.

Нахшаби, постоянно добро ты твори,
Словно туча, ты дождь из щедрот проливай!
Если сможешь другим ты добро причинить,
Сам ты то же увидишь, мой друг, это знай!

«Тогда все трое юношей отправились в обитель Хуршид, и с ними пошел и Утарид, ведя своего несчастного брата. Когда они прибыли к дверям обители Хуршид, она сразу узнала их, накинула на голову покрывало и позвала их в келью. Все три преступника попросили ее помолиться за них и изложили свои желания.

„Вы совершили какое-нибудь прегрешение, — сказала Хуршид, — и по этой причине навлекли на себя такое несчастье и заслужили такую кару. Если вы, как трое тех юношей, раскроете мне свою тайну и расскажете, что с вами случилось, я помолюсь за вас. Быть может, молитва эта окажется доходчивой и вы все трое вновь будете облачены в одежды здоровья, как те трое юношей“. — „А как это было?“ — спросили преступники.

„Однажды, — ответила отшельница, — в некоем городе три человека вошли в пещеру в поисках клада. Сверху скатился огромный камень и запер выход из пещеры. Все трое ослабели в тесноте пещеры, пришли в смятение в окружавшем их мраке. Из угла раздался голос: „Если вы правдиво раскроете уста ваши и поведаете о своем прошлом, вас освободят из этой норы, которая теснее могилы, спасут из этой пещеры, которая уже гроба“.

„Однажды я влюбился в жену моего брата, — сказал один, — и долгое время старался добиться ее расположения. Но я увидел, что свидания с ней мне не добиться и объятий ее мне не дождаться. Божественный посланник помешал мне совершить это дело, я так и не смог сделать столь гнусный поступок, так мне и не удалось выполнить это позорное дело“.

Не успел он еще договорить этих слов, как вход в пещеру на треть приоткрылся.

„Я однажды был охвачен плотской страстью, — повел речь другой, — толкнули меня сатанинские наущения, и покусился я на свою названую сестру. Желал я от слияния с ней доставить себе чувственную усладу, хотел я в ее объятиях удовлетворить свою похоть. Но пра-

витель целомудрия помешал мне, султан праведности воспрепятствовал мне, и я ничего не добился“.

Он тоже не успел еще закончить своей речи, как вход в пещеру открылся на две трети.

„Была одна женщина,— заговорил третий,— оказавшая мне благодеяние и своим имуществом выкупившая меня из великой беды. Я же захотел замарать подол праведности ее грязью порока, но мужество сказало: „Не делай этого!“ Благородство мое потребовало от меня, чтобы я оставил такие мысли, и я отказался от своего намерения“.

Пока он говорил, выход совсем открылся. Правдивость спасла их от гибели, прямога вызволила их из этой пещеры“».

Нахшаби, быть правдивым старайся всегда,
Ибо правда большие свершает дела.
От несчастий и бед тебя правда спасет:
Всем правдивым защитой правда была!

«Юноши, услышав этот рассказ, задрожали и молвили: „Что за ясный ум у этой жены! Что за чистое сердце у этой женщины! Ведь этот рассказ не что иное, как наша история. Такой женщине лгать невозможно, ей можно сказать только правду“.

Затем все трое поведали ей всю правду о своих делах. Утарид, услышав от Кайвана историю Хуршид, изумился и воскликнул: „О несчастный! Бедная жена моя погибла из-за тебя! Моя дорогая супруга погублена твоими стараниями!“

Хуршид откинула с лица покрывало, упала к ногам Утарида и сказала: „Я — та несчастная жена твоя, я — та презренная супруга твоя. Что мне сказать? Правда, из-за этих трех юношей пила несчастий прошлась по моей голове, тело мое испытало пытку бедствий, но только и они понесли кару за то, что свершили, а я получила награду за то, что претерпела“.

Затем она воздела руки, помолилась, и тотчас же молитва ее была услышана и юноши вновь были облачены в одежды здоровья. Выслушав все это, они от стыда хотели оставить этот мир, хотели погубить себя, стыдясь такого позора, но Хуршид сказала им: „Нет на вас сегодня греха, о братья! Что было, то было, что прошло, то прошло. Нужно, чтобы впредь вступили вы в чистое

молитвенное место и позабыли бы о таких делах и речах. Время идет, и судьба за все воздает по заслугам“».

Нахшаби, зла, смотри, никому не чини!
Никому, мне поверь, зло добра не несет.
То, что ты причиняешь сегодня другим,
То же завтрашний день для тебя принесет.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка! Если ты претерпела от судьбы бедствие, если время принесло тебе несчастье, приглядишься, что ранее тебя оно принесло другим. Сделай облик истории Хуршид зеркалом своего собственного положения и из ее примера почерпни упование и спокойствие. Вставай, иди к своему другу и сегодня ночью позабудь о минувших днях, полных горя».

Худжасте хотела последовать его совету, но день оказался проворнее ее, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о царе и трех визирях,
об одном сыне и двух дочерях двоих из них**

Ночь тридцать четвертая

Когда верный друг-солнце ушел в капище огня запада, а Нимрод*-месяц поднялся на высокий минарет востока, Худжасте, подобная пламени Нимрода, пришла просить у попугая помощи и поддержки и сказала ему: — «О коварный друг! О хитроумный обманщик! Я уже давно хожу к тебе и раскрываю тебе все горе моего сердца, а ты угощаешь меня баснями и побасенками,

заставляешь меня тратить время на выслушивание сказок да присказок. Почему ты стараешься удержать меня? Зачем стремишься помешать мне? Не напрасно клюв твой выпачкан кровью, набросили тебе на шею тяжкую цепь и постоянно заставляют тебя ходить в траурной * одежде. Разве ты забыл, что случилось с шарак?.. Сегодня я заставлю тебя перенести и испытать то же, что терпит дичь от охотника, птица от кошки».

Попугай увидел, что ворота упреков распахнуты, что языки пламени гнева взвиваются кверху, и сказал: «О хозяйка, вложи меч гнева в ножны и не заставляй бушевать море ярости. Знай, что четыре вещи неизбежно влекут за собой четыре другие, а именно: бранчивость вызывает позор, заносчивость — вражду, расточительность — нищету, а гнев — раскаяние. Воспитанность человека проявляется не в минуты благодушия, а в минуты гнева.

О Худжасте, ты осыпай меня такими попреками тогда, когда я не буду страдать от твоего горя, брось мне такой укор тогда, когда не будет терзать меня твоя печаль. А теперь все стремления мои направлены на то, чтобы как можно скорее Махмуде соединилась с Айазом, Салиме встретилась с Салимом». — «А как это случилось и кто такие были Махмуде и Салиме?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — молвил попугай, — что в одном городе был великий царь. Было у него три визиря, из которых первого называли визирем старшим, второго — визирем средним, а третьего — визирем младшим. Хотя младший визирь и не был равен двум старшим по роду и происхождению, но ученостью своей он превосходил обоих и совершенством своим затмевал их. Из-за учености своей и своих выдающихся качеств пользовался он у царя в трудные минуты большим доверием, нежели старший и средний визири».

Поистине, ученые всегда пользуются бóльшим почетом, чем все другие люди, праведников всегда уважают больше всех остальных. Люди богаты наукой, а не деньгами, сильны добродетелями, а не имуществом. Вельможи науки всегда имеют превосходство над вельможами денег, вельможа добродетели всегда выше вельможи богатства. Поговорка гласит, что наука — лучшая из родословных и почетнейшая из генеалогий, а добродете-

тель — наисовершеннейшее из совершенств и наипрекраснейшая из красот.

Нахшаби, превосходство ученых людей
Не от знатности славного рода идет:
Кто науки богатство сумел раздобыть,
Тот в обоих мирах лишь блаженство найдет.

«У старшего визиря была дочь, которую звали Махмуде, а у среднего визиря был сын, которого называли Айазом. Махмуде обещали Айазу, Айаза предназначали в мужья Махмуде. Оба они учились в одной и той же школе, обучались грамоте у одного и того же учителя. Когда они узнали, что предназначены друг для друга, они, подобно Лайле и Маджнуну, начали читать надпись на доске страсти и повторять историю о великой любви наподобие Махмуда и Айаза *. Прошло некоторое время, они выросли и достигли совершеннолетия. Отцы их раскрыли врата радости, устроили, по обычаю, богатое пиршество, и казалось, не сегодня-завтра друг достанется другу, желающий получит желанную.

Но в те самые дни умерла жена младшего визиря и оставила после себя дочь по имени Салиме. Младший визирь пошел к царю и сказал: „Жена моя умерла, и дом лишился хозяйки. У старшего визиря есть дочь, которую он хочет выдать за другого. Не соблаговолит ли государь приказать, чтобы эта девушка досталась мне, — тогда домашние дела мои будут улажены и рабы и рабыни не разбегутся“.

Царь послал к старшему визирю гонца и велел сказать ему: „Мы сочли за благо, чтобы ты отдал свою дочь за младшего визиря и принял его в зятя“.

Хотя это приказание и показалось отцу девушки чрезвычайно тяжким, но внешне он не подал вида и сказал посланному: „Дочь моя — рабыня этого дворца и служанка этого трона. Кому бы ни повелел отдать ее государь, тому она и будет отдана, будет вручена тому, кому он прикажет“.

Затем первоначальное решение отменили, девушку просватали за младшего визиря, установили день свадьбы, назначили ночь для встречи молодых».

Нахшаби, ты про выбор свободный забудь,
Недействительно в мире решение ничье.
Лишь судьбою решаются наши дела,
И ничтожно решение мое и твое.

«Айаз, нареченный Махмуде, заболел от этого события, пришел в отчаяние от такого происшествия. Он ломал руки, рвал на себе одежду и наконец решил покинуть родной город. „Что за несчастье стряслось,— повторял он,— что за ужасная беда приключилась! Похищают друга, которого я только заключил в объятья!“

А у Айаза был названный брат по имени Салим. Айаз сказал ему: „О дорогой брат, девушку, которую я любил столько лет, отнимают у меня, ту, к которой я стремился всю жизнь,— похищают!.. Что это за несчастье стряслось надо мною?! Что за разбойник напал на меня?! Кто может найти лекарство против этой болезни?! Кому можно поведать эту горестную повесть?! Я хочу живым броситься в огонь или погубить себя мечом и ножом“.— „О брат,— ответил Салим,— ты прав! Что бы ты ни совершил, не будет это ложным поступком. Что бы ты ни сделал, ни в чем нельзя тебе отказать. Но ведь до свадьбы осталось еще день или два... Ночь сравнивают с беременной женщиной, день называют несущей во чреве. Подожди и посмотрим, что родится от небесного свода и что появится на свет...“»

Нахшаби, ты надежд никогда не теряй,
Разве можешь ты знать, что случиться должно?
Счастлив тот, кто готов покориться судьбе,
Жить рабом меж надеждой и страхом должно.

«Когда настала брачная ночь Махмуде, Салим пришел к Айазу и сказал: „О брат! Сегодня брачная ночь Махмуде. У нас в городе существует обычай, что невесту, после того как состоятся смотрины, ведут на кладбище. Пойдем, отправимся с тобой на это кладбище и спрячемся где-нибудь в углу. Быть может, нам удастся проститься с ней, в последний раз поглядеть на нее“.

Так они и поступили и спрятались в углу этого кладбища. Айаз спросил: „О Салим, будет ли эта женщина помнить свое старое обещание, вспомнит ли она обо мне и о моих муках, будет ли ласкова со своим другом или же отвернется от меня?!“— „Этого знать пельзя,— ответил Салим,— не все мужчины одинаковы, да и женщины тоже не все одинаковы. Может статься, что она вспомнит старое обещание и постарается помочь тебе“.

Пока они вели такие речи, Махмуде с одной рабыней пришла на кладбище. Исполнив все, что полагается при посещении праха мученика, она повела такую речь:

„О великая гробница! О славный мученик. Одна у меня к тебе просьба: избавь меня от этого нового мужа и дай соединиться с моим прежним — Айазом!“

Узнав, что она верна своей любви и помнит прежние обещания, Айаз вышел и упал к ее ногам.

Влюбленные знают, что это был за час! Любящие ведают, какие это были мгновения! Прижимался он головой к ее ногам и думал: „Если я сейчас подниму голову от ее ног, кто знает, удастся ли мне в другой раз прижаться этой головой к этим ногам или нет. Кто ведает, смогу ли я второй раз коснуться ее туфельек или же это уже не будет возможно?!“

„О Айаз! — воскликнула Махмуде, — если наша любовь и привязанность и одинаково велики, но ведь ты же как-никак мужчина, ты можешь придумать какую-нибудь хитрость, как мне избавиться от этой беды и всю жизнь до конца провести с тобой!“ — „Мне пришла в голову хитрость, — воскликнул Салим, — и вот какая: давай-ка твою одежду и оставайся здесь, а я вместо тебя пойду в дом. Посмотрим, что из этого получится!“

А Салим был еще совсем молоденьким мальчиком и отличался красотой и изяществом. Он надел платье и украшения Махмуде и пошел с рабыней в дом визиря. Когда визирь дотронулся до него, он начал так волноваться, биться и плакать, что визирь оставил его и сказал: „Сегодня надо поберечь ее. Завтра ей так или иначе придется покориться моей воле“.

А у визиря была дочь по имени Салиме. Она и Салим были влюблены друг в друга. Визирь сказал своей дочери: „Сегодня ночью, о Салиме, побудь возле моей жены и будь ласкова с ней, чтобы она перестала бояться меня и более не страшилась меня“.

Салиме, повинуясь приказу отца, пошла к Салиму и все время принимала его за Махмуде. Когда прошла первая стража ночи, Салим открылся перед ней и поведал ей всю историю Махмуде и Айаза. Салиме, узнав все это, изумилась и сказала: „О Салим. Я долгие годы ждала этой ночи! Сегодня не свадьба моего отца с Махмуде, а моя брачная ночь. Но сегодня не время предаваться любовным утехам, надо пользоваться мгновением. Пойдем в ту гробницу, где Махмуде и Айаз, а затем все четверо бежим из этого города в другой и проведем остаток жизни вместе“.

Затем Салиме взяла денег, и они направились на кладбище. Все четверо влюбленных и возлюбленные бежали, поселились в другом городе и до конца жизни прожили в радости, качались в колыбели беспечности».

Ценить научись, Нахшаби, всякий опыт,
Он выгод приносит нам в жизни немало.
Шкатулка диковин — наш мир, милый друг мой,
О боже! Чудес в мире много бывало.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, ты видела, с чего началась их история и как в конце концов они все же соединились. Как Махмуде, совершенно утратившая надежду увидеться с Айазом, все же свиделась с ним. Как Салиме, совершенно не ожидавшая встречи с Салимом, все же встрети-лась с ним... Я тоже хочу, чтобы ты так же неожиданно встрети-лась со своим другом и свиделась с милым, ко-торый ожидает тебя. Ночь еще не кончилась, вставай и иди к другу и поблагодари души Махмуде и Салиме!»

Худжасте хотела последовать его совету, но показ-залась Махмуде-день, Салиме-утро показала свой свер-кающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всею влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о купеческой дочери и трех женихах ее
и о том, как пери похитила девушку
и как она вновь была возвращена женихам**

Ночь тридцать пятая

Когда облаченный в желтый кафтан властитель-солнце направился в царство запада, а пышная свита повелителя мира — месяца выехала с востока, Худжа-

сте, задумавшись и погрузившись в размышления, пришла к попугаю. Попугай, увидев, что она в таком состоянии, спросил: «О хозяйка, весь мир печалится о тебе! О ком же печалишься ты? Вся вселенная заботится о тебе! О ком же заботишься ты? Почему ты так призадумалась и погрузилась в размышления?» — «О Аристотель наших времен, о философ нашей эпохи, — ответила Худжасте, — вчера мне пришло в голову, что я полюбила этого юношу и притом совершенно не знаю, мудр он или глуп, учен или невежда. Но общество невежды страшнее смерти, встреча с глупцом — бесконечное горе».

Нахшаби, дураков ты всегда избегай,
Чтобы жизнь твоя мирно и счастливо шла.
Правда, всех нас Аллах охраняет всегда,
Только жизнь с дураком не бывает мила.

«Установить это нетрудно, — сказал попугай, — и узнать это легко. Ты пойди сейчас к твоему другу, пойди на свидание с возлюбленным, расскажи ему историю купеческой дочери Зухры и трех женихов, отнявших ее у пери *, а затем изложи рассказ о дочери царя и о том, как ожили ее муж и брахман. Если он даст правильный ответ, будет ясно, что он разумный человек и смышленный юноша». — «А что же это за история?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что в Кабуле жил был один купец, обладавший несметными сокровищами и бесчисленным богатством, чрезвычайно красивый и крайне мудрый. И была у него дочь по имени Зухра, добронравная и красивая, разумная и изящная. Все вельможи и сановники стремились посвататься за нее, мечтали жениться на ней, но отец говорил: „Я отдам ее только за того, кто выдается своими знаниями и отличается искусством“.

Весть эта распространилась по городу, слух этот пошел по стране. А в одном городе было три молодых жениха, чрезвычайно хитрых и крайне смышленных. Отправились они все трое в Кабул и послали купцу весть: „Если твоя дочь ищет мужа, который выдавался бы своим искусством, то мы все трое отличаемся искусством и славимся познаниями“. — „Искусство мое таково, — сказал первый, — что я знаю всякую тайну, всякую вещь, которая где-нибудь в мире совершается, осведом-

лен о всех добрых и злых делах, которые происходят“. — „Я могу сделать из дерева коня, — молвил второй, — при помощи талисманов заставить его двигаться, и эта лошадь, подобно ковру Соломона, несет всадника с такой быстротой, что путь месяца она пролетает в один день и в одну ночь совершает обратный путь“. — „Я с необычайной ловкостью владею луком и стрелами, — поведал третий, — стрела моя никогда не летит мимо, никогда не может промахнуться; каждая стрела, которую я пускаю, попадает в цель и впивается в мишень“.

Когда отец сообщил своей дочери об искусстве этих опытных людей и передал ей содержание их послания, дочь сказала: „Одну ночь мне надо подумать. Завтра утром я скажу, кого выбрала“.

Случайно в ту же ночь эта девушка скрылась, в ту же самую ночь исчезла. Наутро в городе поднялась тревога, из дома доносился шум, и никому не было известно, что с ней случилось. Купец пошел к тому юноше, который похвалялся умением прорицать, говорил, что знает все, что случится в мире. „Скажи мне, о юноша, что случилось с моей дочерью“, — попросил он юношу.

Тот немного подумал и ответил: „Наука моя показывает и устанавливает, что дочь твою унесла пери и держит ее на горе, на вершину которой не могут подняться люди, к которой не может приблизиться человек“.

Купец сказал второму юноше: „Сделай из дерева коня, укрепи на нем талисман и дай его юноше-лучнику, чтобы он сел на него, полетел на ту гору и своими не знающими промаха стрелами убил бы ту пери и вернул мне мою дочь“.

Так и сделали. Юный лучник сел на волшебного коня, полетел в горный замок, убил пери и привел назад девушку. Купец устыдился юношей, начал осыпать их милостями и подарками, восхвалять их. И народ тоже прославлял этих искусников за их умение и восторгался ими».

Нахшаби, об искусстве заботься всегда,
Счастлив тот, кто умением славен своим.
Кто искусством почета добиться сумел,
Тот всегда будет славен умением таким.

«Искусные юноши распахнули врата спора и препирательства, заложили основание распри и раздора, и каждый начал доказывать свои права на Зухру. Та ко-

лебалась и раздумывала, кого же прогнать, а кого выбрать, кого оставить, а кого отпустить, ибо в деле избавления ее от пери все они были равны, в освобождении ее от джинни у всех троих были одинаковые заслуги».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, если ты желаешь узнать, учен или неучен твой друг, хочешь установить, смыслен ли он или глуп, расскажи ему эту историю, попроси ответа и скажи: „Кто из этих трех людей имеет право на Зухру, кто из этих юношей достоин ее?“ Если он даст правильный ответ, то знай, что он действительно великий муж и разумный человек. Если же грудь твоя не успокоится от ответа на этот рассказ, то расскажи ему другую историю и попроси ответа.

А история эта такова. Однажды сын царя увидел в капище девушку, сердце его вспыхнуло любовью к ее лицу, и грудь его была окована ее кудрями. Сын царя дал обет: „Если эта прекрасная девушка станет моей супругой и если судьба подарит мне ее, я пожертвую этому идолу свою голову, своими собственными руками сниму ее с шеи и положу перед ним“».

Поистине, для влюбленных играть своей головой — пустячное дело. Первое, с чего начинают, — это жертвовать головой и жизнью.

Нахшаби, ты в любви головой не рискуй,
Ведь влюбленным нетрудно рискнуть головой.
Много разных ступеней в любви, но всегда
Хочет с жизнью расстаться влюбленный, мой друг!

«Царь послал отцу этой девушки весть и потребовал ее в жены для своего сына. Отец девушки дал согласие и выдал дочь за сына царя. Призвали опытных астрологов и мудрых звездочетов, и, когда эти странники сней пустыни небесного свода и мореплаватели моря небосклона выбрали счастливый день и благоприятный час, собрались разумные визири и мудрые эмиры и отпраздновали, по обычаям их религии, заключение брачного договора между девушкой и сыном царя.

Радость наполнила весь город и всю страну, и девушку повели к царевичу. В скором времени влюбленный получил возлюбленную, желающий соединился с желанной».

Нахшаби, постоянно ты к другу стремись,
В мире друга ценнее ведь нет ничего!
Счастье высшее, милый, лишь тот испытал,
Кто сумел себе друга добыть своего!

«Через несколько дней отец девушки пригласил к себе зятя, попросил его прибыть к нему в город. Юноша отправился вместе с женой и прихватил с собой брахмана, который был его сотрапезником. Дойдя до того капища, где он впервые увидел девушку, юноша вспомнил с своим обете. Он почувствовал, что обет необходимо выполнить и сказал: „Верность клятве — примета благородных людей, а несоблюдение клятвы — признак всех низких“.

Затем он вошел в капище, отрезал себе своей собственной рукой голову и бросил ее к ногам идола. Брахман, увидев, что юноша долго не возвращается, тоже вошел в капище и, узнав, что случилось, сказал: „Жизнь моя без него будет для меня наказанием, существование мое будет для меня карой. Раз он ушел, может ли быть для меня в жизни покой, может ли быть услада от существования?! А затем, кому известно, что это он сам убил себя?! Если я не последую за ним и не убью себя, все люди подумают, что это я убил его из-за этой женщины, устранил его, прельстясь его женой“. И брахман тоже отрезал себе голову и бросил ее к ногам идола.

Через некоторое время девушка вошла в капище и увидела, что оба они убиты. Она изумилась: что это, мол, за странное дело, что такое произошло? И решила она тут же развести большой огонь и сжечь себя в этом самом капище, но из воздуха слышался голос: „О женщина! Приставь головы к их телам и посмотри, что свершит вращающийся небесный свод, что покажется из-за покрова тайны“.

Женщина, радуясь этому видению и восторгаясь тем, что услышала, не поостереглась и приложила голову мужа к телу брахмана, а голову брахмана к телу мужа. Тотчас же оба ожили и встали перед ней.

Между телом царевича и головой его началось прекрательство и разгорелся спор. Голова утверждала: „Эта жена принадлежит мне“. Тело же восклицало: „Нет, это моя жена!“»

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, если ты намерена установить и выяснить ученость или невежество своего друга, расскажи ему и эту притчу и потребуй от него ответа: должна ли эта жена по праву достаться голове или же должна принадлежать телу?»

«О попугай,— сказала Худжасте,— прежде чем мне пойти к нему и задать ему этот вопрос, распутай этот запутанный узел и объясни, как надлежит правильно ответить на эти вопросы».

«В первом рассказе,— отвечал попугай,— Зухра, дочь купца, принадлежит тому юноше, который сел на деревянного коня и поднялся на вершину горы, ибо два других юноши только показали свое искусство, а он рисковал своей жизнью и мог ввергнуть свое тело в погибель. Во втором рассказе получить девушку должна голова царевича, а не тело его, ибо голова — местонахождение разума и мозга и в ней заключена большая часть чувств. Поэтому ученые и называли голову „обителью чувств“. Голова подобна всаднику, а тело — коню. Но почет подобает победителю, а не побежденному, уважения заслуживает всадник, а не конь».

Дело большое — глава, Нахшаби!
Если ты можешь — главенства ищи.
Ножке златой подобает туфля,
Но голове ты тюрбан притащи!

Когда попугай дал Худжасте такие наставления, она собралась пойти, но в это время голову ночи отделили от ее тела, а телу небесного свода приставили голову солнца; поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о любви брахмана и вавилонской царевны
и о том, как они достигли своей цели
благодаря стараниям кудесника**

Ночь тридцать шестая

Когда Харут-солнце опустился в Вавилонский колодец запада *, а кудесник-месяц, подобно чаше фараона, вышел из Египта востока, Худжасте пошла к попугаю за разрешением. Увидела она, что попугай украшен воротничком горлицы, рокотом соловья и красною павлина, и сказала: «О чистый друг и верный приятель! Четыре вещи являются признаком благородства: щедрость без восхваления, подарки без просьбы, дверь без завесы и верность без нарушения обета. Ты все время толкуешь мне об искренности, даешь обеты верности и утверждаешь, что в конце концов доставишь меня к моему другу, непременно устроишь мне свидание с моим возлюбленным. Надо же наконец выполнить обещание и сдержать свой обет!» — «О хозяйка, — ответил попугай, — четыре вещи ведут человека к другим четырем: воздержание ведет к истине, нетребовательность ведет к покою, терпение ведет к возлюбленному, и старание ведет к желаемому».

Нахшаби, ты старанье во всем прилагай,
Только так человек то, что ищет, найдет.
Всяк, кто в деле своем потрудиться готов,
Тот до цели своей непременно дойдет.

«О Худжасте, ты в своем деле проявляешь величайшее усердие, прилагаешь к нему много усилий и в конце концов ты увидишься со своим другом, несомненно встретишься со своим возлюбленным. Но только я советую тебе делать это так, чтобы и друг попал тебе в руки, и муж не ушел бы у тебя из рук» — «А как же это сделать?» — спросила Худжасте.

«Рассказчики повестей и повествователи историй говорят, — отвечал попугай, — что жил-был некогда один брахман, прекрасный и мудрый. Из своего города отправился он в Вавилон, а Вавилон известен колдовством и славится кудесничеством. Случилось это в весенние дни, в то время, когда благоухающая розами невеста-цветник была в роскошном одеянии, а красавица со щеками, подобными тюльпанам, — поляна была в роскошной одежде».

Нахшаби, время чудно, когда расцветают цветы,
Нам с лугов и полей тогда трудно уйти.
Впрочем, пусть не цветут розы в наших садах:
И весной такой розы, как ты, не найти.

«Однажды брахман гулял в цветнике роз, протягивал на лугу руку к гнацинту и базилике и увидел дочь вавилонского царя, которая тоже пришла прогуляться в этот сад. Взгляд брахмана упал на эту девушку, а взгляд девушки упал на брахмана. Он был пленен ее красотой, а она всем сердцем привязалась к его локонам. Спустя некоторое время царевна пошла домой и захворала, а брахман вернулся на свою стоянку и занемог. Никто не носил от него к ней весточки, никто не мог принести от нее к нему привета. Ужасное это страдание! Поразительный недуг! Нельзя этой боли скрыть, но и поведать об этом горе нельзя никому!

Но брахман был юношей хитрым, человеком смысленным. Он пошел к опытному чародею, мастеру-кудеснику, и поступил к нему в услужение. Когда кудесник начал наконец стыдиться его услуг, он однажды сказал брахману: „Если есть у тебя какое-нибудь желание, — скажи нам, если есть мечта, попроси нас об этом“.

Брахман рассказал историю о цветнике и описал, как он влюбился. „Я полагал, — сказал кудесник, — и был уверен, что ты будешь просить у меня рудник красной серы, попросишь гору золота и изумрудов. Свести человека с человеком — дело трудное, соединить двух людей — задача нелегкая“. Затем изготовил он перстень с талисманом и сказал: „Если мужчина возьмет этот перстень в рот, то до той поры, пока он будет держать его во рту, всякий, кто увидит его, будет принимать его за женщину. А если женщина возьмет его в рот, то до тех пор, пока он будет у нее во рту, всякий будет думать, что это мужчина“.

На другой день кудесник облачился в одежды брахманов, заставил брахмана взять в рот перстень, пошел с ним к вавилонскому царю и сказал: „Я — некий брахман, и у меня был сын. Внезапно им овладело безумие, рассудок его затуманился, и он куда-то сбежал. Эта женщина — его жена, и она является для меня страшной обузой. Если ты согласишься на несколько дней отвести ей место в твоём гареме, я со спокойным сердцем смогу обойти мир и поискать моего пропавшего сына“.

Царь дал свое согласие, послал брахмана к своей дочери, приказал ухаживать за ним, велел заботиться о нем. Так больной попал в больницу, страждущий добрался до жилища врача! Царь не знал, что ученые сказали: „Нечего подгонять кошку к салу и собаку к мясу“».

Всякое дело ты прежде обдумай,
Ивы занятие — трястись постоянно.
Кто не подумав за дело возьмется,
Каяться будет всю жизнь неустанно.

«Царевна по приказу царя стала заботиться о брахмане, любовное горе его от близости царевны облегчилось, и между ними установилась прочная дружба и большая любовь. Однажды брахман спросил царевну: „По какой причине ты хвораешь, отчего ты больна?“

Царевна хотела скрыть свою тайну, не желала выдавать своего секрета, но брахман молвил: „Из твоих холодных вздохов и твоей бледности мне ясно, что сердце твое занято страстью и душа твоя пленена любовью. Открой мне свою тайну, быть может, я сумею найти лекарство от твоего недуга, сумею залечить твою рану“.

Девушка, увидев, что он тоже страдает от недуга и ведет речь о лекарстве, поведала ему рассказ про сад и сообщила ему о брахмане. „Если ты сейчас увидишь того брахмана, — спросил он, — ты узнаешь его?“ — „Ясно и очевидно, что узнаю!“

Брахман вынул изо рта кольцо, и царевна воочию увидела облик брахмана. Охватило ее смятение, и она спросила: „Что же все это значит?“

Брахман рассказал про кудесника и кольцо, царевна похвалила его смышленость, поразились его рассудительности и сказала: „Такого изменения формы и такой перемены облика никогда не делал ни один мудрец, про это никогда не слышал ни один философ. Пойдем, проведем несколько дней без помех со стороны соперников, побудем немного вдвоем без всяких неприятностей со стороны чужих. Ведь сад без садовника — это счастье, а сокровищница без сторожа — удача“.

И пошла у них счастливая жизнь, зажили они весело и радостно. Дни проводили вместе без помех и неприятностей, по ночам покоились в одном месте.

Внезапно вмешался в это дело злой глаз, пришла в действие ревность коварного небесного свода.

Поистине, судьба стремится причинить горе!

Однажды брахман, которого считали женщиной, положив в рот кольцо, мыл голову. На него упал взгляд сына царя, разглядел царевич как следует его тело, основательно рассмотрел все его члены и тотчас же влюбился в его лицо и привязался к его кудрям. Послал он брахману весть, но тот сурово ответил на мольбу царевича. Царевич, услышав такой ответ, захворал от страсти, занемог от любви и впал в отчаяние. Весть об этом доставили царю. Он молвил: „Если я отдам эту сноху брахмана сыну, я запятнаю себя вероломством. Если же я останусь верным обещанию, мой сын погибнет“.

В конце концов отеческое чувство взяло верх, и он послал кого-то к „снохе“ сказать ей: „Надо, чтобы ты успокоила разум моего сына, занялась его делом и не дала бы ему погибнуть, ибо он готовится к смерти и издает прощальные возгласы“. „Сноха“ брахмана сказала: „Дайте мне несколько дней отсрочки, чтобы я смогла оплакать моего мужа и раздать во имя его милостыню. Тогда царь может поступить со мной, как ему заблагорассудится“.

Царевич обрадовался этой вести и воспрянул духом, услышав обещание возлюбленной. Но ночью „сноха“ брахмана и царевна, улучив удобное мгновение, бежали и пошли к тому кудеснику. Кудесник вынул перстень изо рта „снохи“ и положил его в рот царевне. И „сноха“ и царевна обе стали казаться мужчинами. К ним приходили гонцы царя, отправленные разыскать царевну, но никто не узнал, кто они такие.

Несколько дней царь производил расследование по всем окрестностям, приказал обыскать все кварталы, но беглецов не было и следа, не было о них и слуха.

„Поистине, кто не верен своему слову,— говорил царь про себя,— тот должен испытать то, что испытал я; тот, кто верность заменяет коварством, увидит то, что увидел я“».

Нахшаби, во всяком деле верность соблюдай,
Лишь таких людей, мой милый, честными зовут.
Кто коварство честной жизни склонен предпочесть,
Те во век свой в этом мире счастье не найдут.

«Через несколько дней, когда брахман увидел, что царь омыл руки от поисков своей дочери и что шум розысков притих, он отправился в своем прежнем облике вместе с кудесником, снова нарядившимся брахманом,

к царю. „Благодаря царскому счастью,— сказал кудесник,— я нашел своего потерянного сына и вновь соединился с ушедшим от меня дорогим юношей. Вот это и есть мой сын! Теперь верни мне его жену, которую я попросил тебя хранить в твоём гареме“.

Царь рассказал историю ее исчезновения, поведал о том, как она ушла. Кудесник принялся притворно браниться, стал обвинять царя в вероломстве, сорвал с себя свой пояс, порвал на себе одежды и пошел прочь, восклицая: „Я сейчас убью себя и брошу себе на шею мои внутренности!“

Царь созвал вельмож города и велел дать кудеснику лак* дирхемов звонкой монетой в уплату за его сноху. Кудесник с недовольным видом забрал это серебро, возвратился с брахманом домой и сказал царевне: „Нужно, чтобы впредь ты днем всегда держала во рту это кольцо. По ночам вынимай его, играй с брахманом в любовную игру и живи на эти деньги в довольстве и покое. Когда же все деньги будут израсходованы, приходи ко мне, и я придумаю что-нибудь другое...“»

Где бы нам найти счастливца, Нахшаби?
От рассказчиков преданий я слышал,
Что мирских богатств обилье у того,
Кто счастливца в этом мире отыскал.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, подобно тому как эта девушка приобрела деньги, но не выпустила из рук и друга, и ты должна, не упуская из рук мужа, стараться раздобыть друга. Теперь вставай и ступай к своему другу».

Худжасте хотела последовать его совету, но в это время кольцо-солнце выпало изо рта брахмана-востока, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о завульском царевиче,
дочери купца и правителе города
и о том, как царь и визирь влюбились**

Ночь тридцать седьмая

Когда восточный купец-солнце сложил свои пожитки на западе, а украшенный серебряным венцом правитель-месяц взошел на трон востока, Худжасте, полная стыда и раскаяния, пришла к попугаю и сказала: «О поверенный моих тайн и сокровище праведности! Четыре вещи скверны сами по себе и становятся еще хуже, когда их делают четыре разряда людей: ложь, когда ее говорят ученые; поспешность, когда ее проявляют мудрецы; скупость, когда ею отличаются вельможи, и бесстыдство, когда им замарана женщина. Отныне я хочу ухватиться за рукав правственности, убрать ногу под подол праведности, оставить это бесстыдство и отказаться от своих порочных замыслов».

Нахшаби, с делами злыми навсегда расстанься!
Ведь от них удачи вряд ли сможешь ты дожждаться.
Знай, что тот лишь будет счастлив, кто от злого дела
Для хороших дел и добрых может отказаться.

Хитрец-попугай заиграл мелодию хитрости и повел такую речь: «Ох, ох, что это за слова?! Ох, ох, что это ты говоришь?! Правда, невинность и праведность всегда желательны, но только, не дай Аллах, как бы от невинности и непорочности не случилось бы с тобой то же, что было с завульским царем, который в любви проявил непорочность и праведность и от этого и погиб...» — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Прочитал я в свитках повестей и в книгах рассказов, — отвечал попугай, — что некогда в Завуле жил один купец, чрезвычайно богатый, обладавший великими сокровищами. И была у него дочь по имени Махрусе, красой своей представлявшая собой достопримечательность времени, прелестью своей являвшаяся редкостной диковинкой.

Мудрость Лукмана * и Иосифа облик,
Верность Билькис ** и смирение Мариама ***.

Ученые люди мечтали посвататься за Махрусе и жениться на ней, гнались за этим и сановники, но купцу

никто не правился, никто не мог его удовлетворить. «Это солнце, эту царицу я вручу только царю», — говорил он.

Как-то раз купец описал красоту, совершенство, скромность, невинность и прелесть своей дочери на листе бумаги, изложил все это в письме, отправил это описание через привратника царю и велел передать ему: „Если царь соблаговолит почтить эту девушку браком, захочет удостоить ее женитьбой, то и красота девушки увеличится, и сам царь обретет верх совершенства“.

Царю понравилось это послание, и начал он в сердце своем произносить такие слова: „Если счастливец даже и не гонится за счастьем, то счастье все же, подобно рабу, приходит к его дверям; если удачник даже и не ищет удачи, она все же сама хватает его за полу“.

Было у царя четыре визиря, отличавшихся совершенством разума, всяческими добродетелями, преданностью и смышленностью. Всех четверых послал он в дом к купцу. Одного назначил доверенным, другого — свидетелем и сказал: „Ступайте посмотрите на эту девушку, и если она по красоте и совершенству, прелести и изяществу достойна этого трона и подобает этому дворцу, то нанижьте эту жемчужину на нить брака, тотчас же включите этот перл в ожерелье замужества“.

Разумные визири, действуя по указанию своего властелина, пошли к купцу, произвели расследование относительно Махрусе и прочитали страницу ее красоты. Увидели они лицо, сверкающее и свежее, нашли чело, неизмеримо совершенное и прекрасное, ясное и величавое. Все четверо едва не выпустили из рук поводья самообладания и от восхищения чуть-чуть не влюбились в нее до потери сознания. Про себя же они молвили: „Если эта Лайла пойдет в покои царя, он тотчас же станет ее Маджнуном; если эта Ширин войдет в дом Хосрова, он в то же мгновение станет ее Фархадом и так погрузится в любовь к этому месяцу, что забудет о царстве и государстве, перестанет думать о народе и подданных. По этой причине появится в делах государства разруха, страна придет в упадок“.

Затем все четверо пришли к царю и единодушно и единогласно сказали: „Эта женщина обладает самой обыкновенной красотой, таких, как она, много в этом

дворце, подобных ей достаточно возле этого трона". — „Если это так, — возразил царь, — почему же отец так расписывал ее?" — „Глаз благоволения не видит недостатков любимых существ, — отвечали визири, — око увлечения не видит пороков своих близких. Рассказ о Махмуде и абиссинце известен, притча о мечети знакома всем"».

Друга порок — не порок, Нахшаби!
Видит зерно, не скорлупку наш глаз.
Только чужие увидят порок,
Друг постоянно прекрасен для нас.

«„А затем, если она даже и красивая девушка, если она прекрасная женщина, то что общего между царем и купцом? Какое сходство между царем царей и человеком, гоняющимся за прибылью? Лев пускай лучше сражается со львом, Рустаму * лучше не связываться с не-Рустамом. Не следует терять свое величие в глазах подданных, не следует направлять свое благоволение на низших, ибо нет для человека украшения лучше величия, нет для него капитала ценнее, чем благоволение.

Разве не доходил до слуха царя рассказ о том, как однажды к царю пришел йог и сказал: „Я принес товар, цена которому лак дирхемов". — „Что за товар?" — спросил царь. — „Железный посох и деревянная чашка".

Царь купил этот товар и дал йогу лак дирхемов. Когда настала ночь, в первую стражу царь увидел во сне прекрасную женщину и спросил ее, кто она. „Я — судьба твоя", — ответила она. „Зачем ты пришла?" — „Я пришла проститься с тобой". — „Куда же ты идешь?" — „Туда, где есть величие. Пока ты не покупал этих вещей, я могла быть возле тебя, но теперь, когда ты купил их, я не могу оставаться там, где они есть". — „Ступай", — сказал царь.

Во вторую стражу увидел он во сне какого-то мужа и спросил его, кто он. „Я — сила твоя", — ответил муж. „Зачем же ты пришел?" — „Проститься с тобой". — „А почему ты уходишь?" — „Я не могу оставаться там, где есть эти вещи". — „Ступай же", — сказал царь.

В третью стражу увидел он во сне старца и спросил его, кто он.

„Разум твой", — сказал старец. „Зачем же ты пришел?" — „Проститься с тобой". — „А почему ты ухо-

дишь?“ — „Я не могу жить там, где есть эти вещи“. — „Ступай“, — сказал царь.

В четвертую стражу увидел он во сне ангела и спросил его, кто он. „Я — величие твое“, — ответил ангел. „Зачем же ты пришел?“ — „Пришел проститься с тобой“.

Царь вскочил, схватил его за полу и сказал: „Я силою твоею побеждал стольких врагов, с помощью твоей помогал стольким друзьям! Если ты расстанешься со мною — я погибну, если ты отвернешься от меня, мне не к кому будет прибегнуть“.

Величие засмеялось и молвило: „Если ты вцепился в мою полу, то и я не выпущу тебя из рук и до конца дней твоих останусь с тобой“.

Когда настал день, царь увидел, что все его богатство и золото на месте, что судьба его не изменилась и разум и рассудок не покинули его.

А рассказ этот мы привели, дабы показать, что, так как царь не выпустил из рук полу величия и все прочие атрибуты его счастья тоже оказались устойчивыми, и могущество его не рассталось с ним“».

Нахшаби, величаво ты ввысь устремись,
Не годится в углу на циновке лежать.
Кто к величью стремится на этой земле,
До небесного трона тот сможет достать.

«Услышав от визирей такие речи, царь счел этот замысел негодным и изгнал из сердца это желание.

Купец же, потеряв надежду стать тестем царя, выдал Махрусе за правителя того города. Дом правителя был близ царского дворца. Как-то раз Махрусе подумала: „Что же такое моя красота, если царь отклонил предложение отца и не согласился взять меня в жены? Надо мне хоть раз показаться ему, чтобы посмотреть, что случится и не полонит ли его любовь“.

Однажды, когда царь поднялся на свою башню, Махрусе показалаась ему. При всей своей мощи и при всем величии царь стал пленником аркана страсти и был схвачен лапой любви. Про себя он молвил: „Что за коварный поступок совершили визири! Они скрыли от меня ее красоту, которую невозможно скрыть даже покровом неба!“ Но затем он подумал: „Нет, они, наверное, устремили взгляд на начало дела, но направили

взор и на окончание его и поняли, что если я влюблюсь в эту женщину, займусь ею, то в делах страны произойдет разруха“.

Царь от страсти занемог и в скором времени слег.

Поистине, во всякую голову залетает любовь, но не должна она касаться царского венца, от планеты страсти до зенита царской мощи большое расстояние!

Все рабы единодушно давали царю злой совет, что правителя, мол, надо убить и так добиться своей цели. Но царь был человеком богобоязненным и честным, не хотел он отступать от праведности, не желал покинуть порядочности и говорил: „Хотя бы пришлось мне в этом деле проститься с жизнью, я никогда не совершу предательства и никогда не покину праведности и порядочности“.

В конце концов царь расстался с жизнью, умер, преследуемый все той же мыслью.

Когда Махрусе услышала весть о его кончине, она сказала: „Он из любви ко мне проиграл свое царство, расстался из-за меня с жизнью. Будет несправедливо, если я не принесу своей жизни в жертву его могиле и не брошу тело свое на его прах“.

Однажды, под предлогом посещения праха мученика, покинула она дом, пошла на его могилу и убила себя там кинжалом, который захватила с собой. Правитель, услышав об этом, пошел туда же, собственной рукой отрезал себе голову, своей рукой отнял у себя жизнь. Всех трех погребли в одном молитвенном месте, и могила их стала кыблой * для всех нуждающихся в помощи людей“».

Сила скрыта в чистом прахе, Нахшаби!

Счастлив тот, кто поклоняется ему.

Кто страдает от несчастий, пусть пойдет

Праху славному поклонится тому!

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, праведность и невинность — хорошее дело, а только не годится, чтобы с тобой случилось то же, что с тем царем, чтобы с тобой приключилась такая же история. Вставай, ступай к своему другу и забудь о своем отречении».

Худжасте хотела последовать его совету, но светлый отшельник-солнце высунул голову из обители востока,

поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о сыне сенстанского эмира,
о белом слоне, черной змее и о том,
как служил ей сын эмира**

Ночь тридцать восьмая

Когда золотой дракон-солнце ушел в пещеру запада, а белый слон-месяц вышел из Хинда востока, Худжасте, подобная человеку, укушенному змеей или раненному слоном, пришла к попугаю просить разрешения и сказала: «О попугай! Ты все время похвалялся своей любовью ко мне, но толку от этого не было... А ученые говорят, что четыре вещи проистекают из других четырех: вражда — из зависти, унижение — из споров, ненависть — из насмешек и разлука — из легкомысленного отношения. Я сегодня уж который раз прихожу к тебе, а ты не оказываешь мне никакого почета и заставляешь меня возвращаться со стыдом и унижением. Кому можно рассказать об этом? Кому можно поведать такой рассказ?»

«О хозяйка, — ответил попугай, — что это за слова ты говоришь? Какими упреками осыпаешь меня? Ты пользуешься почетом у всего мира, кто же может отнестись к тебе с презрением? Тебя уважают все люди, кто же может отнестись к тебе непочтительно? Но все, что я говорю, я говорю лишь для тебя, все мои мысли направлены лишь на твое благо. Ученые говорят: „Дерево совета очень горько, но зато плоды его чрезвычайно сладки“».

Ты советов своих не жалей, Нахшаби,
Кто советам внимает, весь мир покорит.
Пострадает лишь тот, кто не хочет внимать,
Тем убытка не будет, кто сам говорит.

«О Худжасте, что было, то было, что прошло, то прошло, что случилось, то случилось. Теперь вставай, ступай к своему другу и не допускай никакой оплошности в повиновении ему, не позволяй себе ни малейшей вольности в служении ему, подобно тому сыну сеистанского эмира, который служил змее, и служил не напрасно. Ведь ты будешь служить человеку, как же может пропасть понапрасну твоя служба?!» — «А что это за рассказ о сыне эмира и змее?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что в Сеистане * был некий эмир, у которого было два сына. Старшего он сделал своим престолонаследником и вручил ему поводыя всех дел. По этой причине братья охладели друг к другу и в конце концов перешли к открытой вражде.

Поистине, брат должен быть еще и другом — чужой человек, настроенный дружелюбно, лучше брата, настроенного враждебно!

От крайней печали и тоски младший брат покинул Сеистан и в смятении своем подобно серпу резал на полях мира день и ночь, стоянки и переходы, как золотой шар-солнце катился по лугам, водопоям и привалам, проливал из глаз слезы на тысячи ладов и в конце концов удалился от своего царства и государства. „Путешествие — это бедствие“, — гласит арабская поговорка. Не было у него товарища, которому он мог бы поведать горе сердца, не было друга, которому он мог бы раскрыть свою тайну. Арабы говорят: „Жизнь на чужбине — сплошная беда, разлука — сплошное терзание“. Каждый день измерял он циновку скорби, каждую ночь валялся в люльке тоски. В конце концов остановился он в одном городе, поселился в одном местечке, но от недостатка средств стало ему трудно жить, пришлось ему очень плохо. Молвил он про себя: „Если время не ладит со мной, надо мне подладиться под него, если судьба не хочет мириться, надо ей покориться“».

Постарайся мириться с судьбой, Нахшаби,
Александра ** и Дария вспомни судьбу.
Ты ведь знаешь прекрасно превратность судьбы,
Не вступай же напрасно ты с нею в борьбу.

«Ночью сын эмира дал обет и сказал: „Завтра утром, когда ночь будет обращена в бегство, а день победит, выйду я из дома и поступлю на службу первому, кто попадет мне навстречу, будь то слабый мураш или жужжащая муха“.

Выйдя из дома, он увидал черную змею, высунувшую голову из норы. Увидев его, змея тотчас же спряталась. Сын эмира сказал: „Раз я дал обет, я должен стать ее слугой“.

Он подошел к норе и подал голос. Змея удивилась: „Как это человек пришел к дверям своего врага?! Как это он зовет свою собственную смерть?!“

Змея не выползла, тогда сын эмира сказал: „О ты, не ведающая печалей! О султан покоя! Слышал я, что однажды некий мудрец спросил змею: „Когда заклинатель подходит к твоей норе и начинает говорить с тобой нежным голосом, почему выползаешь ты из норы и даешься ему в руки?“ — „Мне становится стыдно, — ответила змея, — что кто-то приходит к моей норе, зовет меня, а я не выхожу“. — „О змея! Я не чародей и не заклинатель! Я человек, впавший в нужду, и пришел к тебе с просьбой. Если ты выйдешь, я расскажу тебе мою историю“.

Змея выползла. Поистине, верно сказали арабы: „Лаской можно даже змею заставить выйти из норы“».

Человек — это страшная сила, мой друг,
Его планов стрела в цель всегда попадет.
На земле и в воде — он повсюду силен!
И ни рыба, ни змей от него не уйдут.

«И начал сын эмира служить змее, как раб, стоя на одной ноге. „Кто ты такой, — спросила змея, — откуда идешь и по какому делу пришел?“ — „Я сын сеистанского эмира, — ответил он, — превратности судьбы заставили меня испытать такого яда, притеснение времени довело меня до такого дня. Отец меня притеснял, брат враждовал со мною, и я пустился по миру. Мне стыдно служить сынам своего собственного рода, опоясываться поясом служения перед такими же существами, как я сам. Поэтому я хочу несколько дней послужить тебе, некоторое время хочу быть твоим рабом. В тебе есть несколько таких вещей, которые делают возможным служение тебе, есть такие свойства, каких нет у людей. Первое из них то, что в голове твоей есть жало, причиняющее боль, но

зато под тобой — сладость клада. Затем, ты, подобно почтенной матроне, большей частью закрываешься прахом, подобно отшельнику, большую часть года проводишь под землей. Затем, то, что ты убиваешь даже собственных детей, если знаешь, что они кому-нибудь причинят вред, сама устраняешь от людей ту пагубу, которую они могли бы принести. По причине такой избранной природы, вследствие таких похвальных поступков я решил служить тебе, поступить к тебе в услужение“.

Змее эти речи понравились, и она согласилась принять его в свое общество. Когда прошло несколько дней и стало ясно, что сын эмира оказывает ей большие услуги, змея обратилась к нему с такой речью:

„О сын эмира! Я уже давно довольствуюсь прахом, не ищу ничего, кроме пустыни, очень давно отказалась от развалин и не сторожу кладов. В окрестностях нет зарытых денег, которые я могла бы дать тебе, нет поблизости клада, который я могла бы подарить тебе. Но я чрезвычайно сконфужена твоей службой, твое смирение заставляет меня стыдиться. Я не могу отпустить тебя, ничего тебе не дав, не могу проститься с тобой и позволить тебе уйти с пустыми руками. Скорее ступай в такой-то город, а я пойду следом за тобой“.— „Прекрасно“,— сказал сын эмира. „А у царя того города,— продолжала змея,— тысяча прирученных слонов, среди которых есть один белый. Этого слона тот повелитель чрезвычайно любит и ценит и ни единого часа не может провести без него. Когда этот слон пойдет на водопой, я заползу ему в хобот, буду всячески терзать его и не выползу до тех пор, пока ты мне не прикажешь. Когда ты покажешь такое искусство, тебе дадут все, что ты захочешь, подарят все, что бы ты ни попросил“.

Сын эмира направился в тот город, змея поползла следом за ним. Улучив удобный случай, она заползла слону в хобот и начала на сто ладов терзать его. Слоны принялся исторгать вопли, валяться по земле, пришел в такое смятение, что от этого в смятение пришел весь город, и все звери и птицы тоже начали волноваться, и никто не мог прийти в себя».

Муки змей и слонов, это знай, Нахшаби,
Невозможно, мой милый, сравнить никогда.
То лишь мукой считай ты, когда лютый слон
От отчаянья станет слабей комара.

«Сколько ни старались знахари, сколько ни мучились кудесники, страдания слона становились все больше, иступление его становилось все ужаснее. Царь повелел кликнуть клич по городу, что всякий, кто сможет успокоить этого слона и облегчить ему мучения, заслужит такую-то награду, получит такое-то вознаграждение.

Сын эмира увидел, что печь нагрелась, и через семь дней пошел к царю и сказал: „Я могу вылечить слона, но только надо, чтобы сегодня ночью меня оставили с ним вдвоем“.

Так и сделали. Когда прошла первая стража ночи, сын эмира положил руку на лоб слону, змея выползла из его хобота, оказала услугу сыну эмира, выполнила свое обещание и пустилась к себе домой. Слон же за всю неделю впервые погрузился в сон и наутро проснулся в обычном здравии. Царь поздравил сына эмира с его проникательностью, похвалил его сметливость, оказал ему сотню тысяч почестей, осыпал его всяческими милостями, принял его в названные братья и подарил ему двух слонов, нагруженных золотом. Долго длившаяся нужда сына эмира сменилась покоем, долголетнее унижение перешло в почет. В скором времени правитель этого города из мира брэнного переселился в мир вечный, и правление городом было предоставлено сыну эмира.

Это было следствием его службы и плодом оказанных им змее услуг».

Нахшаби, постоянно вельможам служи,
Постоянный ты в жизни увидишь успех.
Много лет я смотрю на людские дела,
И я вижу, что служба полезна для всех.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, служба змее, являющейся врагом человека, не пропадает понапрасну. Неужели же может оказаться напрасной любовь к человеку и дружба с ним, если он — наивысшее из всех существ в мире? Теперь вставай, ступай к своему другу и стань прислужницей и рабыней его!»

Худжасте хотела последовать его совету, но белый слон-солнце высунул голову из Индостана востока, чер-

ная змея-ночь уползла в пещеру запада, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о корошке, дятле, лягушке, слоне и пчеле
и о том, как королек отомстил слону
с помощью своих товарищей**

Ночь тридцать девятая

Когда златокрылая птица-солнце улетела в гнездо запада, а серебристый сокол-месяц вылетел из царского павильона востока, Худжасте с сотней тысяч сомнений и волнений, терзаний и мучений пришла к попугаю и сказала: «О царь всех пьющих чистое вино и государь всех одевающихся в зеленое платье *! Все мое доверие покоится на твоей отшельнической жизни, все мои намерения связаны с твоей зеленой одеждой, а ты весь мир сделал для себя тесным, всю вселенную превратил в клетку. Приложи же свою зеленую одежду к моему делу, сделай свою рясу моим заступником! Быть может, мой смятенный разум успокоится и мои душевные раны заживут».

Попугай показал свою хитрость и начал увещевать: «О хозяйка, нет никого, кто бы спалил меня с этим деревянным домом и утопил бы с этой пестрой ризой... Келья, в которой нет тайны, не откроет мне ничьей тайны, ряса плохого цвета не подарит ничьей милости. Сколько времени мы с тобой единоклюшны и согласны, и все же дело не двигается с места, стремление не осу-

ществляется! Говорят, что однажды лягушка, пчела и птица, которая была одним из слабейших существ в мире, соединились и погубили слона — самое сильное животное... Почему же у нас с тобой ничего не выходит и успех нам не дается?»

Сила сердца — великая сила, мой друг,
Ею все можно с места подвинуть всегда,
Пусть гора велика и страшна, словно Каф *,—
И ее сдвинет сила сердец без труда.

«А что это за рассказ про лягушку, пчелу и птицу?» — спросила Худжасте.

«От опытных рассказчиков и умелых повествователей дошел до меня рассказ, — отвечал попугай. — В крайних пределах западных стран было дерево, закругленное, как царский зонтик, и свежее, словно пушок на щеках у юношей. Корни его доходили до рогов земной коровы, а ветви достигали до дерева Туба **.

На этом дереве свил себе гнездо слабый королек, и постоянно сидел на своих яичках, и не позволял пахнуть на них даже и теплему ветру. Однажды пришел туда слон, похожий на гору, достигавший неба, и потерся своим телом о ствол дерева. Дерево сотряслось, яйца короля упали с дерева и разбились. Несчастный королек в страшном отчаянии и смятении начал бегать то в одну сторону, то в другую, стал порхать с ветки на ветку.

Поистине, что может сделать комар со слоном, что может сказать льву заяц!»

Нахшаби, сильный враг — это горе для всех,
С львом могучим не может никто совладать.
Все же всех нас Аллах охраняет всегда,
Он не даст нам от сильных врагов пострадать.

«„Руку сильного врага, — молвил королек, — можно отрезать при помощи талисмана, завесу могучего противника можно разорвать хитростью“.

У короля был друг, которого звали дятлом. Королек пошел к нему, рассказал свою грустную повесть и сказал: „Такое насилие учинил надо мной слон. Придумай же хитрость, изобрети план и отомсти ему за меня. Ведь друзья и существуют для таких дней, во время несчастий они должны помогать друзьям, в трудные минуты должны поддерживать своих приятелей“.

„Дело слона, — ответил дятел, — дело трудное! Одному с ним не справиться, одной рукой за него не взяться. „Муж силен, когда ему помогают братья его“. Поблизости у меня есть друг, некая пчела, чрезвычайно мудрая и крайнемышленная, я посоветуюсь с ней и спрошу, каково будет ее мнение“.

Королек и дятел отправились к пчеле и рассказали ей всю эту историю.

Пчела, услышав такую весть, призадумалась, выказала сочувствие и сказала: „Я уже давно опоясалась на служение друзьям, по мере сил стараюсь не делать оплошностей, по мере возможности прилагаю усилия. Но здесь есть у меня один друг, предводитель войск, воин прудов, богатырь воды, герой ручьев — он держит в руках поводья раков, управляет и крокодилами. По-персидски его зовут „гук“, по-арабски называют „даф-да“. Он — один из мудрейших среди мудрецов и из замечательнейших хитрецов“.

Затем королек, дятел и пчела втроем отправились к лягушке, рассказали ей о притеснениях слона и попросили у нее совета по этому делу. Лягушка пожалела разбитые яйца и воскликнула: „Успокойся, хитростью можно сровнять гору, благодаря уловке можно навести мост через реку!“»

Хитрость — великое дело, мой друг,
Мудрые с нею всегда побеждают.
Хитрый сумеет взлететь к небесам:
Хитрость полезнее силы бывает.

«Затем лягушка сказала: „Мне пришло в голову, как справиться со слоном. А сделать это надо так: пусть пчела подлетит к его уху, начнет жужжать и бормотать и своим сладостным голосом и чарующим сердце звуком доведет его до бешенства. Когда он взбесится, пусть налетит дятел, своим похожим на гвоздь острым клювом выклюет у него оба глаза и сделает для него светлый мир темным. Когда пройдет несколько дней, им овладеет жажда, тогда я подойду и подам голос. Он узнает, что это водяное животное, признает мой голос и скажет: „Где есть лягушка, там есть и вода“. Он пойдет за мной следом, а я заведу его в такое место, откуда ему будет уже не выбраться“.

Так они и сделали. Все четверо отправились к слону.

Пчела до тех пор жужжала и бормотала возле его уха, пока он не пришел в исступление».

Великий Аллах, если сладостный голос и чарующий звук заставляет взбеситься слона и повергает ниц гору, то что же он должен сделать с чувствительными сердцами, до чего должен довести мягкую грудь!

Пламя страшное — нежный напев, Нахшаби,
Мне понятно, что мог он тебя захватить.
Звук прекрасный, как пламя сухую траву,
Может нежное сердце в мгновенье спалить.

«Когда слон пришел в исступление и потерял сознание, дятел своим жестким и твердым клювом выклевал ему оба глаза и ослепил его. Слон стал неподвижен, как гора, словно стена, остался стоять на месте. Начала его мучить жажда, захотелось ему пить, но не знал он, как пройти к спокойному месту, не знал дороги к водопою. Увидев это, лягушка раскачала цепь обмана, раздула искру предательства, с тысячью уловок, свойственных лягушке, сидящей в воде, начала нежно-нежно подавать голос и потихоньку двигаться с места. Слон понял, что поблизости есть водоем, пошел на звук голоса, направился туда, откуда доносилось кваканье. Лягушка шла вперед, подобно чародею или охотнику, заманивающему газель, а слон все время шел за ней. Внезапно на пути попался колодец, показалась глубокая яма, слон упал в нее, сломал себе хобот, и таким образом в тот же день цель королька была достигнута, желание его осуществилось с помощью друзей».

Нахшаби, помощь друга — прекрасное дело,
Коль помогут друзья, то и прах оживет.
Лишь творец не имеет помощников в деле,
Твари ж помощь друзей облегченье несет.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, два-три слабых животных соединились и совершили такое великое дело. Мы двое уже давно заключили союз и прилагаем сотни усилий. Почему же наше желание не осуществляется и ты не можешь достигнуть своей цели? Вставай же назло времени и на посрамление судьбы и ступай к своему другу!»

Худжасте хотела последовать его совету, но дятел-

солнце выклевал глаза слону-ночи, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о китайском царе,
о том, как визирь написал портрет
и как царица согласилась выйти замуж за царя**

Ночь сороковая

Когда румийская царица дня, то есть солнце, ушла в портик запада, а негритянский царь ночи, то есть месяц, вышел из зала востока, Худжасте, погруженная в размышления, одолеваемая сотнями мыслей, пришла к попугаю и сказала: «О приятель! Некого мудреца спросили: „Что такое сон и что такое смерть?“ — „Сон — это краткая смерть, — ответил он, — а смерть — долгий сон“. Затем спросили его: „Что такое любовь и что такое смерть?“ — „Любовь — это страдание, не ведающее пощады, а смерть — страдание, которое пощаду ведает“, — ответил он. Теперь это беспощадное страдание, прозванное любовью, привело меня на край гибели, вонзило мне нож в кости. Я хочу раз и навсегда отказаться от нее, никогда не произносить ее имени, никого больше не любить и освободиться от этого нестерпимого страдания».

«О Худжасте, — отвечал попугай, — от слов до дела большое расстояние. Что общего у любви с терпением? Как могут соединиться страсть и спокойствие? Жизнь и смерть не совмещаются, огонь и солома не могут пребывать вместе... Что такое желающий без желаний? Как может жить любящий без возлюбленной? Если бы жен-

щина могла жить без мужа, то румийская царица не вышла бы замуж. Она долгие годы сторонилась мужчин, всю жизнь избегала брака и все же под конец вышла замуж и стала женой китайского царя». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, что некогда жил-был царь по имени Фагфур *. И был у него визирь, чрезвычайно разумный и крайне смелый. Как-то раз Фагфур спал. Визирь пришел к нему по какому-то государственному делу и разбудил его. Едва только Фагфур проснулся, схватил он меч и бросился на визиря, но тот убежал от него и скрылся в другом доме. Тогда Фагфур начал ломать руки, рвать на себе одежды и издавать дикие вопли. Собрались столпы державы и очи государства — что случилось, что произошло?

„Я в это мгновение видел во сне видение, — ответил Фагфур, — какого никогда не видывали мои очи, видел женщину, о которой никогда не слыхивали мои уши. Такой облик можно увидеть только во сне! Такую красу можно найти только в сонном видении! То она глядела мне в лицо, то я устремлял на нее взор, то она целовала мне руку, то я припадал головой к ее ногам. И посреди такой радости, во время такого блаженства этот визирь разбудил меня и не дал мне насладиться таким зрелищем!”»

Поистине, свидание с милым другом и встречу со своим желанным надо считать великой удачей. Нельзя знать, что принесет следующее мгновение и что случится в следующую минуту. Время разлучает друзей, года разъединяют приятелей.

Нахшаби, ты с другом верным никогда не разлучайся,
Знай, что жизни нашей войско постоянно убегает.
Если только встретишь друга, этим пользуйся мгновеньем,
Ибо дней дурное око на тебя всегда взирает.

«Фагфур после этого постоянно думал о своем сне и ни единой минуты не переставал рассказывать о нем. А визирь его был архитектором и художником, прекрасно владевшим каламом, прекрасно изучившим науку Мани **. По описанию Фагфура он нарисовал такое изображение, написал на бумаге такой портрет, затем выстроил на проезжей дороге келью и постоялый двор и постоянно приходил туда. Каждый раз, когда кто-нибудь приезжал из дальних стран, визирь показывал приезже-

му изображение и спрашивал: „О путники, видели ли когда-нибудь женщину, подобную этому изображению, слышали ли когда-нибудь о девушке, похожей на этот портрет?“

Но никто не говорил, чье это изображение и чей портрет.

Прошло много времени, пролетело много дней, и Фаг-фур от любви к видению во сне стал походить на призрака, от страсти к этому образу превратился в старца.

Однажды проезжал по этой дороге путник и зашел в келью. Визирь показал ему портрет и начал расспрашивать его. Странник ответил: „Я прекрасно знаю это изображение и отлично ведаю, кого изображает этот портрет. Это — румийская царица“.

Затем он принялся описывать ее свойства и рассказывать про нее и сказал: „Она теперь отличается поразительной красотой и крайним совершенством, но, несмотря на все изящество и молодость, могущество и силу, она никогда не говорит о муже и никогда не приближается к мужчинам“. — „А не знаешь ли ты, — спросил визирь, — по какой причине она отказалась от замужества и почему не приближается к мужчинам?“ — „Знаю, — ответил путник, — по следующей причине. Однажды она сидела на башне, которая находится посреди сада. В этом саду на одном дереве павлины устроили гнездо и снесли яйца. Внезапно в саду вспыхнул пожар, и деревья начали гореть. Когда огонь дошел до того дерева, где были яйца павлина, и охватил его, павлин-самец не вытерпел, забыл про жалость и вылетел из гнезда, а самка от крайней жалости к своим детям осталась на яйцах и сгорела. Когда царица увидела безжалостность самца и бесчувственность его, она сказала: „Таковы все мужчины: они не знают верности, все они подобны этому павлину и стремятся лишь к насилию. Я даю клятву, что по мере сил и возможности я никогда не выйду замуж и не буду поминать о мужчинах“. Прошли годы, а она все держится прежних мнений и не забывает подобных убеждений. Арабы говорят: „Счастлив тот, кто может обогатить свой опыт на примере другого“».

Нахшаби, на примере других поучись,
Чтоб другие тебя обмануть не могли.
Все разумные люди всегда, милый друг,
Это мудрое правило свято блюли.

«Визирь благодаря этой радостной вести впервые после долгого времени пошел к Фагфуру и сказал: „Я стыжусь этого дворца и стесняюсь перед этим тронном. Какой проступок я совершил! Как мог я помешать господину моему любоваться красавицей! Но я тогда же изобразил на бумаге образ того видения, которое приснилось царю, и сидел посреди проезжей дороги. Всякого, кто приезжал из дальних стран, я расспрашивал об этом изображении, осведомлялся у него, не слышал ли он чего-нибудь о такой женщине. Сегодня прибыл странник, повидавший мир, рассказал про это изображение и сказал, что это румийская царица”.

Фагфур чрезвычайно обрадовался этим словам, пришел в восторг, от такой вести и сказал: „Надо сегодня же послать кого-нибудь в Рум и предложить ей вступить со мною в брак”.—„Она дала обет,— заметил визирь,— никогда не выходить замуж и не приближаться к мужчине. Она отказывает всем женихам, которые стекаются к ней из всех стран мира, и дает им резкий ответ”.— „Какая же тайная причина сокрыта в этом?”— спросил царь.

Визирь рассказал все, что слышал от странника, поведал историю про павлина и бессердечие его. Фагфур спросил: „Какую же придумать уловку?” — „Если ты прикажешь,— сказал визирь,— я поеду в Рум и хитростью покажу ей твое изображение, расскажу, как ты во сне влюбился в нее, так что она наяву сойдет с ума от любви к твоему портрету и захочет, чтобы ты взял ее в жены.”— „Прекрасно”,— ответил царь.

Визирь распрощался с Фагфуром, отправился в Рум и начал похваться там своим художничеством и выдавать себя за живописца. Весть об его искусстве дошла и до царицы, и она приказала, чтобы визирь тотчас же расписал потолок ее дворца, показал свое умение в ее портике, сделал бы все, что может, и нарисовал бы все, что сумеет. Визирь нарисовал в портике ее дворца павильон, а в нем изображение Фагфура, а под павильоном изобразил газель, самку и детенышей. Написал он все это так, будто бы начался разлив и захватил газель и детенышей, а самка стремительно убегает, даже не обернувшись.

Увидев это изображение, царица изумилась и спросила: „Кто это такой, что это за место, что обозначает

этот разлив и что это за животные?” — „Это изображение Фагфура, царя Китая, — ответил визирь, — а это его павильон. Однажды он сидел на башне и смотрел на газель, которая около стены дворца вскормила детенышей. Внезапно разлилась река, самка газели испугалась воды и, безжалостно покинув детей, бежала — вот изображение убегающей самки... Но самец был исполнен отцовской любви, он остался стоять возле детей и утонул вместе с ними. Вот самец, а вот его дети... О царица! С того дня как Фагфур увидел такую безжалостность и бесчувственность самки, его сердце охладело к женщинам, он никогда не упоминает о них и не приближается к ним... Впрочем, о неверности женщин написано много рассказов... Арабы говорят: „Счастлив тот, кто может обогатить свой опыт на примере другого“».

Нахшаби, на примере других поучись,
Тот, кто ракушку ищет, — и жемчуг найдет.
Всяк, кто сердцем живым обладает, всегда
Тот с другого пример, поучаясь, берет.

«Услышав этот рассказ и увидев, что история Фагфура совпадает с ее собственной историей, румийская царица воскликнула: „О художник! Ведь с царем произошел такой же случай, что и со мной, с государем случилось точь-в-точь то же самое, что было и со мной. Я видела безжалостность самца павлина и отстранилась от мужчин, а он увидел бессердечие самки газели и перестал говорить о женщинах. Если мы поженимся и соединимся браком, это будет очень подходящим делом и будет весьма разумно“.

Затем румийская царица на другой день отправила в Китай своего хаджиба * и сама покорно предложила Фагфуру взять ее в жены. Через несколько дней состоялась их свадьба, отпраздновали их брак, и зажили они в счастье и довольстве».

Всех тянет лишь к тем, кто сродни им, мой друг,
Кувшин до воды непременно дойдет.
На тех не сердись, кто похож на тебя:
Ведь схожий с тобою к тебе и придет.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: — «О хозяйка, ты говоришь, что покинешь друга и спрячешь ногу под подол терпения и покоя. Если бы кому-нибудь и можно было утверждать это, то, конечно, это можно было бы румийской цари-

це, долгие годы избегавшей мужчин и отвращавшейся от замужества. Все же в конце концов и она вышла замуж и поручила заботы о себе мужчине. Вставай же и ты, пользуйся случаем и выполни желание друга!»

Худжасте хотела последовать его совету, но в то же мгновение румийская царица-солнце устремилась к царю востока, поднялся шум Фагфура-дня, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о том, как осел пел, а торговец хвостом танцевал

Ночь сорок первая

Когда отшельник четвертой обители, то есть солнце, ушел в свою келью запада, а суфий первого монастыря, то есть месяц, вышел из каморки востока, Худжасте пришла просить у попугая разрешение и сказала: «О поверенный моих тайн! О сокровище просьб! Говорят, что Омар ибн Абд ал-Азиз, который был халифом и восседал на троне халифата, не спал ни днем, ни ночью. Спросили его, почему он никогда не спит. „Если я буду спать ночью, — ответил он, — я погублю самого себя, а если буду спать днем, погублю своих подданных“. О попугай! Я тоже боюсь, что, если я выполню приказ друга, я выпущу из рук мужа, а если буду верна мужу, могу потерять друга. Поэтому я хочу покинуть их обоих, схватиться за ворот смирения и спрятать ногу под полу праведности».

«О Худжасте, — ответил попугай, — праведность и невинность всегда желательны, чистота и смирение всегда заслуживают одобрения, но для всякой вещи есть свой

путь, для всякого дела свое время. Твоя невинность в данное время покажется столь же неуместной, как пение того осла». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что жил-был некогда некий осел. И дружил он с одной дикой козой, они постоянно были вместе, всегда покоились в одном месте. Как-то ночью в весеннюю пору паслись они вместе в каком-то саду. Внезапно осел пришел в восторг, пробудились его природные склонности, и он сказал: „О коза, если в такую прекрасную ночь, в такое очаровательное мгновение, когда сад полон благоухания, а ветерок струит мускус, я не запою сладостной мелодии, не может быть улады в моей жизни! Если я сейчас не начну распевать освежающих душу напевов, какой мне толк от моего веселья и какая мне польза от моего существования?!“»

Когда розы цветут, тогда надо запеть,
Эта песня до самого сердца дойдет.
Кто в такое мгновенье не слушает нас,
Пусть от нас поскорее подальше уйдет!

«Дикая коза молвила: „О осел, что за речи ты производишь? Ты лучше говори о выюке и мешке, беседуй о портомое и погоищике. Нет голоса хуже твоего, нет звука противнее, чем твое пение. Какое дело ослу до музыки? Какое отношение у долгоухого к пению? А затем, мы ведь как воры забрались в этот сад, совершаем кражу. А какие жемчужины нанизали по поводу этого мудрецы? Что сказано было о птице, поющей не вовремя? Коли ты начнешь сейчас орать, садовник проснется, закроет ворота в сад, кликнет своих помощников и направится с нами по-свойски. Тогда случится с нами то же, что было с ворами, забравшимися в дом богача и притаившимися в углу, чтобы украсть что-нибудь. А в том углу стоял кувшин, полный вина, фляга, наполненная этим напитком. Воры присоседились к ней, начали пробовать и сказали: „Время действовать наступит еще не сейчас. А пока мы понемногу разопьем его, немножко отведаем его“. Когда фляга обошла несколько кругов, воры подняли шум, стали распевать песни. Хозяин дома проснулся, удивился их пению и, поняв в чем дело, собрал всех домашних, связал воров и избил их“».

Нахшаби, свое дело ты вовремя делай,
Будешь жить ты, пока только мир наш стоит.
Кто не вовремя сладким напитком упьется,
От похмелья всю жизнь свою будет страдать.

«„О коза, — сказал осел, — я — горожанин, а ты — деревенская баба, я — животное домашнее, а ты — дикий зверь. Разве может мужик оценить музыку! Разве может житель пустыни понимать толк в пении! Поющий отдает свою душу, а слушающий наполняет свою душу. Я сейчас запою, заведу мою песню, посмотрим, что ты скажешь, когда услышишь ее, что сделаешь, когда станешь внимать моему пению“.

„Какое сердце не стремится послушать пение, — молвила дикая коза, — какая душа не жаждет музыки! Но только кто может внимать твоему голосу? Кто может слушать твое пение? Ты свой рев называешь пением, своему крику даешь название мелодии, но если ты заревешь и начнешь петь, от этого пенья с тобой случится то же самое, что случилось с торговцем хворостом от его танцев“.— „А что с ним было?“ — спросил осел.

„Говорят, — ответила коза, — что однажды торговец хворостом отправился из города за хворостом в степь. Случайно в этот день в степи как раз сидели четыре пери *, поставив перед собой волшебный кувшин. Все, что им было нужно, и серебро и золото, и пищу и яства, и напитки и благовония они сложили в этот кувшин, принесли его с собой, ели и веселились. Пригласили они и торговца хворостом, сделали его своим сотрапезником. Пробыл он там несколько дней, позабыв жену и детей.

Через несколько дней он наконец пришел в себя и сказал пери: „Я — торговец хворостом и если я не принесу хвороста, то печь моя не нагреется и жена и дети не смогут накормиться. Я уже много дней веселюсь здесь, а что-то теперь с моей семьей! Если вы разрешите, я возвращусь домой и позабочусь о них“ — „Прекрасно, — сказала пери, — если ты что-нибудь хочешь от нас, попроси, мы исполним твое желание, отпустим тебя, и дадим тебе все, что ты хочешь, и пошлем тебя домой“. Торговец хворостом спросил: „Если я попрошу у вас что-нибудь, вы исполните мое желание?“ — „Да“, — ответила пери. „Ну так вот, я хотел бы тот кувшин, который стоит перед вами“. — „Бери его, нам этого кувшина не жалко. Мы в один час можем сделать сто таких кув-

шинов. Но только посуда эта очень хрупкая, и ты не сможешь ее уберечь. При малейшем толчке она разобьется, и починить ее уже будет невозможно“. — „Я буду беречь его“, — сказал торговец.

Пери дали ему кувшин, и торговец понес его домой. Через несколько дней получил он от обилия этого кувшина все, что ему было нужно, раздобыл все, что требуется для спокойной жизни. Он набрал столько благ мирских, что дом его наполнился золотом, накопил столько богатств мирских, что в его доме не оставалось свободного места. Торговец хворостом был человеком легкомысленным — деньги приходили и через пару дней сразу же и уходили».

Нахшаби, берегись, помни, кто ты такой!
Ведь песчинку с горой невозможно сравнить!
Коль слегка разживется пустой человек,
Он Каруном * тотчас же начнет себя мнить.

«Как-то раз устроил торговец пир, созвал всех близких и родных и принес волшебный кувшин. Начал он запускать в него руку и всякий раз доставал оттуда все что ему было нужно. Присутствующие были поражены и принялись восклицать: „Это не кувшин, это море сокрытых тайн! Это не сосуд, это таинственная сокровищница!“

Под конец торговец хворостом опьянел, начал танцевать. Поставил себе кувшин на плечо, пустился в пляс и каждый раз, когда дотрагивался до кувшина, восклицал: „О кувшин! Ты — капитал моего благосостояния! Ты — основа моего богатства! Ты перерезал канат моей нищеты! Покончил ты с моей обычной бедностью! Весь этот блеск и вся эта пышность идут от тебя! Вся эта радость и все это веселье вызвано тобой!“

Но когда он произносил эти слова, когда болтал этот вздор, нога его поскользнулась, кувшин упал с его плеча и разбился вдребезги, и все, что благодаря ему появилось в доме, сразу исчезло. Тотчас же веселье сменилось горем, вся радость несчастного превратилась в печаль. Поистине, разве может собака знать цену ошейника? Разве может осел оценить драгоценность? Этому бедняку упала на плечо драгоценная жемчужина, а он не знал ее цены. Этому несчастному свалился в руки драгоценный камень, а он по невежеству своему потерял его!“

„О долгоухий,— продолжала дикая коза,— боюсь я, что твое пение окажется для тебя пагубным, как стали бедствием танцы этого торговца хворостом“.

Но осел по своей ослиной глупости не послушал ее совета, поднял голову и приготовился зареветь. Коза молвила про себя: „Нет сомнения, что он все же заревет и всех разбудит“. Поэтому она поспешно убежала из того сада. Не успел осел зареветь, как сейчас же пришел садовник, схватил его, привязал его к дереву, избил его, переломал ему ноги и спустил с него шкуру».

Ты добрым советам внимай, Нахшаби,
Чтоб розам лица не пришлось побледнеть;
Тому, кто не слушает добрых речей,
Придется побои судьбы претерпеть.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, как пение осла оказалось не ко времени, так и твоя праведность и невинность теперь не к месту. Вставай, ступай к другу и навести ожидающего тебя!»

Худжасте хотела последовать его совету, но поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о купеческом сыне из Термеза,
о том, как он увлекся своей женой и забросил торговлю,
как давали ему советы попугай и шарак
и как он снова вернулся к своему занятию**

Ночь сорок вторая

Когда золотой меч-солнце опустили на шею запада, а обернутый в белую ткань лук-месяц извлекли из чехла востока, Худжасте, наморщив похожий на меч нос

и нахмутив напоминавшие лук брови, пришла к попугаю и начала упрекать его на сотни ладов: «Тебя совершенно не печалит мое горе, совершенно не заботят мои печали! Когда же ты наконец возьмешься за мое дело, позаботишься обо мне и доставишь меня к цели?» — «О хозяйка, — ответил попугай, — я уже сколько времени учу тебя всему, что связано с твоим благом, обучаю всему тому, что соединено с успехом для тебя... Если ты будешь внимать мне, то духовные и светские дела твои будут закончены и выполнены точь-в-точь так же, как были закончены и выполнены дела купеческого сына из Термеза * благодаря тому, что он внимал советам попугая и шарак». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что жил-был некогда в Термезе один купец. И был у него сын по имени Убайд. Купец просватал для сына девушку — солнце небесного свода изящества и месяц небес красоты. Убайд так привязался к лицу и кудрям ее, что перестал оказывать услуги отцу и матери, совершенно забросил ремесло и работу».

Странное дело — любовь, Нахшаби!
Неуча делает мудрым она.
Всякое дело противно душе,
Если в красотку она влюблена.

«А у купца был некий компаньон. Однажды купец в тоске поведал ему историю своего сына, рассказал, как он увлекается женой и забросил ремесло и работу. „Он еще молод, — сказал компаньон, — жаркие и холодные дни судьбы еще не коснулись его. Он не обратит никакого внимания на твои и мои слова, советы Зайда и Амра ** не произведут на него никакого впечатления. Но в моем доме есть попугай и шарак, чрезвычайно хитрые и крайне смышленные. Если хочешь, я пошлю их к Убайду. Быть может, умелой речью и подходящими словами они сумеют отвратить его от такого дела, смогут воспрепятствовать ему“. — „А откуда у тебя попугай и шарак?“ — спросил купец.

„Однажды я сидел и читал, положив перед собой несколько книг. Внезапно налетели попугай и шарак и обратились ко мне с красноречивой речью и изящными словами: „О ходжа! Мы — муж и жена. Раньше мы были людьми и прислуживали в обители некоему монаху. Мы

отлично знаем науку о музыке, прекрасно владеем музыкальными инструментами... По истечении сорока дней монах выходил из пещеры, где обитал и слушал нашу музыку. Это заменяло ему и пищу и питье. Как-то раз отшельник вышел ранее обычного времени и увидел, что нас нет. Он сотворил молитву, и мы оба покинули человеческий облик, стали такими птицами, приняли такую форму. Так как мы отличаемся большой рассудительностью и смышленостью и выдаемся познаниями в науках, то мы не можем водиться с кем попало. Сегодня мы увидели, что ты сидишь, разложив перед собой научные книги и погружившись в их изучение, и нам стало ясно, что ты человек ученый. Если ты согласен, то мы некоторое время проведем в твоём обществе и будем прислуживать тебе". С того дня они находятся в моём доме. Они заключают в себе такое количество религиозных совершенств, что даже трудно передать словами. Дают мне столько изысканных объяснений, что об этом трудно умолчать".

Купец отправился в дом своего компаньона, рассказал попугаю и шарак историю несчастья своего сына и отнес их вместе с клеткой в дом Убайда. Когда прошла первая стража ночи, попугай обратился к Убайду и сказал: „О юноша, если к кому-нибудь приходят такие гости, как мы, хозяин не должен погружаться в сон безопасности и не должен ложиться на ложе беззаботности. Приди к нам ненадолго, посмотри, как волнуется море нашей мудрости, и наполни полу свою жемчужинами наших рассказов".

Убайд встал и подошел к клетке попугая. А попугай был птицей мудрой и разумной. Он наговорил Убайду столько различных слов, что тот совершенно смутился. После всех этих слов и всех речей, он под конец задал ему такой вопрос:

„Что ты делаешь и чем промышляешь в настоящее время?"

„Раньше я занимался торговлей,— отвечал Убайд,— и наживал прибыль. Но некоторое время тому назад стрелы ресниц моей жены, как гвозди, пронзили шатер моей судьбы и мысль о ее объятиях прогнала войско моих дел. Теперь я совершенно перестал заниматься ремеслом и работой и не оказываю более услуг моему отцу и моей матери".

„О ходжа! — воскликнул попугай. — Подчинять свое сердце женщине — величайшая ошибка, вручать ей свою душу — великое заблуждение. Клеймо неверности очевидно на челе их судьбы, и запах обмана исходит от цветов их обещаний. Сказал Али ибн Абу Талиб *, да осенит Аллах его чело своими щедротами: пяти вещей нельзя ждать от пяти разрядов людей: пощады — от врага, доброго совета — от завистника, щедрости — от нищего, достоинства — от развратника и верности — от женщины“».

Нахшаби, с женой возиться — пагубное дело,
В День суда им не дожидаться божьего прощенья.
Жены все без исключенья, друг мой, неразумны,
С неразумным же водиться — это преступленье!

„О Убайд! Это туча слабости поднялась над твоей головой и пролила на тебя свой дождь. Разве ты не слышал историю про слепца и его жену?“ — „А что с ними было?“ — спросил Убайд.

„Говорят, — ответил попугай, — что в Индийской стране жил-был некий царь. И родилась у него в доме девочка с тремя грудями — две на месте, а третья повыше на груди. Астрологи сказали: „Когда эта девочка достигнет совершеннолетия, ее отца постигнет беда, если она останется в его доме; если же она пойдет в дом мужа, то беда постигнет ее мужа“.

Это изречение пошло по городу, и весть эта распространилась по стране. Девушка выросла, но из-за слов звездочетов оставалась забытой и покинутой, и никто не сватался за нее. Тогда царь повелел кликнуть клич: „Если кто-нибудь посватается за эту девушку и увезет ее в другой город, ему будет дано такое-то количество денег и всякого добра, ему вручат столько-то золота“.

А был в этом городе один слепец, а поводырем был у него горбун. Слепец этот посватался и вместе с деньгами и богатством перевез девушку из этого города в другой. Взял он с собой и поводыря, и зажили они там в довольстве и веселье“».

Поистине, судьба изменчива: одному она дает радость, а другого заставляет проводить дни в печали.

Нахшаби, всегда изменчива судьба,
Скорбь она и радость может подарить.
Коль сегодня горе даст тебе она,
То ведь завтра может радость подарить.

«„Когда прошло несколько дней, надоело царевне общество слепца и стала она говорить про себя: „Разве может слепец оценить мою красоту? Разве может узнать цену моего совершенства? Для него, что я, что другая женщина, все равно. Этот поводырь хотя и горбат, хотя и красуется у него на спине купол безобразия, но зато он, по крайней мере, видит. Он сможет оценить меня и понять, кто я такая; сможет установить мою ценность и сказать, что я такое. Надо мне сойтись с ним, а слепца устранить“.

Затем эта женщина, слепая сердцем, принялась за дело и в присутствии слепца начала ласкать горбуна. Как-то раз она принесла черную змею, чтобы погубить слепца. Она положила змею в котел и сказала слепцу: „Я принесла тебе рыбу, вставай и вари ее“. А слепец очень любил рыбу. Он тотчас же уселся перед котлом и начал раздувать огонь, а жена его тем временем предалась с горбуном любовным утехам. Когда котел закипел, слепец поднял крышку, попробовал глоток, и, как только пар из котла попал ему в глаза, а глоток похлебки дошел до желудка, слепец тотчас же прозрел, словно бы это варево оказалось лекарством от слепоты.

Никто не предвидел этого, и принесенная отрава стала целебным снадобьем, приготовленный яд сделался противоядием, дабы все люди в мире видели, что, когда настает тому время, болезнь становится лекарством, а яд — противоядием.

Слепец открыл глаза, заглянул в котел и увидел там куски змеи, взглянул на жену и увидел, что на груди у нее спит горбун. Он понял, в чем тут дело, в страшном огорчении встал и принялся колотить горбуна и жену и так бил их, что купол на спине горбуна вошел ему в живот, а третья грудь скрылась в груди у жены. В то же мгновение недостатки обоих исчезли и пороки были удалены. Слепец воскликнул: „Я делал это, чтобы погубить, а дело мое стало причиной их красоты!“

Тогда он взял их, повел к правителю той области и рассказал всю свою историю. Правитель велел казнить обоих — побить их на перекрестке камнями... Поистине, разврат всегда в конце концов ведет к позору, порочность всегда вызывает дурную славу!“»

Нахшаби, слепому миру зла не причиняй ты,
Ни открыто, ни сокрыто этого не делай.

Этот мир порок позорит, все ж без человека
И порока бы не ведал этот свет наш белый.

«Когда Убайд выслушал этот рассказ, сердце его смягчилось, грудь согрелась, и решил он отделаться от своего увлечения. Но шарак, увидев, что он — человек сговорчивый и охотно выслушивает советы, сказала ему: „О ходжа, послушай! Ты выслушал слова попугая. Если прикажешь, то и я кое-что расскажу тебе“. — „Прекрасно“, — сказал Убайд.

„Рассказывают, — молвила шарак, — что в Балхе* жил-был один отшельник. Был у него сын по имени Салих, праведный и богобоязненный, все время предававшийся духовным подвигам. Однако наук он не знал никаких и поэтому как-то раз сказал про себя: „Слышал я от одного ученого, что подобно тому, как наука без дела бесполезна, так и дело без науки никуда не годится. Говорят, что один намаз, совершенный ученым человеком, лучше тысячи духовных подвигов, совершенных неучем. Арабы говорят: „Действующий человек, не обладающий познаниями, похож на лук без стрелы“».

Нахшаби, во всяком деле следуй за наукой!
Без науки дело пользы принести не может.
Если только без науки действовать начнешь ты,
Смысла в деле этом, знай, никто найти не сможет.

«„Салих решил отправиться в другой город и заняться изучением наук. Попросил он у отца и матери разрешения пойти, но не получил его. Тогда он молвил про себя: „Если я иду учиться, то я иду с благим намерением, и поэтому, если я даже пойду без разрешения родителей, то все же совершенно ясно и очевидно, что греха в этом нет и нет преступления в таком поступке“.

Затем он покинул свой город и направился в Бухару. В первый же день он в полдень остановился под деревом, но птица, которая сидела на дереве, в то же мгновение испачкала ему голову и одежды. Так как Салих носил хорошую одежду, которая никогда не была грязной, он чрезвычайно огорчился, крайне опечалился и с гневом взглянул на эту птицу. Птица упала с ветки, и птица ее души тотчас же вылетела из клетки брентного тела. Салих пошел дальше и пришел на стоянку. К вечеру он вошел в дом и начал готовить себе пищу. В это время к нему вошла женщина и сказала: „Я занимаюсь рыбной ловлей и только что принесла рыбу и положила

ее в котел. Если подождешь немного, я дам тебе поесть“.— „Прекрасно“,— ответил Салих.

Но женщина принесла рыбу лишь по прошествии долгого времени, и Салих, так как ему пришлось так долго ждать, посмотрел на нее гневным взором. Женщина тоже разгневалась и сказала: „О Салих, ты думаешь, что я похожа на ту птицу, что ты глядишь на меня с таким гневом. Но между человеком и птицей большая разница. Тебе не удастся больше сглазить и птицы, где же тебе справиться с человеком! О Салих, лишь тот человек, кто своим дыханием и близостью оживляет мертвого и помогает встать упавшему, а не тот, кто убивает живого и повергает наземь стоящего!“»

Ничего дороже жизни в мире нету, Нахшаби,
Злая смерть в глазах у жизни — это страшный острый шип.
Убивать других нетрудно, это нам по силам всем,
Но не в силах человека оживить тех, кто погиб.

«Салих был поражен всем случившимся и спросил: „О женщина, откуда ты знаешь мое имя? Как ты могла прочитать мою книгу? Разве слабому существу дается такое совершенство? Разве женщине дарят такое мужество?“— „О Салих,— отвечала женщина,— мне стыдно говорить с таким существом, как ты, и дышать с тобой одним воздухом. На той стоянке, где ты остановишься завтра, ты найдешь охотника. Он мой брат, и он разъяснит тебе твои недоумения и сообщит тебе то, что ты хочешь знать“.

На другой день Салих пришел в дом к тому охотнику. Он увидел человека, перед которым стояла клетка с птицами. Человек начал вынимать их из клетки одну за другой и резать. Когда взгляд его упал на Салиха, он воскликнул: „Мир с тобой, о Салих, иди, иди, добро пожаловать, добро пожаловать! Посиди со мной, чтобы я мог насладиться твоей дружбой и отдохнуть близ тебя“.

Изумление и смятение Салиха еще умножились, и он спросил: „О ходжа! Ты — охотник, а сестра твоя — рыболов. Скольких животных вы убиваете, скольким телам причиняете страдание! Так за какие же дела вам дана такая степень прозрения, подобающая только пророкам? За какие заслуги подарено такое откровение, которое дается только святым?“— „О Салих,— отвечал охотник.— Такой высокий сан и такое благословение

дано нам, несмотря на убийство и мучительство, за то, что мы покорны приказам отца и матери наших и ничего не делаем без их согласия. Ты же ушел без согласия отца и матери, пустился в путь без разрешения родителей, и хотя ты и идешь учиться и путешествуешь с благой целью, но согласие отца и матери выше всех благ, разрешение родителей — высший сан!“

Увидав все это и услышав такие речи, Салих тотчас же повернул назад, начал служить отцу и матери, и благодаря служению родителям раскрылись перед ним врата наук и то, к чему он стремился в обоих мирах, упало к нему на колени“.

Дойдя до этих слов, шарак сказала: „О Убайд, таково действие покорности, таково благословение и благоволение отца и матери. А ты хотел заслужить расположение жены и перестал услуживать родителям своим, совершенно забросил все свои дела. Это не согласно с правильными устоями, противоречит благородным обычаям“.

Выслушав эти слова от попугая и шарак, Убайд пришел в себя, раскаялся в своих проступках, поклонился в ноги отцу и матери и испросил у них прощения за все, что случилось. После этого он занялся своими делами и всю жизнь до конца провел в покое и довольстве».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, если ты будешь внимать моим словам, ты тоже проведешь всю свою жизнь, как и Убайд, в покое, и довольстве, и радости. А если тебе надоело выслушивать мои советы, вставай, ступай к своему другу и навести того, кто ждет тебя».

Худжасте хотела последовать его совету, но день как будто услышал эти слова — тотчас же утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о змее, жене змеи и о том, как царь мечом отрубил ей хвост

Ночь сорок третья

Когда золотой дракон-солнце ушел в пещеру запада, а серебристая змея-месяц высунула голову из норы востока, Худжасте, внешне гневная, но в душе ослабевшая, пришла к попугаю и сказала: «О верный друг и дорогой приятель! Что это за безжалостность я вижу от тебя? Что за бессердечие встречаю с твоей стороны? Когда же твоя мудрость принесет мне пользу? Когда же твои изречения мне пригодятся? Примени же наконец какую-нибудь хитрость, надумай план! Быть может, мое внутреннее беспокойство уляжется, пламя тоски моей утихнет!..»

Дальновидный попугай, увидав, что она говорит эти слова оттого, что ее терзает внутреннее пламя, и вызывает она к нему от чистого сердца, повел такую речь: «О хозяйка, вознаграждение соответствует работе и „алейка“ таково же, каков и „салам“ *. Каким путем ты изложишь мне свои страдания, таким путем постараюсь и я найти от них лекарство. А лекарство будет походить на следующий случай. Как-то в месяце рамазане ** некий мусульманин решил разговеться. Взял он хлеба, вареного мяса, пошел в поле и молвил про себя: „Я поем там, где нет людей“. Увидел он зеленый посев, а на краю его — дерево, уселся под этим деревом и начал есть хлеб и мясо. Случайно хозяин этого поля — индус сидел на этом дереве и сторожил свой посев. Увидел он, что мусульманин что-то ест, и рассмеялся, сидя на своем дереве. Мусульманин глянул наверх и увидел, что там сидит индус, опоясанный своим поясом. Он спросил его: „Хочешь есть?“ — „Да“, — ответил индус, слез с дерева, взял хлеб и мясо и стал есть.

Мусульманин изумился: „Как это так этот индус с повязкой брахманов и желтыми чертами на лбу *** может есть мой хлеб и мое мясо?“ И он спросил: „О сторож, ты одет как индус, как же можешь ты есть этот хлеб и это мясо?“

„О мусульманин, — ответил индус, — а почему ты ешь? Ведь ты же по наружному виду мусульманин. Если ты относишься небрежно к исламу, то и я небрежно отношусь к моей религии“».

Нахшаби, во всяком деле будь всегда проворен,
Лишь тогда твои желанья скоро смогут сбыться.
Только тот, кто в каждом деле ловок и проворен,
Сможет быстро в этом мире счастья добиться.

«О Худжасте, свет солнца нельзя утаить, любовное волнение не останется скрытым. Из твоих речей мне ясно и очевидно, что пламя, которое бушевало в тебе, уже не таково, каким оно было ранее, что волнение, которое охватило твои внутренности, ослабело. Если ты все еще остаешься при прежних убеждениях и не изменила своих решений, послушайся моих слов и выслушай мои речи. Если ты слушаешься моих слов, то жизнь твоя пройдет в покое и довольстве, как прошла жизнь того царя, который послушался совета барана».

«А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — ответил попугай, — что некогда один великий царь выехал на охоту и вместо лисиц истреблял львов, вместо волков избивал носорогов. Внезапно взгляд царя упал на самку змеи, отличавшуюся среди змей высоким и благородным происхождением. Она предавалась любовным играм и забавам с жалким змеишкой низкого происхождения и от чувственной похоти обвивалась вокруг него. Царь разгневался, ударил ее мечом и отрубил ей хвост, и она так, с отрубленным хвостом, и уползла в свою нору. Когда самец увидел, что она в таком состоянии, он воскликнул: „О самка, какой злосчастный осмелился это сделать? Чаша его жизни наполнилась до краев! Какой несчастный дерзнул так изувечить тебя?“ — „Царь этого города“, — ответила самка. — „А по какой причине?“ — „Я валялась в пустыне и наслаждалась, взгляд его упал на меня, он влюбился в меня, подошел ко мне и сказал: „О змея, все твоё тело — локон и родинка, все твоё существо — краса и прохлада! Твоя прелесть повергла меня в мрак, твоя чернота заставила покраснеть мои глаза. Нельзя ли устроить так, чтобы ты разрешила мне сблизиться с тобой и осуществила мои желания?“ — „О царь, — ответила я, — хотя ты и властелин над своим родом, но мой муж тоже государь своего рода. Не следует заглядывать нескромным взором в гарем себе равного, не следует совершать таких поступков“. Но он не обратил внимания на мои слова и хотел схватить меня и осквернить

подол моей скромности. Я бежала от него, он ударил меня мечом и так изуродовал и опозорил меня“.

Самец разгневался от этих слов и сказал: „Что этот царь — слабоумен? Не знает он разве, что я обладаю растворяющим силу ядом, не ведает о моих раскалывающих наковальню укусах? Посмотришь, как сегодня вечером я развею его прах, как волюю в него свой яд, каким образом отомщу ему и как отниму его жалкую жизнь!“

Когда страшный дракон-день уполз в пещеру запада, а черная змея-ночь высунула голову из корзины небосклона, змея-самец заполз в опочивальню царя, чтобы отомстить ему. Около ложа царя стояла корзина с цветами, и он спрятался там: когда он, мол, протянет руку к цветам, я ужалю его своим жалом. Таково возмездие за насилие, таково наказание за сладострастие».

Нахшаби, свою руку стремись придержать,
Чтоб ее свод небесный не мог отрубить.
Кто насилия руку протянет, того
Меч судьбы может в то же мгновенье убить.

«Когда прошло несколько часов ночи, пришла жена царя и хотела разделить с ним ложе. Царь прикрикнул на нее: „Пойди прочь отсюда и больше не показывайся мне на глаза. Я никогда более не буду любить женщин, ни одной жены не подпущу к себе. Сегодня я видел, как самка змеи предавалась любовным играм и ласкам с жалким змеенышем и готовилась удовлетворить свою похоть и замарать развратом подол своих дней. Я от гнева ударил ее мечом, но — увы! увы! — только отсек ей хвост, и она живой уползла от меня“.

Эти слова оскорбили жену царя, и она тотчас же удалилась. Когда самец услышал эти речи, он сказал: „Проклятие да постигнет эту самку! Что она сделала, а что сказала мне! Хорошо, что я не ужалил царя и не пролил на него яд моей самки!“

Самец выполз из корзины и поклонился царю. Царь спросил: „Змея, если ты приползла, чтобы ужалить меня, что же ты кланяешься? А если пришла служить мне, как смела войти без спросу?“ — „Я самец той самой самки, — отвечала змея, — которой ты сегодня отрубил хвост. Она совершенно по-другому передала мне, почему ты это сделал, и я пришел сюда, чтобы отомстить за ее отрубленный хвост. Однако из твоего рас-

сказа явствует, что вина на ее стороне. Ты отрубил ей только хвост, а я, когда вернусь назад, откушу ей и голову, чтобы все в мире знали, что тот, кто возвеличивается пороком и развратом, утратит голову. Теперь же, о царь, попроси у меня что-нибудь, чтобы я по мере возможности мог услужить тебе, по мере сил мог бы отблагодарить тебя!“»

Нахшаби, благодарным старайся ты быть,
Бремя долга на шее, мой друг, велико.
За добро разве сможешь ты всем отплатить?
Одарить благодетеля нам нелегко!

«„О друг,— молвил царь,— мне хотелось бы понимать язык всех животных“.— „Я пущу в ход одно средство и применю один способ, благодаря которому ты будешь понимать язык всех животных. Но только в этом деле кроется великая опасность, а именно: если ты когда-нибудь обмолвишься жене своей про эту тайну или откроешь ей эту загадку, ты тотчас же будешь убит“.

Царь дал обет, что никогда не откроет этой тайны жене и вовек не поведает этот секрет супруге. Змея-самец научил его языку животных и уполз в величайшем смирении.

Знай же, что добрый никогда не увидит лица зла, а к злему вовек не придет добрый день!»

Нахшаби, добродетель — прекрасная вещь!
Благовонье дано ароматам в удел.
Всяк, кто семя посеет добра на земле,
Несомненно пожнет и плоды добрых дел.

«Когда прошла одна стража ночи*, пришла жена царя, принесла чашу с сандалом и начала растирать царю ноги. Поблизости на крыше** находились две ящерицы — самец и самка. Увидав чашу с сандалом, самка сказала своему мужу: „Если ты принесешь мне немного сандала, я тоже натру тебе ноги“.

Царь рассмеялся над смелым замыслом самки, улыбнулся хвастливости ящерицы. Жена царя обиделась и решила, что он смеется над ней.

„О царь,— сказала она,— нехорошо, что ты пролил на меня столько змеиного яда. Почему ты смеешься? Если ты не объяснишь мне причины твоего смеха, не разъяснишь, почему хохотал, я разведу большой огонь и брошусь в него!“»

Нахшаби, понапрасну не смейся, мой друг,
Если можешь, смиренно склоняй ты главу.
Лучше плакать, коль смех не ко времени твой:
Этот смех может вызвать дурную молву.

„Под этим смехом сокрыта тайна,— сказал царь,— под этим хохотом кроется загадка. Тебе эта тайна недоступна, загадка эта не имеет к тебе никакого отношения. Если я раскрою тебе эту тайну и разгадаю загадку, то я тотчас же буду пленен арканом смерти, в то же мгновение стану пленником когтей погибели“.

Жена принялась браниться и спорить, начала произносить клятвы:

„Если ты не раскроешь мне тайны этого смеха, я непременно сожгу себя, обязательно убью себя!“

Царь не вытерпел и сказал: „Я не считаю возможным, чтобы супруга, с которой я живу столько лет, убила себя. О жена! Если таково твое намерение, выйдем из дома, и я раскрою тебе эту тайну. Раскрыть эту тайну — значит для меня расстаться с жизнью. Сожги меня там, где я умру, а сама ступай куда хочешь“.

Царь попрощался со всеми близкими и вышел из дворца, чтобы умереть. Пришел он к колодцу, где паслись вместе баран и овца. Овца заглянула в колодец, увидела там траву и сказала барану: „Достань мне ту траву“.— „Достать эту траву невозможно,— отвечал баран,— ибо добраться до нее нельзя и броситься в колодец тоже нельзя“.— „Если ты не достанешь мне этой травы,— сказала овца,— я брошусь в колодец и расстанусь с жизнью в этом лишенном воды колодце“.— „Я не так глуп, как этот царь,— воскликнул баран,— и не хочу умирать, чтобы доставить удовольствие жене. Если умрет сто таких, как ты, что мне печалиться?! Если погибнет тысяча подобных тебе, я ничего не потеряю. Я не могу убить себя из-за такой жены, как ты, и не желаю губить себя ради твоего удовольствия. Если я останусь в живых, у меня найдется сколько угодно жен“.

Услыхав эти речи, царь передумал, сейчас же повернул назад, роздал в благодарность подавание нищим, впредь уже никогда не выполнял желаний жен и весь остаток жизни провел в гареме».

Нахшаби, у животных пример ты бери!
Ведь советам внимают всегда мудрецы.

Разве нет среди нас столь разумных людей,
Чтоб пример они брали с быка и овцы?!

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, ты видела, как царь послушался слов барана и до конца жизни прожил в веселье и радости. Если ты слушаешься моих слов, ты тоже всю жизнь свою проведешь в покое и довольстве. А я скажу тебе следующее: „Вставай сейчас же и ступай к своему другу, не убивай томящегося по тебе мечом томления“».

Худжасте хотела последовать его совету, но телец-солнце тотчас же высунул голову из колодца востока, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ об индийском царе,
у которого был один сын и одна дочь,
и о том, как дети собирались убить отца**

Ночь сорок четвертая

Когда золотое седло-солнце положили на Шабдиза * запада, а расшитым чепраком-месяцем покрыли гнедого коня востока, Худжасте с пылающим лицом и горящими глазами пришла к попугаю и сказала: «О светоч, оживляющий сердца! О светильник, возжигающий в груди пламя! Пожалей мое бледное лицо! Сжался над моими красными глазами! Я уже давно хожу к тебе каждую ночь, а толку все нет. Разве ты не слыхал, что некоего мудреца спросили: „Какая разница между тесской мирской и тоской духовной?“ — „Тоска духовная, —

ответил он, — это свет сердечный, это радость душевная, она не велит испускать степеней и не сокращает жизни; тоска же по мирским благам обратна этому, и мы молим господа охранить нас от нее! “

О попугай! Ныне я томлюсь невозможной любовью, это тоска по мирскому благу. По этой же причине я постоянно прихожу к тебе и жду, чтобы ты избавил меня от этой тоски».

Нахшаби, по мирским ты благам не томись!
Долго ль будешь о счастье мирском ты мечтать?
Горе сердце способно разбить, милый мой,
Может скорбь по мирскому смертельною стать.

«О хозяйка, — ответил попугай, — если ты горюешь о своем возлюбленном, то много горестей прошло и мало осталось. Это горе будет для тебя таким же благословением, каким было горе того царя». — «А что было с тем царем?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что в давние времена и минувшие века жил-был в Индийской стране пеккий царь. Был он стар годами, но по праву своему был еще молод. Дня он не мог провести без музыки, часу не мог пробыть без сладких напевов».

Нахшаби, невозможно без музыки жить,
Жажду, словно река *, утоляет она.
Человек без нее не сумеет прожить,
Коль душа его только ничем не больна.

«У этого старого царя был юный сын. Однажды своекорыстные помыслы и сатанинское наваждение толкнули сына на такую мысль: „Жизнь отца превысила всякую меру, а силы и мощи в нем еще много. Возможно, что он проживет и еще сто лет. Мне сейчас уже более сорока лет, и, если царство это достанется мне тогда, когда весна юности сменится на осень, когда черные кудри сменятся на седины, какой же мне от него будет толк? Жизнь после сорока лет — это сад без воды и лопот без завитка, и красоты в ней уже нет“».

Нахшаби, если сорок уж стукнуло лет,
Ты шатер свой снимай — в путь собирайся идти.
Жизнь прекрасна, пока тебе нет сорока,
Если сорок настало — и жизнь отошла.

«„Я убежден, что отец мой уже не может жить и лишь какими-то хитроумными способами продолжает оставаться среди живых. Поэтому смою я водою меча с лица земли его прах и одним ударом доставлю его в

другой мир, чтобы мне наконец добиться почета и власти, а он мог бы освободиться от печальной дряхлости“.

Такие гнусные намерения питал сын и такое гнусное дело подготовлял.

А дочь царя тоже была уже взрослой и достигла совершеннолетия. Но так как царь не видел в мире равных себе и не находил никого подходящего, дочь царя оставалась незамужней. Как-то ночью задумалась она и сказала: „Время плотских усад проходит, часы величайших радостей пропадают понапрасну. До каких же пор я буду лишена мужа, до какой поры не буду знать супруга! Когда ветвь юности моей высохнет, какой будет мне прок от мужа?! Какой плод принесет мне супруг, когда опадет листва моей юности?! Вижу я, что до тех пор, пока жив отец, придется мне жить одной, пока он не умрет, придется мне проводить время в одиночестве. Отец питает ко мне величайшее доверие и ест и пьет только из моих рук. Надо мне подсыпать ему в пищу смертельный яд и отделаться от притеснения“.

Такое решение приняла дочь и стала выжидать удобного случая.

Сын решил мечом снять у отца голову, а дочь задумала свалить его с ног смертельным ядом».

Великий Аллах! Мир — это старый волк, а человек — вероломен испокон веков. Иначе разве пошел бы какой-нибудь сын на такое дело с корыстной целью?! Разве решилась бы какая-нибудь дочь на такой поступок ради плотских утех?

Нахшаби, у человека верности не сыщешь,
Ведь у нищего жемчужин ты искать не станешь.
Если верность у людей ты разыскать захочешь,
Я ручаюсь, что ее вовек ты не достанешь.

«Как-то приехали к царю музыканты и плясуны, и ночью одна плясунья, из зависти к бубну которой Венера ро尼亚ла со своего плеча бубен-солнце и из ревности к барбуту * которой небо бросало на землю смычок-месяц, начала показывать свое искусство.

Сыну царя пришла в голову мысль: „Сегодня та ночь, когда мне надо будет выполнить мой замысел“. А дочь царя тоже подумала: „Настало время свершить то, что я задумала“. Оба стали выжидать подходящей минуты, чтобы убить отца.

Когда к концу ночи плясунья утомилась от танца и

устала от бесконечного пляса, всем присутствующим это показалось страшно тяжким. Тогда плясун обратился к ней с такими словами: „Доченька, ты всю ночь без конца трудилась, ни на минуту не подпускала к себе сон. Теперь пришло время щедрот и милостей, настало мгновение подачек и подарков... Чего же ты медлишь, зачем замедляешь тапец? Скоро кончится ночь и наступит день, угаснет скоро светоч ночи и вспыхнет светильник дня. Скоро запылает желтое солнце, скоро засияет утренний свет. Ведь прошло много и мало осталось... Не теряй же из-за этого малого все, что у тебя есть, не причиняй ущерба людям и не заставляй меня нести убытки“.

Когда сын царя услышал эти речи, ему показалось, что в них содержится вся его история, заключено все, что с ним случилось, и он подумал: „Правду говорит плясун: *прошло много и мало осталось...* Отец не проживет столько, сколько уже прожил. Зачем же из-за нескольких дней обогреть руки кровью отца? Зачем же из-за такого пустяка обрекать себя на позор?“

Бросил он меч, отдал плясуну всю свою одежду и прибавил еще тысячу динаров.

Дочь царя вычитала в словах плясуна такой же смысл и все, что он говорил, приняла на свой счет.

Выбросила она приготовленный яд, отдала плясуну свою одежду и добавила еще тысячу динаров.

„Дети мои! — воскликнул царь. — Вижу я, что сегодня вы поступаете против обыкновения! Облако моей милости еще не подошло, а вы уже заставили излиться дождь ваших щедрот! Прежде чем заволновалось море моей щедрости, вы уже заставили потечь ручей ваших даров! Это противоречит правилам благовоспитанности и несовместимо с устоями разумного поведения“. — „Я сделал это, — сказал сын, — потому что плясун избавил меня от великой беды и, обращаясь к своей дочери, оказал мне великое благодеяние“. — „Что означают эти слова?“ — спросил царь.

Сын очистил свои убеждения от пыли предательства, освободил грудь свою от низости и обмана. Он увидел, что приходится поведать правду, и рассказал царю всю свою историю.

„А почему ты проявила такую щедрость?“ — спросил царь дочь.

Дочь тоже правдиво поведала все, что случилось, и полностью раскрыла задуманное ею предательство».

О дорогой мой, если корыстные побуждения, сатанинские наваждения, подстрекатель-глупость и зачинщик-тупость толкнут кого-нибудь на злое дело, соблазнят на непохвальный поступок, то счастлив тот, кто вскоре отказывается от этого дела и начинает просить прощения и извинения, ибо упорство в пороке умножает грех, непоколебимость в разврате губит всех!

Нахшаби, не будь упорен во грехе,
Всех порочных наказание поразит.
Кто упорствует в грехе своем, тому
О прощении не следует мечтать.

«На другой день царь в присутствии столпов державы и очей государства возложил царский венец на главу сына, повязал царевичу нагрудник и сделал его своим наследником и полным заместителем. Дочь выдал замуж за одного из равных ему властителей, скрепил брачный договор, а сам удалился в уединенную обитель, вступил в ряды подвижников и отшельников, вместо царства и государства избрал нетребовательность, вместо почестей и славы предпочел уединение, и жизнь его потекла еще спокойнее, чем раньше».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, если ты горюешь о своем возлюбленном, то вставай и ступай к своему другу. Если же ты печалишься о своем муже, то *прошло много и мало осталось*. Но только прежде, чем муж сможет стать для тебя помехой, осуществи твое желание и не заставляй дольше ждать ожидающего тебя!»

Худжасте хотела последовать его совету, но плесун — небесный свод нагрел бубен солнца, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ об эмире и змее, о неблагодарности змеи и гибели ее

Ночь сорок пятая

Когда парикмахер-небесный свод поставил золотое зеркало-солнце перед западом, а вооруженный серебряным ланцетом цирюльник-месяц достал свои банки из ларца востока, Худжасте с заплаканными и распухшими от слез глазами пришла к попугаю и сказала: «Глазные мешки мои напоминают куски жареного мяса, кровь сердца затопляет меня. Сегодня ночью я брошусь на улицу и всеми возможными хитростями доберусь до моего друга!»

Попугай, увидав, что волнение ее в эту ночь больше, чем было раньше, беспокойство ее на этот раз сильнее, чем в прошлые разы, испугался, как бы она действительно так не поступила, не бросилась бы на улицу и все его прежние труды не пропали бы понапрасну.

«О хозяйка, — сказал он. — Ты говори такие слова, когда я буду противиться тебе и буду стараться помешать тебе уйти. Сегодня счастливая ночь и удачное мгновение — вставай и иди к твоему другу! Но только нужно, чтобы ты сделала две вещи, свято блюла два завета. Первый — не обманываться там ничьими словами и не доверять своему врагу. Кто доверяет врагу, увидит то же, что тот эмир увидел от змеи». — «А что с ним было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что однажды некий эмир выехал на охоту. Своим изогнутым, как змея, копьем он поражал тигров, своим подобным змее арканом захватывал в петлю шеи львов. Внезапно приползла змея, извиваясь, как аркан локонов красавцев, и сказала: „О эмир! Помоги мне и защити меня!“ — „От кого?“ — спросил эмир. „От врага, который гонится за мной и бежит за мной следом.“ Эмир отвернул полу, змея заползла туда и кольцом обвилась вокруг его пояса.

Некоторое время спустя пришел человек и сказал: „От меня убежала черная змея. Она, наверное, здесь“. — „Сейчас здесь ничего не видно“, — ответил эмир. Человек поглядел влево и вправо, увидел, что змеи нет и следа, и пошел своим путем».

Нахшаби, все твари в мире — скверные творенья,
Все стремятся, сколь возможно, причинить убыток.
От змей, кончая рыбой, звери все на свете
Повредить стремятся людям, милый друг, открыто.

«„О змея, — сказал эмир, — враг твой ушел, недруг твой устранен, теперь иди с миром, ступай своей дорогой“.

„Сама я не уйду отсюда, по доброй воле не расстанусь с тобой, — ответила змея. — Разве ты не слышал, что не следует обманываться словами врага и не следует доверяться мощному недругу? Почему ты доверился мне? Почему с таким доверием дал мне место у себя на животе? Теперь я обязательно ужаляю тебя и непременно погублю тебя“.

„О змея! — воскликнул эмир. — За добро платят добром, за благодеяние воздают благодеянием. Разве ты не понимаешь, какое добро я сделал для тебя, какое благодеяние тебе оказал?“

„Хотя ты и оказал мне благодеяние, — ответила змея, — но оказал его не к месту, хотя и был милостив, но милость эта была неуместной. Человечности можно ожидать только от человека, на благородство можно рассчитывать, только имея дело с людьми. Какое дело змее до благородства — смерть твою не предотвратит!“

Эмир, увидев, что змея наострила зубы, что яд ее никоим образом не уменьшается и что она готовится ужалять его и ввергнуть его в погибель, обратил лицо к небу и сказал: „О творец змей и муравьев! О ты, подающий силу слабым! Ты знаешь, какую услугу я оказал этой змее и что она хочет со мной сделать. Твоя щедрость не дает ни одному благодеянию пропасть напрасно, с твоей помощью всякое добро утверждается... Дай мне силы сделать с этим мощным врагом то, что он собирается сделать со мной!“

В то же мгновение силы эмира возросли, мощь его увеличилась настолько, что змея показалась ему веревкой, более того — тонкой питкой. Эмир схватил ее за хвост и так ударил оземь, что жизнь мгновенно покинула ее».

Нахшаби, ты врагам никогда не внимай,
Враг могучий лукав и умеет хитрить.
Кто внимает врагам, сам себе злейший враг,
Сам себя он стремится, мой милый, убить.

Выслушав этот удивительный рассказ и услышав такие странные речи, Худжасте спросила: «О попугай, я выслушала твой первый завет и приняла его к сведению. Каков же твой второй завет?»

«Второй завет таков, — ответил попугай: — когда ты добьешься свидания и сближения с другом, будь самостоятельна, не иди путем подражания и не повторяй ничьих слов и дел. Не говори: тот человек сказал такое-то слово и это пошло ему на пользу, надо, мол, и мне сказать то же самое, или тот человек сделал такое-то дело и оно ему удалось, надо и мне сделать то же. Может статься, что ему это пойдет на пользу, а тебе во вред, ему принесет выгоду, а тебе — нет. Так тому цирюльнику, который старался подражать купцу, дело не принесло никакой выгоды и совершенно не удалось». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что в крайних пределах Хорезма * жил-был купец, владевший несметными богатствами. Звали его Абд ал-Малик. Он постоянно занимался тем, что зарабатывал деньги, но водился с учеными и законоведами. Как-то раз пришло ему в голову: „Я много торговал в крайних пределах мира, надо мне пуститься в страну „Кто творит благое дело, получает в десять раз больше“.

С таким намерением роздал он все свое имущество нищим, роздал все свое богатство неимущим, и у него даже не осталось чем разговеться. В ту же ночь он увидел во сне монаха и спросил его, кто он.

„Я образ твоего счастья, — ответил монах. — Так как ты роздал сегодня все свое имущество нищим и отдал все свое богатство неимущим, тебя нельзя покинуть. Завтра утром я приду к тебе в таком же облике, ты ударь меня по голове палкой, я упаду к твоим ногам и стану своим золотым отображением. Если ты отрежешь у меня какую-нибудь часть тела, тотчас же на том месте вырастет новая. Если отделишь от меня какой-нибудь член, на его месте тотчас же появится другой“».

Нахшаби, все, что есть у тебя, ты раздай,
Долго ль будешь, мой друг, от добра ты бежать?
Бога ради ты нищему дирхем подай,
Сможешь так ты богатство свое умножать.

«На другое утро, когда странствующий по ночам монах-месяц ушел в келью запада, а краснолицый отшель-

ник-солнце повесил в воздухе свою молельню, пришел к Абд ал-Малику цирюльник, чтобы подправить ему усы. В это время появился монах. Абд ал-Малик встал, схватил его за бороду и ударил по голове палкой. Тот упал и превратился в свое золотое отображение.

Абд ал-Малик дал цирюльнику несколько дирхемов и велел скрывать эту тайну. Цирюльник же вообразил, что стоит только ударить монаха палкой по голове, как он тотчас же превратится в золото. Пошел он домой, устроил пиршество и пригласил в гости нескольких монахов. Когда гости покончили с едой, цирюльник взял тяжелую палку и принялся так колотить ею монахов по головам, что поразбивал им головы, заставил потечь ручьи крови. Монахи подняли крик, сбежался народ, цирюльника крепко связали и вместе с монахами повели к правителю города.

Тот спросил: „Почему ты бил этих несчастных и зачем поразбивал им головы?“ — „Я был в доме Абд ал-Малика, — отвечал цирюльник, — и к нему пришел какой-то монах. Абд ал-Малик взял палку, ударил монаха по голове, и тот сейчас же превратился в золото. Я и вообразил, что стоит только ударить монаха по голове палкой — и он тотчас же станет золотом. С таким вот намерением позвал я вечером к себе монахов и начал бить их по голове палкой, но они ни во что не превратились, а только получилась большая смута“.

Правитель призвал Абд ал-Малика и спросил: „Что говорит цирюльник?“ — „Это цирюльник моего квартала, — ответил купец. — Несколько дней тому назад его мысли помутились и разум его расстроился, теперь он целые дни бегаёт как безумный и говорит дикие речи. Если бы это было не так, то разве может разумный человек сделать то, что он натворил, разве может мудрец говорить такие глупости? Он нуждается в уходе и лечении, в лекарствах и снадобьях. Пусть его сведут к врачу или опытному лекарю, будет жалко, если пропадет такой цирюльник, погибнет такой парикмахер...“

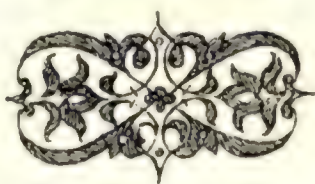
Правитель согласился с Абд ал-Маликом, извинился перед монахами и велел вывести цирюльника».

В жизни своею дорогой иди,
Чтоб не постигло несчастье тебя,
Лишь дураки подражают другим,
Ты не ищи образца для себя!

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, не следует подражать ничьим словам и делам. Ты видела, как цирюльник подражал другим и не достиг своей цели, не добился осуществления желаний. Теперь вставай, иди к своему другу и помни о моих заветах!»

Худжасте хотела последовать его совету, но поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о том, как Худжасте видела сон
и как попугай истолковал его,
а также история царя Уджаййини ***

Ночь сорок шестая

Когда золотистый хлеб-солнце посадили в горячую печь запада, а замешанный с камфорой хлебец-месяц положили на изумрудный стол востока, Худжасте принесла попугаю заставленный яствами стол и полный кувшин вина и сказала: «Сначала съешь все это, а потом послушай, что я тебе расскажу».

Опытный певец попугай поел, а затем сладким голосом повел беседу: «О хозяйка, я поел, подавай же мне то кушанье, что ты приготовила».

«Я сегодня после долгого времени задремала, — сказала Худжасте, — и увидела во сне прекрасного юношу, как будто держит он в одной руке хорасанское яблоко, а в другой — индийское манго. Затем он дал мне оба эти плода и ушел. Проснувшись, я не нашла яркого яблока и не почувствовала аромата манго».

Толкователь снов попугай ответил: «Благая весть! Этот прекрасный юноша — твоя судьба. Плоды же означают: один — твоего мужа, а другой — твоего возлюбленного, и в скором времени ты свидишься и с мужем и с возлюбленным, как царь Уджаййини, который добыл и друга и достал и возлюбленную». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что в Уджаййини был царь, глава всех царей своего времени и всех венеценосцев своей эпохи. О нем есть много рассказов и историй в индийских книгах.

Как-то раз поехал он на охоту, и наконечники его стрел то пронзали сразу двух волков, то повергали на землю одновременно четырех львов. Внезапно ему попался зверь, мягкость которого называла твердой скалой соболя, нежность которого считала железной накопальной сахар.

„По нежности с этим животным не может сравниться и человек“, — молвил визирь. Все присутствующие заставили вылететь из убежища своих ртов восхваления и прославления. Кто сравнивал зверя с туркестанским красавцем, кто уподоблял его китайской прелестнице.

Был среди придворных один повидавший мир старец. „На всех красавцев, — молвил он, — которые ходят по лицу земли, в конце концов подует страшный ветер, и от этого ветра тело их огрубеет. Но если есть кто-нибудь в мире, кто может сравниться с этим зверем по нежности, то это Карийе“. — „Кто такая Карийе?“ — спросил визирь. „Под землей есть город, который называют Мадинат аль-Кар *, — ответил старец, — и есть там царь, которого зовут Вторым Рамой **, а у него есть дочь, которую зовут Карийе“.

Старец так обстоятельно стал описывать ее красоту, рассказывать о ее прелестях, что присутствовавший при этом сын визиря, не успев дослушать его слова, сразу влюбился в нее, от одного рассказа о ней стал ее Вамиком. А этот сын визиря обладал познаниями в науке магии и колдовстве, обладал сведениями по части йоги и превращения. Раньше чем царь успел вернуться с охоты, юноша уже спустился в Мадинат ал-Кар.

Царь возвратился с охоты, и, когда прошло несколько дней, как-то раз его жена, взяв в руку зеркало, смот-

рела на себя в саду и говорила причесывавшей ее служанке: „Какую изумительную красоту мне дали! Какое обширное царство подарили моему мужу! Было бы удивительно, если б в мире нашлась еще одна такая красавица или нашелся бы царь, одаренный более просторным царством!“

Присутствовавший при этом попугай рассмеялся. Царица разгневалась и сказала мужу: „Или прикажи ему объяснить, почему он смеялся, или прикажи мне наказать его за это“. Царь спросил: „Эй попугай, почему ты смеешься?“

„Меня рассмешило самоупоение моей госпожи, — ответил попугай. — Она полагает и воображает, что такой красавицы, как она, нет во всем мире и такого мощного царя, как ты, нет на земле. Под твоей землей есть город, называемый Мадинат ал-Кар, там есть царь, которого называют Вторым Рамой, а у него есть дочь, которую зовут Кариье. Красота этой девушки подобна месяцу на небе, а твое царство по сравнению с царством того царя то же, что пылинка по сравнению с солнцем“».

Поистине, надо искать доказательств и в сферах месяца и солнца. Над каждым властителем есть властитель еще выше, над каждым подчиненным есть начальство. Арабы говорят: „Над каждым ученым есть наука“.

Нахшаби, над всякой тварью есть другая тварь, сильнее!
Если хочешь, на Симурга устрями свой взор, мой милый:
Перед мошкою ничтожной может в мире слон могучий,
Пред слоном — Симург великий похвалиться страшной силой.

«Охватила царя страсть к Кариье, запало ему в сердце желание добиться ее объятий. Поручил он все дела царства и государства одному из доверенных лиц, а сам под видом странника, в одежде йога, покинул город. Пришел он на берег моря и целый день с величайшим спокойствием простоял на берегу. Ветер — вестник моря, доставил морю весть, что пришел царь Уджайини и с величайшим спокойствием стоит на берегу. Море приняло облик человека, с лица которого струилась вода щедрости, а изо рта сыпались жемчужины и драгоценные камни, пришло к царю и стало расспрашивать его о причинах прибытия: „Зачем ты пришел и по какой надобности утруждал себя? Если тебе что-нибудь нуж-

но, скажи, я исполню твое желание. Если у тебя есть какое-нибудь дело, дай указание, и я займусь им". — „Предо мной дело трудное, — отвечал царь, — решился я на обременительный шаг. Облегчи мне эту трудность и помоги свершить это дело". — „Что же это за дело?" — спросило море. „Под землей есть город, называемый Мадинат ал-Кар. Доставь меня туда". — „Он на суше, а моя власть простирается только на влагу. Как могу я доставить тебя в этот город? Как могу указать тебе туда путь?" — „Доставь меня только до пределов твоего царства. Если назначен мне в удел провожатый, то там я найду другого".

Море взяло царя за руку, ввело в воду, нырнуло и сразу доставило на границу своего царства. Затем оно повернуло назад, а царь пошел дальше и пришел в сад, повествовавший о красотах рая и рассказывавший о прелестях райских кущ. По саду протекал ручей сладкой воды, и царь уселся возле него.

Спустя некоторое время пришли туда двое юношей. Они оказали царю величайшее почтение и сказали: „О чужестранец! Мы — два брата, а отец наш был чародеем. Он умер и оставил нам четыре вещи. Прошло уже много времени, но нет у нас судьи, который мог бы разделить их между нами, распределить их поровну. Будь столь добр, прекрати наши раздоры и подели между нами наследство". — „Что же это за четыре вещи?" — спросил царь. „Во-первых, ряса, — ответили юноши. — Сколько бы кому-нибудь ни понадобилось динаров или дирхемов, столько он всегда сможет достать из ее складок. Во-вторых, шапочка, под которой всякий может найти столько пищи и питья, сколько ему нужно. В-третьих, пара деревянных туфель: стоит только всунуть в них ноги — и в каком бы городе или месте ты ни пожелал очутиться, если он даже будет удален от тебя на тысячи фарсахов*, ты сразу окажешься там. В-четвертых, костяной меч: стоит только вынуть его во время вечерней молитвы** в пустыне или в степи из ножен, как тотчас же появится населенный город с базарами и всеми принадлежностями городской жизни. Если поутру меч снова вложить в ножны, все, что появилось, снова исчезнет".

Выслушав эти речи, царь молвил про себя: „Если дело мое удастся, то удастся оно лишь с помощью этих ве-

щей. Если мне удастся осуществить мое желание, то только с их помощью“. Затем он сказал юношам: „Пойдите и принесите сюда эти вещи“.

Когда они принесли вещи, царь две из них положил в одну сторону, а две — в другую. Затем он взял два мяча, положил их на искривление чоугана *, пустил один вправо, а другой влево и сказал: „Ступайте за мячами. Кто скорее вернется с мячом, может выбирать ту кучку, которую захочет, кто опоздает — получит то, что останется“.

Когда юноши побежали за мячами, царь взял рясу, шапочку и меч под мышку, надел туфли, пожелал оказаться в Мадинат ал-Каре и тотчас же очутился перед воротами этого города. Юноши же из-за своего позорного раздора лишились этих драгоценных вещей и потеряли эти редкостные драгоценности».

Спор и раздор ты оставь, Нахшаби,
Дервишу это приносит позор.
Мудрые люди всегда говорят,
Что меж роднею позорен раздор.

«Когда царь подошел ко дворцу Рамы Второго, он увидел сына своего визиря, погруженного в молитву в келье. Царь спросил: „В чем дело? Как ты попал сюда?“

„Я уже давно пробрался сюда, — ответил сын визиря, — так как влюблен в Карийе, но она не обращает на меня внимания. Ты же более известен и на земле и под землей, более знаменит от подземного царства и до Плеяд. Тебя в подземном царстве знают еще лучше, чем на земле, и Карийе сказала отцу: „Если ты отдашь меня царю Уджаййини, я выйду за него замуж. Если же нет, то я никогда не буду упоминать о муже и во век не подойду к мужчине“.

Царь вел с сыном визиря эту беседу, когда кто-то доставил Раме Второму весть, что прибыл царь Уджаййини и стоит пред его дверями. Рама Второй вышел, повел царя во дворец, усадил его на край своего трона и обещал ему свою дочь.

На другой день устроили веселый пир, по обычаю, устроили торжество и брачное пиршество и по решению мудрецов и с согласия астрологов заключили брак по религии этой страны. Невесту посадили на изукрашен-

ный драгоценными камнями трон, золотое кресло, и устроили смотрины.

После многих трудностей и бесчисленных препятствий оба стремящихся достигли своей цели, оба желающих дождались осуществления своих желаний».

Стремящихся труд — это клад, Нахшаби,
Давно эти речи по миру идут.
Хоть много ты в жизни своей претерпел,
Но все же труды твои не пропадут.

«Увидев лицо Карийе, царь понял, что она во сто крат прекраснее его жены, а взглянув на царство ее отца, увидел, что оно в тысячу раз пространнее его собственного царства. Понял он тогда слова своего попугая и нашел понятным его смех.

Прошло несколько дней, и названные сестры Карийе начали говорить ей: „Твой муж вовсе не царь Уджаййини... Если он царь, то как попала к нему ряса и шапочка — признаки нищих, зачем ему костяной меч и деревянные туфли — приметы неимущих? Тому, кто достоин царского кафтана, нет дела до дервишеской рясы; глава, которая привыкла носить царский венец, не надеет шапочки нищих; рука, которой подобает кинжал солнца, не возьмет костяного меча, а ноги, привыкшие становиться на стремя полумесяца, не оденут деревянных туфель...“

Карийе передала эти слова мужу, и тот сказал: „О жена, берегись, не питай презрения к этим вещам, которые кажутся им ничтожными. За каждую из них можно отдать сто царств, ради каждой можно пожертвовать тысячью государств! Со временем ты узнаешь, сколь ценны эти вещи, в один прекрасный день поймешь, насколько они драгоценны...“»

Нахшаби, недоверия ты не питай,
На красоты наружные ты не смотри,
Коль снаружи ничтожною кажется вещь,
Ничего! Ведь она драгоценна внутри!

«Царь попросил у отца Карийе разрешения возвратиться назад. Тот позволил. Тогда царь взял Карийе на руки, забрал принесенные с собой вещи, надел волшебные туфли и тотчас же оказался на берегу того ручья, где ранее нашел эти вещи. Сын визиря принял облик мухи, сел царю на одежду и вместе с ним покинул под-

земное царство. Однако царю он об этом ничего не сказал. Некоторое время спустя пришли юноши — владельцы вещей. Царь положил перед ними все четыре вещи, попросил прощения и сказал:

„Знайте, что я гнусно и нечестно похитил ваши вещи, однако у меня было дело, которое можно было выполнить только с помощью этих вещей. Дело мое выполнено, берите же свои вещи, получайте свои пожитки в целости и сохранности“.

Но так как юноши были сыновьями чародея, то таких вещей было у них много, таких сокровищ было без счета. „Утрата этих вещей, — сказали они, — прекратила спор между братьями и уничтожила нашу распрю. Мы отдаем тебе эту причину раздора, дарим тебе это основание спора и, если желаешь, научим тебя науке о переселении душ и прочим сокровенным наукам“.

Затем они научили царя науке о переселении душ, и одновременно с царем узнал об этом и сын визиря. Царь встал, распрощался с юношами, надел деревянные туфли и тотчас же оказался в окрестностях города Уджаййини. Остановился он под деревом, а сын визиря принял свой обычный облик и поклонился царю. — „Как ты попал сюда?“ — спросил царь. „Я прибыл сюда еще раньше тебя“, — ответил сын визиря.

Затем царь и сын визиря отправились на охоту, чтобы добыть дичи, достать жаркого, так как их терзал и мучил голод. Царь уложил газель и хотел вернуться назад к Карийе. Сын визиря раскачал цепь коварства, изложил предисловие к предательству и сказал: „Благодаря царскому счастью я в том городе научился изменять свой облик и могу превращаться в муху. Если царь прикажет, я переменю свой облик на другой и покажу это царю“. — „Прекрасно“, — ответил царь. Тот сейчас же превратился в муху и через некоторое время снова принял образ человека.

„Это пустая наука, — сказал царь. — Если бы муха могла стать человеком, это было бы почетнее, а человеку не велик почет стать мухой. Вот я привез оттуда настоящую науку: я узнал способ переселения души, могу переселять свою душу в мертвое тело и оживлять его, а затем снова выходить из того тела, входить в свое собственное и принимать свой прежний облик“. — „То, что я умею, я почтительно показал тебе, — сказал сын ви-

зиря,— будь же столь милостив и покажи мне то, что ты умеешь“. Царь тотчас же покинул свое тело и переселился в тело газели.

Сын визиря тоже покинул свое тело, завладел телом царя, оставил газель газелью, отправился к Карийе, взял ее на руки, надел деревянные туфли и тотчас же оказался в царском дворце. В городе поднялся шум, люди заволновались — царь, мол, вернулся и привез с собой дочь Рамы Второго. Собрались все визири и сотрапезники, собрался весь народ и все подданные и все пошли облобызывать ему руку и поглядеть на своего царя.

Когда служанка-небесный свод прилепила родинку ночи к лицу дня, а невеста-ночь раскрыла сосуд, полный дегтя, сын визиря захотел разделить ложе с Карийе и прогнать столько времени одолевавшую его тоску. Но Карийе из движений его поняла, что это не царь, вырвалась от него, оттолкнула его и сказала: „Что это за дом, не знающий покоя! Что за келья без свечка! Этот облик представляет собой в совершенстве царя, но самого царя в нем нет. Кто-то удалил его и завладел его телом“. — „Нет, это я“, — сказал сын визиря. — „Я прекрасно знаю все движения царя и все повадки моего мужа. В сердце мне запало сомнение, охватило меня подозрение. Дай мне несколько дней сроку и не приближайся ко мне. Если ты тот самый царь, я все равно принадлежу тебе. Поэтому, если можешь, не прикасайся ко мне, иначе я убью себя и опозорю и обещу тебе“.

Сын визиря поневоле оставил ее в покое. Преведняя жена царя тоже узнала об этом и притворилась больной и немощной. Он должен был оставить и ее и заняться другим делом. Каждый день приходил он к Карийе, но та не слушала его слов и держалась своего прежнего мнения».

Люди не все друг на друга похожи,
Знай, что природа у них не одна.
В мире бывает, что знает об этом
Лучше мужчины, мой милый, жена.

«Как-то раз газель наткнулась на мертвого попугая. „Лучше всего будет, — молвила она, — если я переселюсь в тело этого попугая, полечу в свой дворец и по-

смотрю, что там случилось, как обстоят дела и что он сделал с моей семьей“.

Царь тотчас же вошел в тело попугая и ночью полетел в свой дворец. Карийе он застал в одиночестве и поведал ей всю свою историю. Карийе и обрадовалась, и заплакала, и сказала: „Я утратила тебя и снова нашла. Но ты в образе птицы, а я — человек. Какая тебе от меня выгода и какая мне от тебя польза?!“ — „Нам поможет такая хитрость, — сказал попугай. — Когда этот презренный придет к тебе и начнет любезничать, ты скажи ему: „Мне в сердце запало подозрение, пришла в голову мысль, но теперь это подозрение ушло, мысли развеялись — ты несомненно мой прежний муж, но только ты обладал познанием, которым никто не обладает, — наукой о переселении душ. Ты много раз проделывал это передо мной, и, если ты еще раз сделаешь это передо мной, опасения мои совершенно исчезнут и подозрение полностью уничтожится“.

На другой день сын визиря пришел к Карийе, и она сказала ему все это. Он согласился. На конюшне сдох осел, и сын визиря покинул тело царя и тотчас же вошел в тело осла — место чрезвычайно для него подходящее. Дух царя, заключенный в попугае, вошел в свое тело, принял свой прежний облик. Царь приказал пытать осла и убить самым ужасным образом, а сам извлек из своих четырех вещей большую пользу и до конца дней своих прожил счастливо с Карийе и своей прежней женой».

Истомился по близким своим Нахшаби,
От тоски он покончить готовился дни.
В мире большего счастья не сыщешь, мой друг,
Чем спокойная жизнь возле мирной родни.

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, как царь Уджаййини после многих трудностей и препятствий добыл возлюбленную и вернулся к прежней жене, так и ты, будем надеяться, в соответствии с тем благим сном, что тебе приснился, получишь мужа, но добудешь и возлюбленного. Но только свидание с другом возможно еще раньше, чем свидание с мужем. Ночь еще не пришла к концу. Вставай, ступай к своему другу!»

Худжасте хотела последовать его совету, но в то же мгновение пропели утренние петухи, Карийе-солнце по-

казала голову из Мадинат ал-Кара, поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о том,
как четыре верных друга пошли к ученому,
как ученый дал им четыре волшебных камешка,
как трое добыли клад, а четвертый ничего не получил**

Ночь сорок седьмая

Когда волшебник-небесный свод положил золотой камешек-солнце в ларец запада, а ювелир небосклона достал из ларчика востока блестящую жемчужину-месяц, Худжасте, эта жемчужина из ларца изящества, с кровавыми слезами на глазах пришла к попугаю и сказала: «О ты, облаченный в зеленую рясу! О ты, посвященный, с цепью на шее! Любовная страсть набросила цепь страданий на шею моей судьбы! Я пришла к тебе с той целью и с тем намерением, чтобы ты распутал мой внешний узел, залечил раны моей груди. Ты пожертвовал собой ради моей жизни, ты все пронзающие сердце стрелы советов направил мне в сердце. Ты жгучее пламя увещаний разжег в моей груди! Когда же завершится мое дело? Когда же будут залечены мои раны? Ведь безумный не станет от советов мудрецом — а я обезумела от любви. Мертвый не может выслушать совета живого — а я отношусь к числу мертвых...»

Влюбленным советов не надо давать,
Влюбленный и смерти мучительной рад.
Влюбленным нет дела до мудрых речей,
Влюбленным советы — оковы, мой брат.

«О хозяйка,— отвечал попугай,— правда, любовь и совет — дела несовместимые, но все же не следует совершенно пренебрегать советами, не годится полностью отказываться от увещеваний. Надо слушаться своих друзей, ибо с тем, кто не слушается друзей и отклоняет советы приятелей, случится такая же беда, какая случилась с четвертым обладателем камешка.» — «А что с ним было?» — спросила Худжасте.

«Рассказчики и повествователи говорят,— отвечал попугай,— что некогда было в Балхе четыре друга. Их опасения и надежды были одинаковы, делили они и горе и радость. Внезапно обрушились на них превратности судьбы, впились в них когтями горестные дни, и все их добро и богатство было разграблено и растащено. Поистине, после каждого подъема бывает спуск, как говорят арабы».

Нахшаби, превратны судьбы,
Вечных благ на свете нет.
Нет покоя без несчастья,
Гаснет даже солнца свет.

«В той местности жил ученый мудрец, мудрый философ. Все четверо пришли к нему и рассказали, как им трудно живется, как они бедствуют. Мудрец дал каждому из них по камешку премудрости и сказал: „Положите камешек на голову и ступайте. Где он упадет на землю, там копайте, и все, что появится из земли, назначено вам в удел“».

Поистине, после каждого спуска есть и подъем!

Нахшаби, судьба превратна,
Слита радость с горем в ней.
Нет у счастья без утраты,
Горя нет без счастья дней.

«Все четверо положили камешки на головы и пошли, двинулись в путь, горделиво неся их на головах. И отправились они в степь. Когда они прошли несколько миль, у одного из друзей упал камешек. Он начал рыть, и оказалось, что в этом месте в земле медный рудник. „Я доволен этой медью,— сказал он.— Она мне кажется лучше чистого золота. Если и вы довольствуетесь этим, разделим ее. Если же хотите идти дальше, то это ваше дело“.

Друзья не согласились и пошли дальше. Когда они прошли некоторое расстояние, упал второй камешек.

Владелец его начал копать и нашел в земле жилу серебра. „С меня довольно и этого, — сказал он, — если и вы довольны этим, берите свою долю. Если же хотите идти дальше — на то ваша воля“.

И пошли друзья дальше. Прошли они некоторое расстояние, и упал камешек третьего. Начал он рыть, и появилась золотая жила.

Тогда он сказал четвертому другу: „Нет металла ценнее золота. Раз выпал нам на долю такой клад, давай останемся вместе и будем проводить дни в довольстве“. — „Нет, — ответил тот, — дальше будет, наверно, россыпь драгоценных камней. Никто не меняет драгоценные камни на золото, никто не откажется от самоцветов ради глины“.

Прошел он несколько шагов, и его камешек тоже упал на землю. Начал он рыть и нашел железную руду. Пожалел он тогда, что не послушался друзей, раскаялся в том, что покинул золотую жилу, и решил повернуть назад и присоединиться к обладателю золота. Пошел он назад, но, сколько ни трудился, так и не нашел и следа своего друга. „Нельзя получить больше того, — молвил он, — чем назначено в удел. Пойду и примирюсь с железом: и с помощью железа можно заработать золото“.

Пошел он назад, но и железо тоже скрылось от его глаз, и, кроме щепок и мусора, ничего он там не нашел. Тогда он решил пойти к мудрецу и рассказать ему, что случилось. Но когда он пришел туда, оказалось, что мудрец уехал, переселился в какую-то другую страну. Несчастный смутился и из-за жадности своей так ничего и не получил. Недаром пословица говорит: „Кто хочет все получить — все утратит“».

Друг мой, жадность бесполезна,
Жадный сам себе вредит.
Ты благим внимай советам,
Жадных горе поразит.

«Как-то раз этот жадный человек поведал эту историю одному из своих друзей. Тот молвил: „Кто не слушает советов добрых советчиков и не обращает внимания на слова друзей, с тем и должно случиться то, что было с тобой. Разве ты не слыхал, что однажды было четыре друга. Каждый из них занимался своим делом, а один изучал колдовство и волшебство. Как-то раз

шли они все четверо по пустыне и нашли мертвого дракона, кости которого совершенно развалились. Кудесник сложил вместе кости, соединил их как следует, сказал какое-то слово, и тотчас же у дракона появились мясо и кожа. Кудесник хотел сказать второе слово, чтобы в драконе появилась жизненная сила, но друзья стали советовать ему: „Берегись, не делай этого! Не оживляй его, ведь он враг людей! Погубит он и тебя и будет терзать и других людей“.

Кудесник не послушался друзей, произнес что-то, и дракон тотчас же ожил и одним глотком проглотил своего благодетеля. Остальные три друга бежали оттуда. Четвертый же погиб, так как позорным образом не послушался совета».

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, со всяким, кто не слушает речей советчиков и проявляет жадность, случится то же, что было с этим несчастным».

Нахшаби, ты советчикам добрым внимай,
Воском будь и про твердый металл ты забудь.
Сам себя по ноге всякий бьет топором,
У кого словно сталь неподатлива грудь.

«О хозяйка, слушай мои слова, оставь такие напевы. Вставай, ступай к своему другу и не заставляй ждать томящегося по тебе!»

Худжасте хотела последовать его совету, но тотчас же поднялся дневной шум, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о багдадском юноше,
о том, как он влюбился в рабыню, игравшую на лютне,
затем продал ее юноше-хашимиту *, раскаялся в этом
и под конец все же достиг своей цели**

Ночь сорок восьмая

Когда румийская рабыня-солнце ушла в покой запада, а китайский юноша-месяц вышел из лавки востока, Худжасте, обессиленная, с глазами, полными слез, пришла к попугаю и сказала: «О попугай! Мудрецы говорят, что огонь бывает четырех родов: первый — это тот, который ест, но не пьет, — огонь дерева; второй пьет, но не ест — огонь ветра Самум; третий не пьет и не ест, это огонь в скалах, а четвертый и ест и пьет, и это огонь внутренний. Но насчет пятого огня, огня любви, я не знаю, весь ли он достался мне в удел или часть его досталась и моему возлюбленному». — «А я знаю, — ответил попугай, — что его он не жжет и не ведает он дыма этого огня. Чтобы ударить по рукам, нужно две руки, из одного камня нельзя сделать мельницы. Если бы он обладал такой же верностью и искренностью, как и ты, ваше желание несомненно осуществилось бы и вы достигли бы цели. Верность и искренность того багдадского юноши и его рабыни были одинаковы, и потому-то их желания и должны были сбыться, потому-то они и должны были достичь цели». — «А что с ними было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что жил-был в Багдаде некий юноша, обладавший несметными богатствами и великими сокровищами. И влюбился он в рабыню, игравшую на лютне, купил ее по дорогой цене, начал тратить на нее деньги и в конце концов обеднел, впал в бедность и нищету».

Нахшаби, слишком страстным, мой друг, ты не будь,
Слишком сильная страсть превращается в яд.
«Кто весь в страсть погрузился, всегда под конец
Станет нищим», — нам так мудрецы говорят.

«Как-то раз девушка сказала ему: „О ходжа, в дни богатства ты все тратил, а об этом дне ты и не подумал. Без пищи не обойдешься, оставь свои ласки — нам надо и хлеба. Предприми что-нибудь, чтобы достать пищи и

чтобы я могла существовать“. А багдадский юноша постоянно приводил в свой дом знаменитых певцов учить девушку, обучать ее музыкальной науке, и поэтому она приобрела основательные познания в этой науке и в пении проявляла чрезвычайное искусство. Как-то раз стал он советоваться с другом и спросил: „Деньги мои ушли, а ремесла я не знаю, что же со мной будет? Как мне быть дальше?“

„О глупец, — отвечал неразумный друг, — будет лучше всего, если ты выдашь себя за музыканта и будешь ходить со своей рабыней на пирушки вельмож. Дни твои будут проходить в покое и довольстве, и появятся у тебя деньги“. — „Поистине, — воскликнул багдадский юноша, — кто посоветуется с глупцом, получит соответствующий совет, кто будет просить совета у дурака, получит дурацкий ответ! О глупец, как ты решился говорить такие речи! Как могу я есть хлеб, утратив честь? *“»

Честь, Нахшаби, величайшее дело!
Кроме нее, в мире ценностей нет.
Тяжкая смерть — умолять о подачке,
Если нет чести, не мил белый свет!

«Прошло несколько дней, и девушка повела такую речь: „О ходжа, будет лучше всего, если ты продашь меня и на вырученные деньги добудешь все, что тебе надо. Так и ты избежешь тяжелой нужды, и я снова добуду средства к существованию“.

Хозяин волей-неволей должен был согласиться на разлуку с милой и повел ее на базар. Некий юноша-хашимит, приехавший из Басры** посмотреть Багдад, купил ее за пятьсот динаров. Продавец, взяв деньги, раскаялся и начал горевать, а девушка, увидав безумие хозяина, обезумела еще больше него. Они старались расторгнуть сделку, но ничего пельзя было сделать. Багдадский юноша поневоле взял деньги и пошел в степь. Он боялся, что, если он придет домой и увидит, что подруги там уже нет, разольется его желчь и сгорит его сердце. Подобно безумному, лишившись сил, вошел он в мечеть. Его начало клонить ко сну, положил он кус с золотом под голову и заснул. Какой-то мошенник заметил это, вытащил у него из-под головы золото и вновь вверг его в нищету».

Бойся ударов судьбы, Нахшаби,
Страшной разлукою время грозит.
Нить нищеты перервет небосклон,
Время же снова тебя поразит.

«Проснувшись, несчастный бедняк увидел, что киса с золотом исчезла. Став еще несчастнее, разорвал он на себе одежды, посыпал голову прахом и принялся оплакивать свою судьбу. Затем он пошел на берег Тигра и бросился в воду. Люди же подумали, что он тонет против своей воли, кто-то бросился за ним и вытащил его из воды.

Какой-то старец отвел его в уголок и сказал: „О сыпчек, ты потерял деньги, утратил капитал... Но то, что ты хочешь убить себя, не особенно разумно. Ты не первый облекся в рубище бедности и испробовал чашу любви. Мужайся, быть может, твое уснувшее счастье обратится ясным днем“.

Тогда юноша немного успокоился, покорился своей судьбе и на другой день пустился в путь. Придя к реке, увидел он ладью, наполненную драгоценными товарами и ценной утварью. Он сказал матросу: „Предоставь и мне место в этой ладье“. — „В этой ладье поклада некоего юноши-хашимита, — ответил матрос. — В такой одежде я не могу пустить тебя сюда. Но если ты во что бы то ни стало хочешь ехать, оденься в наше платье и ступай сюда. Тогда все будут думать, что ты принадлежишь к нашей команде“.

Услышав упоминание о юноше-хашимите и увидав всю роскошь и пышность убранства ладьи, юноша молвил про себя: „Не будет удивительно, если владельцем ладьи окажется тот самый покупатель, который купил мое солнце...“ Он оделся в матросское платье и сел в ладью.

Прошло некоторое время, и он увидел свою рабыню, окруженную служанками. Когда взгляд его упал на совершенство его подруги, силы его вернулись, и он начал восклицать: „О диво! Сердце мое, врата успеха отверзлись, больной нашел врача! Если ничего другого не случится, то, по крайней мере, будет хоть то, что я буду паходиться в одной ладье с моей подругой!“»

Несчастному влюбленному достаточно какого-нибудь пустяка от возлюбленной, самый незначительный дар из рук подруги удовлетворяет его,

В два локона, друг мой, влюблен человек,
Любовь стала ныне судьей над ним.
Хотя бы весь мир его нежно любил,
Он волосом будет доволен одним.

«Некоторое время спустя начала девушка плакать. „До каких же пор будешь ты плакать и тосковать, волноваться и страдать! — воскликнул юноша-хашимит. — Успокойся же наконец и порадуй нас своей музыкой! Не ты первая разлучилась с другом и рассталась с приятелем — многие пили из этой чаши и под конец надевали одежду терпенья“.

Так как хашимит настаивал на своем, девушка взяла лютню и стала петь. После этого она так расплакалась, что перед слезами половины глаза могла устыдиться река, и ладья чуть не потонула. Команда ладьи смутилась и огорчилась, и веселье ее превратилось в печаль. Багдадец молвил про себя: „Надо бы что-нибудь придумать, чтобы моя возлюбленная узнала, что я жив и еду с ней в этой ладье. Быть может, представится удобный случай, и я откроюсь ей“.

Внезапно такой случай представился. Он взял ее лютню и настроил на такой лад, на который, кроме него, никто не мог настроить ее. Была ночь, прекрасная, как беззаботная грудь, и чарующая, как коса красавицы. Господин молвил: „Девушка, разве в такую ночь ты не можешь попотчевать нас музыкой и не портить нам настроение слезами и рыданиями?“

Девушка взяла лютню, но не успела она прикоснуться к ней, как зазвучал лад багдадца. „Клянусь Аллахом! — воскликнула девушка. — Эту лютню настроил мой господин! Он находится с нами на этой ладье!“ — „О если бы он был в этой ладье, — молвил юноша-хашимит, — чтобы горе твое немного утихло и мы могли бы усладиться твоей музыкой! Но только разве среди нас есть чужой? Есть здесь кто-нибудь чужой или нет?“ — спросил он матросов.

Те от страха ответили отрицательно. Багдадец же молвил про себя: „Не годится, чтобы об этом перестали говорить и обо мне уже больше не упоминали“. Он возвысил голос и крикнул: „Ходжа, я тот несчастный, которого ты ищешь!“

Пришел слуга и повел его к хозяину. Когда хашимит увидел, в каком состоянии багдадец (не дай никому Ал-

лах такой муки!), сердце его сжалось, слезы закапали у него из глаз, и он спросил: „В чем дело? Что с тобой случилось?“

Багдадец поведал ему обо всем случившемся, рассказал всю свою историю. Всех присутствующих охватило горе, и все начали издавать горестные вопли».

Нахшаби, свое пламя старайся скрывать,
Хотя мускуса запах и трудно сокрыть.
Если только любви разгорится огонь,
Он и море и сушу способен спалить.

«Затем юноша-хашимит дал клятву: „Клянусь, что с того дня, как я купил эту рабыню, я не прикасался к ней и рукой и не услаждался ее пением. Поистине, она целые дни лила слезы. Как же можно было наслаждаться ее пением? Но раз дела ваши обстоят так и горе ваше столь велико, успокойся, ибо я всегда стремился поддерживать падающего и поднять упавшего. Я даю тебе клятву, что как только мы прибудем в Басру, я отпущу эту девушку на волю, дам ее тебе в жены и позабочусь о средствах существования для вас“.

Когда девушка услышала это, жизнь снова вернулась в ее омертвевшее тело. Через некоторое время она попросила вина и запела так сладостно, что взволновалась река и развеселились птицы и рыбы.

Несколько дней провели они вместе. Как-то раз ладья пристала к берегу какого-то острова. Все занялись своими делами, и багдадец тоже сошел на берег, чтобы удовлетворить свою физическую потребность. Некоторое время бродил он по степи, а когда возвратился назад, то увидел, что друзья его уехали, а его позабыли.

Остался он там в одиночестве, без сил — снова вернулось горе, снова беда посетила его».

Поистине, кто может примириться с превратностями времени и злобою судьбы!

День счастливый удачей считай, Нахшаби,
Лютни звук колокольчик не может издать.
Кто умеет несчастья и беды прогнать?
Кто способен спокойно терпеть и страдать?

«Испив вина горестей и осушив чашу забот, пришел он в Басру. Он увидел большой город, огромное поселение. Несколько дней блуждал он по улицам, но так и не встретил никого из слуг юноши-хашимита.

Как-то раз сидел он возле лавки бакалейщика, и тот сказал ему:

„Если ты согласен вести запись моих приходов и расходов, я буду давать тебе каждый день по дирхему“.

Юноша согласился и начал вести записи приходов и расходов бакалейщика. Хозяин, убедившись в его порядочности и заметив его честность, дал ему в жены свою дочь. Но юноша постоянно грустил и тосковал, ни на одно мгновение не мог отделаться от томления и тревоги.

Как-то раз он увидел одного из слуг хашимита, слуга тоже признал его, чрезвычайно обрадовался и повел его к своему хозяину. Хашимит горячо приветствовал его, оказал ему почет и сказал: „С того дня, как ты расстался с моей ладьей, я подозревал, что с тобой случилось несчастье или тебя разорвал дикий зверь. Прибыв в Басру, я обратился к твоей рабыне с такой речью: „Я дал обет твоему хозяину, что подарю тебя ему, как только приеду в Басру. Теперь он исчез, и я не знаю — жив ли он или умер. Что ты теперь будешь делать?“ — „Разреши мне где-нибудь в углу сделать могилу с его именем, — ответила она, — и постоянно жить возле нее“. Так она и сделала. В такой-то обители сделала могилу с твоим именем, облачилась в черное платье и молится за тебя“.— „Сведите меня на мою могилу, — молвил багдадец, — чтобы я при жизни мог посетить мою могилу и всю жизнь до конца молиться за ту, кто молилась за меня“.

Как только он подошел к своей могиле, девушка тотчас же признала его. И возлюбленный и возлюбленная испустили радостный вопль, оба томимые страстью зарыдали.

Затем хашимит дал ему девушку и подарил пятьсот дирхемов, чтобы жизнь его шла в покое и проходила в довольстве.

На другой день багдадец пошел к бакалейщику и рассказал ему всю свою историю, вернул брачный дар его дочери, с согласия бакалейщика расстался с ним и всю жизнь до конца прожил со своей возлюбленной».

Нахшаби, скоро ль свидишься с другом своим?
Скоро ль встречи добьешься с желанной своей?
Знаешь ты, что блаженством на свете зовут? —
Коли ищешь подругу и свидишься с ней!

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, так как верность желавшего и желанной были равны, они в конце концов встретились и до конца жизни не разлучались. Если верность твоего друга равна твоей верности, дело ваше удастся и вы тоже встретитесь. Но только верность нужно искать у возлюбленной, не у любящего, искренность нужно ждать от влюбленного, не от любимой. Ты влюблена, он — друг твой, ты — любящая, а он любимый. Покажи свою верность, встань, ступай к нему и не заставляй дольше ждать истомленного ожиданием».

Худжасте хотела последовать его совету, но неверный день разорвал покров зари, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



Рассказ о царе и трех братьях

Ночь сорок девятая

Когда старушка-солнце скрылась в куполе запада, а юноша-месяц вышел из портика востока, Худжасте с мрачным лицом и отчаянием в сердце, наружно в волнении, а внутренне в смятении, пришла к попугаю.

«О хозяйка, — спросил он, — почему ты так мрачна? Почему ты так нахмурилась? Сегодня ночью надо пойти в дом к другу, надо посетить покои возлюбленного, а к друзьям не годится приходить с мрачным лицом, нельзя строить кислую гримасу, сидя с друзьями. „Будь благоразумен, а не мрачен“, — говорят арабы».

Кислым не будь, Нахшаби, никогда!
Мрачного месяц померкнет тотчас.
Мрачного вид — это тяжкая смерть,
Мрачного общество — горе для нас.

«Нет для человека лучше украшения, чем ясное чело, нет для женщины капитала дороже веселого нрава. Лишь из-за мрачности своих жен те два младших брата состарились раньше старости, а старший брат только из-за веселого нрава своей жены и под старость остался молодым». — «А как это было? — спросила Худжасте. — Кто были эти братья — молодой, средних лет и старший?»

«Говорят, — отвечал попутай, — жил-был некогда один пахарь. Гонял он по полю пару волов и сеял зерно в сердце земли. Вдруг от удара плуга раскрылась яма, начали копать, и нашли колодез. В колодезе этом было несколько колосьев пшеницы — каждый колос величиною с конский хвост, а каждое зерно — с персик. Все эти колосья отнесли к царю города.

„Мне хотелось бы точно и определенно знать, — сказал царь, — в какую эпоху росли такие колосья на ниве мира“. — „В таком-то городе, — сказали ему, — есть древний-предревний хлебопашец. Возможно, что ему это известно и что эти обстоятельства от него не сокрыты“.

Царь взял один из колосьев, дал его одному из придворных и послал к тому хлебопашцу расспросить его и осведомиться у него об этом деле. Когда придворный пустился в путь, попался ему по дороге один из его друзей и спросил его: „Куда ты идешь?“ — „Иду по такому-то сложному делу к такому-то хлебопашцу“, — ответил тот. „Когда узел этого затруднения будет распутан, попроси его также разрешить несколько вопросов, представляющихся для меня трудными, а именно: темнее черного цвета нет краски, как же черные волосы человека могут стать белыми? Затем — в сближении, соединении и брачном сожителстве и муж и жена получают одинаковое удовольствие; почему же обязанность платить вено * лежит только на мужчине, почему на его шее лежит тяжесть брачного дара? Затем — когда муж и жена состарятся, почему мужчина кажется светлым, а женщина принимает скверную окраску?“

Придворный пришел к хлебопашцу и увидел дряхлого старца. Стан его был искривлен, как лук без тети-

вы, от чрезвычайной старости лоб его пригнулся к самым коленям. Придворный положил перед ним колос и сказал: „Не знаешь ли ты, в каком веке росли такие колосья, когда бывали такие побеги?“ — „Нет, не знаю, — отвечал хлебопашец. — Но есть у меня брат постарше, возможно, что он знает“.

Придворный пошел к брату постарше и увидел человека средних лет, напоминающего собой юношу, подобного молодому человеку. Придворный стал расспрашивать его, и тот сказал: „Мне это неизвестно, но у меня есть брат на несколько лет старше меня, ему-то это наверно известно“.

Придворный пошел к нему и увидел юношу с черной бородой, без единого седого волоса и безо всяких признаков старости. Придворный стал расспрашивать его, и старец сказал: „Мне это прекрасно известно, и историю эту я знаю превосходно. В тот год, когда нива мира давала такие плоды, и на моем поле росли такие колосья. А причина этого благословения такова. Во время правления царя той эпохи какой-то человек продал другому дом. Покупатель нашел в этом доме схороненный клад, большое сокровище, принес эти деньги к продавцу и сказал: „Ты продал мне дом. Деньги, находившиеся в нем, принадлежат тебе, возьми их“. — „Если бы эти деньги были пазначены мне в удел, они нашлись бы тогда, когда дом еще принадлежал мне. Раз теперь дом стал твоей собственностью, то и деньги — твое имущество“, — возразил продавец.

Поднялся между ними спор. Один говорил: „Это — твое!“ Другой восклицал: „Нет, твое!“ В конце концов пошли они со своей тяжбой к царю той эпохи и сказали: „О справедливый царь, о неподобный судья, о праведник, не ведающий кривды! Прекрати наш спор и пресеки нашу вражду!“»

Великий Аллах! Что это были за дни, что было за время! Какая разница между тем временем и временем нынешним! Какое различие между тем веком и этим!

Нахшаби, в то далекое славное время
Притеснений и муки не знали сердца.
Ты сказал бы, что в это далекое время
Мусульманства завет уважали сердца.

«„Царь спросил: „Есть у тебя дети?“ — „Есть сын“, — ответил тот. „А у тебя какого пола ребенок?“ —

спросил царь покупателя. „Дочь“, — ответил тот. „Отдай же свою дочь его сыну, а деньги эти дай ей в виде приданого. Тогда вы оба получите свою долю из этих денег“, — сказал царь.

Обеим сторонам это решение пришлось по душе, оба вышли из судейской залы удовлетворенными, и от благодатного действия этого решения по всему лицу земли взошли такие всходы, благословение такого правосудия всему миру принесло благодать“».

Нахшаби, правосудье царя где найти?
Милосердье его все стада стережет.
В мире ценностей много, но все ж ни одна
По сравнению с этим и в счет не пойдет.

«„О ходжа, — сказал придворный, — вопрос царя разрешен. Но мой друг дал мне поручение, просил разрешить его загадку и сказал: „Если дальше черного цвета нет ничего, то почему же черные волосы человека становятся белыми?“ — „Чтобы люди видели, — ответил хлебопашец, — что дела творца, велик и славен да будет он, не похожи на дела тварей. Краску, с которой все красильщики мира бессильны что-нибудь сделать, красильщик его мощи перекрашивает таким образом“.

„Затем он спросил меня, — сказал придворный, — если во время сближения и слияния, при брачном сожительстве удовольствие мужчины и женщины одинаково, то почему же обязанность платить вено падает на мужа?“ — „Хотя услада мужчины и женщины одинакова, — отвечал хлебопашец, — женщина испытывает страдание от утраты девственности, несет бремя беременности и кормления, переносит страдания родов. Вот потому-то за такие мучения и страдания бремя вена кладут на шею мужчины, цепь брачного дара накидывают на шею мужей“.

„Затем он спросил еще, — сказал придворный, — почему под старость и с наступлением дряхлости лицо мужчин кажется светлым, а лицо женщины скверного цвета?“ — „Природа мужчины состоит из глины, — отвечал хлебопашец, — а глина со временем не уничтожается, а становится все чище и чище; тогда как природа женщины — мясо, которое со временем уничтожается и меняет свои свойства. Поговорка гласит: „Всякая вещь возвращается к своему первоисточнику“».

Нахшаби, основање — великая вещь!
И подъем в этом мире испытан, и спад.
И давно уже мудрые люди твердят,
Что к источнику все возвратится назад.

«„О ходжа, — сказал придворный, — вопрос царя разгадан, затруднения моего друга разрешены, но представившееся мне затруднение больше, чем все эти затруднения, вместе взятые. Мой вопрос труднее, чем все эти. А вопрос этот таков: вас три брата; самый младший из вас — старый и дряхлый, средний — человек пожилой, а ты — самый старший из них — молод и свеж. Что это за удивительное явление? Что за странное дело?“ — „О ходжа, — ответил хлебопашец, — нас три брата, и все трое — хлебопашцы. У младшего из нас два горя — одно в доме, другое вне дома; одно — это то, что посев его никогда не всходит, а другое, что дома у него ворчливая жена. Эти две горести так состарили его. У среднего брата одно горе — посев его удастся, но дома у него непокладистая жена. Потому-то он и кажется человеком средних лет. А у меня нет горя ни дома, ни вне дома — посев мой удастся, жена у меня дома покорная. Чего же мне стареть?“»

Нахшаби, от невзгоды стареют мужи,
Молоко может в деготь судьба превратить.
Раньше времени старят, мой милый, людей
Все те беды, что им довелось пережить.

Дойдя до этих слов, поцугай обратился к Худжасте с такой речью: «О хозяйка, таковы последствия веселости женщин и раздражительности жен. Теперь вставай, распусти узел бровей, удали со лба складки, устрани мрачность и суровость. Радостной и веселой ступай к другу и полони его своим изяществом и остроумием».

Худжасте хотела последовать его совету, но кислое лицо ночи скрылось за завесой, появилось совершенство веселого дня, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всем влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о царе, не ведавшем горя,
о том, как он посылал сватов к дочери кесаря
и как вспыхнула война**

Ночь пятидесятая

Когда золотую подвеску-солнце прицепили на грудь жене-западу, а серебряный амулет-месяц надели на шею невесте-востоку, Худжасте, надев золотые подвески и серебряные амулеты, пришла к попугаю и сказала: «О попугай, до каких пор будешь ты писать магические формулы моей кровью? Уж сколько почей прихожу я к тебе и возвращаюсь назад, ничего не добившись! Вспомни же о моем хлебе и соли и не сыпь столько соли на мои раны!» — «О хозяйка, — ответил попугай, — сегодня настала та ночь, когда ты пойдешь к своему другу и озаришь его келью своим светом. Но только, если, помимо меня, кто-нибудь узнает твою тайну или узнает, что случилось, надо, чтобы ты, подобно дочери румийского кесаря, какой-нибудь уловкой доказала свою невинность, какой-нибудь хитростью сумела добыть себе охранную грамоту». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что жил-был некогда один царь, силою покоривший страны мира, мощью своей подчинивший все края вселенной. Когда все его дела были завершены и нигде больше не оставалось врагов, он перестал заботиться о свите и приближенных, перестал вспоминать о слугах и прислужниках, так что сердца подданных и груди подчиненных истомились и исстрадались от нужды».

Поистине, если взглянуть оком испытания, присмотреться попристальнее, то станет ясно, что грудь царей не должна быть беззаботной, ибо их спокойствие вызывает смуту в народе!

Если сердце покоя не знает, мой друг,
Это признак успехов больших для тебя.
Тот, кто внемлет ученых премудрым речам,
Сможет счастье, наверно, сыскать для себя.

«Воины отправились к визирю и рассказали ему о своем безвыходном положении. Тот молвил: „Я придумаю завтра уловку, которая всем нам даст дело, всех нас удовлетворит“.

Наутро, когда кесарь-солнце завладел Румом востока, визирь пошел к царю и сказал: „Лазутчики принесли весть, что у румийского кесаря есть дочь-солнце, достойная занять место во дворце царя царей; месяц, которому подобает сиять на небе его могущества. Было бы не худо, если бы между двумя такими властителями произошло сближение, две таких державы соединились бы“.

Совет визиря понравился царю, и он тотчас же снарядил в Рум гонца с подарками и попросил у царя руки его дочери. Кесарь разгневался на такие слова и сказал: „Не дам я тебе моей дочери!“

Посол вернулся назад, так ничего и не добившись, и сказал: „Кесарь не замечает нашего царства, презирает наше государство“.

Царь тотчас же раскрыл двери казначейства, роздал всем воинам деньги и многочисленным войском и большой армией двинулся на Рум. Появление одлого-единственного его коня превратило в пыль и Рум и румийцев».

Нахшаби, ты насилья царей берегись,
Могут голову с плеч их кинжалы снести.
Коль цари захотят — мановеньем одним
Могут мощью они целый мир разнести.

«Кесарь утратил возможность сопротивляться, послал к царю своих имамов * и судей, визирей и вельмож и выдал за него дочь по правилам шариата ** и по истинным законам. А у дочери его был сын от первого брака. Кесарь сказал ей: „Смотри не упоминай об этом сыне, ибо мой покой связан с его добродетелями, моя услада в его прелестях“.

Распрощалась дочь с отцом и отправилась в путь-дорогу с сердцем, истерзанным разлукой с сыном. Она непрестанно только и думала, как бы ей рассказать царю о своем сыне и привезти его к себе из Рума.

Как-то раз царь поднес ей несколько нитей жемчуга и подарил ларец с драгоценными камнями. „У моего отца есть раб, — молвила она. — Он прекрасно знает науку о драгоценных камнях и жемчугах. Если бы он был здесь, то сказал бы, какие из этих камней особенно ценны. Он прекрасно знает, какой изумруд называют „мыльным“, какой „травяным“, какой „цвета базилики“. Какой рубин называют „цвета скорпиона“, какой

„цвета мяса“, какой похожим на луковицу. Почему жемчужины делят на финикообразные и оливкообразные. Откуда происходят южные кораллы и береговые кораллы. Какие ониксы цвета мяса и какие цвета печени. Какой в камне заключен свет, какое тепло и какой холод. Что придает стеклу и хрусталу блеск и белизну. Какая влажность делает бирюзу зеленой и синей. Какой мощью и силой янтарь притягивает солому и каким притяжением магнит влечет к себе железо“.

„А если я попрошу у твоего отца этого раба, даст он мне его?“ — спросил царь. „Нет, — ответила жена, — он его воспитывает как сына, он его усыновил. Но если царь желает видеть его, я пошлю туда купца, дам ему свой знак и ласковыми увещеваниями и заманчивыми речами увлеку его сюда“.

Царь снарядил мудрого купца, который говорил по-арабски и знал румийский язык, дал ему на торговлю денег и послал его с такой целью в Рум. Дочь кесаря открыла купцу свою тайну и сказала: „Это не раб, а мой сын. Ты не должен обращаться с ним, как с рабом, а должен относиться к нему с уважением“.

В конце концов некоторое время спустя купец привез к царю этого юношу. Царь увидел его красоту и изящество, заметил его воспитанность и образованность и осыпал его почестями, а купцу подарил почетный халат и много других даров. Мать издали любовалась красой своего сына и была рада тому, что могла послать ему весть и привет».

Нахшаби, кто томится, тот малому рад
От любимого, близкого сердцу его.
Нет утехи ему во вселенной, зато
Тешит взгляд лишь единый красавца того.

«Однажды царь уехал на охоту и во дворце не осталось посторонних людей. Мать позвала к себе сына, осыпала его поцелуями и рассказала о минувшем горе. Об этом узнал один из прислужников, но ему пришло в голову другое подозрение. Он подумал: „Гарем царя — священное место верности, чертог праведности. Если я не скажу о том, что видел, я совершу коварство, поведу себя бесчестно“.

Когда царь вернулся домой, прислужник рассказал ему обо всем, что видел. Разгневался царь и восклик-

пул: „Эта женщина пылала любовной страстью и хитростью и коварством добыла сюда своего возлюбленного! Если это не так, зачем бы она стала так стараться, зачем придумывала бы столько уловок, зачем посылала бы купца?!“

Погруженный в раздумья и размышления, царь пошел в гарем. Жена благодаря своей проницательности поняла, что он узнал про вчерашнее происшествие и спросила: „Отчего вижу я царя столь мрачным?“

„Как же мне не быть мрачным, — ответил царь. — Ты хитрыми чарами и коварными уловками добыла сюда из Рума твоего возлюбленного и разделила с ним ложе. Как могла ты совершить такое коварство?! Как решилась на такое бесстыдство?!“

Затем он хотел ее казнить, но страстная любовь не дала дозволения вырвать такой кипарис из сада объятий, страсть не позволила обидеть такого фазана на лугах услады. Он молвил про себя: „Возлюбленная моя достойна созерцания, а не гнева и ярости. Мою месть надо направить на этого юношу, душу свою отвести на этом рабе“.

И повелел он прислужнику отвести юношу в угол и немедленно снести ему с плеч голову. Несчастливая мать, увидев это, чуть не лишилась чувств, едва не рассталась с жизнью. Но знала она, что волнение ее не принесет пользы, смятение будет бесполезно. Скрыла она свое смятение и примирилась с необходимостью».

Нахшаби, пред судьбою главу преклоняй,
Ты не сможешь решений ее изменить.
Все, что людям с небес посылает судьба,
Все должны мы принять и покорными быть.

«Прислужник отвел юношу в дом и сказал: „О юноша, разве ты не знал, что царский гарем — заповедное место верности, а не место коварства? Как мог ты совершить такой поступок?“ — „Знай же, — отвечал юноша, — что я роза из царского цветника, а не шип из солончака коварства. Румийская царица — моя мать, а я — ее родной сын. Из природной мягкости она умолчала обо мне и не сказала, что у нее есть сын от другого мужа. Любовь ко мне охватила ее, и она велела привезти меня сюда из Рума. Царь уехал на охоту, чужих в доме не было, материнское чувство одолело ее, она позвала меня в дом, прочитала мне страницы своей исто-

рии, покрыла меня поцелуями и слезами смыла пыль чужбинны с моего чела. Вот каково мое положение! Хочешь убить меня — твоя воля, помилуешь — спасибо тебе“.

Когда прислужник услышал эти речи, сердце его охватило сострадание, и он молвил про себя: „Что-то чувствует сегодня вечером его несчастная мать... Что не сделано, то всегда можно сделать, что не убито, то всегда можно убить... Лучше всего будет пока пощадить этого ребенка, ибо такую розу нельзя срывать понапрасну, такую ветвь в шутку ломать не годится. Быть может, когда-нибудь эта тайна раскроется, обнаружится справедливый приговор... Тогда раскаяние уже не принесет пользы, сожаление будет бесполезно“. На другой день он пошел к царю и сказал: „Я выполнил все, что было приказано“.

Гнев царя после этого немного улегся, но зато доверие его к дочери кесаря исчезло. Несчастливая женщина в отчаянии восклицала: „Что же это такое!? И сын мой убит, и муж потерян!“

А в дворцовом гареме была одна дряхлая старушка. Как-то раз она спросила дочь кесаря: „В чем дело? Отчего я постоянно вижу тебя в тоске, большей частью застаю тебя погруженной в отчаяние?“

Та не скрыла своей тайны и рассказала, что случилось. Хитрая старушка, силою своей хитрости похожая на Рустама *, молвила: „Успокойся, я надумаю уловку, и сердце царя снова склонится к тебе, вся его злоба исчезнет“. — „Ах матушка, — ответила дочь кесаря, — если ты пайдешь лекарство от этого недуга, я наполню твой подол драгоценными камнями и тотчас же сделаю тебя богатой“.

Как-то раз старушка увидела, что царь один, и спросила его: „Что случилось? Я вижу, что тебя постоянно терзают сомнения. Признаки сомнений ясно видны на твоём челе, и приметы колебаний очевидны на твоём лице...“ „Ах матушка, — воскликнул царь, — меня терзает сокрытый недуг, мучает меня невыразимое горе! Привез я сюда из Рума раба, а жена моя влюбилась в него. Раба я убил, но ее не могу решиться убить, ибо наверно не знаю, правда ли все это или ложь. Если я узнаю, что это правда, то я убью ее и избавлю свое сердце от сомнений“. — „Есть у меня ладапка с талисманом

Сулаймана, — молвила старуха, — написана она прекрасным почерком на сирийском языке. Когда жена твоя будет спать, положи ей на грудь ладанку, и она скажет всю правду о том, что у нее на сердце. Но только берегись, не буди ее и хорошенько слушай, что она будет говорить“.

Царь изумился такой силе талисмана и молвил: „Да вознаградит тебя Аллах! Скорее неси сюда эту ладанку, чтобы я мог узнать содержание этой истории и понять сокровенный смысл этого происшествия!“

Старуха дала ему ладанку, пошла к дочери кесаря, рассказала ей, что она сделала, и сказала: „Когда царь положит тебе на грудь эту ладанку, ты притворись спящей и расскажи ему про себя всю правду“.

Когда прошла первая стража ночи, царь пришел в гарем к своей жене, увидал, что она спит, и положил ей на грудь ладанку. Жена тотчас же заговорила: „У меня от первого мужа был сын. Когда отец отдал меня за этого царя, я постыдилась сказать, что у меня есть большой сын. Так как желание свидеться с ним перешло все границы, я хитростью вызвала его сюда из Рума. Как-то раз царь уехал на охоту, я позвала сына в андерун *, по обычаю матерей, обняла его и начала целовать его лицо и волосы. Весть об этом дошла до царя, он заподозрил меня в преступлении, снес неповинному ребенку голову, а от меня совершенно отворотился. И сына я потеряла, и супруг на меня гневается“.

Услыхав такие речи, царь разбудил ее, начал покрывать ее лицо и волосы поцелуями и воскликнул: „О сокровище моей жизни! Как же это ты совершила такую ошибку! Как могла допустить такую оплошность! Ты навлекла на себя подозрение и погубила такого мальчика, а меня заставила устыдиться дел моих на Страшном суде!“

Тотчас же позвал он прислужника и сказал: „Тот ребенок, которого ты умертвил, ее милый сын, ее ненаглядное сокровище... Скажи, где могила этого невинного юноши, где покойся прах этого мученика? Я прикажу выстроить там мечеть“.

Прислужник поцеловал землю и молвил: „Эта роза еще смеется, этот цветущий куст все еще свеж и зелен. Я не умертвил его и пощадил его жизнь. Когда царь приказал мне убить его, я хотел выполнить приказ, но

он молвил: „Эта царица — моя мать. Она стыдится царя и не говорит этого, не раскрывает той тайны, что у нее есть большой сын. Не убивай меня! Быть может, со временем обнаружится мой оправдательный приговор и тогда раскаяние не принесет пользы, сожаление будет бесполезно“.

Царь приказал привести юношу и бросить его к ногам матери. Когда она увидела лицо сына, она вознесла хвалу к великому Аллаху, стала мусульманкой — из христианства перешла в ислам. Прислужника она обладала как только умела и до конца дней своих прожила в довольстве и покое».

Нахшаби, всегда наружу выйдет право под конец!
К тайнам этим, друг мой милый, равнодушен ты не будь!
Если время нас терзает и готовит смуту нам,
Все ж мы прав своих добьемся, все же сможем отдохнуть!

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, если и тебе тоже представится затруднение или трудность, то хитростью докажи свою невиновность, уловкой заставь появиться свой оправдательный приговор. Теперь вставай, иди к своему другу и действуй так, как я тебе сказал!»

Худжасте хотела последовать его совету, но небо-склон положил на грудь ночи ладанку с талисманом, тотчас же выяснились тайны дня, утро показало свой сверкающий лик, и идти было уже невозможно...

Нахшаби сегодня ночью собирался
Повидаться с другом нежным и прекрасным,
Только утро помешало это сделать:
Всею влюбленным утра вестник — враг ужасный.



**Рассказ о царе Бахrame
и двух визирях его, Хассе и Хулase,
и о том, как дочь Хассе добилась справедливости**

Ночь пятьдесят первая

Когда непорочная матрона-солнце накинута на лицо чадру запада, а месяц — турецкая красавица с ясным взором — вышел из дома востока, Худжасте, наружно погруженная в размышления, а внутренне полная сомнений, пришла к попугаю и сказала: «О чистый монах, облаченный в зеленую ризу! О бесстрашный отшельник! Я знаю, что твоя чистая риза очистит и меня и освободит от той скверны, в которой я нахожусь. Мусульмане проводят в посту сорок дней в обители, христиане — пятьдесят дней в капище, а я теперь уже пятьдесят одну ночь терзаюсь в келье любви и не могу добиться осуществления моей цели, не могу дожидаться того, чтобы сбылось хотя бы одно желание. Я хочу ухватиться рукой за полу праведности и покинуть эту низкую страсть, ибо чистый человек всегда заслуживает похвалы, а нечистый всегда достоин порицания».

Чистым быть постоянно стремись, Нахшаби,
Всякий знает, что это похвально всегда.
Много благ есть на свете, но все же ценней
Чистоты ничего не найдешь никогда.

«О Худжасте, — ответил попугай, — от намерения до его осуществления далеко, от слов до дела — большое расстояние. „Если бы благородство великодушного человека заключалось в одних словах без дела, то благородство можно было бы найти во всех людях“, — говорят арабы.

О хозяйка, еще никто не страдал от чистоты, никто не раскаивался в праведности. Лишь чистота и праведность были причиной того, что дочь визиря Хассе спаслась от стольких бед, избавилась от стольких напастей». — «А как же это было?» — спросила Худжасте.

«Говорят, — отвечал попугай, — что жил-был некогда некий царь по имени Бахрам, пред кровожадным кинжалом которого меч Бахрама * казался веретеном старой бабы. И было у него два визиря: один Хассе, а другой Хулase. А у Хассе была дочь, чрезвычайно красивая и крайне прекрасная, но при всей своей красоте и

прелести, изяществе и совершенстве отличавшаяся любовью к праведности и пристрастием к образу жизни отшельников. Все дни она молилась, все ночи проводила в бдении.

Как-то раз Хуласе был приглашен на пир в дом Хассе. Когда пошли в круговую сверкающие и умножающие радость чаши и пламенеющие и прогоняющие скорбь чарки, Хуласе опьянел и пошел прогуляться в сад, расположенный посреди дома Хассе. Внезапно он увидал дочь Хассе, совершающую намаз. Увидал он облик, подобного которому не видало око времени; увидал красавицу, о которой не слыхивало ухо дней и ночей. Сотней душ влюбился он в нее, но понял, что, если он упомянет о желании вступить с ней в брак, отец не отдаст ее ему.

На другой день он пошел к его величеству царю и так начал расхваливать эту девушку, что царь, и не видев ее, влюбился в нее и послал Хассе весть: „Дай мне твою дочь!“ — „Раб должен повиноваться царю, — ответил Хассе, — но только эта девушка все дни постится, — все ночи напролет проводит в бдении. Я передам ей эту весть. Если она согласится — прекрасно, если же нет, то царю придется оставить эту мысль“.

Хассе передал эту весть дочери. „Ах батюшка, — воскликнула девушка, — кто нашел усладу в покорности Аллаху, тому нет дела до плотских наслаждений! Кто вкусил сладость повиновения Беспредельному, тому нет дела до плотских забав!“»

Лишь в покорности услада, Нахшаби,
Наслаждение покорность всем дает.
Кто в покорности усладу раз нашел,
Тот другой услады в мире не найдет.

«„О батюшка, помилуй меня, несчастную, и не давай мне таких приказаний! Как знаешь и умеешь, попытайся отвратить от меня эту беду!“»

Хассе предстал перед царем и рассказал ему о праведности и молитвах дочери, об ее уповании на Аллаха и святости. Но страсть царя возросла от этого в десять раз, любовь его стала в тысячу раз сильнее.

Поистине, „для человека дороже всего та вещь, которая для него запретна“, — говорят арабы.

„Ступай, — сказал он Хассе, — и скажи дочери, пусть она добровольно даст согласие и откажется от упорства.

Это будет лучше. Если же нет, то имя ее попадет в ловушку бесчестия и дело ее завершится позором“.

Хассе задрожал от таких угроз и сказал дочери: „Что же нам теперь делать?“ — „Лучше всего будет, — ответила она, — покинуть все наше имущество и бежать из этой страны“.

Когда настала ночь, они так и поступили. Царь погнался за ними. На другой день он настиг их, ударил Хассе несколько раз палицей по голове, так что весь мозг его вытек, а дочь насильно увез с собой. Затем он вынудил у нее согласие и заковал ее в узы брака.

Прошло некоторое время. Царю понадобилось куда-то поехать по важному делу. Царство свое он поручил Хуласе, а сам пустился в путь.

Ночью Хуласе поднялся на крышу своего дома, взгляд его упал на дворцовый гарем, и увидел он дочь Хассе. Старая страсть вновь вспыхнула, ушедшая любовь вернулась. Она выискал сваху, призвал сводню и послал через нее записочку: „Много лет в сердце моем живет образ твоей красоты, в голове моей мечты о твоих объятиях... Надо выслушать эти речи, надо простить влюбленного“.

„Передайте Хуласе, — сказала дочь Хассе, — что на царский гарем следует взирать оком верности, а не глазом коварства. Царь оставил тебя здесь, чтобы ты оберегал меня от других, а не для того, чтобы ты сам пылал ко мне страстью“. — „Я утонул в любви к тебе, — ответил Хуласе, — страсть моя поднялась выше головы. Если ты пощадишь мое измученное сердце, я, пока жив, буду тебе служить. Если же нет, то коварными уловками отвращу от тебя царский взор и накажу тебя различными карами“. — „Я никогда не повиновалась чувственной страсти, — молвила она, — никогда не марала грязью своего чистого подола. Я не могу привести в ливиную рощу такую собаку, как ты. Ступай же и не хватайся за коготь Анки-смерти! *“»

Нахшаби, наша жизнь — драгоценная вещь,
Если можешь, ее ты всегда береги.
С тем и этим мы можем играть, только жизнь
Драгоценную эту всегда стереги!

Когда царь покончил с делами и вернулся, Хуласе явился к нему и завел с ним разные разговоры. Посреди

речей царь спросил: „А как мой гарем?“ Проклятый Хуласе начал лгать, начал разыгрывать доносчика и сказал: „На царский гарем есть столько жалоб, что их и не перечесть“.

Царь задрожал от таких речей и воскликнул: „Скорее говори, в чем дело!“ — „Ночью я по царскому повелению поднялся на крышу гарема, чтобы посмотреть, все ли в порядке. И увидел я, что царица сидит рядом с поваром и повар упрекает ее: твоя любовь, мол, только на словах, я же люблю тебя от всей души. Они вели такие речи, а раб твой подслушивал. Потом они пошли в опочивальню, разделили ложе, улеглись на одной подушке“.

Царь был обижен и оскорблен. Пошел он в гарем, разрубил повара пополам, а царице сказал: „Презренная предательница! Ты предпочла повара моему венцу и трону! Разделила ложе и подушку с развратником! Где же твои притязания на праведность? Куда же девалась твоя привязанность к образу жизни отшельников?“ — „О царь, — отвечала жена, — не доверяй словам людей, ищущих личных выгод, расследуй хорошенько дело. Я знаю, что эту пыль поднял визирь. Подожди часок, и я докажу тебе свою чистоту и добуду доказательства его нечистоты“.

Царь крикнул: „Скорей хватайте эту грязную бабу и отрубите ей голову! Она хитростью хочет сбить меня с пути, лукавством хочет обмануть меня!“

Поблизости стоял хаджиб, и он молвил: „Мудрецы считают позорным убивать женщин. Если ее надо умертвить, то надо посадить ее на верблюда и пустить его в пустыню. Там она сама погибнет от голода и жажды“.

Привязали ее к спине верблюда и пустили его в пустыню. Несколько дней блуждал верблюд по пустыне и наконец пришел к колодцу. Женщина вознесла молитву к Аллаху, узы ее свалились, и она упала возле колодца. Тут же лежало ведро и веревка. Она достала воды, умылась и совершила намаз *».

Поистине, когда потеряна надежда на помощь людей, когда нельзя рассчитывать на их подмогу, тогда может помочь подмога и поддержка милости творца, тогда может пособить только помощь щедрот Кормильца!

Нахшаби, нам Аллах помогает всегда,
Ты смотри ничего не проси у других.
Когда гибнут несчастные люди в тоске,
То от гибели бог лишь спасти может их.

«Как-то раз конюх правившего в те годы царя царей потерял нескольких верблюдов и в поисках пришел к тому колодцу. Увидал он красавицу, подобную Иосифу, — она совершала намаз и светом своего совершенства озаряла всю пустыню. Когда она закончила намаз, конюх подошел к ней, приветствовал ее и спросил: „Кто ты такая и как можешь ты жить в этой пустыне, существовать в такой пещере?“ — „Я женщина, погубленная завистниками, — отвечала она, — загубленная предателями“. — „О Рабиа нашего времени и Зубайда наших дней *“, — воскликнул конюх. — Если ты примешь меня в братья, я сведу тебя к царю царей. Не годится, чтобы в такой пустыне с тобой случилось несчастье, в таком одиночестве с тобой приключилась беда“. — „О дорогой брат, — молвила женщина. — Того, кто находится с Аллахом, нельзя назвать беспомощным. Того, кто в молитвах поминает господя, нельзя считать одиноким. Он с вами, где бы вы ни были“».

Нахшаби, в молитве сила дивная сокрыта,
Нам всегда она в несчастье может пригодиться.
Не считай ты одиноким, друг, того, кто к богу
В одиночестве взывает и кто рад молиться.

«„Конюх поцеловал рукав и подол ее, попросил ее помолиться за него, пошел дальше и нашел всех верблюдов. Когда он вернулся к царю царей, тот спросил его: „Нашел ты верблюдов?“ — „Нашел с помощью царского счастья и молитв женщины-отшельницы, которая живет в пустыне“».

Затем он так много начал говорить о ее красоте, что государю захотелось посмотреть на нее. Наутро он под предлогом охоты выехал из города и, доехав до той пустыни, отделился от свиты и в сопровождении одного прислужника проехал к тому колодцу. Увидел он, что женщина приклонила голову на молитвенный коврик в смирении и печали. Когда она подняла с коврика голову, государь сошел с коня, поцеловал край ее коврика и отправился оттуда к своей свите. Затем он прислал к ней хаджиба с подарками и велел передать ей: „Я желаю, чтобы ты сочеталась со мной законным браком,

чтобы я благодаря общению с тобой смог бы увидеть лик праведности, благодаря обществу твоему мог бы достичь благодати, ибо общество оказывает великое действие и лоза приобретает окраску от другой лозы“».

Ты с добрым водиться стремись, Нахшаби,
Нам святость одежда святого несет.
Исправится возле святого злодей,
Тот счастлив, кто общество добрых найдет.

«Отшельница молвила: „Я женщина, на которую ее прежние враги набросили подозрение, безо всякой вины опозорили и обесчестили. Я — жена царя Бахрама и дочь визиря Хассе. До высочайшего слуха наверно дошла весть о том, какое насилие учинил Бахрам над моим отцом. Я по приказу пойду в город, но только на том условии, что ты призовешь к себе тирана Бахрама и развратника Хуласе, чтобы я могла доказать свою чистоту и показать их гнусность. Потом я затворюсь в обители и буду молиться за твое государство и продление твоего царства“.— „Отвезите отшельницу в город,— повелел государь,— и доставьте туда ее врагов“.

Когда привели Бахрама и Хуласе к государю, он повел такую речь: „Знайте, что царь царей, велик и славен да будет он, дал поводья земных дел в руки царей для того, чтобы они помогали притесненным, как сказано в Коране: „Кто помогает притесненным, того я избавлю в день Страшного суда от адского пламени“. Перед вами дочь Хассе, невинно пострадавшая. Вы должны держать ответ на ее жалобу“.

Дочь Хассе подала из-за занавеса голос: „Прежде спросите Хуласе, какой бесчестный поступок он видел от меня, что он так обесчестил меня и сделал посмешищем для врагов?!“

„О Хуласе, что она говорит?“ — спросил государь.

„Никогда я не видел ее разврата, никогда не замечал за ней бесчестных поступков, а сказал я это про нее из личных побуждений и по сатанинскому наущению“.

„Слава Аллаху! — воскликнула дочь Хассе, — истина отделилась от лжи, правда обнаружилась из неправды!“

Государь велел вырвать Хуласе язык из глотки, чтобы никто не смел более клеветать на почтенных женщин, никто не решался возводить ложные обвинения на праведных матрон.

Затем он спросил ее: „Что ты скажешь еще?“ —

„Тиран Бахрам, убивший ни в чем не повинного отца и проломивший ему железной палицей голову, достоин возмездия, — ответила она, — прикажи, чтобы ему отрубили голову. Его голова была полна порочной страсти, пусть же ему так же точно проломают ее железной палицей!“

Государь приказал выполнить ее желание и спросил: „Что ты еще хочешь?“ — „Надо, чтобы осыпали почестями и дарами хаджиба, старавшегося из сострадания о моем избавлении“, — ответила отшельница.

Государь приказал выполнить и это ее желание».

Поистине, кто сотворил зло, зло и увидит. В мире за всякое дело бывает возмездие, на земле за всякий поступок есть кара.

Поистине, Аллах прекрасно ведает, что вы делаете!

Если бы Бахрам не учинил насилия, ему не пришлось бы испытать такой чаши. Если бы Хуласе безжалостно не обвинил бы ни в чем не повинную женщину, не претерпел бы он такой беды. Если бы хаджиб как истый мусульманин из сочувствия и сострадания не старался бы спасти ее, не получил бы он награды.



Рассказ о семицветной птице и жене отшельника, как ради любовника была зарезана семицветная птица, как вернулся отшельник и жена его была посрамлена

Ночь пятьдесят вторая

Когда порхающая по небу птица-солнце улетела в западное гнездо, а серебристый сокол-месяц взлетел в воздух на востоке, Худжасте пришла к попугаю просить разрешения. Увидела она, что попугай сидит, спрятав голову под крыло размышления и как бы глубоко задумавшись. «О свободная птица, — спросила она, — ты

же не ведаешь прибоя волн страсти, не знаешь волнений любви, чего же ты сидишь, словно задумался? Почему ты как будто размышляешь?»

Нахшаби, удел влюбленным — горе злое и тоска,
Коль любви не знает сердце, то не знает и тоски,
Если в этом мире смертный не вкусил любовных мук,
От него тогда страданья и терзанья далеки.

«О Худжасте, — ответил попугай, — ты изрядно мешкала пойти к другу и проявляла безграничную медлительность... Сегодня видел я сон, будто бы твой муж вернулся из путешествия, хозяин приехал домой. Вот думаю я и размышляю, как бы не сбылся мой сон и сегодня-завтра не возвратился бы твой муж, а ты не осрамилась бы так перед другом, как жена отшельника осрамилась перед своим мужем». — «А как это было?» — спросила Худжасте.

«Видел я в редкостных книгах рассказ, — отвечал попугай, — о том, что среди сынов Израиля был некий отшельник. И была у него жена и сынок. Как-то раз вышел отшельник из дома в поисках пропитания и рассказал некоему человеку про свое положение. А у того в одной руке был один дирхем, нажитый праведным путем, а в другой — десять дирхемов, нажитых неправедно. Он сказал отшельнику: „Что возьмешь, один дирхем праведный или десять неправедных?“

Для отшельника праведность — непреложный завет. Что ему делать с неправедным? Взял он один дирхем и пошел.

А за несколько дней до этого один охотник поймал семицветную птицу и продавал ее. Но как только покупатель приносил ее домой и выпускал из рук, птица подпрыгивала и выклевывала ему глаз. Покупатель приносил ее назад, возвращал охотнику с сотней ругательств в придачу.

Охотник спросил отшельника: „Купишь птицу?“ — „Есть у меня один праведный дирхем, — ответил отшельник, — продашь, так куплю“.

Охотник так измучился с этой птицей, что был готов отдать ее даром. Взял он деньги и отдал птицу отшельнику.

Когда отшельник принес птицу домой, жена его была не в духе, а увидала птицу, принялась кричать и ругаться: „Странная ты птица! В доме для нас самих

ни зерна, мы сами трепещем от голода, как недорезанная птица, а ты еще принес едока на подмогу!“ — „Не оставит нас без пропитания кормилец птиц и рыб, — возразил отшельник, — а у этой птицы есть крылья и перья“.

Отшельник выпустил птицу из рук, распустила она крылья, и оттуда выпало два драгоценных камня. Отшельник снес эти камни на базар и продал за хорошую цену. А птица вспорхнула и улетела в степь. Там она схватила в клюв соболя, принесла и положила перед отшельником. После этого она каждый день улетала и приносила по соболю, так что отшельник стал известным торговцем соболями и нажил таким путем большое богатство и обзавелся всем, что нужно для покойной жизни».

Нахшаби, для пропитанья много есть путей,
Ты о хлебе не печалься, друг мой, не грусти,
Если час настал, придет он, волею судеб,
Может птица нам и рыба хлеб наш принести.

«Увидел отшельник, что домашние дела его устроились, что есть у него в доме все, что нужно, и сказал: „Есть у нас припасы и продовольствие. Теперь лучше всего будет направиться к дому Каабы * и озаботиться приисканием награды вечной“.

Жене своей он наказал: „Надо, чтобы в мое отсутствие ты была бы такой, какими бывают добрые жены — без важного дела из дома не уходила бы, не поднималась бы на крышу, не высматривала бы из дверей, заботилась бы хорошенько о птице и сыне и не оставляла бы их без попечения и голодными“.

Сказал он это и уехал, не зная, что злему праву добрый совет не помешает, что для плохой жены паломничество мужа не будет препятствием».

Строю божьего не знают жены, Нахшаби,
Для чего мужьям напрасно их оберегать?
Ты того об их злодействах лучше расспроси,
Кто у Каабы был, чтоб богу должное воздать.

«Как-то раз жена отшельника пошла на базар. Увидала она там красивого молодого менялу и пленилась его чеканкой. Открыла она замок у ларца стыда, послала юноше весть, рассказала ему кое-что о своей любви и дала разрешение бывать у нее.

И стала для этого менялы фальшивая монета настоящей, и начал он каждый день ходить к ней и извлекать выгоды из этой наличности. Как-то раз он спросил: „Ведь вы были нищими и неимущими, как же устроились ваши дела? Кто помог вам обзавестись достатком?“ — „Все наше богатство и имущество, счастье и покой от блага этой семицветной птицы“, — ответила жена.

А у менялы был ученый друг. Как-то раз меняла упомянул при нем о семицветной птице и рассказал историю богатства и имущества жены отшельника.

„В семицветной птице, — молвил мудрец, — много ценных свойств и редкостных качеств, несметное множество совершенно особых способностей. Наималейшая из них — это то, что всякий, кто съест ее голову, в конце концов станет царем, несомненно будет властителем“.

Меняла подумал про себя: „Есть для меня возможность съесть теперь эту птицу. Неплохо было бы стать главой государства благодаря ее голове, не худо бы стать по милости птицы Симургом“.

Несколько дней он воздерживался от жены отшельника и не посещал ее. Та пришла в смятение, обезумела, весь мир начал ей казаться семицветным. Послала она кого-то к меняле: почему ты, мол, не приходишь? По какой причине пренебрегаешь? Меняла ответил: „Хочется мне поесть семицветной птицы, если ты зарежешь ее и угостишь меня ее мясом, я приду к тебе в гости“.

Жена отшельника отвечала: „Свет дома моего эта птица! Все мое богатство и имущество от нее. Как же можно убить своего благодетеля? Как можно угощать кого-нибудь его мясом? Не решусь я на такое дело, не подымется у меня на это рука“.

Так прошло несколько дней. Жену отшельника охватила любовь, заполонило страстное томление, и поневоле согласилась она на это дело. Меняла пришел, жена отшельника зарезала птицу. А в то время нянька гуляла с ее сыном. Мальчик начал плакать: „Дай мне кусочек этой птицы!“ Нянька дала ему голову птицы. Когда птицу подали меняле, он увидел, что головы-то нет и воскликнул: „А что случилось с ее головой?!“ — „Мальчик плакал, и я дала ему голову“, — ответила нянька.

Пламя вспыхнуло в голове у менялы, разбил он чашку и котел и в гневе выбежал из дома. Сразу же пошел и рассказал ученому, что случилось.

„Счастья хитростью не добудешь, — молвил ученый, — успеха коварством не добьешься, но все же средство есть: кто съест голову того, кто съел голову этой птицы, в конце концов станет царем, обязательно завладеет венцом и престолом“.

Жена отшельника послала весточку: „Почему гневаешься? Что причиной огорчения? Я зарезала ради тебя такую птицу, сделала дом мой тесным и темным. Вся птица цела, если головы ее нет, довольствуйся тем, что есть. Разве я виновата, что ее голову съел другой?“

Меняла ответил: „Мне голову-то этой птицы и нужно было. Теперь, если ты отрежешь голову тому, кто съел ее голову, и сварить ее, я приду к тебе. Если же нет, то уеду и не останусь в этом городе“.

„Пусть же голова его будет отрезана!“ — воскликнула жена отшельника и согласилась отрезать сыну голову».

Всевышний Аллах! Что делает с людьми плотская страсть! До чего доводит их ослепление похоти!

Страсть, Нахшаби, это страшное пламя!
Сколько сожгло оно в мире сердец!
Много домов злая страсть погубила,
Нашего сердца постиг их конец.

«Когда нянька увидела, что мать согласна отрезать сыну голову, она сказала: „В этом доме семицветная птица была дороже родного сына, однако ее не пожалели зарезать. Не годится, чтобы она зарезала и сына. Жалко будет“.

Взяла она мальчика, покинула этот город и пошла в другой город. Там был справедливый царь, и она поселилась возле его дворца. Мальчик подрос, стал образованным и воспитанным и начал выделяться среди воинов и витязей. Нянька купила ему коня, он каждый день ездил на охоту и привозил бесчисленное множество дичи. Как-то раз возвращался он с охоты, а под стенами царского дворца был сад. Случайно увидел он издали дочь царя, и оба влюбились друг в друга.

Однажды царская дочь позвала его и сказала: „На расстоянии нескольких дней пути от этого места есть луг, где пасутся кони моего отца. На этом лугу поселил-

ся страшный змей, в одно мгновение проглатывающий человека. Из страха перед ним никто не решается пойти туда. Много воинов и витязей ходило, но все погибли. Отец мой сказал: „Кто убьет этого змея, тому я дам мою дочь“. Если мой отец не сдержит этой клятвы, я все же добьюсь от него, чтобы он отдал меня тебе“.

Юноша ответил: „Убить этого змея для меня пустяк, свить эту веревку нетрудно. Завтра я пойду и привезу голову того змея“.— „Берегись,— сказала девушка,— не хвастайся так, не хвастайся, погибнешь ты, и я лишусь возможности видеть тебя“.

На другой день, когда страшный змей-солнце высунул голову из дыры востока, сын отшельника пошел на тот луг, где жил дракон. По пути повстречался ему визирь царства и спросил: „Ты кто такой и куда идешь?“

„Я здесь чужой,— ответил юноша,— но слышал я, что царю причиняет ущерб змей, завладевший лугом. Я иду убить его и покончить с этим делом, чтобы избавить царя от заботы“.— „Что же, ты разве съел голову семицветной птицы,— спросил визирь,— что ты столь отважен и проявляешь подобную смелость? О юноша! Воротись назад, отразить эту беду не твое дело, пресечь это бедствие не в твоих силах!“

Юноша не послушался и отправился на луг. Случайно как раз в это время змей проглотил лошадь и уснул. Сын отшельника пустил в него несколько отравленных стрел и обезвредил его, затем подошел ближе и отсек ему голову. Спрятал он ее в расселине скалы, оставил там своего коня, сел на одного из царских коней и вернулся в город.

Поистине, когда придет время гибели для кого-нибудь, когда настанет час ниспровержения злодея, такой слон, как фараон, гибнет от воды; иначе разве мог бы такой змей быть убит таким мурашом, разве мог бы погибнуть такой ифрит * от руки человека?»

Знай, Нахшаби, что для всякого дела времени надо дождаться, Если дано тебе справиться с делом, лат и кольчуги не надо. Если судьба постановит решение, сбудется дивное чудо: Страшного змея мураш уничтожил — судьбы не знают преграды.

«На другой день сын отшельника пошел к царю и сказал: „Вот такую службу я сослужил, такого дра-

кона убил, а для вящего доказательства я оставил там моего коня и привел оттуда сюда другого коня“.

А еще до того визирь пришел к царю и рассказал, что юноша отправился на змея. Царь спросил визиря: „Это тот юноша, о смелости которого ты мне рассказывал?“ — „Он самый“, — ответил визирь.

Царь отправился на луг и увидал: лежит подобный горе убитый дракон, но без головы. „О юноша, — спросил царь, — а что случилось с его головой?“ — „Голову ему я отрубил и спрятал в расселине скалы, — ответил юноша, — чтобы никто другой не мог сказать тебе, что он убил змея“.

Он достал голову и принес ее царю. Царь похвалил его за смелость, одобрил его мужество и отправился назад со спокойным сердцем.

Сын отшельника сказал: „Государь обещал тому, кто отвратит бедствие, причиняемое этим драконом, отдать свою дочь. Теперь надо сдержать обещание.

Свято свои обещанья хранит он,
Сдержит, наверное, всякий обет“».

Нахшаби, исполняй обещанья свои,
Не пристало тебе свой обет нарушать.
Нет обычая выше для мудрых людей,
Чем обет выполнять, свое слово держать.

«Стал царь держать совет с вельможами своего города: „Дал я такое обещание. Внешне этот юноша годится на такое дело, достоин такой награды, но души его мы не знаем, не знаем мы ни рода его, ни происхождения. Происходит ли он с зенита величия или с низшей точки унижения?“

Все сказали: „По внешности он благообразен. Мы столько времени видели его и не наблюдали ничего, что могло бы указывать на низость его или коварство. Надо отдать твою луну за этого Юпитера, надо почтить его и сделать своим зятем“.

Царь отдал за него свою дочь и сделал его полновластным заместителем своим. Когда же царь отбыл из этого мира и направился с земной стоянки в чистую страну, юноше досталось и царство. Вот так проявилось особое свойство семицветной птицы.

Поистине, каждой вещи дано особое свойство, особенное качество!»

Нахшаби не отрицает свойств особых никогда,
Обладает он познанием и умеет отличать.
Свойством тайным обладает на земле любая вещь,
И ничто здесь не бесцельно — это надо понимать!

«Потом он под предлогом охоты поехал в тот город, где жил его отец-отшельник и его злосчастная мать, позвал их и сказал: „Слыхал я, что у вас когда-то была семицветная птица. Сейчас эта птица у вас?“ — „Как-то раз довелось мне поехать в Мекку, — ответил отшельник, — в мое отсутствие птица эта сдохла. Был у меня сынок, очень любивший эту птицу, он тоже умер, а у этого сынка была нянька, которая тоже погибла от тоски по нем“. — „А если бы вы сейчас увидели эту женщину, — спросил царь, — узнали бы вы ее?“ — „Конечно, узнали бы“, — ответили те.

Нянька вышла из-за занавеса. Отшельник сказал жене: „Ведь ты же говорила, что она умерла и перенесла свою поклажу из этого в мир иной! Быть может, и мальчика и птицу постигла такая же участь?“

Царь упал в ноги своему отцу и воскликнул:

„Я — тот умерший сын ваш! А эта нянька — та самая ваша нянька!“

Потом он рассказал про низость матери, как она зарезала птицу, как молодой меняла покушался на его голову.

Злосчастливого менялу, коварством стремившегося достичь высокого сана, побили камнями на перекрестке базара, а жена отшельника была так опозорена перед мужем, как не дай Аллах никому».

Нахшаби, знай, позор — это скверная вещь,
Тот несчастен, кто в мире бесчестье несет.
От поступков таких, что приносят позор,
Пусть Аллах правоверных рабов упасет!



Заключение

Дойдя до этих слов, попугай обратился к Худжасте с такой речью:

«О хозяйка, я боюсь, как бы не вернулся неожиданно твой муж и не пришлось бы тебе предстать перед ним посрамленной, как предстала пред своим мужем жена отшельника. Пока не забрезжило утро, вставай и иди к своему другу!»

Худжасте хотела последовать его совету, но в это мгновение в дом вошел ее муж и слуги и прислужники подняли крик: «Хозяин приехал! Маймун возвратился!»

Худжасте поневоле — ибо делать было нечего! — упала к ногам мужа. Некоторое время спустя Маймун подошел к клетке и начал расспрашивать попугая о том, что случилось за время его отсутствия.

«Слава Аллаху, — ответил попугай, — что ты вернулся домой целым и невредимым! В отсутствие твое я оказал тебе такую услугу, какой никто тебе не оказывал. Я защитил твой мед от наглой мухи, спас твою розу от руки прокаженного. Если ты в благодарность за это освободишь меня из клетки, я расскажу тебе, что случилось, и поведаю тебе о страшных событиях».

Маймун обещал выполнить эту просьбу. Тогда попугай рассказал, как Худжасте влюбилась, как бросила оземь шарак, и сказал:

«Пятьдесят две ночи я охранял ее хитростью и мудростью, сметливостью, рассудительностью и философией, ожидая твоего возвращения. Слава Аллаху, что труды стольких ночей не пропали понапрасну и я смог вернуть тебе жену в неприкосновенности. Береги ее теперь сам, как знаешь и умеешь, а меня освободи из клетки. Если люди таковы, не хочу я жить среди них!»

Маймун выпустил попугая, отрубил Худжасте голову, одел монашескую рясу, затворился в келье и предался молитве. С той поры он уже никогда не стремился к женщинам, никогда не упоминал о них и до конца своей жизни прожил, как то подобает мужчине.

Пусть Аллах, которому мы вознесли хвалу, поможет каждому из нас жить достойным образом и завершить

свои дни в смирении и в молитвах к Аллаху, велик и славен да будет он!

В заключение же книги презренный раб говорит:

Весь божий мир, мой брат, ночная тьма сокрыла,
У ложа своего ты полог опусти!
Забудь про слезы, сном скорей забудься сладким,
Подобно мне, спокойно, мирно ты засни.
Но если наших дней нелепицы пустые
Томят тебя и сказки хочешь, чтоб заснуть,
Ко мне ступай! Я много знаю сказок
И много славных притч в уме своем храню.
Ты в ухо сердца вдень жемчужины такие,
Внимательно прослушай притчи все мои.
Стал нынче на копье похож калам * искусный,
Длинные и широки сказания мои.
Я мир весь покорила отвагою своею,
Я выдумку одну с другою сочетал,
Невесте в сказке дал я украшение духа,
Друзьям моим казну богатую принес,
Поистине, стал мир теперь нелепой сказкой,
А у меня иссяк обильный мой запас.
Не помнит мир о том, что значит осторожность,
И бодрость ночь моя утратила свою.
Ступай же, эту ночь в покое проводи ты,
Покой и отдых сказка принесет тебе.
Да, тот, кто только сказку от меня услышит,
Проснется даже, если в сон он погружен.
Я сказок записал обилие большое,
Спокойно даже ангел может им внимать.
Коль хочешь, милый друг, понюхать эту розу,
То лучшим для тебя могу я другом стать.
Послушай же, тебе поведаю я сказки,
Жемчужинами ухо ты свое укрась!
О бдении совсем забыло наше время,
И бодрости теперь не сыщешь на земле.
Да, сон — наш мир! Итак, вставай скорее, спящий,
И бодрости одежды на себя накинь!
Кто бодрствует, того всегда гнетут заботы,
Хотя бы этот миг ты сладко подремли.
Есть гребень у меня для черных кудрей ночи,
А сказочки мои навеют сладкий сон.
Моих рассказов цепь увлечь способна сердце,
Подобных им, мой друг, не много ты найдешь!
Безумие когда моим владело сердцем,
Я сказкам постоянно ночи посвящал.
И если тот, кому расскажут эти сказки,
Безумцем назовет меня, он будет прав!
Себе в друзья избрал я в этом мире сказку,
О сказках сказку я обширную сложил,
Хоть ране мудрецы, владевшие словами,
Немало дивных сказок передали нам,
Но все ж не написал никто таких жемчужин,

Никто таких речей, как я, еще не вел.
В ту ночь семьсот и тридцать лет прошло от хиджры *,
Когда я эти сказки вместе сочетал.
Зиййа-йе Нахшаби поведал эти сказки,
Слагая их, ни разу глаз он не смыкал.

Конец книги «Тути-наме» с помощью царя-пода-
теля.



ПРИМЕЧАНИЯ

К с. 17

* Имеется в виду пророк Мухаммад.

** Симург (букв.: «Тридцать птиц») — мифическая царь-птица.

*** Здесь и далее Нахшаби цитирует Коран.

К с. 21

* Иосиф (Иосиф Прекрасный) — библейский персонаж, сын патриарха Иакова и Рахили, вошедший в Коран (ему посвящена вся 12-я сура) как образец юношеской красоты и непорочности.

** Букв.: «удачливый».

К с. 22

* Азра и Вамик — герои поэмы Унсури (XI в.), придворного поэта Махмуда Газневида. Символ преданной и самоотверженной любви.

** Гурии (букв.: «черноокие») — непорочные красавицы, по Корану, обещанные мусульманам в раю.

*** Нард — благовонное растение, растущее в Индии.

К с. 23

* Драхма — древнегреческая серебряная монета и единица веса (около 4,5 г).

** Шарак — индийский говорящий скворец.

*** Дирхем — серебряная монета.

**** Динар — золотая монета (25 дирхемов).

К с. 26

* Аш-Шафии (767—820) — арабский правовед, основатель одной из четырех ортодоксальных сект в исламе и толка в мусульманском праве.

К с. 27

* На Востоке цветом траура является не только черный, но и синий.

К с. 30

* Имеется в виду Александр Македонский. Мусульманская традиция причислила его к пророкам, якобы ниспосланным до Мухаммада.

К с. 31

* Лайла и Маджнун — герои широко распространенного в литературе и фольклоре народов Ближнего Востока и Средней Азии сказания, повествующего об их несчастной любви.

К с. 32

* Лал — так в древней Руси называли рубин; особенно славились рубины, добываемые в горах Бадахшана.

К с. 34

* Хума (Хумаюн) — мифическая птица-феникс. Согласно персидской мифологии, тот, на кого падет тень Хумы, обретает благодать и власть.

** Авраам — библейский персонаж. Намеревался принести в жертву богу своего сына, но его рука, занесенная с ножом, была остановлена ангелом. Нахшаби намекает на кораническую версию легенды.

*** Кааба — храм в Мекке, священном городе мусульман.

К с. 38

* Из дальнейшего видно, что под капищем автор подразумевает христианский храм; следовательно, идолы — иконы. — *Примеч. пер.*

** Байазид Бистамский (Байазид Бистами), ум. 875 г. н. э. — известный мусульманский подвижник, чрезвычайно чтимый в Персии. — *Примеч. пер.*

К с. 45

* Чудесный ночной полет, который якобы был совершен пророком Мухаммадом, поднявшимся при этом до самого небесного престола.

** Омар — второй из четырех «праведных» халифов после Мухаммада, правивший с 634 по 644 г.

К с. 52

* Камру (букв.: «тот, у кого осуществляется желание») — имя, часто встречавшееся среди персидской знати.

К с. 58

* Гуль — враждебная человеку демоница; гули сбивали путников с пути, нападали на них и пожирали.

** Азар — имя отца Авраама. Согласно Корану, он поклонялся идолам.

*** Мани — основатель религиозного течения манихейства (III в. н. э.). На Востоке считался великим художником, вероятно, потому, что храмы манихеев были богато украшены росписью, а их священные книги содержали прекрасные миниатюры.

К с. 59

* Ребаб — арабский смычковый инструмент с одной или двумя струнами.

К с. 61

* Овн — созвездие, близкое к небесному экватору; в древности считалось точкой весеннего равноденствия.

** По мусульманским представлениям, земля покоится на быке. Арабский географ Ибн ал-Факих (конец IX — начало X в.) приводит такие, якобы сказанные пророком Мухаммадом, слова: «Земля на роге быка, а бык на рыбе, а рыба на воде, а вода на воздухе, а воздух на влажности, а на влажности обрывается знание знающего». Иногда, как в данном случае, вместо быка упоминается корова (в Индии корова — священное животное).

К с. 63

* Дервиш — член мусульманского религиозного братства, объединяющего приверженцев суфизма (см. примеч. к с. 209).

К с. 66

* Брахман — член высшей касты в Индии; в древности брахманы были жрецами.

** Лак — сто тысяч.

К с. 68

* Фузайл ибн Ийаз — популярный на Востоке мусульманский праведник, один из основоположников суфизма — мистико-аскетического течения в исламе.

К с. 69

* Диван — министерство, канцелярия.

К с. 70

* Мамун — седьмой халиф династии Аббасидов, правил в Багдаде с 813 по 833 г., сын знаменитого Харун ар-Рашида.

К с. 71

* Имеются в виду планеты.

** Имеется в виду природа.

К с. 73

* См. примеч. к с. 31.

** Фархад — строитель, персонаж поэмы Низами «Хосров и Ширин» (см. примеч. к с. 121), несчастливый соперник Хосрова; чтобы добиться руки Ширин, он почти пробил дорогу через гору Бисутун, но, получив ложное известие о смерти Ширин, испустил дух. В восточной литературе есть ряд поэм под заглавием «Фархад и Ширин», в частности поэма Навои.

*** См. примеч. к с. 121.

К с. 77

* Кади — мусульманский судья.

К с. 80

* Дивы — злые духи.

К с. 85

* Завул (Завулистан, Сеистан) — провинция на юге Ирана.

К с. 86

* Ченг — струнный музыкальный инструмент наподобие цимбал.

** Букв.: «Доброе предзнаменование».

К с. 88

* Моисей — библейский пророк.

** Халис — букв.: «искренний».

К с. 89

* Мухлис — букв.: «преданный».

К с. 91

* См. примеч. к с. 22.

** Зулайха и Иосиф — герои поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулайха», написанной на кораническую тему; Зулайха — библейская жена Пентефрия, Йусуф — библейский Иосиф Прекрасный. Позднее на эту же тему писали многие поэты, но наибольшую известность получила поэма Джами (1414—1492).

К с. 92

* В Коране изложена история Ноя.

К с. 98

* См. примеч. к с. 22.

** Надир — точка, диаметрально противоположная зениту.

К с. 99

* Ифрит — злой дух.

** Бходжа-раджа (конец X — начало XI в.) — царь страны Бходжа у подножия горы Виндхья в Индии; автор нескольких ученых трудов.

К с. 100

* Киса — кошель, мошна; затягивающийся кожаный мешочек.

К с. 101

* Мазендаран — область на севере Ирана, прилегающая к побережью Каспийского моря.

К с. 104

* Династия арабских халифов Аббасидов ввела при своем дворе в качестве официального цвета — черный.

** Хатиб — проповедник.

*** Муавия — первый халиф династии Омейядов, правил в Дамаске с 661 по 680 г.

**** Ахнаф (букв.: «с ногами колесом») — высокопоставленный сановник при халифе Муавии. Ему принадлежит зна-

менитая фраза: «Я боюсь бога, когда я лгу, и вас, когда говорю правду».

К с. 105

* Нишапур — город в Хорасане; в средние века — один из богатейших городов Ирана.

К с. 108

* Четвертая из пяти ежедневных мусульманских молитв; совершается через несколько минут после заката солнца.

К с. 115

* Шибли (861—945) и Джунайд (ум. 910) — два знаменитых суфийских подвижника, почитаемых мусульманами.

** Хадж — паломничество в священные города мусульман Мекку и Медину.

К с. 118

* Своего рода вариация на мотив стиха из суры Корана, посвященной Иосифу (сура 12, стих 19), в котором рассказывается, как путник, желая зачерпнуть в колодце воды, извлек из него Иосифа, брошенного туда своими братьями.

** Михраб — ниша в задней стене мечети, обращенной в сторону Мекки; в какой-то мере соответствует алтарю в христианской церкви.

К с. 119

* Ненюфар — лотос, водяная лилия.

** Гелиотроп по-персидски называется «афтоб-перест», т. е. «поклонник солнца», так как венчик его всегда обращен к солнцу; так же называют и подсолнечник.

К с. 121

* Рабиа — первая женщина-подвижница в исламе; рожденная в бедности, она была похищена ребенком и продана в рабство, однако ее святость даровала ей свободу, она стала отшельницей и удалилась в пустыню, затем переселилась в г. Басру, где собрала вокруг себя много учеников и единомышленников. Большинство суфийских поэтов приводят ее стихи и поучения.

** Зубайда — жена халифа Харун ар-Рашида, известная своим благочестием. В своем замке Зубайда держала специальных рабынь, которые дено и ночно читали Коран.

*** Ширин — героиня цикла преданий о возлюбленной, своей смертью доказавшей верность избраннику. Имя Ширин встречается в византийских, сирийских и арабских хрониках IX—X вв. Ее муж — правитель Ирана Хосров Парвиз (590—628 гг. н. э.). История их любви изложена в «Шах-наме» Фирдоуси, в поэме Низами «Хосров и Ширин».

К с. 125

* Азраил — ангел смерти у мусульман.

К с. 128

* Намек на популярную на Востоке легенду об отроках, которые вместе с собакой проспали в пещере триста девять лет; в Коране ей посвящена целая сура (18, «Пещера»). Легенда восходит ко временам раннего христианства.

К с. 131

* Плеяды (русск. Стожары) — группа звезд в созвездии Тельца; название их означает «голубки», а также связано с греческим глаголом «плыть», ибо у древних греков это созвездие играло роль в навигации.

К с. 132

* «Водяными всадниками» (аб-сувар) персы называют пузырьки воздуха, появляющиеся на поверхности воды. Эту игру слов, конечно, передать почти невозможно, но сравнение это весьма изящно, и в словах этих скрыта очень тонкая ирония.

К с. 139

* Барбитон (греч. барбитос) — древнегреческий струнный инструмент наподобие лиры.

** Ребаб — см. примеч. к с. 59.

К с. 140

* «Любовь» по-персидски «ишк» и пишется тремя буквами, называемыми «айн», «шин» и «каф».

К с. 141

* Исфаган — город в Иране; в средние века — важный торговый и ремесленный центр, славившийся своими тканями.

К с. 142

* Танбур (тамбур) — персидско-арабский щипковый инструмент типа лютни, на котором играют при помощи медиатора.

** Чеган — широко распространенный на Востоке инструмент наподобие цимбал.

К с. 145

* Намек на Коран (сура 27, «Муравьи», стихи 15—19), где рассказывается о том, как Соломон понял речь муравья; кроме того, в мусульманской традиции существует еще ряд рассказов о муравьях, и в одном из них Соломон указывает ленивцу на трудолюбие муравья.

** Намек на эпизод из поэмы Фирдоуси «Йусуф и Зулайха», в котором рассказывается, как братья Иосифа (Йусуфа) поймали волка, якобы съевшего Иосифа. Волк же поведал Иакову, что он искал своего пропавшего волчонка.

*** Зу-н-Нун (букв.: «обитатель рыбы») — так назван в Коране библейский пророк Иона, проглоченный китом; легенда о нем изложена в суре 37, стихи 139—148.

**** Давид — второй царь иудейский, правивший сорок лет в первой половине XI в. до н. э. В Коране он пророк (6, 84); в других сурах неоднократно упоминается, как вместе с Давидом птицы и горы славили бога (21, 79; 34, 10; 38, 17, 18).

К с. 146

* Мандаль — небольшой индийский деревянный барабан.

К с. 147

* Пифагор (ок. 582 — после 507 г. до н. э.) — греческий философ и математик, установивший цифровую зависимость между длиной струны и ее звучанием; эту же зависимость он перенес и на гармонию небесных сфер. Отсюда выражение «музыка сфер».

** Парде (перс.) — «музыкальный лад» и также «завеса».

*** Персидское название музыкальных ладов.

К с. 151

* См. примеч. к с. 26.

К с. 155

* Бенарес — провинция и город в Индии на берегу Ганга.

К с. 156

* Колоквинт — растение из семейства тыквенных; его горькие плоды употреблялись как сильное слабительное.

** Пери — фея, мифическое существо, символ красавицы.

*** Ифрит — см. примеч. к с. 99.

**** Айван — балкон, открытая галерея, терраса.

К с. 157

* По-персидски слова «рыба» и «месяц» близки по звучанию; кроме того, на рыбе, по мусульманской традиции, покоится земля, и, следовательно, это выражение означает — между небом и землей (см. примеч. к с. 61).

К с. 161

* Гуджарат — область в Пенджабе, на востоке Индостана.

К с. 163

* Абу Бакр — первый из четырех «праведных» халифов после Мухаммада. Правил с 632 по 634 г. Омар — второй «праведный» халиф. Правил с 634 по 644 г.

К с. 164

* Минбар — кафедра в мечети.

** Хутба — поминание правителя во время общей молитвы в мечети.

К с. 165

* Кишвер — страна, область.

К с. 166

* Кирман — город и область на юго-востоке Ирана.

К с. 168

* В Индии сутки делятся на восемь пахр, т. е. страж; первая стража ночи с 18 до 21 часа.

К с. 171

* Бахрам Гур — сын сасанидского царя Йездигерда I, герой поэмы Фирдоуси «Шах-наме» и поэмы Низами «Семь красавиц».

** Парвиз — двадцать третий царь из персидской династии Сасанидов, правил с 590 по 628 г. н. э.

К с. 173

* Бану Тамим — арабское племя, занимавшее большую часть востока Аравийского полуострова; прославились знаменитыми поэтами.

К с. 176

* Платон — великий философ античной древности, родился, вероятно, в 427 г. до н. э. в Афинах и умер там же в 347 г.; разумеется, в Индии никогда не был.

К с. 177

* Тавриз (совр. Тебриз) — город в Иране; в средние века — крупный центр художественного ремесла и живописи (миниатюры).

К с. 178

* Букв.: «сын тайны».

К с. 181

* В Коране нашла отражение древневавилонская легенда о семи небесах (небесных сферах), по которым движется солнце (четвертая сфера), луна и планеты (ср. выражение «быть на седьмом небе»).

К с. 182

* Хаджиб — прислужник, приближенный.

К с. 185

* Серендиб — остров Цейлон.

** Халладж — очень популярный на мусульманском Востоке мистик-еретик, почитаемый многими как подвижник.

К с. 187

* Иаков Ханаанский — библейский персонаж, сын Исаака и Ревекки, отец неоднократно упоминающегося в «Тути-наме» Иосифа; предание приписывает ему большую ученость, общение с ангелами и сочинение писаний и молитв.

К с. 188

* Земзем — священный колодец в Мекке.

К с. 189

* Меркурий — бог торговли и покровитель купцов у древних римлян; изображался с жезлом, обвитым змеями (кадуцеем); в данном случае под его пером, вероятно, подразумевается кадуцей.

К с. 195

* Ибрахим ибн Адхам (ум. между 776 и 783 гг.) — знаменитый мусульманский праведник и аскет родом из Балха; по суфийской легенде, несомненно связанной с жизнеописанием Будды, был правителем Балха. Однажды во время охоты он услышал обращенные к нему слова: «Ты сотворен не для того, чтобы гонять зайцев и лисиц». После этого он облачился во власяницу и отказался от мирских благ.

** Нишапур — город в Хорасане; в средние века — один из богатейших городов Ирана.

К с. 198

* См. примеч. к с. 115.

К с. 200

* Мавераннахр, букв.: «то, что лежит по ту сторону реки» — так арабы называли завоеванные ими земли к северу от Амударьи.

К с. 202

* Чоуган — клюшка для игры в конное поло.

К с. 205

* Имеется в виду кораническое повествование (суры 17, 103—105 и 26, 52—68) о гибели фараона в море во время преследования евреев.

К с. 208

* Гив — мифический богатырь, один из героев «Шахнаме» Фирдоуси.

** Ребаб — см. примеч. к с. 59.

*** Гуль — см. примеч. к с. 58.

К с. 209

* Омар ибн Абд ал-Азиз — восьмой халиф династии Омейядов, правил в Дамаске в 717—720 гг. и был известен набожностью и святостью.

** Суфий — последователь суфизма, мистического течения в исламе, приверженцы которого не довольствуются внешней стороной религии, а стремятся к мистическому единению с богом.

К с. 212

* Волчьим хвостом (дум-и гург) персы называют начало утренних сумерек. — *Примеч. пер.*

** Читатель, вероятно, заметил, что сравнения для солнца и месяца Нахшаби всегда берет из данного рассказа. В этом же рассказе образ этот выбран только по созвучию — Нил и «нили» (по-персидски значит «синий»). — *Примеч. пер.*

*** Тур (или гора Моисея) — гора Синай, на которую, по преданию, пророк Моисей поднимался для бесед с богом.

К с. 217

* Утарид — планета Меркурий.

**** Хуршид — Солнце.**

***** Кайван — Сатурн.**

К с. 219

* См. примеч. к с. 115.

К с. 223

* Нимрод — библейский персонаж, основатель Вавилонского царства; был проклят богом за попытку выстроить вавилонскую башню. Этот легендарный образ, вероятно, восходит к вавилонскому национальному герою-солнцу Гильгамешу. В Коране связывается с Авраамом.

К с. 224

* См. примеч. к с. 27.

К с. 225

* История любви султана Махмуда Газневида к рабу Айазу — один из излюбленных мотивов персидской литературы.

К с. 229

* См. примеч. к с. 156.

К с. 234

* Намек на предание об ангелах, якобы посланных богом в Вавилон, где оба влюбились в земную женщину Зухру, за что были ввергнуты в колодезь, откуда учили людей чарам. Зухра была вознесена на небо и стала планетой Венерой.

К с. 238

* См. примеч. к с. 66.

К с. 239

* Лукман — мифический мудрец, которому приписывается сборник басен и много изречений.

**** Билькис — царица Савская.**

***** Мариам — дева Мария, богоматерь.**

К с. 241

* Рустам — богатырь, герой поэмы Фирдоуси «Шах-наме».

К с. 243

* Кыбла — сторона, куда мусульмане обращаются лицом во время молитвы; Коран установил кыблой Каабу (см. примеч. к с. 34).

К с. 245

* Сеистан (Систан, Седжестан) — пограничная область между Ираном и Афганистаном.

**** В этой строке заключен намек на трагическое для Ирана историческое событие. В 331 г. до н. э. войско персидского царя Дария III было разбито в битве при Гавгамелах Александром**

Македонским. Дарий бежал и был убит своим сатрапом. Династия Ахеменидов рухнула, и Александр завладел Персией (ему посвящена двухтомная поэма Низами «Искандар-наме»).

К с. 249

* Зеленый цвет особо почитался мусульманами-шиитами, приверженцами Али (см. примеч. к с. 265).

К с. 250

* Каф — легендарная гора, с которой якобы связана проходящая по всей земле единая горная цепь; легенда эта, вероятно, пришла в ислам из персидской сказочной космографии.

** Туба (или Сидра) — по мусульманским представлениям, древо жизни и познания в раю.

К с. 254

* Фагфур — здесь употреблено как имя собственное; вообще же это титул, которым в мусульманской литературе называли китайских императоров; есть предположение, что это искажение древнеиранского «бага-путра» — «сын бога».

** См. примеч. к с. 58.

К с. 257

* См. примеч. к с. 182.

К с. 260

* См. примеч. к с. 156.

К с. 261

* Каруп — библейский персонаж, родственник Моисея, очень богатый человек. За скупость был поглощен землей; неоднократно упоминается в Библии и Коране.

К с. 263

* Термез — город в Средней Азии, на правом берегу Амударьи, близ современной границы СССР с Афганистаном.

** Зайд и Амр — распространенные на Востоке арабские имена, которые употребляют в разговоре, как мы «Иван» и «Петр».

К с. 265

* Али ибн Абу Талиб — четвертый из «праведных» халифов. Правил с 656 по 661 г. Мусульмане-шииты объявили его своим первым имамом.

К с. 267

* Балх — древняя Бактра, город на севере современного Афганистана.

К с. 270

* Т. е. «каков привет, таков и ответ». Обычная формула приветствия у мусульман — «салам алайка» («мир с тобой»), в ответ на это говорят: «ва алайка салам» («и с тобой да будет мир»).

** Рамазан — месяц мусульманского лунного календаря, когда верующие не должны есть и пить от восхода до захода солнца; ночью пить и есть разрешается.

*** Три черты на лбу брахмана символизируют число морщин на лбу Шивы.

К с. 273

* См. примеч. к с. 168.

** Видимо, царь, по распространенному на Востоке обычаю, спал на плоской крыше своего дворца.

К с. 275

* Шабдиз — конь Хосрова II Парвиза, сасанидского шаха Ирана.

К с. 276

* Сравнение это вызвано главным образом созвучием: «руд» по-персидски — и «река» и «песня». — *Примеч. пер.*

К с. 277

* Барбут — струнный смычковый музыкальный инструмент.

К с. 282

* Хорезм — древнее название Хивы.

К с. 284

* Уджаййини (совр. Уджайн) — резиденция царя Ашоки (III в. до н. э.) на западе Индии.

К с. 285

* Букв.: «город пучины».

** Рама — герой индийского героического эпоса «Рамаяна».

К с. 287

* Фарсах — мера длины, приблизительно равная 6 км.

** См. примеч. к с. 108.

К с. 288

* Чоуган — см. примеч. к с. 202.

К с. 297

* Хашимиты ведут свое происхождение от Хашима — прадеда пророка Мухаммада; пользовались рядом привилегий.

К с. 298

* «Честь» по-персидски «аб-ру», букв. «вода лица», но иногда говорят только «аб» — «вода». На этом в данном случае построена игра слов: «Как могу я есть хлеб без воды (чести)». — *Примеч. пер.*

** Басра — крупный порт на реке Шатт эль Араб; в VIII — IX вв. — один из важнейших торговых и культурных центров Арабского халифата.

К с. 304

* Вено — в древности плата за венок, как символ девственности; позднее — выкуп за невесту.

К с. 309

* Имам — духовный наставник у мусульман; председатель, руководящий богослужением в мечети; здесь — ученый-богослов.

** Шариат — свод религиозных и правовых норм мусульман; значительное место в нем отведено брачному и семейному праву.

К с. 312

* Здесь непереводаемая игра слов: старуха по-персидски «заль», а отца богатыря Рустама также звали Заль.

К с. 313

* Андерун (букв.: «нутро») — так называется женская половина дома, куда не имеет права войти посторонний мужчина.

К с. 315

* В древнем Иране Бахрам — гений победы, этим же именем персы называли планету Марс; своей силой, ловкостью и отвагой был знаменит и персидский царь Бахрам V Гур (430—438), один из героев «Шах-наме».

К с. 317

* Легендарная птица, вселяющая в людей ужас одним своим видом; живет она тысячу семьсот лет, и каждое ее крыло достигает в длину тысячи сажений. Схватив в когти свою жертву, она взмывает высоко в воздух и оттуда бросает ее вниз.

К с. 318

* Намаз — по-персидски «молитва»; в исламе — ежедневная пятикратная молитва (совершается на рассвете, в полдень, во второй половине дня, при закате солнца и в начале ночи), сопровождаемая омовениями.

К с. 319

* См. примеч. к с. 121.

К с. 323

* См. примеч. к с. 34.

К с. 326

* См. примеч. к с. 99.

К с. 330

* Калам — особым образом заточенная тростниковая палочка, которой до недавнего времени писали на мусульманском Востоке.

К с. 331

* Хиджра — бегство пророка Мухаммада из Мекки в Медину, принятое за начало летосчисления у мусульман. Первый месяц мусульманского лунного года соответствует 16 июля 622 г. 730-й год хиджры соответствует 1330-му году нашего календаря.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Е. Бертельс. Предисловие	3
---------------------------------------	---

КНИГА ПОПУГАЯ

Вступление	17
Рассказ о Маймуне и Худжасте и о том, как попугай рассказывал сказку о попугае купца и жене его. <i>Ночь первая</i>	21
Рассказ о царе Табаристана и телохранителе и о том, как телохранитель пожертвовал своего сына призраку жизни царя. <i>Ночь вторая</i>	30
Рассказ о золотых дел мастере и столяре, о том, как они унесли золотых идолов, как золотых дел мастер украсил их и какую хитрость придумал столяр. <i>Ночь третья</i>	36
Рассказ о воине, добродетельной жене, о том, как она дала мужу букет, как букет остался свежим, а сын эмира был посрамлен. <i>Ночь четвертая</i>	43
Рассказ о царе Камру, о том, как попугай лечил его и как лечение не было доведено до конца. <i>Ночь пятая</i>	51
Рассказ об отшельнике, столяре, золотых дел мастере и портном, о том, как они влюбились в деревянное изображение и искали правосудия у дерева. <i>Ночь шестая</i>	57
Рассказ о царе царей, о влюбленном старце и о том, как царь хотел пожертвовать своей жизнью ради дровиша, влюбленного в дочь царя джиннов. <i>Ночь седьмая</i>	63
Рассказ о царевиче, семи визирях и несчастье, постигшем царевича из-за девушки. <i>Ночь восьмая</i>	69
Рассказ первого визиря	74
Рассказ второго визиря	76
Рассказ третьего визиря	77
Рассказ четвертого визиря	79
Рассказ пятого визиря	80
Рассказ шестого визиря	82

Рассказ о сыне завульского эмира, о том, как он купил доброе предзнаменование, как спас лягушку от змеи и как лягушка и змея доказали свою преданность. <i>Ночь девятая</i>	84
Рассказ о сыне визиря, купце, монахе и женах их и о том, как говорил деревянный попугай. <i>Ночь десятая</i>	91
Рассказ о метельщике, добывавшем из котла масло и из пыли золото, о том, как он нашел ценную жемчужину, как ее украли его спутники и вернула дочь Бходжа-раджи. <i>Ночь одиннадцатая</i>	97
Рассказ о купце и жене по имени Шахр-арай и о том, как она из страха перед мужем заговорила в присутствии своего возлюбленного. <i>Ночь двенадцатая</i>	104
Рассказ о павлине царя, о том, как на жену брахмана донесла ее названная сестра и какую хитрость придумала жена брахмана. <i>Ночь тринадцатая</i>	109
Рассказ о дочери отшельника и трех мужьях ее, о том, как она была зарыта в могилу, как мужья извлекли ее и она снова ожила. <i>Ночь четырнадцатая</i>	114
Рассказ о подложном муже, непорочности жены купца Мансура и о позоре, постигшем подложного мужа. <i>Ночь пятнадцатая</i>	119
Рассказ о царе Сирии, о том, как он выпустил на волю попугая и как тот принес ему от источника мрака плод жизни. <i>Ночь шестнадцатая</i>	125
Рассказ о пиршестве царя, о том, как в гости пришло само море и принесло дары, а царь отдал их брахману. <i>Ночь семнадцатая</i>	131
Рассказ о собрании семидесяти ученых и о том, как они изучали природные свойства царевича посредством музыки. <i>Ночь восемнадцатая</i>	139
Рассказ о происхождении музыки, свойствах музыкальных инструментов и о том, как они были изобретены. <i>Ночь девятнадцатая</i>	144
Рассказ о льве и кошке, о том, как котенок убил мышей и потом сожалел об этом. <i>Ночь двадцатая</i>	149
Рассказ о безобразии царевича Бенареса и о красоте его жены и о том, как она влюбилась в юношу. <i>Ночь двадцать первая</i>	154
Рассказ о льве, четырех визирях и брахмане, которого два визиря расхвалили, а два других разбранили. <i>Ночь двадцать вторая</i>	160
Рассказ о жене эмира, о том, как она увидела нарцисс, как смеялась жареная птица и улыбался сотрапезник. <i>Ночь двадцать третья</i>	165
Рассказ о Башире, о том, как он влюбился в Джанду, как был избит бедуин и как достиг своей цели с помощью сестры Джанды. <i>Ночь двадцать четвертая</i>	171

Рассказ о Камджуй и о том, как смеялись рыбы, о проничательности мальчика, у которого не было отца, и о человеческом черепе. <i>Ночь двадцать пятая</i>	176
Рассказ о царе Джамасе и Масуме и о разговорах попугая и шарак о достоинствах и недостатках женщин и мужчин. <i>Ночь двадцать шестая</i>	181
Рассказ об эмире лягушек Шапуре, о его победе над врагами, мести змеи, раскаянии Шапура и его разлуке с родными. <i>Ночь двадцать седьмая</i>	187
Рассказ о ткаче Зарире, о том, как он отправился зарабатывать деньги, возвратился и выслушал повесть о шакале, <i>Ночь двадцать восьмая</i>	192
Рассказ о гончаре, о том, как раскрылось его происхождение и как царь все же не лишил его своего покровительства. <i>Ночь двадцать девятая</i>	197
Рассказ о льве, рыси и обезьяне и о том, благодаря каким хитростям и уловкам рысь спаслась от льва. <i>Ночь тридцатая</i>	202
Рассказ о женщине и детях ее, о том, как на нее напал тигр и как она спасла себя и детей от него. <i>Ночь тридцать первая</i>	207
Рассказ о синем шакале, о том, как он стал царем зверей и живогных и как его постигла неудача. <i>Ночь тридцать вторая</i>	212
Рассказ о Хуршид, жене Утарида, и трех юношах. <i>Ночь тридцать третья</i>	216
Рассказ о царе и трех визирях, об одном сыне и двух дочерях двоих из них. <i>Ночь тридцать четвертая</i>	223
Рассказ о купеческой дочери и трех женихах ее и о том, как пери похитила девушку и как она вновь была возвращена женихам. <i>Ночь тридцать пятая</i>	228
Рассказ о любви брахмана и вавилонской царевны и о том, как они достигли своей цели благодаря стараниям кудесника. <i>Ночь тридцать шестая</i>	234
Рассказ о завульском царевиче, дочери купца и правителе города и о том, как царь и визирь влюбились. <i>Ночь тридцать седьмая</i>	239
Рассказ о сыне сеистанского эмира, о белом слоне, черной змее и о том, как служил ей сын эмира. <i>Ночь тридцать восьмая</i>	244
Рассказ о корошке, дятле, лягушке, слоне и пчеле и о том, как королек отомстил слону с помощью своих товарищей. <i>Ночь тридцать девятая</i>	249
Рассказ о китайском царе, о том, как визирь написал портрет и как царица согласилась выйти замуж за царя. <i>Ночь сороковая</i>	253
Рассказ о том, как осел пел, а торговец хворостом танцевал. <i>Ночь сорок первая</i>	258

Рассказ о купеческом сыне из Термеза, о том, как он увлекся своей женой и забросил торговлю, как давали ему советы попугай и шарак и как он снова вернулся к своему занятию. <i>Ночь сорок вторая</i>	262
Рассказ о змее, жене змеи и о том, как царь мечом отрубил ей хвост. <i>Ночь сорок третья</i>	270
Рассказ об индийском царе, у которого был один сын и одна дочь, и о том, как дети собирались убить отца. <i>Ночь сорок четвертая</i>	275
Рассказ об эмире и змее, о неблагодарности змеи и гибели ее. <i>Ночь сорок пятая</i>	280
Рассказ о том, как Худжасте видела сон и как попугай истолковал его, а также история царя Уджаййини. <i>Ночь сорок шестая</i>	284
Рассказ о том, как четыре верных друга пошли к ученому, как ученый дал им четыре волшебных камешка, как трое добыли клад, а четвертый ничего не получил. <i>Ночь сорок седьмая</i>	293
Рассказ о багдадском юноше, о том, как он влюбился в рабыню, игравшую на лютне, затем продал ее юноше-хашимиту, раскаялся в этом и под конец все же достиг своей цели. <i>Ночь сорок восьмая</i>	297
Рассказ о царе и трех братьях	303
Рассказ о царе, не ведавшем горя, о том, как он посылал сватов к дочери кесаря и как вспыхнула война. <i>Ночь пятидесятая</i>	308
Рассказ о царе Бахраме и двух визирях его, Хассе и Хулассе, и о том, как дочь Хассе добилась справедливости. <i>Ночь пятьдесят первая</i>	315
Рассказ о семицветной птице и жене отшельника, как ради любовника была зарезана семицветная птица, как вернулся отшельник и жена его была посрамлена. <i>Ночь пятьдесят вторая</i>	321
Заключение	329
Примечания	332

Зийа ад-Дин Нахшаби

КНИГА ПОПУГАЯ
(ТУТИ-НАМЕ)

Редактор *И. Л. Елевич*

Младший редактор *Р. М. Аветисова*

Художник *А. Т. Яковлев*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *М. В. Погоскина*

Корректор *Л. И. Романова*

ИБ № 13337

Сдано в набор 23/XI-1977 г. Подписано к печати 10/V-1978 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2.
Печ. л. 11. Усл. п. л. 18,48. Уч.-изд. л. 18,57.
Тираж 90 000 экз. Изд. № 4198. Зак. № 2307.
Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1
Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

Зийа ад-Дин Нахшаби.

НЗ4 Книга попугая (Тути-наме). Пер. с персидского Е. Э. Бертельса. Подготовка к изданию, предисл. и примеч. Д. Е. Бертельса. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

348 с.

«Книга попугая» принадлежит к весьма популярному в странах средневекового мусульманского Востока жанру произведений о женской хитрости и коварстве.

Перевод выполнен в 20-х годах видным советским востоковедом Е. Э. Бертельсом. Издание снабжено предисловием и примечаниями.

Рассчитано на широкий круг взрослых читателей.

Н 70304-019
013(02)-79 — 182-78. 4703000000

И(Перс)

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Австралийская литература. Сб. статей.
10 л.

Долин А. А. Японский романтизм и
становление новой поэзии. 16 л.

Кареева А. И. Обретение художествен-
ности (Великая Отечественная война в
младописьменной литературе). 12 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МА-
ГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА»,
А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА, МИЧУРИН-
СКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА —
ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Лисевич И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков. 20 л.

Петруничева З. Н. Современные прозаики телугу (20—50-е годы). 17 л.

Пригарина Н. И. Поэтика творчества Мухаммада Икбала (очерки). 14 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»,





~~Въ~~Звѣдѣніи о бѣдѣ и о попузѣ
Душѣ и о бѣдѣ и о попузѣ